

Алексей Селютин

Двенадцатый

Книга третья

Аниран расправляет плечи

Наконец-то я достиг столицы. Это был долгий и опасный путь. Но я совсем не ожидал встретить того, кого встретил. Под маской уважаемого мудреца скрывался очередной аниран. Он тщательно оберегал инкогнито и не спешил выбираться из тени на свет дня.

Теперь мне предстоит погрузиться в придворную жизнь. Понять мотивы неожиданного анирана, предстать перед местным монархом и познакомиться с паразитами, сосущими кровь из тела умирающего государства.

Но, конечно же, не они моя главная цель. Я пришёл в столицу ради Книги. Я пришёл, желая получить ответы на фундаментальные вопросы. И я обязательно доберусь до неё. Даже... Даже если кто-то решит мне помешать.

Часть 4. Глава 1. Знакомство с королевской четой

Долго простоять в пустом зале, пребывая в состоянии шока, не получилось. Некоторое время я хлопал ртом, как выброшенная на берег рыба. Не мигая смотрел на седовласого хитреца и не мог выдавить даже пару матерных слов. Слов, которые этот совсем не магистр Анумор, а какой-то Игорь Александрович Гуляев, по-любому поймёт. Ещё бы не понять рвущиеся наружу русские маты человеку с таким-то именем и с такой-то фамилией.

Но всё же мне не удалось взять себя в руки достаточно быстро, чтобы поприветствовать неожиданного лже-магистра по-настоящему. Слева от меня что-то зашуршало. Я резко обернулся и заметил, как гладкая мраморная стена отъезжает в сторону. Она ещё не успела исчезнуть в скрытой нише, а в появившемся проходе уже стоял невысокий упитанный мужчина возрастом слегка за пятьдесят. Мужчина не стал дожидаться, когда проход освободится полностью, недовольно что-то пробурчал себе под нос и начал протискиваться бочком. Он не обратил внимание ни на меня, ни на магистра Анумора и торопливо зашагал в сторону трона, широко размахивая руками и волоча по полу мантию.

В своей прежней жизни я ни раз видел разных президентов на экране телевизора. Видел президентов футбольных ассоциаций, президентов футбольных клубов, президентов стран мира. Видел старые портреты известных диктаторов, ненавистных тиранов и даже монархов исчезнувших империй. Но никого из них я не видел в живую. Все они для меня казались небожителями — теми, кто жил или живёт на другой планете, кто совсем не похож на простых людей. Сейчас же я смотрел на этого мужчину, недоуменно хмурил брови, и совсем не замечал в нём "непохожести" на обычных людей.

Окромя, конечно, склонившейся набок золотой короны.

Золотистая мантия, подбитая серебристым мехом пушного животного, висела на мужчине мешком. Но она не могла скрыть округлого пузика, выпиравшего словно воздушный шар, который вот-вот лопнет. Шикарная золотая корона на каштановых волосах с проседью, казалось, тяготила мужчину. Она склонилась набок, упёрлась в ухо с правой стороны, смешно оттопырив его, и выглядела на голове нелепо. Как нечто комическое. Но мужчину, судя по всему, это совершенно не беспокоило. Он казался невысоким — наверное, из-за лишнего веса, — но был весьма подвижным; не глядя по сторонам, не обращая внимание ни на что, он быстро проследовал к большому трону, несколько раз провёл ладонью по сидалищу, будто счищал застарелую пыль, повернулся к нам, лихо вскинул мантию и приземлился, успев продемонстрировать толстые ляжки в обтягивающих штанах.

Не успел я разочарованно хмыкнуть, как из тайного прохода начали трусцой выбегать крепкие воины, экипированные в знакомые пластинчатые доспехи. Потрясая металлом, десяток гессеров быстро выстроился сзади и по бокам от трона. Они по-киношному расставили ноги на ширину плеч, дружно вытащили мечи из ножен и, воскликнув что-то воинственное, синхронно вонзили эти мечи в пол прямо между ног. Выглядело впечатляюще. Но это был ещё не конец официального представления.

Последней из открывшегося прохода вышла невзрачная женщина неопределённого возраста. Хотя, наверное, всё же определённого: лицо не первой свежести намекало, что женщине хорошо так за сорок. И это несмотря на то, что выглядела она как божий одуванчик. Худая и измождённая, с рыжими растрёпанными волосами на голове, с покорной улыбкой на лице. Хоть она буравила взглядом пол и торопливо шла к своему месту, сложив

руки и сжав костлявыми пальчиками локти, я успел заметить тёмные круги под глазами. Некрасивые тёмные круги, которые появляются на лице от продолжительной бессонницы. Но куда отталкивающе смотрелась костлявая грудь без малейших признаков каких-либо выпуклостей. Женщина была одета в плотное золотистое платье с привкусом средневековья. Открытое платье, которое должно было подчёркивать бюст. Но поскольку бюстом там не пахло, платье смотрелось верхом нелепицы. Оно демонстрировало то, что, по моему пониманию, должно было тщательно скрываться. Или, по крайней мере, осторожно демонстрироваться, если в обе стороны подложить, как минимум, по килограмму ваты.

Даже не взглянув в нашу сторону, женщина прошла мимо гессеров и короля, села на соседний трон и поправила небольшую корону на голове. Настолько небольшую, что я, при первом взгляде на растрёпанные рыжие волосы, её вообще не заметил.

Не знаю, насколько кислая мина была на моём лице, но внешне ни дражайший монарх, ни его супруга меня абсолютно не впечатлили. Вообще никак. И его, и её я представлял совсем другими, ориентируясь на рассказы Каталама и Фелимида. Этот трёхподбородковый жирный боров и ходячий скелет, отдалённо напоминавший женщину, не только контрастировали на фоне друг друга, но и выглядели просто абсурдно.

Король поёрзал задницей на троне.

— Кто это рядом с тобой, Анумор? — вопросительно изогнул он одну бровь. — Неужто тот самый аниран, что должен был пожаловать? — он облокотился на подлокотник, положил толстую щеку на пухлую ладошку и разочарованно скривился. — Как-то не впечатляет. Совсем не такой, как Белый Великан. Ты уверен, что это он? Грязный какой-то. Худой и волосатый. Может, это обычный пройдоха из простолюдинов?

Хоть боров говорил с плохо скрываемым отвращением, говорил он глубоким голосом. Такой голос, несомненно, мог отдавать приказы, без всяких проблем перекрикивая несогласных. Я бы сказал, он говорил сильным голосом. Хоть внешне король меня совершенно не впечатлил, как, впрочем, и я его, его голос мне пришёлся по душе. Он мог бы неплохо зарабатывать в моём мире, работая актёром дубляжа.

— Ваше Величество, — магистр Анумор поклонился и зыркнул на меня, как бы намекая, что я должен проделать тоже самое. Но я даже не подумал сгибаться. — Разрешите мне, как требует того этикет, представить вас анирану, — слегка недовольным голосом продолжил он.

— Позволяю, — махнул ручкой монарх.

— Аниран Иван, — магистр указал в сторону заёрзавшего на стуле жиртреса. — Перед собой ты имеешь счастливую и недоступную многим возможность лицезреть великого короля Астризии — Анфудана Третьего. Его обширные владения окружены четырьмя океанами. Они простираются на многие лиги с запада на восток, с севера на юг. Нет более достойного правителя в этом мире, кто был бы столь щедр, столь справедлив, столь любим поданными. И так будет до тех пор, пока верховный создатель мира не заберёт Его Величество в ряды своей армии, где он займёт самое почётное место — станет по правую руку. Узри же короля и в почтении склонись перед ним.

Магистр закончил пафосно вещать и выжидательно посмотрел на меня. И хоть я прекрасно помнил, насколько важно показать себя с лучшей стороны, насколько важно заручиться поддержкой, кланяться монарху не стал. В основном, признаюсь, по причине того, каким взглядом смотрел на меня этот монарх. Как патриций на плебея, как домохозяйка на паутину, как уставший и голодный муж на прокисший холодный борщ.

— Иван, — одними губами прошептал магистр и сделал круглые глаза. Эти глаза выглядели весьма красноречивыми, а потому пришлось, наконец, отбросить все сомнения и ответную брезгливость.

— Ваше Величество, — я подмёл рукой пол. — Рад встречи с Вами. О Вас я слышал очень много от достойных людей и рад, наконец, познакомиться...

— Какой дивный говор, — в очередной раз я услышал эти слова. — Ты действительно посланник небес? Или шарлатан? Выглядишь неприятно. Ты небрит, от тебя плохо пахнет. И хилый какой-то. Ты и меча-то в руках не удержишь.

— Возможно, он силён в чём-то другом... — поспешил на выручку магистр.

Но король лишь небрежно отмахнулся.

— Надувательство это всё, вот что я тебе скажу, Аномор. Видел портрет Белого Великана? Глыба! Настоящий аниран... А это что? — он указал на меня рукой и скривился. — Что, я тебя спрашиваю? Кто это такой, имеющий наглость стоять передо мной на двух ногах? Разве это один из небесных посланников? Его, наверное, ко мне подослал мерзавец Хатемаж, чтобы поиздеваться. Явно его рук дело.

Я мало что понял, конечно, но недовольство короля было заметно невооружённым глазом.

— Не стоит делать скоропалительных выводов, супруг мой, — вступило в разговор загадочно улыбающееся рыжеволосое подобие женщины. Но, надо признать, её голос тоже звучал красиво — звучал чарующе. Внешностью она не блистала, но говорила мелодично, словно сирена, завлекающая моряков. — Первый взгляд часто обманчив. Всегда надо пристально посмотреть второй раз, ведь только так можно рассмотреть то, что не рассмотрел изначально.

— Ой, оставь, Исида, — боров опять поёрзал жирной задницей. — Меня не проведёшь. Я всегда вижу фальшь... Эй, ты... э-э-эм... как там тебя? Кто тебя прислал ко мне? Его обыскали вообще? Не держит ли он за спиной отточенный клинок? Или у него есть ядовитый дротик?

С меня было достаточно. Неприветливая встреча очень быстро начала меня раздражать. Хоть я знал, что мне нужно быть кротким, как ягнёнок, ничего не смог с собой поделаться. Не люблю, когда на меня смотрят, как на кусок вонючей коричневой субстанции.

— Мне не нужен клинок, Ваше Величество, — спокойно ответил я. — Зачем он мне? Он неэффективен. Если бы я хотел дотянуться до Вас, я бы запросто это сделал. Ведь у меня есть оружие, куда более действенное.

Аккурат к последнему слову я активировал все метки. Зло сжал кулаки и продемонстрировал свою уникальность.

К моему великому удивлению, больше всех испугался лже-магистр. Увидев щит, увидев клинки, увидев разматывающуюся энергетическую нить, он утратил возможность стоять на ногах и рухнул на задницу, едва не запутавшись в складках просторных одежд. Выпучил глаза и испуганно смотрел на меня.

Король тоже удивился. Он аж подпрыгнул на троне. Натурально подпрыгнул и забрался с ногами на трон. Испуганно воскликнул и прочертил перед собой знак в виде восьмёрки.

Его невзрачная худая жёнушка прижала ладошки к отсутствующей груди, продолжая глупо улыбаться. Она смотрела на меня, смотрела на яркий огонёк на кончике иглы и улыбалась. Улыбалась покорно. Можно даже сказать — смиренно.

И лишь гессеры не оценили мой неожиданный поступок.

— Защищать короля! — воскликнули они. Воскликнули одновременно. Затем воздели над головой мечи и ринулись в атаку.

— Стоп! Стоп! Стоп! — возопил дражайший монарх, всё ещё сидя с ногами на троне и размахивая руками. — Остановитесь! Куда полезли!? Не видите, остолопы, кто перед вами!? Это же аниран! Я сразу знал! Я сразу понял, что это он!

Сие заявление меня рассмешило. Даже разогнало лёгкую злость и негодование от неприветливой встречи. А король, оказывается, тот ещё шутник.

Он сполз с трона и оправил мантию. Затем коряво замахнулся кулаком на гессеров, заставив их вновь занять места за тронном.

— Анумор, ты чего валяешься? Что, страшно, да? — захихикал король, указывая пальцем на сидящее на полу седобородое тело. — Тебя я точно к себе в охрану никогда не возьму. Не потому, что ты старый. А потому, что трус. Видишь, я, вот, стою. Стою без страха рядом с самим анираном, — он бочком приблизился ко мне и как-то весь сжался, словно опасался получить смачный подзатыльник или пинок под зад. — Не каждый бы осмелился на такое. Только такой опытный полководец, как я... Здравствуй, аниран. Приветствую тебя в Обертоне — в столице государства Астризия, коим я успешно управляю.

Комичное поведение монарха сыграло ему плохую службу — в моих глазах он падал всё ниже и ниже. Падал в самую бездну, на самое дно дна. От того образа, что когда-то быстро нарисовал Фелимид, не осталось ни следа. В этом жирном недалёком болване не было ни капли того, о чём когда-то рассказывал королевский дознаватель. Ни капли величия, ни капли ума.

Но всё же я ни на секунду не забывал для чего я здесь.

— Здравствуйте, Ваше Величество, — я деактивировал оружие и склонился в подобострастном поклоне. Более низком, чем ранее. — Я действительно аниран. Я действительно пришёл к вам из другого мира. Вы не смотрите на то, как я выгляжу — долгий и опасный путь из Равенфира, "покаянники" и неожиданная болезнь истощили меня. Я устал и голоден. Но я всё такой же решительный, каким был всегда. Я всё так же настроен помочь вашему миру излечиться от кары, которую ниспослал Триединый Бог.

— Эти мерзавцы! — король натурально так топнул ножкой. — Совсем отбились от рук. Совсем страха лишились.

— Вы правы, Ваше Величество, — лже-магистр, наконец, оклемался и поднялся на ноги. — После того как я вернулся из Равенфира, стали приходить вести, что где-то в лесах близ Обертонна "покаянники" соорудили лагерь и ни в чём не испытывают нужды. Что им кто-то помогает. Нам надо было разобраться с ними ещё до...

— Отстань, Анумор, — скривившись, отмахнулся король. — Где я тебе войско возьму, чтобы изгнать их? Нету никого. Едва хватает, чтобы поддерживать порядок в городе... А ещё этот проклятый Хатемаж... Или ты, может быть, — король подозрительно уставился на Гуляева. — Моих гессеров хочешь заставить по лесам шастать? Они не следопыты, они не для этого обучались. Они должны меня охранять.

— Ваше Величество, нам стоит, как я уже Вам советовал, объявить новый набор в армию. И, если нужно, даже ввести всеобщую воинскую повинность.

— А кормить я их чем буду? — фыркнул король. — А платить? Где я золото возьму, если Эвенет отказывается его присылать? Он готов платить лишь за... — король осёкся. — Ты знаешь, за что он готов платить. А налоги выплачивать отказывается, мерзавец. Так что, Анумор, занимайся-ка ты — как ты говоришь? — наукой. А военное ремесло и

государственное управление оставь тем, кто в них хорошо разбирается — оставь мне.

Крохи непонятной, но весьма интересной информации посыпались на меня, словно конфетти. В своей голове я уже открыл тетрадку и тщательно конспектировал. Внёс туда несколько новых имён и отметил, что армия Астризии находится в плачевном состоянии. Что неудивительно при таком-то главнокомандующем.

— Разве "покаянники" бесконтрольны? — осторожно попытался я влезть в разговор. — Разве они не под контролем вашей церкви?

Король нахмурился и замахал на меня руками:

— Что ты, что ты, аниран! Не говори так! Накличешь ещё беду. Не обвиняй огульно тех, кто милостив к нам и помогает справляться с суровыми испытаниями. Те мерзавцы сами по себе. Разбойники, понимаешь. Грабители! Всё их не устраивает, всё им не по нраву. И никто не может найти на них управу... У-у-ух! Я, оказывается, ещё и в рифу умею!

В это раз я нахмурился: король раздражал меня всё сильнее и сильнее. Он всё больше казался мне бесполезным, неспособным обеспечить то, за чем я сюда прибыл.

— Ладно, с сотней из них мы разобрались. Уже легче.

— Вот и молодцы, — торопливо закивал головой король. — Мой любимчик — Бертрам — уже сообщил об этом. Я его даже похвалил. Велю премировать, наверное... Но потом, попозже.

— Аниран, — перебив короля, раздался мелодичный голос. Королеве Исиде, видимо, надоело слушать несуразный бред. Об этом говорило её недовольное лицо, когда она бросила быстрый взгляд на своего мужа. — Извини, что встречаем тебя неподобающе. Ты устал, голоден и хочешь отдохнуть?

— Было бы неплохо, — со всей честностью признался я.

— Мой супруг, — очень вежливо обратилась она к королю. — Может, нам не стоит надолго задерживать посланника небес? Давай попросим его рассказать о себе и поведать свою историю. А затем предоставим ему достойные покои и отпустим отдыхать? Для более содержательного разговора ещё будет время.

— Да! — король даже не раздумывал. — Это хорошо. Сейчас выслушаем, а затем я отдам указание вельможам под вечер собраться в центральной зале. Устроим званый ужин. Я сам представлю анирана и заявлю, что отныне не только Кондуку есть чем похвастаться. Пусть послушают и посмотрят... Только, — добавил он затем, разглядывая меня с таким же неудовольствием, с каким разглядывал в первый раз. — Пусть анирана отмоют и приведут в благопристойный вид. Анумор сам же настаивал, что во дворце все должны следить за, — король свёл брови, словно тужился что-то вспомнить. — Ги-ги-еной. Чтобы болячкам всяким не дать возможности разойтись.

— Я распоряжусь, Ваше Величество, — слегка поклонился лже-магистр. — Вы, как всегда, зрите в корень. Понимаете, что важно, а что второстепенно.

Король удовлетворённо кивнул, приняв лёгкую лесть за само собой разумеющееся. Затем вернулся к трону и вновь уселся с видом хозяина положения.

— Ну-с, аниран, прошу тебя вкратце поведать свою историю. Перед сытным ужином я бы хотел узнать, как ты попал в наш мир. Как прижился. И какие увлекательные приключения с тобой случились по дороге в столицу.

— Да, аниран, — умоляюще сложила ладошки королева. — Просим.

Я обречённо посмотрел на эту совсем несладкую парочку и для себя окончательно решил, что таким балбесам не расскажу про Дейдру. Они не узнают, что бесплодие отдельно

взятой личности я уже победил. А затем, как только немного адаптируюсь, как только узнаю, что планировал узнать, сразу отправлюсь в Валензон на её поиски. Заручусь или не заручусь поддержкой монарха, отсюда я обязательно свалю.

Но рассказать тщательно отредактированную историю о мытарствах смелого и бесстрашного анирана, я, конечно же, смогу. И разукрашу её такими красками, что охренеют не только монаршие особы, но и этот хитрый старикан, что ранее рухнул на задницу при виде того оружия, что порождают мои метки. Тот хитрый старикан, который сам являясь анираном, как я понял, никому не торопится сообщать о своей "небесной ниспосланности". Который приспособился, забрался очень высоко, а теперь, видимо, при помощи лести и подхалимажа, живёт под крылом у глупого монарха и в ус не дует. Приспособленец чёртов...

— Великий король! Королева! — по очереди поклонился я каждому. — Перед тем, как открыть глаза в новом мире, я увидел яркий свет...

Часть 4. Глава 2. Первый аниран

Вместе с лже-магистром мы шли по мрачному каменному коридору. Он держал в правой руке факел, освещал путь и зубоскалил. Улыбался, видимо, раз за разом прокручивая в своей голове мой героический рассказ об аниране, выкорчёвывающем зло из умирающего мира. Я был довольно красноречив и ничуть не стеснялся, когда рассказывал даже то, чего никогда не было. Разукрашивая себя, я не скупился на яркие краски и откровенную ложь.

Но хоть я и переборщил, конечно, про схватку с работоторговцами и сражение с "покаянниками" не стал врать. Отчасти потому, что имелись свидетели. Отчасти потому, что мне действительно было чем гордиться. И там, и там я показал себя с лучшей стороны.

Мы быстро преодолели коридор. Анумор остановился у широкой двустворчатой двери, по бокам от которой молчаливыми истуканами замерли два стража.

— Уверен, такого ты ещё не видел, — лже-магистр и не думал прекращать улыбаться. Он подмигнул мне, вцепился в округлые ручки на дверях и потянул на себя.

Створки легко разошлись и были перехвачены стражами. Внутри, вместо очередной комнаты или роскошного банкетного зала, болталась большая деревянная коробка. Именно болталась, потому что я сразу заметил толстенный канат, который крепился к металлическому крюку на крыше коробки. Он держал её на весу, немного скрипел и покачивался. Покачивался вместе с коробкой, висевшей внутри просторной каменной башни.

— Ну как тебе? — с гордостью произнёс Анумор. — Знакомо? Моих рук дело.

Я осторожно заглянул в открытые двери и посмотрел вверх. Где-то там высоко канат был намотан на блок, закреплённый на металлической балке.

— Лифт? — наконец до меня дошло.

— Да, — кивнул Анумор. — Раньше это была простая башня с множеством ступеней. Но я подумал: зачем это всё? Можно же и по-другому. И вот, смотри, что вышло.

Я скептически осмотрел шатающийся деревянный пол.

— Не беспокойся, — он заметил мой взгляд. — Всё работает отлично. Раз в декаду канат меняют. Проверки на крепость почти каждый день. Работает на лошадиной тяге. Стоит только подать сигнал. Его Величество, после того, как я ему всё объяснил, катался от восхода до заката. Не мог нарадоваться. А затем захотел, чтобы его покои теперь находились на самой вершине башни. Оттуда он может видеть весь город и водную гладь. Оттуда действительно открывается прекрасный вид. Хоть наверх можно забраться и по ступенькам — пожарная безопасность всё-таки имеет место быть — Его Величество вообще перестал ходить пешком. Хочет, чтобы и в Университете, и в Башне Бдения лифты соорудили. Говорит, ни у кого такого нет. Даже в Храме Смирения — Чуде Астризии. Там всё по-старинке — ходят пешком по ступеням. А Храм, однако, намного выше самой высокой башни города... Ты же понимаешь, о чём я? Слышал про Храм? — спохватился он.

— Слышал, — буркнул я, в данный момент думая совершенно о другом. — Королю бы не мешало больше двигаться. Больше ходить по ступеням. А то он похож...

Анумор сделал быстрое движение, вскинув указательный палец, практически прикоснулся к моим губам и нахмурился. Затем обеспокоенно скосил взгляд на стражей, лиц которых не было видно из-за закрытых забрал.

— Идём в мои покои. Они на этаж ниже королевских. Там поговорим... Не бойся,

ступай смело, — он сделал широкий шаг и оказался на деревянном полу коробки. — Только ступай осторожно, хе-хе.

Преодолев сомнения, я переступил через широкую щель и сразу вцепился в поручень внутри самодельного лифта. Лифт зашатался и стукнулся о противоположную стенку. Качнулся слегка и вновь выровнялся. Молчаливые стражи закрыли двустворчатую дверь и только тогда Анумор дважды дёрнул за верёвку, свисающую с потолка.

Где-то внизу дважды ударил колокол.

— Это значит — доставить в мои покои, — объяснил он, когда лифт медленно пополз вверх. — Чтобы попасть в покои короля, надо дёрнуть трижды.

— До чего дошёл прогресс, — недовольно пробурчал я. Хотя лицо этого лже-магистра Гуляева не покидала улыбка, я не разделял его весёлости. И безразлично отнёсся к его хвастовству. Как по мне, лучше бы он синтезировал лекарство от бесплодия. — Ерунда какая-то! — не выдержал я. — Просто напрасная трата времени!

Мимо моих глаз плыла каменная стена, так как в этом лифту запирающие двери почему-то не предусмотрели. Я обернулся и посмотрел на нахмурившееся морщинистое лицо.

— Это что за долбаный цирк? Этот жирдяй — и есть король? Неудивительно, что его страна...

Гуляев приставил указательный палец к губам.

— Не здесь, — прошептал он. — Вообще ни слова худого про монарха, если не уверен, что за тобой никто не наблюдает. Он очень мнительный. Не выносит критики и внимателен к тому, что о нём говорят. Поговорим у меня.

Я послушался и замолчал. А вскоре мы достигли нужного этажа. Очередная дверь отворилась нараспашку, когда мои глаза оказались на уровне пола. Там нас подждал склонившийся в поклоне мужчина с пышными чёрными усами и очередные два безликих истукана в пластинчатых доспехах.

— Твой внешний вид говорит о том, что ты долго жил в нужде, жил впроголодь, — отметил очевидное Гуляев. И в этот раз на его лице улыбки не было в помине. — Я прикажу организовать ванну и принести съестного. Ты же голоден, да?

— Съел бы мамонта, — честно признался я. — Дня четыре не ел, кажется.

— Кажется? Почему "кажется"?

— Потом расскажу, — я изучающе посмотрел на Гуляева. — У меня в запасе масса интересных рассказов. Я не всё рассказал. Кое-что придержал.

— Интересно будет послушать... Шариф, — обратился он к склонившемуся усатому мужичку. — Горячую ванну, кувшин мармасского и на стол накрыть в моих покоях надо очень быстро. Очень тихо и очень быстро. Постарайся.

— Всё сделаю, почтенный магистр. Не успеете глазом моргнуть.

Мужичок без страха прыгнул в деревянную коробку, едва мы из неё вышли, и с явным удовольствием дёрнул за верёвку. Похоже, кататься на модном лифте ему нравилось.

А я опять скривился, когда двери закрылись, и ехидно произнёс:

— Сладко вам тут живётся, "магистр", да? Вот вам бы как мне от гончих по лесу побегать. Или поголодать с недельку. Чтоб даже тощего таракана не было под рукой. Чтоб сожрать себе подобного не показалось бы брезгливым...

— Хватит! Остановись! — Гуляев резко развернулся, ткнул длинным пальцем в мою грудь и натурально так прошипел. — Не вздумай никому рассказать обо мне. Что я зря

инкогнито поддерживал столько лет? Это же не просто так.

— Правильно говорить — столько зим, — поддел я его. Самодовольство этого седовласого дедушки, этого анирана с русской фамилией, заставляло меня скрипеть зубами. Ведёт себя с прислугой, аки Фелимид. Но тот-то родом из этого мира. Тому можно. Он впитал это на генетическом уровне. А этот? Вот он реально шарлатан. Он, не я.

Гуляев озадаченно почесал лоб, глянул через моё плечо на стражей возле двери и махнул рукой.

— Ладно, пошли.

Мы вновь двинулись по коридору, покрытому красным ковром, и вошли в просторную комнату, которую Гуляев открыл самым обыкновенным ключом. Комната была завалена ворохом бумаг и чертежей. Раздвинутые шторы открывали доступ на балкон и позволяли наблюдать прекрасную картину бескрайней водяной глади. Огромное тихое озеро, бравшее начало прямо под стенами города, уходило практически до самого горизонта.

— Идём, — он поманил меня рукой и провёл в следующую комнату, где стояла двухспальная кровать, широкий стол и несколько стульев. А единственное окно, распахнутое настежь, впускало свежий тёплый воздух и солнечный свет.

Гуляев указал рукой на стульчик, воткнул факел в уключину и закрыл за собой дверь. А потом ещё и запер на засов.

Я осмотрелся, оценил роскошь, достойную королевских покоев, и хмыкнул:

— Ладно, "магистр", — я обозначил пальцами кавычки. — Давайте без дураков. В открытую. Судя по вашей фамилии, вы ни хрена не магистр. И совсем не волшебник. Вы точно аниран? Вы точно такой же, как и я? А если да, то как всё это время вам удавалось пудрить королю мозги? Ладно, не спорю. Возможно, это не так уж и сложно... Но всё же: как вам удалось взлететь так высоко? Вы мне — уж не обижайтесь — совсем не кажется тем, кому по силам выжить в диком враждебном мире. Сколько вам лет? Как вы выкарабкались? Я столько раз чуть коньки не отбросил — диву даюсь. А я парень выносливый, спортсмен... А вы? Как вы спаслись?

Гуляев, задумавшись, потёр виски.

— Хорошо. Но давай по порядку. Во-первых — никаких "вы". Короля называй — Его Величество. Королеву — Её Величество. Только к ним надо обязательно относиться с демонстративным уважением. Упаси тебя Фласэз заговорить с ними недостойно при вельможах. Тебе этого не простят, кем бы ты ни был... Примо — аристократы — это "они". Остальных только на "ты". И не забывай, что в этом мире нет никого выше аниранов. Мы — сошедшие с небес. Мы — для всех надежда. Пользуйся этим с умом. Понятно?

— "Мы"? — я не смог сдержать ухмылку. — "Мы" надежда?

Гуляев никак не отреагировал на мою ремарку и продолжил:

— Во-вторых. Я хочу представиться, как полагается. Меня действительно зовут Игорь Александрович Гуляев. Профессор Игорь Александрович Гуляев, доктор исторических наук. Я родился в Екатеринбурге, но много лет прожил в Москве. Я приехал в Москву нищим студентом с мечтой поступить на исторический факультет МГУ. И я справился. Как справлялся всегда... На данный момент, с учётом орбитального вращения этой планеты вокруг местной звезды, мне шестьдесят четыре года. И я — первый аниран. В этом мире я очутился практически сразу после того, как в небе засияла та самая звезда, ставшая роковой. Когда я сюда попал, о ней все только и говорили... Стоп! Ты же понимаешь, о чём я? Слышал же про божественное наказание...

— Продолжайте, профессор, — перебил его я. — Не останавливайтесь. Вы удивитесь, как много я знаю... Но всё же знаю я недостаточно. И ты — подпольный аниран, — уж будь любезен, расскажи мне всё.

— Хм, — хмыкнул Гуляев. — А тебя действительно зовут Иван? Какой-то ты неприветливый.

— Увидишь с моё — станешь таким же, — отрезал я. — Меня на самом деле зовут Иван. Я родом из Курска. И я — вот в этом точно можешь не сомневаться — двенадцатый аниран.

Гуляев тяжело вздохнул. Наверное, диалог, который он выстраивал в своей голове, сразу пошёл не по плану. Он, видимо, понял, что никакого уважения к нему я не испытываю. Ну а как можно уважать того, кто трусливо скрывал свою личину от тех, кого он должен спасать? А он, судя по всему, куда умнее меня. Профессор даже! Почему его достижением является лишь лифт в королевском замке? Я и то гораздо больше подвигов совершил.

— Двенадцатый, значит... Последний... — профессор опять почесал морщинистый лоб. — Признаться, я не думал, что всё будет вот так Я много чего знаю, много что слышал. Но не ожидал... Наверное, стоило начать с самого важного.

Он вышел в центр комнаты, сдвинул в сторону крепкий деревянный стул и закатал широкий рукав халата на левой руке.

— Вот, что я скрываю многие зимы. Скрываю потому, что в ином случае, до этого дня бы не дожил, — он выставил левую ладонь перед собой и мизинцем аккуратно прикоснулся к маленькой чёрной метке у мозоли.

В тот же момент вокруг его запястья закружилось энергетическое кольцо. Закружилось быстрее центрифуги. А в следующую секунду кольцо брызнуло энергией, расплескав её по кисти. Ладонь, подушечки, костяшки, каждый палец и ноготь, каждая папиллярная линия оказались покрыты этой энергией. Энергией, которую порождало кружащееся кольцо.

Гуляев демонстративно выставил руку, а затем потянулся к столику, на котором стояли поднос с фруктами, пустой бокал и кувшин.левой рукой он взял металлический бокал, который начал краснеть практически мгновенно, и без усилий сжал его, превратив в кусок металлолома.

— Вот такая вот штука, — он выронил уничтоженный бокал, который гулко ударил по каменному полу. — Как видишь, остаться незамеченным мне бы никак не удалось.

— Что это? — выдохнул я, всё ещё не соображая.

— Я бы назвал это перчаткой, — Гуляев покрутил рукой. — Но в "Книге Памяти Смертных" это называется частью божественной силы. Одной из двенадцати частей... Ты слышал про книгу, кстати? "Книгу Памяти Смертных", как её называют.

— Слышал, — облизал я враз пересохшие губы. — Это одна из причин, из-за которой я здесь оказался. Вернее, самая главная причина. В основном, из-за неё я проделал столь длинный и опасный путь.

— Рад это слышать, — мизинец левой руки легко проник сквозь тонкое оранжевое марево и ткнул в чёрную метку, деактивировав аниранский дар. — Значит, ты совсем неглуп. Понимаешь, что важно... Но и я не дурак, Иван, — Гуляев поднял с пола раздавленный бокал и покрутил в руке. — Ты много интересного рассказал королю. Захватывающего. Но откуда у тебя сразу три части той самой божественной силы? Я-то знаю, сколько чего должно быть у каждого анирана. До тебя я слышал про двух других и точно знаю, чем они обладают. И я, и они обладаем чем-то одним... Но ты. Ты уникален в этом смысле. Неужели

тебе удалось обнаружить других аниранов? Обнаружить и...

Профессор запнулся на полуслове. Видимо, он быстро догадался, каким чудесным образом один аниран смог получить дар сразу трёх аниранов. Он скосил глаза и подозрительно посмотрел на меня. Даже подобрался как-то.

— Да, нашёл, — признался я. — И я вам всё расскажу, профессор Игорь Александрович Гуляев. Если сначала вы всё расскажете мне. Честно расскажете, без утайки. Как тут очутились, как выживали, как спаслись от гончих. Как, чёрт возьми, смогли взобраться так высоко. Как вышли на короля, как тут закрепились... И почему, мать вашу так, ничего не делали!? Почему не искали возможности помочь этому миру!? Почему ничего не сделали, чтобы его спасти!?

— Потому, что я не имею медицинского образования. Потому что я не биолог, не эпидемиолог и не вирусолог, — огрызнулся он. — Ты думаешь, это так просто — взять и спасти мир? До того, как сюда попасть, я и километра пешком пройти не мог — ноги ни к чёрту были. У меня зрение минус пять. Я с очками не расставался. Только спать ложился без них. И я, даже по прошествии стольких лет, до сих пор не могу понять на кой чёрт я здесь. Почему именно я? Я — старый и проживший большую часть жизни самый обычный университетский преподаватель. Хоть и доктор исторических наук, но плохо ориентирующийся в быту и никогда не увлекавшийся спортом. В таком мире, в мире на данном этапе развития технологий и медицины, единицы доживали до моего возраста. Я здесь смотрюсь неестественно. Словно мне здесь не место. А ты говоришь: почему не искал возможности. А каким образом я её найду? Куда я отправлюсь? Хоть я чувствую себя полным сил и больше не нуждаюсь в диоптриях, я ничего не могу. Я могу лишь делиться знаниями и помогать по мере сил. Но как я их спасу? Кого? Я столько лет здесь и всё равно не понимаю, что должен сделать.

— Я тоже не понимаю, — чуть стравил пар я. — Но я здесь всего одну зиму. Очутился прошлым летом. И сюда добрался с главной целью — понять. Понять через прочтение книги. Я смогу это сделать?

— Прочешь книгу? Сможешь. Я же прочёл. В местной библиотеке... в местном книгохранилище есть копия. Я её прочёл и многое узнал об эволюции этого мира и его истории. Занятная история, надо сказать. Особенно часть о зарождении веры в триединого Бога.

— А почему копию? — удивился я. — Мне говорили, копия не полная. Священная книга должна находиться в главном храме Смирения в Обертоне. Именно её я планирую прочесть.

Профессор Гуляев отрицательно закивал головой.

— Не получится. Никому не позволено доставать книгу из-под хрустального купола. Служители церкви ревностно оберегают её и не позволяют никому приближаться близко. Она ветхая от времени, говорят. Возможно, опасаются, что рассыплется ненароком.

— В смысле — не получится? Я за ней и прибыл. Обязательно получится!

— Воины храма охраняют её, Иван. За ней приглядывают лучше, чем за короной Российской Империи, если ты понимаешь о чём я. Кроме святых отцов мало кому позволено приближаться к ней. Её только по большим праздникам выносят на ступени храма, чтобы показать народу. А прикоснуться к ней, прочесть... Ну, я даже не знаю. Вряд ли удастся.

— В ней весь смысл. Она — отправная точка! — я всё же решил не сдаваться. Я прибыл в Обертон ради неё и не собирался уходить, пока всё не узнаю. — Зачем мне копия, если она

не полная? Пустая трага времени. Придётся, наверное, к королю обратиться с просьбой. Не думаю, что жирдяй посмеет отказать анирану.

— Хм, — задумчиво почесал подбородок Гуляев. — А в этом действительно что-то есть... Я как-то не подумал ранее. Но теперь... Мне отказали. Но я-то ведь не аниран, верно? Я скрывался. А вот ты... Разве они посмеют отказать анирану? Разве смогут отказать потенциальному спасителю? Только, мне кажется, не через короля надо действовать. Ты, наверное, заметил, что король — как бы так сказать помягче — немного не в своей тарелке. На самом деле он не так уж плох. Не как управленец, конечно. А как человек... Он всё более эксцентричен в последнее время, это да. Но не дурак. Просто множественные неудачи и бремя самодержавия тяжело ему даются. Он не справляется. Разум дряхлеет, государство гниёт... Поэтому, Иван, тебе не стоит просить короля. Тебе стоит напрямую обратиться к обладателю церковной тиары Астризии, первосвященнику Обертону — святому отцу Эоаниту. Это глава всей духовной власти. Как мне кажется, Эоанит — самый влиятельный человек в государстве... После короля, конечно же.

— Эоанит? Я слышал о нём. Слышал не раз.

— Действительно?

— Да. Я даже был знаком с его дочерью — мир её праху.

— Мир праху??? — Гуляев удивился сверх меры. — Что с ней случилось?

— Она погибла, — спокойно ответил я. — И, возможно, её папаша как-то к этому причастен.

— Иван, я дам тебе один очень ценный совет, — Гуляев опять нахмурился. — Никогда бездоказательно не обвиняй тех, у кого власти намного больше, чем у тебя. Кто может стереть тебя в порошок. Поверь моему опыту придворной жизни. Ты рискуешь нажать себе больше врагов, чем друзей, если не станешь следить за словами. Если не будешь всё тщательно взвешивать. В этом мире, в мире, где за оставшиеся ресурсы идёт бескомпромиссная борьба, враги куда более опасны. Они тебя не пощадят. Даже если ты всем и каждому будешь рассказывать про своё божественное происхождение, они не забудут. Не забудут и не простят. Поэтому будь очень внимателен к своим словам. Думай, взвешивай. И лишь затем говори.

— Хорошо, — кивнул я, соглашаясь. Подобные слова я слышал от Фелимида и признавал их разумными. Разумными и полезными. Услышав подобное от Гуляева, я, кажется, понял, что, хоть не в Датском, но всё же в королевстве, что-то подгнило. Впрочем, неудивительно. — Спасибо за совет. Я иногда бываю излишне горяч, признаю. Но тому есть причина...

Во входную дверь робко постучали. Мы с профессором едва расслышали стук, находясь во второй комнате.

— Почтенный магистр, — раздалось за дверью. — Это я. Ваше указание исполнено.

— Оставайся тут, — сказал мне Гуляев. — Стой и молчи. Пусть слуги накроют на стол и уйдут. Даже не смотри на них. Веди себя так, будто их нет. Будто они не существуют. Иначе заподозрят, что ты не...

— Не примо? — усмехнувшись, перебил я. — Я уже видел, как примо себя ведут. Уже одевал ИХ личину. Справлюсь.

— Да, не вельможи. Другим тут не по статусу находиться. Слуги это особо чувствуют, — кивнул Гуляев, а затем опять хмыкнул. — Похоже, тебе действительно есть что рассказать. Может, королю ты наврал с три короба? Но со мной-то поделишься?

— Только после Вас, почтенный магистр.

Профессор усмехнулся и ушёл открывать дверь.

На стол действительно быстро накрыли. Усатый слуга — или управитель — пригнал с десяток расторопных девушек и юношей. Они заносили подносы и тарелки, ставили кувшины и бокалы. А четверо парней, обильно потев, заносили здоровый деревянный ушат.

— Да, в первой комнате ставьте. Ближе к балкону, — ничуть не смущаясь, указал Гуляев. — Воды горячей и холодной в соотношении один к двум наполните, — добавил он, и дождался ответного кивка. — А затем королевского портного пришлѐшь. Пусть захватит одежды разные для праздничного ужина. И мерки тоже пусть будет готов снять.

— Исполню, — поклонился мужичок и бросил на меня озадаченный взгляд. — Брадобрёя прислать тоже?

— Верно. Ты прав, Шариф, — Гуляев окинул меня взглядом и кивнул головой, соглашаясь с управителем. — Тогда сначала пусть брадобрёй придѐт, а потом портной. А теперь дай нам с гостем спокойно отобедать.

Усач закивал головой, несколько раз хлопнул в ладоши, разгоняя слуг, и удалился следом за ними.

Я растерянно почесал затылок. Конечно очень удобно, когда всякие мелкие поручения есть кому выполнять. Когда даже жратву готовить себе не надо. Но, блин... Как-то дико это выглядит. Непривычно и неприятно. Забитые слуги, которые взгляда от пола не поднимают. Которые разобьются в лепѐшку, чтобы исполнить все твои приказы. А ты — повелитель, мать его, Вселенной... Но с хрена ли? Что ты такого сделал, чтобы они тебя считали таким? Что ты сделал для них?

— Не знаю, профессор Гуляев...

— Не забывай: на миру я — магистр Анумор. Не проговорись.

— Не знаю, магистр, — повторил я. — Не по нутру мне это всё. Разве мы это заслуживаем? Ладно, это приятно, конечно, когда вокруг тебя все суетятся и готовы на всё. Кому как не мне знать... Но мы чем им ответим? Как расплатимся? Разве мы лучше их? Ладно, пусть мы не такие, как они. У нас есть то, что отличает от них. Делает уникальными. Но разве мы лучше?

— Это тебя от голода на философствования потянуло? — засмеялся Гуляев. — Ты кем был в нашем мире? — он иронично осмотрел мою тощую тушку. — Кем трудился? Какая у тебя была специальность?

— Футболист я, — буркнул я. — Играл за команду из второй лиги. В Курске...

— Для меня это филькина грамота, — он захохотал ещё сильнее. — Я знаю разницу между футболом, баскетболом и гандболом, конечно. Но на этом всё. Нюансы этих видов спорта от меня так же далеки, как от тебя, как я понял, знание человеческой истории и понятие об эволюции. Не смотри так глубоко. Просто ешь.

Я насупился и замолчал. Он был прав, конечно. Фундаментальных знаний о формировании социума в подобном средневековом мире мне катастрофически не хватает. Но я понимаю разницу между богатыми и бедными, понимаю, что такое "хорошо" и что такое "плохо". Здесь мне не нужны подсказки. И нет ничего удивительного в том, что мне не нравится классовое разделение. С моей точки зрения, кто больше работает, кто усерднее трудится, тот и должен получать больше благ. А не тот, кто отожрал пузо до размеров воздушного шара, кто грабит крестьян и с ногами забирается на позолоченный трон.

— Прощу к столу, — Гуляев налил вина в бокалы. — Ешь и слушай. Только постарайся

не захмелеть.

Часть 4. Глава 3. Немного истории о жизни первого анирана

Я не заставил себя упрашивать дважды, накинулся на хлеб и холодные куски нарезанного мяса. Торопливо уплетал и, не стесняясь, чавкал. А Гуляев, смотря на голодного меня и понимающе посмеиваясь, приступил к рассказу о своём пути в этом мире.

Профессор откровенно признался: он умер. Как и я, как и два остальных анирана, память которых перешла мне, он очутился в этом мире, пройдя через смерть. Рассказал, что всегда был не приспособлен к быту. Был неряшлив, рассеян и не знал с какой стороны подойти к плите. Образно говоря. А потому, когда за день до свадьбы младшей дочери, которую должны были сыграть на большой загородной даче, жена с обеими дочерьми уехала пудрить носики и оставила его одного на хозяйстве, он быстро обо всём забыл. Вместо того, чтобы присматривать за выпечкой, оставленной в духовке, он, по обыкновению, погрузился в чтение. Зачитался и забылся. Почувствовав запах гари, он всё вспомнил. Встрепенулся и торопливо спустился на кухню. Ну и, конечно же, принялся крутить всякие вентили, даже не зная их предназначения. И, как оказалось, крутил не те. Да так накрутил, что последним его воспоминанием стало воспоминание о сильном хлопке и яркой огненной вспышке. А когда он вновь открыл глаза, следующим воспоминанием стало воспоминание о мутном голубом небе. Он лежал на пахучей зелёной траве, смотрел в мутное небо и не мог понять, почему оно такое мутное. Как оказалось, он смотрел через толстые линзы. Через линзы очков, которые в родной Москве делали его зрячим, а в новом удивительном мире — слепцом.

Дальше профессор Гуляев рассказывал слегка заикаясь; о своих первых днях он вспоминал с ужасом.

Он рассказал, как двое коротких местных суток тупо просидел на одном месте. Просто потому, что боялся идти. Страх неподъёмными кандалами сковал его ноги. Он не мог сделать и шага. Просто сидел, молился и надеялся, что за ним придут. Найдут и спасут.

Но жажда заставила шевелить задницей. Он пытался собирать росу руками, даже языком водил по стеблям незнакомых растений. Порезался пару раз и, вместо воды, напился собственной крови. Но, к своему собственному удивлению, сдаваться ему не хотелось. Он вспомнил себя молодого и решил бороться за жизнь. Он встал, ощущая в себе давно забытую силу. Его тело наполнилось энергией, которую он растерял за годы, проведённые в креслах. Он шёл через поля и луга, не ощущал усталости и про себя благодарил небо за прекрасную погоду. Он просто шёл вперёд, пока не набрёл на реку. Он прыгал вокруг берега и пил пахнущую тиной воду, пока не заныли зубы. Он понимал, что был спасён. Вода — это самый главный нектар, который необходим организму. И профессор не собирался уходить от источника, пока не восстановит силы, пока не осмотрится и, самое главное, пока не добудет пропитание.

Но добыть пропитание у него не получилось. Он просто не умел этого делать.

Хоть профессор пытался поиграть в рыбака, он лишь оцарапал руки, когда выламывал палку под удилице. Леску он последний раз видел ещё в детстве и, конечно же, не смог бы её сделать из подручных средств. Не говоря уже про бредень или сеть. Он не умел находить деревья, с которых мог бы содрать кору, не умел плести и не смог бы смастерить даже грубого крючка. Его попытки выловить и сожрать пусть даже сырую рыбу закончились неумелыми попытками поймать самую обычную лягушку. Он гонялся за ней, как тот герой

из анекдота. Измазался в грязи по самые уши, но так и не поймал. Хоть голод его мучил просто дикий и он соглашался с самим собой, что готов съесть живую лягушку, словить её ему не удалось. Удалось лишь усесться на грязный берег и ругаться до тех пор, пока его не отвлекло то, что вызвало очередной приступ страха — он услышал вой.

Гуляев откровенно признался — он наложил в штаны. Да, это так. Я не видел в этом ничего предосудительного, так как в первые дни сам был очень близок к этому. Но профессору, как и мне, удалось победить собственный страх. Удалось победить самого себя.

Лишь раз оглянувшись на лесополосу, он прыгнул в воду. Больше ни о каких рыбёшках или лягушках он не мечтал. Он бросился в реку и замолотил руками по воде. Замолотил так, что переплыл реку, ни разу не посмотрев назад. Он победил не только реку, но и течение. Проплыл, как ему показалось, метров двести. А может и больше. Но когда выбирался на противоположный берег отчего-то не чувствовал усталости. Он знал, сколько ему лет. Знал, что со спортом никогда не дружил. Знал, что сердце его вряд ли бы выдержало подобный спринт. Он был уверен, что обязан был утонуть, не доплыв даже до середины. Но он почему-то справился. Он выбрался на берег и обернулся.

И тогда он вновь испытал ужас — он увидел тех, кто издавал жуткий вой, заставивший его броситься в реку. Это сейчас профессор знает, кто это такие. Кто такие эти гончие. Тогда же он настолько испугался, что сидел на берегу, давил задом собственные экскременты, смотрел на гончих и рыдал. Рыдал от страха, рыдал от бессилия, рыдал от унижения, рыдал от несправедливости жизни. Именно в тот, самый сложный для него день, он был готов сломаться. Он был готов вновь войти в реку и наполнить лёгкие водой. Расставание с собственной жизнью казалось ему избавлением.

Но ему повезло. Профессор долго играл в гляделки с гончими. Они выли, угрожающе рычали и размахивали убийственными когтями. А он не мог заставить себя стать на одеревеневшие ноги и побежать. Побежать, куда глаза глядят. Поэтому именно гончие сделали первый шаг — первый шаг в быстрые воды реки. Течение подхватило их, закружило и потащило. Не успел Гуляев утереть слёзы, а река утащила гончих далеко вниз по течению. Они барахтались, пытались выбраться или повернуть обратно. Но течение оказалось столь сильным, что им не удалось.

Профессор оклемался лишь тогда, когда гончие исчезли из виду. Только тогда понял, что — хочешь не хочешь, — надо двигаться. Не плакать, не страдать, не размазывать по лицу сопли. А собраться с силами, сжать волю в кулак, не обращать внимание на жуткий голод и двигаться против течения. Подальше от этого ужасного места.

К вечеру того же дня он набрёл на деревню. Он безумно устал. После пережитого ужаса и не менее ужасного истощения, он был безразличен ко всему. Но всё же удивился, что местные крестьяне не погнали его поганой метлой от частокола, когда он со слезами на глазах молил о крове, а пригласили зайти внутрь. Накормили, обогрели и попечалились о тяжёлой судьбе пожилого человека, который остался один-одинёшенек. Хоть Гуляев никому не рассказал откуда он взялся, всё мотал на ус и запоминал детали.

От жителей деревни он узнал многое. Они рассказали ему практически всё. Он прожил у них целый год и вдоволь наслушался всяких баек. Только благодаря их рассказам и суеверным слухам, он узнал про "карающий огонь" и аниранов. Жители деревни стали тем катализатором, заставившим его смириться со своей участью и начать шевелить отнюдь не куриными мозгами. Он, наконец, понял, кто он такой. Кто он для этого мира. И, наконец, узнал, что скрывает в его теле маленькая чёрная шестиконечная звёздочка.

С этого момента для него всё изменилось. Он примирился с ситуацией и перестал испытывать страх. Нет, он не стал каждому демонстрировать свою уникальность. Он не стал ни перед кем хвастаться. Не стал доказывать, что он не такой как все. Он начал адаптироваться. Он обладал знаниями, но не обладал необходимыми умениями для выживания в этом неприветливом мире. А потому, в меру своих сил, стал помогать жителям деревни. Стал помогать мудрым словом и дельным советом. Он охотно делился знаниями, многое показал и многому научил. И через год понял, что перерос это место. Перерос мирную деревню хлебопашцев, где, благодаря своим знаниям, занял место элота. Ему этого было мало. И тогда Гуляев решил, что готов на большее. Что может научить не только крестьян, но и многих других. Может многое рассказать и многое объяснить. Именно поэтому он отправился в столицу. Отправился её покорять, как когда-то покорил Москву.

Тогда-то и появился магистр Анумор — учёный муж, слава о котором шла впереди него. Гуляев и несколько его последователей из ставшей родной деревни дошли до Обертонна. Но им не пришлось локтями продирааться сквозь жизнь, не пришлось начинать с самого низа. Очень быстро он добился аудиенции у короля. Очень много ему рассказал. Очень многим похвастался. И получил карт-бланш на свою деятельность.

С тех пор прошло много зим. Суровых зим. Холодных и голодных зим. Но Гуляев продолжал делать то, что у него получалось лучше всего — он делился знаниями. Своими идеями он захватил разум короля и через него продвигал эти идеи. Вскоре появился Университет, куда отбирали перспективных юношей и девушек. Затем началось строительство дорог, что значительно сократило время в пути и нашло применение множеству отчаявшихся рабочих рук. Потом Гуляев увлёкся мореплаванием. Руководствуясь памятью, он устремился в погоню сразу за двумя зайцами — решил создать паровой двигатель и обеспечить флотоводцев подзорными трубами.

Из этой идеи даже что-то вышло. Осенью он побывал в Равенфире, куда привёз телескоп. Тот самый неуклюжий телескоп, который установили на Башне Бдения. Но это был не первый готовый телескоп. Один уже несколько зим стоял на башне в Обертоне. Один отправили в Валензон, а два других в портовые города — Шамасс и Мармасс.

Прекрасное расположение городов-близнецов на краях залива в форме подковы позволило Гуляеву осуществить вторую мечту, которой он загорелся, — установить созданный им паровой двигатель на первый в этом мире пароход. Благодаря тому, что этой идеей Гуляеву удалось заинтересовать и короля, и церковь, с постройкой не возникло проблем. Из казны была выделена необходимая сумма, а на стапелях Шамасса заложен пароход с двумя гребными колесами по бортам.

С момента, как пароход вышел с своё первое плавание, прошло несколько зим. К сожалению, очень быстро стало понятно, что путь через открытый океан пароход не осилит. Бурные океанские воды очень быстро отправят его на дно. А потому, единственным его предназначением, кроме хвастовства перед заморскими послами, стали туристические маршруты по заливу между городами-близнецами. По сей день те, для кого забота о хлебе насущном не стояла на первом месте, регулярно путешествовали и охотно платили золотом. Хоть с военной точки зрения пароход бессмыслен, он всё же приносил доход. Он не стал тяжёлым бременем для казны. Хоть всё ещё не окупил затраты, но, с экономической точки зрения, имел перспективу.

Я слушал Гуляева с забитым ртом. Слушал, представлял, проигрывал в голове и не задавал вопросов. Но дурацкая идея с паровым двигателем и пароходом заставила меня

недоумённо скривиться. Я не разделял восторженности Гуляева, когда он рассказывал о своём детище. Я сразу задал себе тот вопрос, который он был обязан задать себе изначально: а на хрена? На хрена это было делать? Пусть даже местные буржуи готовы тратить деньги, чтобы прокатиться с ветерком. Зачем это всё, если через сто лет, — а может даже через пятьдесят, — всё это не будет не иметь ни малейшего смысла. Не останется ни специалистов для обслуживания, ни команды умелых моряков, ни туристов. Некому будет даже уголь в топку кидать. Зачем было создавать нечто столь сложное и неуместное, если вскоре этот пароход вместе с первым в этом диком мире паровым двигателем будет ржаветь на берегу?

— А зачем, проф? — пришлось сократить слово "профессор" из-за набитого рта. — Разве это было столь необходимо?

Гуляев мечтательно заболтался, видимо, вспоминая минувшие счастливые дни, где он был востребован и нужен, и не сразу понял, о чём я. И тогда он разродился лекцией. Так, наверное, он вещал своим студентам в далёкой нынче Москве — со снисходительным апломбом, размахивая руками и горделиво задрав подбородок.

Он рассказывал мне про то, как важно делиться достижениями научного прогресса. Как важно делиться знаниями и помогать тем, кто стоит на более низкой ступени развития. Кто, даже через сотню лет, своими силами вряд ли придёт туда, где давно стоим мы. И мы, он говорил, обязаны им помогать. Не просто указать направление, не просто намекнуть, а всецело погрузиться в процесс изменения мира. Мы не можем игнорировать то, что знаем больше, чем знают они. Мы — демиурги. Мы должны показать, чего они могут добиться с помощью знаний, которыми мы с ними искренне поделимся. Мы можем стать для них навигаторами. Проводниками в новый, лучший мир. Благодаря своим знаниям, мы должны поднять эту цивилизацию на следующую ступень. Дать толчок эволюции. И тогда, возможно, поменяется социальная структура общества. Тогда, возможно, они успеют измениться и найдут причину своих неудач. А может — чем чёрт не шутит — сами смогут излечиться. Благодаря нашему влиянию, благодаря влиянию аниранов, которые сюда и были посланы с этой миссией, они смогут спастись. Смогут спасти самих себя.

Если честно, я не особо понял сути его философствований. Он реально вещал, как самовлюблённый оратор. И, как по мне, нёс какую-то фигню. Прогресс... Ступень эволюции... Какой на хрен прогресс? Сколько ещё пройдёт зим, прежде чем они начнут жрать себе подобных? Он забыл главное: они вымирают. Этот мир умирает. Нужно искать возможность победить бесплодие, победить болезнь, а не строить воздушные замки. Нужно прямо сейчас искать возможности синтезировать лекарство и испытывать его на аборигенах. Нельзя тратить время на подсказки и попытки дать толчок прогрессу.

Но, согласен я был со словами профессора или не согласен, я не стал ввязываться в дискуссию. У него голова куда больше моей. В любом диспуте я ему не соперник... Но и про Дейдру тоже рассказывать не стал. Мне было интересно, конечно, как он отреагирует. Что скажет, когда узнает, что семя новой жизни я посеял. Но слова Фелимида не шли из головы, стоило мне лишь вспомнить о Дейдре. Я должен держать рот на замке, пока точно не разберусь, кто мой союзник, а кто просто льстиво улыбается.

— Не одобряешь, да? — Гуляев всё понял по моему лицу. Мне даже говорить ничего не пришлось. — Зря. Я считаю, что прогрессорство — не миф. Всё возможно...

— Чего? — переспросил я.

— Прогрессорство... Ммм... Прогрессор. Слово такое... Ты что, не читал Стругацких?

— Кого? — чувствовал я себя полным дураком.

— Какой ужас, — Гуляев картинно сжал бородатые щёки ладонями и покачал головой. — Так, ладно. Как я понял, случай тяжёлый. Придётся на объяснения потратить куда больше времени... Но не сейчас.

— Я знаю значение слова "сарказм", — недовольно пробурчал я. — Но да — я всего лишь футболист. Университетов не кончал.

— Не обижайся. Я постараюсь тебе объяснить попозже...

— Ерунда это всё! Проводники в лучший мир... Они сдохнут раньше, чем ваша "Санта-Мария" на паровом двигателе достигнет берегов Нового Света! Колумб чёртов!

— Ну, вот. А говорил, всего лишь футболист, — засмеялся Гуляев, не хуже меня понимая, что я попытался блеснуть знаниями, добытыми в средней школе. — Кстати. Новый Свет, говоришь? Ты вообще представляешь как выглядит этот мир? Материки, континенты, океаны... Нет? Ты вообще представлял, что это за планета такая? Как она выглядит. И сравнима ли с нашей Землёй.

Я отрицательно замотал головой.

— Карты видел только. Разные, от руки нарисованные. Видел карты с начерченными городами. Названия их даже знаю. Но ничего глобального.

— Тогда тебе, наверное, будет весьма интересно посмотреть на внешний облик этого мира. Ведь так?

— Ну конечно.

— Тогда самое время тебе кое-что показать.

Часть 4. Глава 4. География, экономика и политическая обстановка

Гуляев подошёл к зашторенной стене и потянул за верёвочку. Шторки разъехались, открыв моему взгляду два тщательно прорисованных полушария. С параллелями и меридианами. С материками, морями и океанами. С жёлтыми пустынями и зелёными лесными зарослями.

— Ух-ты! — присвистнул я, торопливо проталкивая внутрь жестковатый кусок мяса.

— Самая полная и подробная карта мира, которая нам доступна. Висела в королевских покоях, да король уже давно охладел к географии. Я попросил переместить в мои хоромы.

Я вытер руки о грязные штаны, встал из-за стола и подошёл ближе.

— Не понял, — я почесал затылок. — Это ж полушария, да?

— Конечно. Их же два. Видишь?

— А почему на одном есть материки, а на втором сплошная вода?

— В том-то и дело, Иван. Слева — западное полушарие. Справа — восточное. И вся разумная жизнь, о которой мы знаем, расположена на западе. Восток полностью скрывает вода. Вернее, океан. Его тут называют Бескрайним.

— Может, устройте мне урок прямо сейчас? Мне сложно понять, как может такое быть, что целое полушарие находится под водой. Это же фантастически огромные расстояния.

— В этом нет ничего удивительного. Ты обратил внимание, какая на этой планете экосистема? Как легко дышится? Какой чистый воздух? Вода — это кислород. Вода — источник жизни... Но самое главное здесь в другом. Судя по всему, планета эта по размеру меньше нашей Луны. И куда меньше Земли. Я сделал такие выводы, основываясь на периоде обращения вокруг местного солнца... Вся разумная жизнь сосредоточена на трёх континентах западного полушария. Центральный — самый большой континент — и есть Астризия. Самое большое государство, богатое плодородной почвой и лесами. Из-за огромных размеров плотность населения невысока. А с учётом вырождения... сам понимаешь, в общем. Скоро на многие лиги останутся лишь леса и поля...

— И животные, как я понял.

— Да, верно. Перестали плодиться лишь люди. Именно они вымрут.

— Если мы не сможем остановить вымирание.

Профессор неопределённо хмыкнул.

— Кстати, я изучал вопрос образования континентов... Видишь их расположение?

— Угу. Они на карте недалеко друг от друга. Будто соседи.

— Именно. Скорее всего, давным-давно на планете был лишь один материк. В результате катаклизма — возможно, падения метеорита — он раскололся. И образовались три...

— А там, вон, ещё острова есть. Мелкие, как родинки на теле. Это ж острова?

— Да, острова. Но есть и крупные. Все крупные отмечены на карте. И неизвестно сколько мелких не отмеченных. Картографы, в принципе, поработали на славу. Я пару суток провёл возле этой карты, когда увидел впервые. Всё подробно изучил... Как ни странно, континенты крайне небольшие с точки зрения жителя Земли. И все три континента — это страны. Государства, в той или иной степени враждебные друг другу... Да, совсем недружелюбные. Панибратством тут не пахнет... Вот, видишь Южный континент? Это

Флазирия. Страна смуглокожих людей. Страна жаркого солнца, пустынь, песчаных бурь, вечного голода и нескончаемых болезней. Вся жизнь — имею в виду, хоть какое-то подобие порядка, законности и экономических отношений — теплится лишь в портовых городах. Самые крупные города Флазирии находятся на северном побережье. Это — Серекосо и Кабокано. Я был в Серекосо однажды. Это — Карфаген нашего времени... Огромный город, перенаселение, зловоние, духота. И нищий, забитый народ...

— Простите, профессор, — потупился я. — Почему Карфаген нашего времени? Что это значит?

— Потому что он должен быть разрушен, — усмехнулся Гуляев. — Ладно, не бери в голову. Твоим образованием я обязательно займусь. Даю слово. Но позже. Сейчас тебе нужно зафиксировать в памяти, что из себя представляет этот мир. Не только запомнить географию, но и некоторые важные детали. Поэтому слушай внимательно... Несмотря на общую нищету, засушливый климат и недостаток пищи, рождаемость во Флазирии была самой большой. До появления карающего огня, разумеется. Теперь же там самый настоящий хаос. Весь набор признаков всеобщей деградации и депопуляции: гаремы, содомия, работорговля, кровавые массовые жертвоприношения для услады толпы, наглотаившейся наркотического дыма. Жизнь человеческая там не стоит ломанного гроша... В то же время, власть стальной хваткой держат представители духовенства. Банальная теократия в самом худшем своём проявлении... Отречение. Отречение от всего. Духовенство пропагандирует не примирением с карой Фласэза, не покорность и смирение, а отречение от мирской суеты. Они утверждают, что земная жизнь закончилась. Теперь каждый должен готовить себя к тому, что его ждёт по ТУ сторону. Каждый должен позаботиться о том, какое место в ЕГО армии он займёт. И сделать это можно лишь двумя способами. Первый — задобрить золотом шаманов, которые, по местным поверьям, могут общаться с Тринединым Богом, и вымолить у него местечко получше. Второе... Второе практически невыполнимо. Второе — совершить хадж через Великую пустыню к Храму Праздности. Ну, ты понял, да? К Храму Безделья, как они его весьма тонко нарекли. Ты должен стать паломником, обрить голову и, под палящими лучами солнца, пройти длинный путь через Великую пустыню. Пройти лишь для того, чтобы получить то, что они называют отпущением грехов — быть убитым ритуальным кинжалом. Обычный религиозный фанатик в рясе прикончит каждого, кто сможет завершить хадж. И паломник будет готов умереть со счастливой улыбкой на устах, потому что уверен, что заслужил достойное место в рядах загробной армии... Тьфу! Неудивительно, что они вымирают быстрее других.

— Кто? Флазирцы... Тьфу! Смуглокожие то есть?

— Да, — кивнул профессор. — Достоверно известно, что смертность во Флазирии чудовищная. Скоро лишь в Серекосо и Кабокано, что обнесены крепостными стенами, останутся выжившие. Все остальные за пределами этих стен вымрут из-за глупой веры в то, что на ТОЙ стороне им будет лучше, чем здесь... Хотя... Хотя, возможно, в этом действительно есть смысл... В нынешней-то ситуации.

— А что за шаманы? Я уже слышал про тамошних шаманов. Они что, реально входят в транс под воздействием дыма листьев с дерева Юма?

— Тонкий расчёт, — усмехнулся Гуляев. — Игра. Кто выращивает листья, кто продаёт их, живёт безбедно. Во все времена хватало чудаков, веривших шарлатанам-чревоушамкам. И они готовы платить за любую сказку со счастливым концом. Потому что конец действительно неизбежен... Другой вопрос: как те, кто не желает умирать в пустыне или

стать жертвенным агнцем, но всё же верящие в эту чушь, добывают золото? Не в стране же дураков на деревьях выращивают. Они отбирают у тех, у кого ещё можно хоть что-то отобрать. Отсюда выплывает чудовищный уровень преступности. Убийства, насилие. Работоторговля цветёт и пахнет. Ради золота, ради дыма, ради обещаний многие идут на такие поступки, которые с нашей колокольни, с колокольни человека-разумного выглядят дико. Но они искренне верят, что в том самом ином мире всё будет куда лучше. Надо лишь заслужить право занять достойное место. Заслужить или оплатить.

Я внимательно слушал профессора, разглядывал континент на карте и наяву представлял тех бедолаг, что там живут. Природа обделила их ресурсами, заставила жить в засушливом климате. Но, похоже, обделила и разумом. Построить новую религию на вере в лучшую загробную жизнь... Отдавать последнее за призрачный шанс занять достойное место в армии местного божества... Добровольно идти на смерть... Похоже, те люди действительно смирились с концом. Им просто не за что больше бороться.

— Жаль их, конечно, — Гуляев равнодушно пожал плечами, будто ему было совсем не жалко бедолаг на соседнем континенте. — Но конец у всех одинаков. А в нашем случае — у всех неизбежен... Теперь про Эзарию.

— Это западный материк? — указал я на карту пальцем.

— Угу. В отличие от Флазирии, Эзария — процветающая страна. Имею в виду не общее экономическое состояние, а наполненность природными ресурсами. Леса, луга, поля, камень, железная руда — всё в достаточном количестве. Плюс природой не обижена. Прекрасные погодные условия, огромные озёра с пресной водой у гигантских гор, прибрежные океанские воды полны рыбы... Рыбы в этом мире вообще изобилие... Но в то же время, после появления карающего огня, как я понял, с проживающими там людьми произошли разительные изменения. Нет, они не превратились в ужасных фантастических чудовищ в физическом смысле. Они стали чудовищами в смысле ментальном.

Я вопросительно воздел бровь.

— Их поразили яд эгоизма. Яд эгоизма, которым их заразил гедонизм.

В этот раз я не сгубил брови, а просто развёл руками. Слова-то знакомые, но смысл их от меня ускользал.

— Гедонизм, — повторил Гуляев. — Смысл жизни — в наслаждении. Каким-то непостижимым образом, образовавшиеся религиозные учения паутиной опутали жителей Эзарии. Они быстро смирились с неизбежной кончиной. И теперь хотят лишь одного — наслаждений.

— Ничего не понимаю. Религия пропагандирующая всепоглощающее наслаждение?

— Наслаждение во всём. Телесное, ментальное. Наслаждение унижением других. Наслаждение от побед над врагами. Сексуальные оргии. Алкоголь. Наркотический дым. Всё, что ты можешь себе представить, Иван. Наслаждение любыми путями. Любыми доступными возможностями. Даже такими, которые идут вразрез с морально-этическими нормами, основными законами государства и, самое главное, совестью. Ничто не считается греховным, если это сулит наслаждение. Даже самые мерзкие сексуальные маньяки могут легко себя оправдать, если сама религия подталкивает их к мерзким поступкам.

— И как они живут в таком аду? Как выживают, если самый обычный прохожий может полоснуть тебя ножом по горлу, если увидит для себя в этом удовольствие? Бред какой-то.

— В этом вся странность нового социального строя на западном материке. Хотя жители Эзарии всегда были индивидуалистами, они вынуждены объединяться, чтобы выжить. Они

заперлись в городах-крепостях. И в каждом таком городе всем руководят двое — верховный жрец и военный лидер, имеющий возможность содержать достаточно сильное войско. Эдакий тандем. ТанDEMократия, я бы сказал. Один оказывает влияние на души. Другой демонстрирует силу. Только в таких городах-крепостях поддерживается относительный порядок.

— А они выращивают что? Производят? На чём стоит экономика Эзарии?

— В основном, на работорговле. Да, как бы это было не печально для нас, жителей Астризии, Эзария всегда была воинственна. Они очень неплохие воины. Смелые и беспощадные. Жители прибрежных городов-крепостей часто совершают набеги на несчастную Флазирию. Без тени сомнений они грабят и забирают в рабство всех, до кого могут дотянутся их загребушие лапы. Не раз доставалось и Астризии. Только на моей памяти, уже в бытность магистром Анумором, было совершено несколько рейдов на западное побережье. Благословенные места, где с песчаного берега на лиги виден лишь бескрайний океан, разграблены и уничтожены. Большие и малые деревни. Даже города на западе подвергались нападению. Видишь? — Гуляев подошёл к карте и ткнул пальцем в океан меж западным и восточным материками. — Эти негодяи из Кафалака-аль-Эзара и Шазана-аль-Эзара не раз пересекали Континентальный океан и подчистую вывозили всех жителей прибрежных деревень. Всех жителей, кто пережил нападение... В Хемельгосский залив соваться не решались, ведь там расположен основной флот Астризии, но огибать материк и устраивать геноцид на севере, или на юге в предгорьях Декедды, им удавалось не раз. Понимаешь? Экономика и возможность получать все виды благ в Эзарии построены на работорговле. Эти беспощадные рубаки не испытывают угрызений совести, когда разлучают мать с ребёнком, сына с отцом, любимую с любимым. Им главное — продать по самой выгодной цене. Продать, получить золото и опять погрузиться в негу.

— А зачем им рабы? Они зарабатывают, продавая их? Или к себе везут, чтобы работали на плантациях?

— Те плантации, куда мерзавцы Эзарии свозят практически всех рабов, расположены здесь, — Гуляев повёл пальцем выше и ткнул в горную гряду на большом острове между двух континентов. — Это остров Темиспар со столицей под названием Кондук. Слышал о нём?

— Слышал, — уверенно кивнул головой я.

— Остров без плодородных земель. Но полон кристально чистой воды, несметного количества полезных ископаемых и драгоценных камней. Но самое главное: тамошние горы испещрены серебряными и золотыми жилами. Именно на драгоценном металле базируется экономическое доминирование острова над всем остальным миром. Им нет нужды беспокоиться про сельскохозяйственные культуры. Незачем распахивать земли и что-то сеять. Не потому, что там ничего не взойдёт. А потому, что у них и так огромные запасы продовольствия. Это у нас голодают холодными зимами. Это во Флазирии каннибализм не противоестественен. А там столько золота, что если бы баши хотели купить нашего короля с потрохами, они бы без проблем нашли тех, кто вынес бы его из дворца вместе с тронem...

— Баши?

— Запомни: на острове Темиспар религия и духовенство отсутствуют как таковые. Тамошний люд предпочитает делам духовным дела реальные. Они верят в прагматизм. И прагматизмом заведуют те, кого бы мы назвали олигархами. Здесь же их величают башами. Это зажиточные и умные владельцы шахт. Богатые горожане, умеющие находить компромисс. Умелые командиры, способные сплотить ватаги лихих рубак и держать их в

повиновении. Рисковые капитаны-флотоводцы, совершающие набеги как на северное побережье Астризии, так и на восточное, огибая ледники Северного океана. Баш — это тот, кто добился успеха. Кто может то, что не могут многие другие. И столицей острова — городом Кондук — управляет самфунн башей. Сообщество тех самых достойных, кто смог договориться о совместных интересах и, возможно, в чём-то уступить.

— А рабы...

— А рабы им нужны в неограниченных количествах. Шахты пожирают людей быстрее любого мора. И платить рабу не надо. Лишь кормить, чтобы не сразу сдох от истощения... Но подонки с острова подонки не по этой причине. Работорговля была во все времена. И всегда процветали те государства, что грабили других. Вспомни, что вытворяли европейцы в Африке. Как вывозили негров в промышленных масштабах. Работорговля была выгоднейшим предприятием с самых давних времён. Тут нет ничего сверхъестественного. Особенно в этом мире на данном этапе развития. Другая проблема — это дети. Башы, если можно так выразиться, установили официальную цену на детей. Донесли до всех, что за самых маленьких детей, из тех, кто родился в год появления карающего огня, они будут платить по 35 золотых монет. 35 золотых монет, отчеканенных в любом государстве. А это просто огромная цифра.

— Да? — неуверенно я пожал плечами. Я золотые-то монеты в руках держал один-два раза. Ни в ценах, ни в их ценности особо не ориентировался.

— Даже в Обертоне — столице Астризии, — в не самом дешёвом месте, ты безбедно сможешь прожить целую зиму на эти деньги. Но только, конечно, если доставишь детей на остров в целостности и сохранности. А если доставишь полный трюм детишек, представь какая сумма может выходить. Поэтому многие рискуют. Рискуют жизнью, понимая, что она стоит намного дешевле, чем жизнь одного ребёнка. Особенно пираты страны, где во главе угла стоит наслаждение. Да даже наше местное бандитьё не чурается устраивать налёты на своих же соплеменников, если знает, где есть чем поживиться. Сам, наверное, понял, когда столкнулся с ними в той деревне? Ты же рассказывал королю.

— Так и было, — ещё раз подтвердил я. — Не пойму я только: в чём смысл? Зачем провоцировать всяких тварей, отбросов человеческих, предлагая такие деньги за детскую душу? Зачем подталкивать к такому? Что на острове с детьми делают?

— По крайней мере, в шахтах дети точно не работают, — Гуляев развёл руками. — Требования башей весьма недвусмысленны: самых юных детей без признаков внешнего вреда. Любого цвета кожи, не измученных нуждой и голодом.

— На детях ставят эксперименты?

— Я хоть и не последний человек в Астризии, но даже я не знаю, — развёл руками Гуляев. — Небылицы всякие ходят, но достоверно неизвестно ничего. Тирам Гвелерг — полномочный представитель самфунна башей — отказывается обсуждать этот вопрос. Открыто признаёт, что Кондук осуществляет пиратские набеги на побережья Астризии, но утверждает, что охота за детьми — это вымысел...

— Погодите. Какой представитель? Это посол, что ли?

— Всё верно. В Обертоне есть посольский квартал, где живут послы недружественных стран и городов-государств. Послы — частые гости в королевском дворце. Иначе не удалось бы...

— Что за чушь? Какие послы? О чём можно говорить с теми, кто грабит ваши деревни и уводит жителей в рабство? Кто вывозит детей!

Гуляев опять усмехнулся.

— Дипломатические отношения всегда нужны, всегда важны...

— Никаких переговоров с террористами! — рубанул я рукой по воздуху. — Уничтожить каждого, кто поднял руку на ребёнка! Каждого, кто тащит на цепи закованных в колоду людей!

— Для того, чтобы делать подобные заявления, угрожать кому-то и ставить ультиматумы, надо, для начала, самому стать той силой, с которой будут считаться, — после продолжительной паузы, за время которой он внимательно разглядывал меня, заявил Гуляев. — И, хотя бы, иметь тех двух очень важных союзников — армию и флот. А пока этого нет, свою волю навязать не получится. Получится лишь исполнять волю чужую.

— Я не особо вас понимаю, профессор. У Астризии нет армии? Нет флота? А как же солдаты, которые пришли со мной из Равенфира? А как же гессеры? Я даже видел стражу у врат, когда мы въезжали. Неужели всё так плохо?

— Тут всё очень сложно, Иван. Нынешняя армия Астризии представляет из себя жалкое зрелище. Даже храмовники Его Святейшества — первосвященника Эоанита — количественно превосходят военный гарнизон Обертонна. Не говоря уже об оснащении... Что тут сказать? Всё приходит в упадок очень-очень быстро. Нет сильной руки, у которой хватило бы духу навести порядок... А ещё беженцы под стенами создают проблемы. Полностью взяли под контроль озёрное судоходство и перекрыли доступ к причалам... А ещё этот гнойный прыщ на теле Астризии — Декедда. Там обнаглели настолько, что осмеливаются предпринимать вылазки и нападать на наши южные форпосты. Эоанит с шеи короля не слазит, требуя собрать все боеспособные силы или объявить Декедде священную войну, чтобы потянулись потоки воинствующих паломников, которых пустят на мясо. Но король, хоть — чего уж тут скрывать? — и помутился разумом, не настолько глуп, чтобы запустить маховик религиозной войны. Тогда чернь, что обитает под стенами Обертонна, вынесет его из дворца вперёд ногами.

Я потёр брови и устало опустил на стул. Всё же я ещё очень слаб. Чтобы силы вернулись, нужен нормальный отдых и усиленное питание.

— Его и так вынесут вперёд ногами, когда следующей зимой он опять прикажет изымать зерно, — тяжело вздохнул я. — Не знаю, как вы этого не видите, Гуляев, но, по моим прикидкам, вашему королю осталось недолго. Его сожгут вместе с этим дворцом. Через пару-тройку зим, думаю.

Профессор сел рядом со мной и опять налил вина.

— Так ты в курсе? — он осушил бокал одним махом. — Поверь мне, у него не было выбора. Уж я-то знаю. Стоял рядом с ним, когда поступали доклады и цифры с запасами на складах. Иначе...

— Иначе сдохли бы вы, верно? Все местные нахлебники и прочий сброд, беспокоящийся за оркестры и аккуратность подстриженных кустов?... Вашу мать! — вскочил я, процедив ругательство сквозь зубы. — Здесь же столько золота! Ковры, картины! Вся эта никчёмная и ненужная мишура. Насколько бы проще было, если бы всё это пустить на нужды населения. Продать или переплавить. Похрен! Главное, чтобы эта абсолютно ненужная роскошь приносила пользу и помогала выживать, а не пылилась в коридорах и залах. Как можно быть королём и не думать о том, как прокормить своих поданных? Как можно так глупо вести сельское хозяйство? Как можно не думать у завтрашнем дне?

— А разве он есть? Завтрашний день этот, — печально усмехнулся профессор. —

Корень всех проблем — бесплодие. Если решить эту проблему — решаться и остальные.

Я чуть ли не подпрыгнул. И даже кулак занёс, чтобы вновь рубануть по воздуху. Рубануть и открыто заявить, что лично я проблеме бесплодия уже решил. Что я точно знаю, что это возможно. А значит, нет никакой безнадежности. Появились вера и надежда.

Но рот мой так и не исторгнул те слова, что я планировал произнести. Опять, уже второй раз, я остановился, чтобы не рассказывать про Дейдру. Опять хотел, и опять не стал. Уверен, Гуляев удивился бы сверх меры. Но вот что бы он потом стал делать с этой информацией, я не знал. Потому что я не знал его. И, соответственно, не мог доверять.

Часть 4. Глава 5. Подготовка к званому ужину

В деревянную дверь постучали. Я даже вздрогнул от неожиданности, ведь подумал, что мой безвольно опустившийся кулак, невзначай врезался в столик.

— Великий магистр, — из-за двери раздался знакомый голос. — Вода нагрета и готова. Когда прикажете прийти портному и брадобрею?

— Так, ладно, — Гуляев ударил себя по коленям и резко встал. — Отложим пока все дальнейшие разговоры. И так увлеклись. Тебя надо отмыть и привести в порядок до званого ужина. А это дело не быстрое, уж поверь... Хе-хе. Видел бы ты себя. Чудо-юдо, а не аниран... Хватни что-нибудь, пока есть время. Ты, я вижу, не наелся. И идём мыться. Надеюсь, ты не стеснительный.

Профессор Гуляев очень быстро переключился с серьёзного разговора на проблемы гигиены. Он отворил дверь и пригласил меня пройти. Усатый мужичок уже мельтешил рядом и был готов разбиться в лепёшку. Ну куда сильнее меня беспокоили молодые девицы и крепкого вида парень, опустившие взгляды долу, но стоявшие у стены в готовности помочь понаехавшему прямо принять ванну.

Когда мне объяснили, для чего здесь собралось столько народу, я решительно отказался от подобной помощи. Я хоть и не особо стеснительный, как опасался Гуляев, но представлять обнажённым перед незнакомыми людьми не собирался. Потому потребовал всех удалить.

Гуляев спохватился не так что бы сразу, чтобы осознать, что именно показалось мне неприемлемым в процедуре публичного принятия ванны. Он озадаченно смотрел на меня пару секунд, а затем чуть ли не по лбу себя хлопнул. У меня даже закралась мысль, что сам он принимает ванны с чужой помощью. И, наверное, не сам себе голову намыливает. Привык, наверное, жить во дворце. Быть важной шишкой и раздавать указания.

Когда удалились почти все, я отвернулся к окну, сбросил всю одежду на пол и залез в ушат с водой, с поверхности которой шёл пар.

— Шариф, старую одежду прямо сжечь, — приказал Гуляев усатому мужичку и безглаголиво пихнул её носком ноги. — Затем брадобрея сюда и портного.

Так что понежиться в горячей воде не удалось. Последний раз я принимал ванну в доме Фелимида. И даже там я кайфовал дольше. А здесь, мне показалось, едва я залез в воду, вновь раздался стук в дверь. А может, я просто заснул, пригревшись.

Так или иначе, пришлось торопливо смывать с себя грязь и мылить голову самым настоящим пахучим мылом. Пахнувшим приятными травами. И уже под скромным взглядом незнакомого лысого мужика вылезать из грязной воды.

Королевский брадобрей напомнил мне о "покаянниках". Но он, в отличие от любого из них, обладал героическими пропорциями, явно из-за того, что не страдал недоеданием. Он внимательно меня осмотрел, усадил на стул напротив самого настоящего бронзового зеркала в виде овального подноса и приступил к работе.

Во все стороны полетели космы, когда он осторожно работал очень острым лезвием. Он не только тщательно выбрил мои щёки, но и коротко остриг, как советовал профессор Гуляев, прохаживающийся туда-сюда и давая брадобрею советы.

Так что через несколько минут, когда я вновь посмотрел в зеркало, я не узнал себя. Вернее, узнал себя. Узнал того, каким я был до попадания в этот неприветливый мир. Возможно, я стал более худым. Жилистым, наверное. Голод, истощение, раны и болезнь

давали о себе знать. Несмотря на регенерацию, повышенный метаболизм и невообразимую энергию, питающую моё тело, я потерял в весе. Мне даже показалось, когда я рассматривал себя со стороны, что процент жира в моём теле равен нулю, как любил говаривать один из тренеров, сравнивая успехи легкоатлетов с успехами футболистов.

Затем, когда вынесли воду и удалился брадобрей, унося мои благодарности, прибыла очередная делегация — портной с помощниками. Здесь я уже стесняться не стал. Мне передали нижнюю одежду, чтобы прикрыл срам, измеряли с ног до головы и сделали пометки.

— Подберу для гостя по размеру всё самое лучшее, — пообещал портной, низко кланяясь. — И сразу засяду за шитьё, чтобы подготовить нечто особенное.

— Ольфар, подготовь несколько комплектов одежды для моего друга, — Гуляев, видимо, чувствовал себя с этими людьми, как рыба в воде, и принялся, не стесняясь, загибать пальцы. — Ночных пижам пару, для выхода в люди что-нибудь, повседневную для работы, праздничную, для официальных встреч с Его Величеством что-нибудь строгое и, самое главное, для сегодняшнего ужина.

— Нужно нечто особенное? — спросил портной, бегая профессиональным взглядом по моей фигуре.

— Я думаю, плотный красный кафтан с золотым аксельбантом и золотыми эполетами, — изрёк Гуляев, как настоящий модник. — Мой друг физически крепок и жилист. Хочу, чтобы кафтан это подчёркивал. Ширину плеч, узкую талию, крепкую спину. Он должен произвести впечатление при дворе. Не только на Его Величество, но и на придворных.

— Примо миловиден, — согласился Ольфар, заставив меня неловко поёрзать ножкой. Такие слова я ни раз слышал в родном для меня мире. Но тогда я принимал комплименты, как само собой разумеющееся, ибо считал, что мне льстят, желая заручиться вниманием известного в городе футболиста. — Пожалуй, стоит получше продумать композицию. Ещё и благовониями оросить кафтан. Эффект будет ярче.

— Соглашусь, — кивнул головой Гуляев. — Все, кто его увидит, должны быть им покорены.

— Будут, великий магистр, — поклонился Ольфар и торопливо удалился со своими помощниками.

— К чему это всё? — развёл руками я. — Меня внешний вид вообще не волну...

— Не здесь, — категорично отрезал Гуляев. — Здесь важна каждая деталь. Каждая мелочь. Ты, кажется, уже забыл то, что я просил не забывать? Тут все тебе не ровня. Запомни! Ты — аниран. Ты — потенциальный спаситель. Раз ты уже обозначил себя, тебе придётся соответствовать. А произвести хорошее первое впечатление — самая важная задача именно в этом месте. Здесь сразу смотрят на твою оболочку. И только затем начнут буравить, чтобы попытаться пробраться внутрь... Помнишь, как король на тебя смотрел? Ты был ему противен. До того момента, когда он поверил в то, кто ты такой, он смотрел лишь на твою оболочку. Для тех, кто обитает во дворце, кто может себе позволить больше, чем все остальные, кто имеет право казнить или миловать, внешность имеет большое значение. Здесь нет такого понятия, как "внешность обманчива". Впервые увидев тебя, они лишь обратят внимание. Но когда узнают кто ты такой, контраст только усилится. Выглядеть опрятным и красивым может лишь тот, кто действительно особенный. Так выглядеть может лишь аниран — самый настоящий посланник небес. И они с удовольствием поверят в это

даже без демонстрации доказательств.

— Ерунда какая-то, — не удержался я от комментария. — Разве ж это важно? Тут мир надо спасать, а не думать об аксельбантах.

Гуляев хмыкнул.

— Я тебя знаю всего-ничего, но уже поражён твоим идеализмом. Ты действительно думаешь лишь о спасении этих несчастных? Ты же только прибыл. Тебе бы брюхо набить, отмыться да отоспаться... Возможно, не одному. С женщиной красивой под боком. Пока ещё здесь хватает женщин на любой вкус... Ты же молодой такой и, вроде, энергичный. А я от тебя только слышу: "раздать, поделить", "переплавить", "синтезировать лекарство", "не вести переговоры с террористами". Утро вечера мудренее. Расслабься и побудь в сказке хотя бы недолго.

— У меня нет времени на сказки, — хмуро ответил я, при упоминании о женщинах вновь вспомнив Дейдру. Я не знал что с ней, жива ли она и её попутчики. И хоть в моих стратегических планах не она занимала первое место, бросать её на произвол судьбы я не собирался. Я планировал по-любому отправиться в Валензон и приступить к её поискам. — Как нет времени у этого мира, профессор... магистр Аномор. Я не могу вернуться домой. Значит, моим новым домом станет этот мир. И дать ему умереть, точно зная, что я могу его спасти, я не могу. Поэтому я обязан действовать. Обязан двигаться только вперёд и не оглядываться назад.

— О чём ты? Ты что-то знаешь, чего не знаю я? Ты понял, как мы можем спасти этот мир?

Давать честный ответ на этот вопрос, я не стал. Что-то меня смутило в ремарке "мы". Поэтому я вновь удержался от рассказа про Дейдру.

— Скажу так, профессор: ваш король меня разочаровал. Я не ЭТО ожидал увидеть. Я сомневаюсь, что он может мне дать то, на что я рассчитывал — защиту и опеку. Значит, мне опять придётся полагаться только на себя. Как только я поставлю галочку в первой ячейке моих планов — прочту от корки до корки священную книгу — я перейду сразу к третьей — отправлюсь в Валензон. Вторую галочку — поддержку короля, — мне кажется, можно выбросить на помойку. Боюсь, он сам потребует поддержки. А я не настолько силён — я не физическую силу имею в виду, конечно, — чтобы поддерживать эту жирную бестолковую тушу.

Гуляев помрачнел лицом. Мои слова ему не понравились.

— Зачем тебе в Валензон? Тангвин совсем расклеился. Он практически утратил контроль на городом. Что тебе там делать? Ты должен остаться здесь и своим присутствием вдохнуть в короля жизнь. Неужели ты не понимаешь, как важен аниран? Своим наличием, своим присутствием. Особенно такой, как ты, — отважный и непоколебимый. Не такой, как седой старик. Я не могу стать тем, кем можешь стать ты. Не могу и не буду. Я помогал королю советами, указывал направление. Но во мне нет той искры, той энергии, которая пробуждает силу убеждения. Ему нужен воин! Решительный и бескомпромиссный. Тот, кто умеет выживать, кто закалён в битвах. Тот, кто напомним королю о том, кем он когда-то был. Твоя задача номер один сейчас, та первая галочка, о которой ты говоришь, — произвести впечатление. Не только на короля, но на тех, кто его окружает. Кто шепчет ему на ухо, ест с его рук и грабит умирающее государство. Они все должны увидеть в тебе то, что ты сейчас демонстрируешь мне — непоколебимость и решительность. Они должны почувствовать твою силу, увидеть крепкую руку. И когда они это увидят... Если они это

увидят... Мы посмотрим, что будет дальше. Посмотрим, куда это приведёт.

Я задумчиво почесал подбородок, разглядывая возбуждённого Гуляева. Как-то он быстро завёлся, с пол-оборота практически. Реально, что ли, опасается, что я, едва прибыв, оставлю его одного?

В дверь опять нерешительно постучали — вернулся портной.

— Хорошо, лже-магистр, — тихо произнёс я. — Я попробую присмотреться к королю. Обещаю дать ему второй шанс. Не пороть горячку и вести себя осторожно.

— Главное, следи за языком, — напомнил Гуляев. — Я постараюсь быть рядом и подскажу, как себя вести, если что. И помни: на званый ужин, чтобы похвастаться анираном, я уверен, король пригласит всех. И друзей, и врагов. Эта кодла паразитов и кровопийц будет внимательно тебя изучать. Смотри на них свысока. Не улыбайся им и не вступай в доверительные разговоры. Смотри сурово и не дай усомниться в своей богоизбранности... Заходи, Ольфар. Мы готовы.

Судя по песочным часам на столике в двухкомнатной каморке профессора Гуляева, мы провели минимум час, красуясь и примеряясь. Он пыхтел вокруг меня не меньше портного и его расторопных помощников. Они измеряли, прилаживали, подшивали и подтягивали. Заставили меня стоять по стойке "смирно" и расставить в стороны руки. А затем принялись экипировать. Одели просторные шёлковые штаны, белую рубашку, воротничок пришили. Шикарный красный кафтан надели, поправили аксельбант и прямо на мне подшили эполеты. Примерно такие, какие я когда-то видел на плечах Фелимида. Только, кажется, эти действительно были золотыми, судя по тяжести, которую я ощутил на своих плечах.

Но желание их сразу же сорвать, а затем отправить эти полезные куски драгоценного металла в ближайшую голодающую деревню, я сразу подавил. Об этом я всерьёз подумаю после. И, если надо, сорву эполеты с плеч каждого благородного прямо. Сейчас же мне надо слушаться того, кто в этом месте ориентируется куда лучше — слушаться профессора. Постараться не ударить в грязь лицом и показать всем, кто придёт смотреть на анирана, что лежать на печи следующие тридцать три года, он не станет. Он обязательно что-нибудь предпримет...

Подгоняли одежду прямо на мне, уже когда горизонт окрасился оранжевым. Незаметные слуги зажгли факелы и тихо стояли в ожидании у двери в коридоре. На меня побрызгали какой-то пахучей водой — она точно содержала спирт, но пахла довольно-таки приятно. Затем повязали кожаный пояс и пристегнули ножны с искривлённым кинжалом. Рукоять кинжала, надо сказать, тоже была золотой... Обувью же мне стали крепкие ботинки прекрасной работы. Я несказанно удивился, когда узнал от Гуляева, что они сшиты из кожи самого натурального слона, убитого в далёкой Флазии. И стоят в этом мире просто чудовищных денег. Но для меня всегда главным было в обуви — удобство и комфорт. В отличие от жены, когда мы выбирались на "шопинг", брендовость и дороговизна меня не интересовали.

— Прекрасная работа, Ольфар, — похвалил портного Гуляев, с улыбкой разглядывая меня.

— Рад стараться ради вас, магистр, и ради прямо, — поклонился тот. — Надеюсь, вы не забудете упомянуть об моих заслугах перед королём...

Хоть эти слова показались мне странными, я не стал придавать им значения. Я смотрел на самого себя в бронзовое зеркало, щурился, строил рожицы и паясничал. Я был собой

доволен.

Я всегда был смазливый парнем. Ещё в школе девчонки сами искали со мной контакта, хитро провоцируя разные ситуации, чтобы как бы невзначай оказаться рядом, сесть за одну парту во время урока, или пройтись пешком домой. Когда я начал взрослеть, эта странная детская харизма немного огрубела. Я стал выглядеть более жёстким, что ли. Но почему-то моим жениховским делам это пошло только на пользу. А с учётом того, что я всю жизнь занимался спортом, имел спортивное закалённое тело и был выносливым парнем, моя востребованность у представительниц прекрасного пола лишь возросла. И, в итоге, победила та, кто сама выглядела просто сногшибательно, кто была мега активной, и кому было больше всех надо. Я даже нагуляться как следует не успел — меня захомутали очень быстро.

И теперь, разглядывая самого себя в зеркале, я убеждался, что не растерял былую харизму. Она притупилась немного из-за неопрятности, постоянной нужды и голода. Я долго не мылся, не брился, не чистил зубы. Я просто выживал и не думал о внешнем виде. Но сейчас, в идеально подогнанных одеждах, сильно исхудавший, а потому очень стройный, я выглядел на все сто. Как молодой офицер, собиравшийся побывать на светском рауте.

— Ну вот, вроде, и всё, — профессор Гуляев внимательно меня осмотрел и даже по рукам ладонью пару раз провёл, стряхивая последние пылинки. — Ты готов. Причешись у зеркала — гребёнка на столике рядом — и подожди меня. Я переоденусь в более подходящие одежды.

Нисколько не сомневаясь, Гуляев вытянул худую руку и резко щёлкнул пальцами. Затем, не оборачиваясь, прошёл во вторую комнату. За ним, торопливо распахнув входную дверь, метнулись две молодые девицы и два молодца. Один молодец, не совершив не единого лишнего движения, открыл шкаф, достал тёмно-синюю мантию и, держа её на руках, как нетронутую невесту перед брачной ночью, зашёл следом за Гуляевым. Второй парень прикрыл дверь, но я успел заметить, как девушки помогают старику снимать одежды. Он лишь расставил руки, а они всё делали за него.

— Противно, — фыркнул я. — Он реально привык к сладкой жизни. Великий магистр, мать его так.

Я натурально сплюнул, затем взял грубую расчёску и расчесал на пробор остриженные волосы. Вдохнул прохладный вечерний воздух и вышел на балкон.

Вид с него открывался воистину фантастический. Водная гладь, подсвеченная местными лунами, искрилась. Где-то далеко ещё плавали рыбацкие лодки. Я рассмотрел, как три из них, выстроившись в линию, словно конвой, плыли на запад. Слева заиграл огонёк. Затем их появилось несколько. Я облокотился на перила балкона и заметил, как зажигают огни на далёкой пристани. Где-то там, левее каменных стен, на самом берегу озера, бурлила жизнь.

Сверху прилетел знакомый каркающий звук. Я задрал голову, увидел широкую круглую башню, уходившую ввысь прямо над покоями Гуляева, и рассмотрел силуэт птицы на самой вершине. Птица, прыгая как воробей, соскользнула со скатной крыши, и приземлилась на краю каменного окна, из которого пробивался оранжевый свет, создаваемый пламенем. Сирей ещё раз каркнул очень знакомо, а затем заурчал, как кот, когда в окне показалась тонкая веснушчатая рука и погладила его по крыльям. А в следующее мгновение сирей уже скрылся внутри. Рука потянулась и захлопнула ставни.

— Интересные соседи у Гуляева, — пробормотал я. — Неужели сама королева? Неужели она обучена обращению с сиреем?

За дверью раздался топот ног. Затем в неё постучали.

— Великий магистр, — я узнал голос Бертрама. — Я пришёл за вами и... и primo. Пора.

— Ну, что ж, пора — так пора, — я бросил взгляд на запертые ставни в башне и пошёл открывать дверь.

Часть 4. Глава 6. Аниран устраивает шоу

Лифтом пользоваться мы не стали — уж слишком большая делегация у нас собралась. В сопровождении охраны мы долго спускались вниз по каменным ступеням. И, несмотря на то, что профессор даже не запыхался, он не преминул посмеиваясь похныкать, что в его возрасте столь долгий путь вреден для костей. Чем не рассмешил, а взывал у меня очередное подозрение, что выползать из личины анирана он не желает умышленно. Что умышленно избегает той ответственности, стоящей за этим словом.

Королевский дворец, казалось, был лабиринтом. Без моих провожатых я бы давно заблудился. Не говоря уже о том, что никогда бы не смог найти дорогу обратно. Мы шли по залам и коридорам. Перед нами отворяли двери, за каждой из которых робко прятался кто-то из слуг и торопливо склонял голову. Мы даже пересекли цветущий скверик, где фонарщик зажигал фонари, а на скамеечке кто-то незнакомый втягивал ноздрями знакомый дым.

— Ну вот мы и пришли, — сказал Гуляев, когда перед нами оказались распахнутые настежь резные ворота. На пороге, занимая своей тушей половину прохода, топтался незнакомый мужик, а очередные слуги в праздничных ливреях замерли по стойке "смирно". — Спасибо, Бертрам. Дальше мы сами.

— Его Величество приказали не отходить от анирана ни на шаг, Великий магистр, — слегка поклонился Бертрам. — Я не буду вам мешать, но и выпустить из виду тоже не имею права.

Гуляев хмыкнул. Затем склонился к моему уху и прошептал еле слышно:

— А король предусмотрителен. Ты всё ещё считаешь его никчёмным?

Ответ на вопрос я дать не успел. Нас заметил тот самый мужик, что топтался на пороге. Он метнулся навстречу и склонился в подобострастном поклоне.

— Рад видеть Великого Магистра, — с улыбкой разогнулся он. — Его и... И... Фласэз Милосердный! Неужели это действительно аниран? — он смотрел на меня счастливым взглядом и, казалось, не верил своим глазам. — Неужели несчастная Астризия, наконец-то, получила шанс на спасение? Неужели у неё появился свой собственный защитник?

— Аниран Иван, — ничуть не смущаясь, Гуляев указал рукой на счастливого мужика. — Позволь тебе представить королевского обер-камергера. Муадан знает дворец как свои пять пальцев и поможет решить любую проблему. Смело его проси об услугах и он обязательно исполнит.

— Исполнит с порядочным рвением, — добавил Муадан, улыбнулся и вновь поклонился. В этот раз — поклонился мне.

— Несомненно обращусь, — произнёс я, разглядывая обер-камергера.

Внешностью он обладал рядовой. Обычный отожравшийся торговец с рынка, я бы сказал. Несмотря на опрятную бородку и короткую стрижку, сальное лицо со щеками поросёнка выдавали в нём приспособленца. И улыбки такие, какая сейчас растягивала его пухлые щёки, я видел уже не раз. Улыбка, гарантирующая, что этот человек готов угождать. А лизоблюды и подхалимы всегда были мне противны. Особенно такие откормленные подхалимы в голодающем и вымирающем мире. А у этого сального мешка, судя по всему, в жизни был полный порядок.

— Рад буду исполнить любую просьбу анирана, — пообещал Муадан. — А теперь, если аниран соизволит, я готов представить его почтенной публике. В зале битком. Нет лишь Его

Святейшества, Его Величества и анирана. Все ждут.

Я зыркнул на Гуляева, впервые за вечер почувствовав волнение. В зале битком? Что за зал? Сколько там людей сейчас уставятся на меня, как на диковинку?

— Действуй, Муадан, — повелительно махнул рукой Гуляев.

Обер-камергер ещё раз поклонился, приказал слугам отойти от двери и торопливо засеменял по идеально белым плитам зала.

— Погоди, — придержал меня Гуляев, когда я, было, решил пойти следом. — Этикет надо соблюдать. Пусть подготовит их.

— Кого ИХ? Кто там?

— Там ВСЕ. Все, чьё слово или дело имеет значение. Уж поверь, король точно побеспокоился о том, чтобы никто не отказался прийти на ужин.

— Уважаемые гости! — в зале, к плотным шторам у стен которого прижимались празднично одетые дамы и кавалеры, раздался громкий голос обер-камергера. — Это действительно свершилось! Действительно произошло! Один из аниранов, посланных с небес, почтил нас своим вниманием. Он не миф, не сказка! Он действительно существует! И он дал слово Его Величеству, что обязательно спасёт наш многострадальный народ! Именно он — а ни кто другой — станет мирихом! Прошу, приветствуйте!

Профессор подтолкнул немного ошарашенного меня в спину. Я слегка охренел от слова, которое я дал Его Величеству, обещая спасение. Ведь слов никаких я не давал. Поэтому немного протормозил. Но всё же успел согнать с лица недовольную мину, когда увидел указывающую на меня пухлую руку обер-камергера. А в следующую секунду я уже с трудом держал себя под контролем, когда ступил на плиты зала и на негнущихся ногах шёл прямо к центру. И хоть зал был огромен, смутило меня не это. Не стражи на балконах, не шикарные витражи вместо окон, не пританцовывающий обер-камергер. Меня смутили люди, что толкались в этом зале. Они стояли у стен, сбивались в кучки, держа в руках бокалы. Они по-настоящему теснились в этом огромном зале. Теснились потому, что их было неприлично много. Пока я шёл к камергеру и украдкой косил глазами, я обалдел не только от шикарных одежд смотрящих на меня людей, но и от их количества. Людей было неприлично много.

Так что я немножко растерялся, когда припарковался у счастливого поросёнка. Он указывал на меня рукой и с улыбкой смотрел по сторонам, как бы чего-то ожидая. То ли аплодисментов, то ли восторженных воплей, то ли ещё чего. Но ни я, ни он ничего не услышали. Толпа заинтересованно смотрела и понемногу подтягивалась к центру. Незнакомцы изучали меня, шурили глаза, но рты держали закрытыми.

Немножко я осмелел, когда, бегло избороздив взглядом зал, заметил у стены знакомые лица. Те люди, с кем я прибыл в Обертон, скромно стояли в ряд, скрещивали руки у паха и с улыбкой наблюдали за мной. Там я увидел и Фелимида, и Каталама, и Иберика с Вилибальдом. Всех тех, кто помог анирану преодолеть преграды и попасть в столицу.

— Меня зовут Иван! — громко произнёс я. Благодаря прекрасной акустике, мой голос разнёсся по всему залу. — И я — аниран! — Как делал уже не раз, аккуратно к букве "Н" я сжал левую руку в кулак.

Эффект был поразительным. Мужские вскрики, раздавшиеся одновременно с женскими, легко заглушили их. Кто-то картинно схватился за сердце. Кто-то заохал. Кто-то выронил бокал на пол или просто пролил красную жидкость на дорогое белоснежное платье. А когда я прикрылся щитом и пару раз взмахнул, совершая приёмы атаки, кто-то даже заверещал. Толпа, несколько секунд назад стремившаяся подобраться ближе к центру, в этот

раз дружно отпрянула. А некоторые, столкнувшись друг с другом, даже попадали на пол.

— Я прибыл сюда, чтобы спасти вас! — продолжил ковать я горячее железо. — И я обещаю, что сделаю это. Верьте в меня. Верьте, что я смогу. И будьте готовы оказать анирану любую помощь, которую он от вас потребует.

После моих слов произошло нечто, что меня слегка удивило. Никто не упал на колени. Никто не просил пощады. Никто не умолял о помощи. Толпа гудела, пыхтела и обсуждала с соседями начало спектакля. Но того отношения, которое я видел от простолюдинов в деревнях, никто не продемонстрировал.

Я картинно задрал руку вверх и деактивировал щит. А когда он исчез с лёгким свистом, помог подняться на ноги перепугавшемуся обер-камергеру.

— Действительно аниран, — прошептал он себе под нос, поднимаясь. — Ещё один...

Задать резонный вопрос: "Почему ещё один?", не дал профессор Гуляев. Он подскочил ко мне и приобнял за плечи, даже не пытаюсь скрыть смех.

— Вот это было представление, — смеялся он. — Как они все дружно попадали. Бух!

Я развёл руками.

— Мне показалось, это было необходимо. Сначала они шурились и смотрели на меня с удивлением. Они удивлялись потому, что видели во мне самого обычного человека. И я решил сходу уничтожить всех их сомнения. Теперь они знают, что здесь их собрали не зря и не просто так.

— Я думал, ты прямолинейный. Не склонный к театральным эффектам...

— Я такой и есть, — ответил я.

Слева заёрзал Муандан. Видимо, он не совсем понял смысл тех слов, которыми мы обменялись с профессором.

— Прошу простить, Великий Магистр, но, мне кажется, пока есть время, анирана Иванга стоит представить важнейшим гостям, почтившим королевский дворец своим присутствием. Нам не стоит заставлять их ждать. Я имею в виду мастер-командера Яннаха — главу войск многострадальной Астризии — и сомневающихся, недоверчивых послов. Теперь-то они точно узрели того, о ком в письме я им поведал, и я жажду увидеть их реакцию, чтобы затем рассказать Его Величеству, как ОНИ меня и просили.

— Что ж, в этом, несомненно, есть смысл, — Гуляев сориентировался сразу. — Для всех аниран важен. Но эти люди имеют особый вес, — он опять склонился к моему уху и прошептал. — С этими будь внимателен. Поменьше говори, побольше слушай. И запоминай тех, чьё мнение имеет значение.

— Я бы хотел поговорить с друзьями, — я аккуратно отстранил Гуляева и кивнул в сторону скромно топчущихся у стены друзей. — Вид у них, будто они попали в другой мир. Даже Фелимиду, вижу, не комфортно...

— Фелимиду? — удивлённо вскинул бровь обер-камергер. — Он вернулся?

— Ты его знаешь? — не менее удивился и я.

— Огненно-волосый муж, которого Его Величество... — Муадан запнулся на полуслове, проследив за моим взглядом и заметив у стены бывшего королевского дознавателя. — Действительно он. Как он смог сюда попасть?

— Пришёл вместе с анираном, — недовольно перебил я. — Ты знаешь его? Откуда? Кто он такой?

— Не надо задавать таких вопросов доброму Муадану, — Гуляев цепко сжал мой рукав, хоть на лице его сияла ослепительная улыбка. — Он лишь выполняет указания Его

Величества, а не проявляет инициативу... Пожалуй, вам двоим не стоит задерживаться. Я вижу, мастер-коммандер теряет терпение и вот-вот сам подойдёт сюда. Для едва прибывшего анирана, ещё делами не доказавшему свою состоятельность, слишком дерзко заставлять ждать столь почтительных особ.

Немного растерявшийся обер-камергер быстро пришёл в себя. Он отреагировал на слова Гуляев, вернул на лицо приторно-сладкую улыбочку, раздвинувшую пороссячи щёки, нежно взял меня под руку и потащил за собой. Потащил прямо к компании, центром которой себя чувствовал высокий стройный мужчина лет слегка за пятьдесят. Его лихо топорщащиеся седые усы придавали несколько комичный вид. Но горделивая осанка, властный чистовыбритый подбородок, золотые награды на белом кителе и с десяток топтавшихся рядом подхалимов в парадной военной форме демонстрировали всем и каждому, что мужчина этот — не самый последний человек в государстве. Пока Муадан тащил меня за руку, мужчина не отвёл взгляда. Ни разу не посмотрел в другую сторону. Ничего не ответил ни одному из тех, кто тихо шептался у него за спиной, давая советы или же выражая своё мнение. Этот мужчина, очевидно, был тем, кто не привык слушать других. Он был тем, кого слушали другие.

— Признаться, я представлял анирана другим, — мужчина резко взмахнул рукой, в зародыше пресекая речь, которую собирался толкнуть обер-камергер. И тот замер с открытым ртом. — И сначала решил, что надо мною решили подшутить.

Я сразился с ним глазами.

— Ваш мир, мир, в который я прибыл с далёкой звезды, не вызывает желание шутить. По пути в Обертон я увидел слишком много того, что вызывает горечь, а не смех. Я могу узнать, с кем говорю?

Планов, как выстраивать диалог, я не строил. Я собирался ориентироваться по ситуации. Но сейчас, наблюдая за этим высокомерным петухом, я решил, что и с ним буду держаться так, как ранее советовал Гуляев, — как с тем, кто мне не ровня.

Но он не обиделся. Не фыркнул ни он, ни те, кто его окружали.

— Прошу прощения, — мужчина посмотрел на перепуганного обер-камергера, приложил руку к груди и слегка поклонился. — Меня зовут Яннах. Мастер-коммандер Яннах, командующий сухопутными войсками Астризии. Правая рука Его Величества и первый советник в военных делах.

Рукопожатие вышло крепким. Он пытался продемонстрировать силу, но я с честью выдержал испытание.

— Рад познакомиться. Меня зовут Иван. Я тот аниран, который с удовольствием побеседует с мастер-коммандером один на один, когда будет время. Меня интересует многое. Особенно вопрос плачевного состояния армии и её малочисленность по отношению к силам храмовников, как я слышал. А так же приказ короля, отозвавший в столицу охранные десятки из придорожных деревень, из-за чего крестьяне лишились защитников перед самой посевной. Мне бы очень хотелось обсудить это с командующим всех сухопутных войск Астризии.

На каменном надменном лице не дрогнул ни один мускул. Хотя глаза сверкнули, с потрохами выдавая неудовольствие.

— Аниран плохо информирован, — ответил мастер-коммандер. — Армия сыта и обута. Вымуштрована и готова исполнить любой приказ Его Величества. А двухтысячный гарнизон Обертон в силах оказать сопротивление любому врагу. Хоть внешнему, хоть внутреннему. У

анирана нет причин беспокоиться о её боеспособности.

— А каков гарнизон Храма? — продемонстрировал я свою эрудированность. — И был ли приказ? Приказ оставивший тех, кто вас кормит, без защиты.

— На то были свои причины, — не стал отнекиваться Яннах.

— Действительно? А что происходит за пределами города? Безопасно ли там? Я точно знаю, что на тракте небезопасно. Но безопасно ли у самых стен столицы?

— Аниран решил начать знакомство с допроса? — усы смешно изогнулись, когда Яннах скривился в усмешке. — Он выбрал глупую тактику. Я отчитываюсь лишь перед одним человеком — перед Его Величеством королём Астризии Анфуданом Третьим. И пока он восседает на троне, только он, несомненно, получит ответы на все свои вопросы. Остальные же эти ответы могут или заслужить, или дожждаться, когда я сам пожелаю на эти вопросы ответить.

Ответных колких слов я быстро не подобрал. Не обучен я фехтовать словами, не моё это профессиональное поле деятельности. Я был хорош на другом поле.

— Уверен, аниран не хотел оскорбить мастер-командера, — испуганный оберкамергер решил поиграть в дипломата. — Возможно, он устал после долгой дороги. Мысли путаются. К тому же он только сегодня прибыл в столицу. Оттого растерян немного...

— Я лишь говорю о том, что видел. Прямолинейно и недвусмысленно, — я быстро взял себя в руки. — Ненавижу увиливание и неправду. Я своими глазами видел сожжённые деревни и форпосты. Видел разбойников-работорговцев, безнаказанно уводящих детей от родителей прямо под носом у тех, кто обязан их защищать. В лесах орудуют фанатики. Какие-то там "эсты" или "покаянники"... Королевский тракт мёртв. От Равенфира до Обертонна замерло движение. Жители деревень недалеко от столицы трясутся от страха при виде любого путника. Они никому не верят и готовы каждого встречать стрелами. Разве армия не должна делать то, для чего существует — защищать подданных короля? Разве она не существует на налоги, которые собирают с крестьян?

На лице мастер-командера вновь не отобразилось ни одной эмоции. Словно ни меня, ни мои вопросы он действительно не воспринимал всерьёз.

— Есть вещи, которых аниран не понимает, — ответил он. — Не понимает в силу незнания. Когда он вникнет в суть, возможно, он станет разбираться, а не просто бросаться словами. Но, как я уже сказал, двухтысячный гарнизон Обертонна готов выполнить любой приказ Его Величества... И приказ анирана, если Его Величество будет ему благоволить. А если не будет благоволить... Что ж, на всё воля Фласэза, — не смущаясь, он прочертил знакомый знак перед собой. — От себя скажу прямолинейно и недвусмысленно, как, видимо, привык аниран: не скажу, что был рад познакомиться, но, уверен, встретится нам предстоит ещё не раз. И тогда, возможно, один из нас поменяет своё мнение о другом.

Не дожидаясь лёгкой или тяжёлой ответной шпильки, мастер-командер решил сменить место дислокации. Он направился широким шагом к шумной толпе, что внимательно за нами наблюдала и тихо что-то обсуждала. За ним, как шакалы за Шерханом, последовали те прихлебатели, кто восторженно смотрел на его усы во время разговора со мной.

Я чувствовал себя немного неловко не только потому, что не оставил за собой последнего слова, а ещё потому, что, кажется, зря решил пожурить этого напыщенного усатого петуха с пылу с жару. Видимо, он, как и я, не ожидал этого и даже слегка обиделся. Но я ведь не обманывал. Я сказал чистую правду о том, что видели мои глаза во время

долгого пути из Равенфира. И кто, как не командующий армией, виноват в том, что армии, как таковой, нет? Разве в этом не его вина?

Муадан, пребывая в полубморочном состоянии, трясся рядом. Я успел заметить его круглые перепуганные глаза во время короткой пикировки с Яннахом. Но так же я успел заметить и профессора Гуляева, который прохаживался недалече, делая вид, что рад видеть всех, с кем коротко здоровался. Но ухо его, как локатор направленное на место разговора анирана с главнокомандующим армией, красноречиво говорило о том, что на самом деле было ему интересно.

— Как быстро ты нажил первого врага, — улучив момент, когда ни его, ни меня никто не донимал, профессор Гуляев вновь подошёл с неизменной улыбкой на лице. — Я слышал почти всё. Ты напролом ломишься? Хе-хе... Но вынужден заметить, что ты, возможно незаметно, выбрал совсем не глупую тактику. Этого сибарита давно пора встряхнуть...

— Великий Магистр, как можно!? — воскликнул Муадан, хорошо слышавший Гуляева.

— Муадан, ты ориентируешься при дворе не хуже меня. Ты считаешь, что тот, кто должен командовать армией, действительно ею командует? Или, ты думаешь, он каждый вечер встречается с Его Величеством, чтобы вытребовать выплаты по задолженности для гарнизона? Что они строят планы нанести решающий удар по бунтовщикам Хатемажа? Ты же прекрасно знаешь, что это не так. Он беспокоится лишь о себе. Его многочисленные любовницы не дадут соврать...

Муадан затравленно осмотрелся. Мне стало очевидно, что мнение Гуляева по этому вопросу он разделяет.

— Кто таков Хатемаж? — я перевёл взгляд с одного на другого. — Уже второй раз слышу это имя.

— Когда придёт время, тебе расскажут о нём, аниран, — Муадан перестал строить из себя душку и заговорил серьёзно. Счастливые эмоции покинули его жирное лицо. Он разительно изменился. Рот вытянулся в полоску, брови сошлись ближе к переносице, а глаза перестали блуждать по залу. — Его Величество уже решил, что вскоре созовёт королевский совет и пригласит анирана его посетить. Тогда аниран узнает о всех бедах Астризии. Сейчас же главное — представить анирана придворным. Сегодня они должны узреть надежду.

Гуляев удовлетворённо кивнул, подтверждая. Похоже, он прекрасно знал, что Муадан из себя представляет на самом деле. Что он не просто боров, откормленный на казённых королевских харчах.

— Рекомендую познакомить анирана с зарубежными поверенными, — Гуляев коротко кивнул в сторону. — Я вижу, как они волнуются. Им тоже интересно. Только с ними, аниран, будь любезен вести себя дипломатичнее. Встряски сейчас не нужны.

— Так и будет, Великий магистр, — пообещал не я, а Муадан. — Я прослежу.

Часть 4. Глава 7. Встреча с послами

И он вновь потащил меня за собой. Я был немного растерян из-за быстрой смены событий и настроений, а потому чуток тормозил. Но я действительно больше не рубил сгоряча, никому не хамил и ни у кого ничего не допытывался.

В просторном зале послам отвели отдельный угол, если можно так выразиться. Они там топтались в кругу своих делегаций. Когда меня представили первому из них — послу Эзарию, — я удивился. Удивился после его слов, что он не посол Эзарию как таковой, а представляет интересы самого могущественного города-государства — Шазана-аль-Эзара. Самого густонаселённого города и обладающего самым большим флотом. Я припомнил, где был расположен этот город на карте у Гуляева, но искренне удивился, когда услышал от посла, что, по последней переписи, в Шазане-аль-Эзаре проживало чуть более 50 000 жителей. Что являлось абсолютным рекордом и превышало численность населения всего острова Темиспар.

Сам же посол меня тоже удивил. Вернее, удивила его внешность. Это был смуглокожий — я бы даже рискнул сказать, краснокожий, — мужчина. Не очень высокий — на несколько сантиметров ниже меня. С начисто выбритыми щеками, с глазами цвета орлиного пера, с золотыми серьгами в ушах и длинными чёрными волосами, заплетёнными в самую натуральную косу. Коса была перехвачена позолоченным шнурком, а у затылка её насквозь пронзало перо неизвестной мне птицы. Перо переливалось радугой под светом сотен факелов, освещающих зал, и, казалось, было самым важным предметом гардероба.

Мы общались с послом недолго. Я ожидал, что вопросы будут задаваться на незнакомом языке, а Муадан, возможно, сработает в качестве переводчика. Но оказалось, в этом мире все люди говорят на одном языке — на языке, который я знал как родной, лишь только здесь очутился. Поэтому никаких проблем с общением не возникло.

Посла звали Рауф Бумедьен. Он вежливо разговаривал со мной, пытливым заглядывал в глаза и осторожно интересовался целями и планами. При этом не забывал через слово вставлять про могущественный флот и десятки когорт обученных воинов, которые неусыпно несут стражу как в черте, так и за чертой города. На мой же вопрос о процветании своего города за счёт работорговли он ответил, что в этом нет ничего предосудительного. Жители хотят удовольствий. В столь безрадостном мире, коим он стал после кары Фласэза, все выживают, как умеют. И, несомненно, выживает лишь сильнейший. В этом, по его мнению, вся суть такого понятия как могущество.

Выслушав подобные речи, я моментально потерял интерес к послу. Вряд ли бы я нашёл общий язык с подобным человеком. Поэтому быстро закрутился и, с коварными словами: *"Надо как-нибудь наведаться в ваш город и воздать грешникам за грехи их"*, пошёл знакомиться со следующим.

Посол Флазирии — Иса Онай — меня тоже удивил по-своему. Это был высокий чернокожий мужчина, несколько зим назад прибывший из Серекосо. Того самого города, который Гуляев обозвал Карфагеном этого мира. Иса Онай имел лишний вес, который не могли скрыть даже просторные тёмно-зелёные одежды, похожие на нигерийский национальный костюм — агбада.

Довольно-таки давно молодёжная сборная, с которой я завоевал перстень, встречалась со сборной Нигерии. Мы готовились к чемпионату Европы и ездили в турне по Африке с

товарищескими матчами. Именно тогда я много чего увидел и много чего почерпнул о непростой жизни жителей Африки. Хотя тогда я был молодым балбесом и меня мало волновали чужие сложности, что-то я запомнил. Что-то увидел и что-то отложилось в памяти.

И сейчас, наблюдая, как движутся полные губы чернокожего посла, исторгающие приветствия, и поглядывая на знакомые зелёные одежды, я обращал внимание лишь на одно — на его большие карие глаза. Совсем недружелюбные глаза. Я видел в его глазах то же презрение, что видел в глазах молодых чернокожих футболистов. Но если тогда я не сомневался, что презрение во взгляде — это ненависть к цвету моей кожи, то сейчас мне было сложно понять, почему он смотрит на меня, с великим трудом скрывая отвращение.

Так что и с этим болтуном, начавшим красочно расписывать все прелести холодного флазирского вина, тёплого океана и непередаваемый вкус свежих морепродуктов, не удалось завязать диалог. Я не мог и не желал говорить с тем, кому я противен.

Поэтому уже мне пришлось тащить Муадана за собой. Тащить на встречу со следующим очень колоритным персонажем — послом города-государства Декедды. Того самого города, который Гуляев обозвал гнойным прыщом не теле Астризии. Того города, который находился на южной окраине континента и, по сути, являлся мятежным.

Амран Хабиб встретил меня сдержанно. Не кривился лицом, не корчился в смертных муках. Без улыбки поклонился, едва удержав на голове красную феску и краем золотистого плаща смахнув с пола несуществующие пылинки.

И, как бы это был не смешно, с ним у меня тоже диалог не задался.

Хоть этот черноволосый бородатый мужик с подкрашенными веками и выщипанными бровями не вызывал у меня рвотных рефлексов, как, в принципе, должен был, вёл себя он с анираном, как последняя скотина. Держаться нагло, дерзить и смотреть надменно начал практически сразу. С ходу заявил, что появление анирана никак не повлияет на отношения между Астризией и Декеддой. И что, несмотря ни на что, выполнять ультиматумов они не станут. Не убоялись они военной мощи Астризии, с каждой зимой сходящей на "нет", не убоятся и анирана.

Я не особо понял смысла его горячей приветственной речи. Кое-что понял, конечно, ведь географию успел изучить. А география, как говорится, — это приговор. Если ты живёшь бок о бок с соседом, враждуешь с ним и точно знаешь, что общего языка вам никогда не найти, ваши отношения неизбежно опустятся на самое дно. И так будет до тех пор, пока один из соседей не поставит второго соседа на колени и совершит с ним развратные действия. Ибо если антагонизм вжился в гены через многие поколения, победа одного над другим является единственной возможностью изменить статус-кво.

Поэтому я не стал на него обижаться. Не стал пороть горячку и заявлять, что я, как бы, в Обертоне нахожусь меньше коротких местных суток и в душЕ не трахаю, с какого перепугу он со мной себя так ведёт. Я не имею никакого отношения к Астризии и к её государственному аппарату. Я — сам по себе. Я над всеми. Я тот, кто прибыл сюда спасать этих зажавшихся неблагодарных подонков, а не разрушать чужие города, аргументируя это территориальными претензиями.

Но я не стал ничего этого говорить. Я просто скромно пожал плечами, сказал: "Рад был познакомиться", и оставил посла в кругу своих друзей-метросексуалов.

— Что за люди, — пробурчал я едва слышно. — Один угрожает флотом, другой кривится презрительно, третий словно маленькая гордая птичка — вам никогда не захватить

нас, поработорители! Тьфу, мать их так. И зачем я в это ввязался?...

— Возможно тебе, аниран, удастся вразумить их, — обер-камергер находился ко мне ближе, чем внимательно наблюдавшие издали Бертрам и Гуляев, а потому всё слышал. — Они ведут себя слишком вольготно. Его Величеству это давно не по нраву. Но он ничего не может поделать. Может, у тебя получится.

— Я бы за шкуру вышвырнул отсюда каждого мерзавца, кто открыто признаётся, что его страна промышляет работорговлей. И всех остальных, кто ведёт себя в гостях так, словно хозяин является его должником. И если гость не получит оплату долга, он обидится, и тогда хозяин пожалеет... Зачем вы вообще их терпите? — я повернулся к Муадану. — Погнать всех отсюда поганой метлой.

— Мне будет интересно узнать, что ты скажешь сейчас, — уголки губ обер-камергера разошлись в стороны, обозначая снисходительную улыбку. — Сейчас тебе предстоит познакомиться с Гвелергом — представителем самфунна башей с острова Темиспар. Тогда ты поймёшь, кто обладает самым большим влиянием при дворе. Кто здесь гость, а кто настоящий хозяин.

Сказано было с достаточной степенью откровенности. Тон Муадана говорил о том, что следующего мерзавца, которому он меня сейчас представит, он терпеть не может.

Но реальность, как всегда, — это совсем не то, что наши предположения.

Мы с Муаданом перемещались по залу, сдержанно отвечая на лёгкие поклоны заинтересованных лиц. Но Муадан одёргивал меня, когда кто-либо желал со мной заговорить, и вёл по запланированному курсу. Он привёл меня туда, где кутёж и пьянка, залихватский смех и весёлое хихиканье молодых дам в довольно-таки откровенных платьях только набирали оборот. Прямо в этом огромном зале, возле самого настоящего трона из крепкого дерева собралась шумная компания. На троне, устланном очень знакомой шкурой из коричневого меха, восседал здоровенный мужичара нордического типа, не стеснясь хлебал вино из серебряного кубка, открыто хохотал и сально подшучивал. Это был тирам Гвелерг. И он, как я успел заметить, чувствовал себя просто превосходно в подобной обстановке.

— Многоуважаемый тирам, — обер-камергер повысил голос, чтобы докричаться до весельчака, которому, судя по всему, не было никакого дела до какого-то там анирана. — Разреши представить...

Бородатый мужик перестал хохотать, заметив нас. Но речь Муадан прервал потому, что крепкие ребята из свиты Гвелерга выдвинулись навстречу. Человека три-четыре перекрыли обзор и стали стеной между нами. А один из них даже потянулся рукой к ножнам.

И тут я уже не выдержал. Предыдущая тройка меня порядочно нагрела. Был бы я королём, я бы тех троих пинками под зад выдворил бы из зала. Но когда свита четвёртого — тоже приглашённого посла — в королевском зале решила угрожать обнажить оружие, я не стерпел.

— И что ты собираешься делать с тем кинжалом, что у тебя на поясе? — поинтересовался я у хмурого крепкого парня, схватившегося за рукоять. — Атаковать королевского обер-камергера? Атаковать анирана? Ты желаешь пырнуть меня этой зубочисткой? Ну что ж... Если ты не в курсе и не видел того, что видели уже все, давай, попробуй.

В этот раз я одновременно активировал и щит, и энергетические клинки на правой руке. Оранжевый свет и знакомый шум появившегося оружия до краёв наполнили меня

уверенностью в собственных силах.

Тирам Глевберг выронил кубок и скатился с трона. Одновременно с шумом падающего тела завизжали барышни. В мгновение ока сдуло всех, кто окружал бородатого весельчака. Даже решительная троица заколебалась. Они несознательно сдали назад, едва не отдавив пальцы упавшему хозяину.

— Так, ну-ка прекратить! — с пола донёлся сильный голос. Гвелерг торопливо поднялся на ноги и могучей рукой отодвинул охранников. Затем уставился на меня, как человек, впервые увидевший Статую Свободы, и некоторое время молча бегал взглядом со щита на клинки. — Немыслимо... Невозможно... — наконец-то, изрёк он.

— Люди башей настолько обнаглели, что грозят поднять руку на анирана чужом для них доме? В доме моего нового господина и доме, где их приняли как гостей? — я не собирался больше строить из себя лапочку. — Поверьте, аниран не так хлипок, как, возможно, кажется. Он вполне способен поучить манерам наглецов.

— Прошу анирана простить недостойное поведение. Как моё, так и этих нерадивых войлоков, — тирам Гвелерг с трудом согнул огромную тушу в поклоне, одновременно рукой пихнул самого ретивого охранника. Тот ойкнул от неожиданности, упал и схватился за ушибленное плечо. — Мы не ожидали, что сам аниран действительно удостоит нас чести знакомством. По правде сказать, я не очень-то верил, что Его Величество в пригласительном письме сказал правду. В это было сложно поверить. Особенно до тех пор, как увидишь...

— Тем не менее, это так. Я имею честь разговаривать с Гвелергом? Как мне сообщили — представителем башей с острова Темиспар?

— Нет, это я имею честь, — поправил меня Гвелерг. — Я всего лишь слуга. Как я могу на равных разговаривать с анираном? Это честь для слуги лицезреть анирана и разговаривать с ним, а не наоборот.

Слова этого балагура подействовали на меня успокаивающе. Он смотрел без агрессии, не хамил и всячески старался подчеркнуть, что мы друг другу не ровня. Это было именно то, что хотел видеть профессор Гуляев.

— Тем не менее? — я деактивировал оружие, вызвав у окружающих облегчённые вздохи.

— Аниран, меня действительно зовут Гвелерг. Я действительно тирам — представитель самфунна великих башей, уже много зим совместно управляющих городом Кондук. Моими устами с тобой говорят баш Лёвиг, баш Танген, баш Хомстад, баш Ньюланд и баш Хайланд. Я передаю от них восхищение и надежду на скорое избавление мира от напасти вырождения.

Наконец-то обрёл дар речи Муадан. Он придержал меня за руку и поклонился Гвелергу:

— От имени анирана, защитника нашего мира и отныне лучшего друга Его Величества короля Астризии Анфудана Третьего, я приветствую уста самфунна в королевском дворце. Так же спешу выразить надежду, что самфунн сочтёт уместным пересмотреть условия предыдущих договорённостей...

Хоть я ни хрена не понял, с интересом уставился на Гвелерга. Подобострастный тон, которым с ним говорил Муадан, очень ярко контрастировал с тем тоном, которым он говорил о Гвелерге лишь в моём присутствии.

— Условия договорённостей рассматривает лишь самфунн, — пожал тот огромными плечами. — Я лишь доношу решения. Его Величеству, в свете новых событий, несомненно стоит отослать новое письмо с предложениями. Но, как ты сам, наверное, догадываешься, почтенный Муадан, и баши, и Белый Великан однозначно бросят новое письмо в пылающий

камин, даже не вскрыв печать.

Муадан недовольно нахмурился. Наверное, получая от короля какое-то наставление, где он будет дипломатично грозить анираном, он ожидал другого.

— Что за Белый Великан? — влез я в чужую пикировку. — Уже в который раз слышу про него.

— Как, аниран не в курсе? Он не знает, что он не единственный аниран в этом мире? Не единственный обещанный спаситель.

Я едва себя сдержал, чтобы не воскликнуть: "Ещё бы мне не знать!". Двух аниранов я видел мёртвыми. Третий, с мечтающей улыбкой на устах, хвастался пароходом. Ну а четвёртого я совсем недавно наблюдал в зеркале.

Но я успел вовремя остановиться.

— Не стоит, я думаю, сейчас говорить об этом, — попытался вмешаться Муадан.

— Как раз стоит, — хмыкнул Гвелерг. — Белый Великан — так храбрый народ острова прозвал несравненного анирана Гудмура. Это великий воин! Беспощадный как к врагам, так и к друзьям, по глупости своей рискнувшим предать его. Небеса сжалились над нами несколько зим назад и прислали его, чтобы спас нас. Мы же встретили его со всей лаской и дружелюбностью, как и должны были. Но он огнём и мечом доказал, что сам способен совершать подвиги. Он доказал, что достоин считаться самым настоящим посланником небес. Каждого грешника, каждого неверующего он заставит принять его волю.

— Он хорошо воюет против детей, когда везёт их из северных деревень Астризии в трюме корабля, — грозно произнёс Муадан. — Настоящий посланник небес? Настоящий воин?

— Не тебе судить о поступках великого анирана! — достойно ответил Гвелерг. — Если хочешь ему что-то сказать, я могу передать твои слова с тем самым письмом короля. Будь уверен, он услышит их и, рано или поздно, придёт за тобой... Придёт за каждым, кто осмелится сомневаться в его силе.

Это уже было сказано мне. По крайней мере, мне так показалось. Хотя Гвелерг даже не повернул голову в мою сторону. И мне стало крайне интересно подробнее узнать о том, кто таков Белый Великан. Как я понял, этой информацией обладает и Гуляев, и Фелимид. И мне придётся допросить кого-то из них.

— Тирам Гвелерг, передай кое-что и от меня, — я придержал Муадана от ответных грубостей. — Я ненавижу мерзавцев, охотящихся за детской душой и за детским телом. До каждого такого, где бы он ни находился и кем бы он ни был, я обязательно доберусь. Рано или поздно, как ты сказал. Если нога Белого Великана, нога любого удальца, желающего обменять золото башей на детское тело, ступит на землю Астризии, возмездие от анирана Ивана — совсем не великана — обязательно настигнет. Отныне, сегодня, с этого дня никому не будет дозволено безнаказанно грабить Астризию. Любой недружественный акт по отношению к ней будет расцениваться мною как зло. Как истинное зло, которое будет безжалостно уничтожено. Я всё внятно объясняю?

Я ожидал взрыва эмоций. Пены у рта, возможно. Негодования и обещания разорвать меня в клочья. Но ничего подобного не произошло.

— Мы говорим на одном языке, а значит понимаем друг друга, — спокойно склонил голову Гвелерг. — Но это не значит, что обещания анирана, — это нечто большее, чем просто обещания.

— Жизнь в вашем злом мире научила меня не разбрасываться словами, — сказал я. —

Особенно, когда я увидел, что этот мир из себя представляет...

— Нисколько в этом не сомневаюсь, аниран, — Гвелерг позволил себе улыбнуться. Затем осторожно подошёл ближе и прошептал мне на ухо. — Я обладаю значительными познаниями и сразу понял, что этому анирану уже приходилось убивать других аниранов. Но с таким анираном как Белый Великан этот аниран ещё не сталкивался. Уж поверь мне.

Откровения Гвелерга меня поразили. Я опять не смог сразу подобрать достойный ответ. Мысли лихорадочно метались и, в итоге, сплелись в понятливый клубок: тирам Гвелерг, как и Гуляев, очень быстро понял, каким образом я смог получить то, что, по местным предсказаниям, мне не принадлежало. Видимо, не стоило мне сразу демонстрировать клинки и щит. Радует хоть то, что об исцеляющей нити он ещё не знает.

— Рад нашему знакомству, аниран, — молчание затянулось и Гвелерг решил завершить ознакомительный диалог. — Я многое увидел, многое понял. Теперь, извини, перед ужином мне нужно успеть сделать несколько срочных дел... Возможно, даже отправить с птицей твою просьбу самфунну, — он хитро подмигнул и, не прощаясь, направился к двери в сопровождении своей свиты.

— Фласэз милосердный, — Муадан осенил себя знамением, когда мы остались одни. — Угрожать башам... Угрожать Белому Великану...

— А ты бы что делал? Просьбами их мучил?

— Корона сгибается под тяжестью проблем, — проворчал Муадан. — Долги растут. С востока золото практически не поступает. Не говоря уже о мятежном юге. Его Величество хотел лишь, чтобы самфунн пересмотрел процент выплат по предыдущему займу... Если, конечно, аниран понимает, о чём идёт речь?

— Аниран догадывается, — я недовольно поморщился. Мне казалось, что тут каждый второй считает меня идиотом.

— Может, тогда не стоит кусать протянутую руку, в которой зажата золотая монета? Монета, благодаря которой многие могут есть досы..

— Я смотрю, вы все здесь совсем ох...ли! — я едва удержался, чтобы не схватить за грудки этого отожравшегося козла и использовал инопланетное ругательство. — Есть досыта? Ты вообще когда-либо голодал? Ты знаешь, что творится за пределами твоего сытого мирка? Ты давно выходил за стены города? Ты видел сожжённые деревни? Видел людей, в глазах которых не осталось надежды? Видел детей, которых кидают в клетку на глазах родителей? Твой маленький островок счастья — это всего лишь карточный домик. Через несколько зим он рассыпется под ветром неизбежных событий... Надо не просить, не вымаливать. Да даже не ставить условий! Надо действовать! Немедленно. Прямо сейчас. Ваши побрякушки, — я натурально так схватился за золотой эполет и чуть не сдёрнул его со своего плеча. — Абсолютно бессмысленны. Зачем они, если не приносят реальную пользу? Где ваша армия? Почему она бездействует? Почему позволяет врагу топтать родную землю? ... Я займусь вами. Я обещаю. Я встряхну вас так, что вытрясу всё дерьмо! Наведу порядок — с помощью аниранской силы, если придётся, — разгоню всех лизоблюдов и нахлебников, накажу всех врагов внешних и врагов внутренних. А затем... А затем я выполню своё предназначение — я спасу вас. Спасу ваш мир от неизбежной смерти. Спасу от того, что такие, как вы, — я сделал широкий жест рукой, охватывая зал. — Несомненно заслужили.

Обер-камергер испуганно попятился. Смотрел на меня, как на психа, и сдавал пухлой задницей назад. Затем хлопнул глазами на прощанье и торопливо засеменял ножками к выходу.

Часть 4. Глава 8. Секрет Фелимида

— Блестящее выступление! Просто блестящее! — Гуляев был тут как тут. — Нагнал страху и на хитроумного тирама, и на того, кто шепчет в уши королю. Гарантирую, через несколько минут твои слова без малейшей запинки Муадан передаст Его Величеству. Но вот чего не гарантирую — что точно знаю, какова будет ответная реакция.

— А он что, — я почувствовал, что эмоциональность спадает. Я успокаивался. — Король, я имею в виду. Не желает перемен? Он хочет, чтобы всё так и продолжалось? Какие-то займы... Наглые послы... Грабежи, работорговля, голод. И ненавидящие подданные... Так пусть мне потом скажет об этом, когда выслушает камергера. Пусть скажет, и я в тот же день отправлюсь в Валензон. А он пусть сдыхает в этой клоаке.

— Зачем тебе этот Валензон!? — недовольно воскликнул Гуляев. — Заладил: Валензон, Валензон... Ты прав, конечно. Здесь сосредоточение всех проблем. И решать их надо именно здесь. Но не так же сообщать об этом, ёлки-палки! Думай, с кем ты говоришь!

Я потупил взгляд. Наверное, Гуляев прав. Он же профессор, а не футболист. Куда мне до него в понимании того, что происходит? Он, наверное, много читал о социальном укладе подобных средневековых формирований. Знает, что важно, а что нет. К кому как относиться. Кого раздражать, а кому лучше не подходить.

Только он смотрит на всё это с колокольни Великого Магистра, а не обычного анирана. И не принимает всё так близко к сердцу, как я. Он здесь неплохо устроился и, вполне могу предположить, не желает ничего менять. Хоть говорит об обратном... Но у меня нет времени на адаптацию. Я уже твёрдо решил, что для меня, в первую очередь, важен народ. Простые люди, которые голодают и умирают. Я решил, что стану для них надеждой, новым мессией, вера в дела которого заставит подняться с колен на ноги. Заставит усердно трудиться и не отчаиваться. Я пообещаю им спасение. И когда смогу вдохнуть жизнь в простой люд, обязательно разберусь в том, как предотвратить вымирание.

— Хорошо, — кивнул головой я. — Я постараюсь усвоить уроки. Постараюсь быть чуть терпеливее к местной богеме. Но я обязательно спущу их с небес на землю.

Гуляев вновь не оценил моих слов. Но выговаривать ничего не стал. На некоторое время ему пришлось стать моим гидом, потому что Муандан трусливо сбежал, а количество желающих посмотреть, прикоснуться и поговорить с анираном лишь возросло. Особенно после очередной демонстрации аниранских возможностей перед зажавшимся послом.

Приблизительно в течение следующего часа профессор водил меня по залу вкруговую. Наверное, мы даже сделали не одну, а несколько ходок.

Гуляев чувствовал себя куда увереннее обер-камергера, ведь числился Великим Магистром. С некоторыми он разговаривал свысока. На некоторых смотрел брезгливо. А с некоторыми — с другими магистрами, помогавшими ему организовать Университет, как я успел узнать, — сердечно обнимался. С полуслова мне стало понятно, что этих почтенных старцев он уважает. Им есть о чём поговорить, есть что обсудить. Может, они даже в нардишки вместе по вечерам играют.

Но, в основном, Гуляев представлял меня мелким чиновникам при дворе. Сборщикам податей, зажиточным прямо, невысоким армейским чинам. Все хотели посмотреть на живого анирана и удостовериться, что это он.

И я не возражал. В голове уже выстраивался план дальнейших действий. И одним из

самых первых пунктов, если я всё же не решу отправиться в Валензон, был пункт о популяризации анирана. Не просто с благой вестью сиреями письма доставлять по городам и весям. Не просто слухи распространять. А аниран сам будет ездить по тем самым городам и весям и демонстрировать себя народу. Будет толкать речи, как политик во время предвыборной кампании, и обещать спасение. Но не ради того, чтобы быть избранным на новый срок, а ради того, чтобы в чужих сердцах зажглась искра. Это самое главное, чего я хотел достичь — верой в себя уничтожить поголовное безволие.

— Как много здесь тех, кто приспособился. Как много молодых красивых женщин, которые буравят многообещающими взглядами, — пробормотал я, когда мы с Гуляевым остались одни. — А рядом с ними те, кто может позволить себе оплатить их красоту... Ничего не меняется. Даже в этом мире, в мире, где, как мне говорили, женская ценность утрачена, у сытого корыта хватает смелых, не брезгливых красоток, ради комфортной жизни готовых на всё. Всё как у нас...

— Глупости, — хмыкнул профессор Гуляев. — Женская красота и молодость всегда в цене. В любом мире. Как и в нашем, в этом мире тоже многие готовы на безумные поступки ради женской благосклонности. Ради той самой любви. Хоть плоды любви теперь не появляются, она всё равно существует. Но любовь в грязном холодном хлеву и любовь под защитой всё ещё сытого королевского дворца — это разные вещи, ты прав. Те, кто пестует свою красоту, кто не желает растрачивать молодость зря, на многое пойдут ради сытой жизни.

— Они просто не хотят думать о том, что через несколько зим молодость уйдёт. Уйдёт окончательно из этого мира, — мрачно изрёк я, наблюдая, как рядом с тучным прямо, владельцем виноградников близ города Мармасс, с которым я уже познакомился, порхает стайка молоденьких бабочек. — Интересно, будет ли он тогда смотреть на них с таким же вожделением, как сейчас? Или, когда их молодость растает, они будут ему противны?

Профессор проследил за моим взглядом и не нашёлся, что ответить. Наверное, впервые за вечер я его озадачил.

— Аниран Иван, — улучив момент, подошли Фелимид и Каталам и уважительно склонили головы. — Нелегко тебя выловить в этом болоте.

— Прямо Фелимид всё так же не терпят придворный блеск? — хмыкнул Каталам.

— Чувствую себя неуютно, — признался Фелимид и осторожно прикоснулся рукой к обожжённой щеке. — Я заметил, многие меня изучали. Изучали подозрительно. Видимо, клеймо вероотступника их смущало.

— Тебя никто здесь и пальцем не тронет, Фелимид, — успокоил я. — Обещаю.

— Я тоже не видел ничего подобного очень давно, — Каталам выглядел более ухоженным, чем обычно, но, то и дело, одёргивал парадный солдатский китель. — Вроде прошло много зим, а мало что изменилось.

— Кх-кх, — кашлянул профессор рядом.

— Простите. Магистр Анумор, позволь представить тебе прямо Фелимида — королевского дознавателя из города Равенфир. И сотника Каталама, благодаря верным солдатам которого, мы смогли добраться до Обертонна.

— С Фелимидом мы знакомы, — слегка улыбнулся профессор и покровительственно похлопал того по плечу. — Волосы всегда его выдавали. Выдавали сходство. Но, я надеюсь, сходство это лишь в волосах...

— Великий магистр, — поклонился Фелимид, а следом за ним то же проделал и

Каталам.

— Сходство? — я недоумённо воздел бровь.

В это время раздался гулкий стук металлических саботонов. Из широко распахнутой двери трусцой выбежали пару десятков гессеров. Как волнорез они разрезали толпу надвое и разошлись, высвобождая ещё больше места. А затем в образовавшийся проход ворвался королевский обер-камергер. Он, видимо, наконец очухался и снова был готов водить меня по залу.

Но всё обстояло немного не так.

— Возрадуйтесь, подданные короля! Возрадуйтесь и узрите его. Сам король Астризии — Анфудан Третий — и его супруга Исида готовы снизойти к вам! Встречайте!

В этот раз аплодисменты раздались. Множественные аплодисменты. Не аплодировал лишь, наверное, я. Ибо растерялся. Да Фелимид, который демонстративно свёл руки за спиной и сжал их в кулаки.

А затем раздались неторопливые шаркающие шаги. В зал, держась за руку, вошли король и королева. Анфудан Третий был облачён в шикарный наряд, и тащил за собой пышную мантию, которую поддерживали несколько пажей. Королева Исида, смотрясь рядом с королём, как тонкий шампур рядом с жирным куском мяса, гордо держала голову, счастливо улыбалась и едва заметно кивала каждому, кого удавалось выхватить взглядом.

Королевская чета медленно прошествовала в центр зала мимо склонившейся в массовом поклоне толпы. Король отпустил руку королевы, осмотрелся и нетерпеливо воскликнул:

— Аниран! Аниран, ты где!?

Я чертыхнулся себе под нос и, благодаря помощи Каталама, Фелимида и Гуляева, быстро протолкался к линии стражи.

— Я здесь, Ваше Величество, — отрапортовал я, раздвинув стражей.

Король заметил меня, прошёлся по фигуре вверх и вниз и удовлетворённо кивнул головой:

— Другое дело. Похож на анирана. Вполне. Сядешь во время ужина рядом со мной. Теперь своим видом ты не будешь меня раздражать.

— Почту за честь, Ваше Величество, — я очень постарался, чтобы во время ответа скрип зубов слышен не был.

— Очень, очень, очень неплох, — королева тоже внимательно меня осмотрела. А глазки её прищурилась, будто она что-то задумала.

— Хоть и не как скала, но, надеюсь, крепок? — хихикнул король. И несколько склонившихся перед ним жополизов тоже хихикнули, поддерживав.

— Как стальной трос, — сказал я.

— Как что?

— Аниран имеет в виду, — раздвинув стражу, ко мне протолкался профессор Гуляев, чтобы спасти положение. — Что закалён в боях, которых провёл великое множество в своём далёком небесном мире. А значит, в нашем мире будет непобедим.

— Другое дело, — король удовлетворённо кивнул. А затем прищурился, немного вытянул шею и уставился куда-то за мою спину. — Так-так... Значит, не вдали. Он действительно вернулся. Фелимид, это же ты там стараешься быть незаметным. Ну-ка подойди ближе.

Я обернулся и увидел, как Фелимид нехотя продирается сквозь толпу.

— Ваше Величество, — он поклонился. — Здравствуйте. Не гневайтесь, ибо ослушался

я вашего приказа не по своей воле, а по необходимости.

— Получается, это правда? Ты сопровождал анирана?

— Не совсем. Но встретил первым и дал кров — это да.

— Фелимид, — с лица королевы сползла смиренная улыбка. Она взволнованно уставилась на бывшего королевского дознавателя.

— Тётя, — тот поклонился. — Рад видеть.

А я подобрал с пола выпавшие из глазниц глаза и едва не закашлялся. Так вот оно чё! Фелимид, оказывается, в родственниках у короля ходит.

По склонившейся, но внимательно прислушивающейся толпе пробежал удивлённый гул. Зуб даю, многие знали, кто таков Фелимид, и гулом своим подтвердили, что знают о нём что-то нехорошее.

— Ты плохо выглядишь, мальчик, — королева Исида сделала порывистое движение коснулась щеки Фелимида.

— Верные слуги храма позаботились об этом, — недобро усмехнулся Фелимид.

Король промолчал. Как и королева, он внимательно изучал Фелимида взглядом. Но, видимо, знал больше её. Послание принца Тревина, похоже, он внимательно прочёл. И, судя по его лицу, точно знал как, почему и за какие грехи церковники рассчитались с Фелимидом.

— Обо всём поговорим потом, — голос Его Величества обрёл стальные нотки. Этот сильный, этот решительный голос мне нравился. Таким голосом он и должен говорить всегда и со всеми. Не переходить на хихиканье, смешки и простую речь. Тогда его будут уважать, а не лебезить. — Фелимид, тебя приведут после ужина ко мне. Расскажешь обо всём без утайки. А потом мы подумаем о твоей дальнейшей судьбе.

— Буду рад вновь довериться вам, Ваше Величество, — Фелимид, наконец-то, расслабил руки, прикоснулся к груди и склонился в поклоне.

— А завтра я жду тебя у себя, — добавила королева. — Поговорим, как в старые времена, племянник.

— Буду рад, тётя, — в это раз Фелимид по-настоящему улыбнулся. Ранее он вёл себя сдержанно. Даже напряжённо, я бы сказал. Возможно, опасался чего-то. Но после того, как столкнулся с королевской четой и сразу не был заключён в кандалы, развязал какой-то важный для себя тугой узел.

Очень быстро потеряв интерес ко всему, король и королева, не останавливаясь, прошли по залу. Перед ними отворили очередные широкие двери, которые ранее были скрыты шторами, и впустили в другое помещение, где я успел заметить мельтешащих слуг и длинный стол, накрытый белоснежной скатертью. А затем, после того, как за королевской четой зашли гессеры, дверь вновь заперли.

— Что-то с ужином не так? — растерянно развёл руки я.

Гуляев не сдержал усмешку.

— На ужин попадут немногие. Едва ли треть местных бездельников. Всех потом заведут по одному и по одному рассадят. Но для начала усадят короля, и специально обученные люди, как говорится, испробуют всю снедь на вкус. Король с некоторых пор побаивается заморских ядов... Но, я думаю, не в этом основная причина, — добавил он. — Не хватает одной детали. Весьма значительной. Король ведь всегда приходил на торжественный ужин последним. Но пока нет того, кто всегда появлялся перед ним...

— Как всё знакомо, — перебил Гуляева Фелимид. — Прошли зимы, а ничего не

меняется... Значит, я всё же увижу его...

— Ладно! Надоели мне ваши недосказанности, — недовольно произнёс я. — Фелимид, как сказали бы в моём мире, карты на стол! Кто ты такой? Кем ты приходишься королю?

— Никем, — моментально ответил Фелимид. — Но я всегда был очень близок королеве. Ей и её сыновьям. Я сын её родного брата.

Гуляев опять покашлял, предупреждая. Затем осмотрелся и жестом подозвал к себе Каталама и Бертрама.

— Говорите потише, — сказал он нам, а затем обратился к ним — А вы избавьте их от лишних ушей.

Каталам кивнул и живо подключил к делу своих детей: и всегда бывшего начеку Иберика, и всё ещё слабого, но верного Вилибальда. А Бертрам живо управился с гессерами. В итоге, нам даже никуда не пришлось отходить. Вокруг нас быстро образовался кружок безопасности.

— Давай, рассказывай свою историю. Хватит с меня твоих тайн, — как только всё успокоилось, я подтолкнул Фелимида к действию.

— Прости, что пришлось так долго держать тебя в неведении. С тех пор, как я был изгнан в Рафенфир, я не мог говорить об этом открыто... Но, на самом деле, история моя не так уж интересна.

— Позволь мне самому судить об этом.

— Что ж, будь по твоему, аниран... Всё дело в моём отце. Его звали Аманит. Он был одним из самых прославленных воинов королевства. По молодости он ни раз ходил в военные походы с королём Аскольдом Вторым — отцом Его Величества Анфудана Третьего. С молодым и мечтающим о славе Анфуданом Третьим он дважды пытался высадиться на берега Декедды. Он всегда бился в первых рядах и считался самым бесстрашным рубакой Астризии... Но за всякой смелостью, за всяким бесстрашием скрывается нечто опасное — безумие, одержимость. В Астризии моего отца прозвали "Рыжий Бес" не только из-за неуёмной тяги к битвам, но и за те тёмные дела, которые он вытворял в родовом поместье. Он убивал слуг, насиловал любую приглянувшуюся ему девушку. Он устраивал оргии и ни раз гневил Триединого Бога. Поговаривали даже... Поговаривали даже, — Фелимид склонился над моим ухом и зашептал. — Что он и Анфудан Третий причастны к гибели Аскольда Второго. Долго ходили слухи, что два лучших друга, два молодых воина, ни раз прикрывавших друг другу спины, сговорились и подвели старого короля под засаду. А когда на трон взошёл новый король, всё стало ещё хуже. Ибо теперь на "Рыжего Беса" никто не мог найти управу. Но всё закончилось, когда Исида переступила порог восемнадцатой зимы. Когда зацвела, как самый яркий цветок, — Фелимид вздохнул, словно ему было тяжело говорить об этом. — Они оба захотели заполучить её. И мой отец, и новый король... Да, мой отец захотел свою сестру. И она настолько завладела сердцами обоих, что два старых друга разругались до ненависти... Как поговаривали, мой дед, которого я никогда не видел, уже был готов отречься от сына и лишиться всего, что у него было — репутации примо, фамильного замка и солидной суммы золотом. Но, как ты понимаешь, наверное, Аманит сыграл на опережение — он вонзил меч в сердце своего отца. Поэтому Исиде пришлось спасаться бегством и без раздумий сказать "да" на требования Анфудана Третьего. Как она мне потом говорила: "Не было другого места, где я смогла бы укрыться"... Но если ты думаешь, что "Рыжий Бес" успокоился, ты ошибаешься. Он дождался венчания и с мечом ворвался в божий храм. Он был так одержим своей сестрой, что обнажил оружие в храме и

предложил королю поединок. И хоть король мог приказать зарубить наглеца гессерам, он принял вызов и в честном бою одолел старого друга. Он подвёл черту под тем ужасом, что творился в родовом замке... Но и это был ещё не конец. "Рыжий Бес" причинил слишком много зла слишком многим людям... Вскоре повитухи начали принимать мертворожденных детей, коими пытались разродиться молодые, даже совсем юные девы из прислуги. Но некоторым всё же удалось удачно избавиться от бремени. Именно тогда появился я — от какой-то простухи, как мне говорили. Но так же приблизительно в это время у новой королевы случилась неудачная беременность. Мертворождённый ребёнок, как и у множества тех, кого испортил мой отец. Об этом предпочитают молчать, как ты сам понимаешь. Особенно в свете того, что королева Исида всё же смогла подарить королю четверых вполне здоровых детей. Но нечто подобное очень сложно утаить... Особенно если у ребёнка огненно-рыжие волосы, которыми обладали лишь двое — брат и сестра, Аманит и Исида.

Я бросил быстрый взгляд на рыжие локоны, выбивающиеся из-под модного берета, и, наконец, начал понимать опасения Фелимида. Странная история действительно отвратительно пахла.

— Ты подозреваешь, что у королевы, на самом деле, не случилось неудачной беременности? Ты думаешь, что она может быть твоей матерью? — я не стал подбирать слов и задал откровенный вопрос.

Фелимид спокойно пожал плечами.

— С учётом того, что матери своей я никогда не знал и всё детство провёл во дворце, вполне возможно. Об этом уже столько зим шепчутся при дворе. Но она всегда отвергала такие предположения. Я был дотошным и много раз пытался узнать. Но она всегда отрицала это. Всегда вела себя спокойно и спокойно отвечала. Именно она многое рассказала о моём отце, а многое я узнал из хроник... Но, так это или не так, уже не важно. Я опасаясь лишь одного: что во мне проснётся отцовская одержимость. Его безумие. Жажда крови, жажда насилия. И если всё же королева Исида — моя мать, моя мать — сестра моего отца, то риск стать новым "Рыжим Бесом" крайне велик. От этого я хочу уберечь и себя, и окружающих.

— Не понимаю, — пожал я плечами. — Тебя из-за этого изгнали? Из-за того, кем бы ты мог стать, если бы да кабы?

— Нет, изгнали по другой причине. И изгнали не меня, а нас с Мириам — мир её праху. Мы вдвоём совершили поступок, который кое-кто не захотел прощать.

— И-и-и этот кое-то...?

— Это был её отец. Первосвященник Обертон — Эоанит.

— Он пришёл освятить нашу трапезу своим присутствием! — Как гром среди ясного неба прозвучал голос обер-камергера. Он не последовал следом за королевской четой, а дежурил у порога. И он, наконец, дождался того, кого ждал. — Встречайте низкими поклонами и богобоязненным шёпотом! Владелец церковной тиары Астризии, первый наместник Триединого Бога на греховной земле, Его Святейшество первосвященник Обертон — Эоанит!

Часть 4. Глава 9. Первосвященник Обертона

От неожиданности я, наверное, подпрыгнул ещё выше, чем подпрыгнул Фелимид. Но подпрыгнули лишь мы, потому что все остальные, включая тех близких людей, кто нас окружал, моментально склонились в низких поклонах. Не ниже, думаю, чем кланялись королю.

В просторный зал начала втягиваться очередная многочисленная процессия. Двумя цепями зашли крепкие воины, одетые в знакомые белые одежды с треугольным знаком на груди. Зашли какие-то девушки с измученными лицами, не отрывающие глаз от пола. Они бросали под ноги лепестки белых цветков и что-то протяжно напевали. А затем появился ОН. Высокий, статный мужчина, закупоренный в широкие бело-золотые одежды. Мне даже сложно описать, что именно на нём было одето. Какая-то просторная туника, которая кулём висела, открывая для обзора лишь лицо и руки.

Но самый главный атрибут иерарха церковной власти я рассмотрел очень хорошо. Это была золотая тиара, инкрустированная множеством драгоценных камней. В драгоценных камнях я слабо разбирался, но был уверен, что увидел и бриллианты, и изумруды, и рубины. Даже, наверное, синие сапфиры. А в центральной части тиары выросстал обнажённый молящийся человек. Он скрещивал ноги, как будто, чтобы подчеркнуть бесполость, протягивал к небу просящие руки и словно ждал, что с небес, к которым он обращается, снизойдёт на него спасение. Как по мне, эта композиция немного портила тиару, ведь из-за неё казалось, что прямо изо лба Эоанита растёт рог. Но я точно помнил, что уже видел подобный символ. Я видел во дворце каменные статуи с человеком, протягивающим руки. Видел деревянную поделку на вершинах церквушек в деревнях. Видел даже в столице, когда во сне парил над ней на высоте птичьего полёта. И я резонно предположил, что этим протягивающим руки бесполом человеком, этим символом веры является аниран.

Эоанита окружала свита и он молча плыл к центру зала будто в коконе из живых людей. Он возвышался над всеми. Не только благодаря высокому росту, но и благодаря тому, что все опустили на колени, сложили руки и прятали взгляды.

Лишь двое остались стоять — я и Фелимид. И процессия, осторожно раздвигая ряды зрителей сильными руками храмовников, остановилась как раз напротив нас. Незнакомые святые отцы в белых монашеских клобуках, какой-то крепкий суровый храмовник со странным серебряным ожерельем на шее в виде сложенных в несколько рядов пластин и сам первосвященник одновременно посмотрели на нас. И хоть на их лицах я заметил несказанное удивление, никто не посмел раскрыть рта. Никто, кроме того, кто, как я понял, в этом месте обладал абсолютной властью.

— Ну что ж, — спокойно заговорил Эоанит. — Хоть я не знаю одного, но знаю второго, обоим неуместное поведение могу простить. Один — непутёвый муж моей непутёвой дочери. Второй, рискну предположить, и есть тот самый аниран? Тот самый, о котором за день разнеслось так много слухов?

Крепкий храмовник с ожерельем недобро прищурился, смотря на меня, и сделал шаг вперёд, как бы невзначай закрывая собой первосвященника. Но я не отреагировал не недружественный жест. Я во все глаза рассматривал того, кто стоял напротив, и искал сходство с той женщиной, которая когда-то меня впечатлила. И, надо признать, сходство я нашёл.

Эоанит не был столь старым, каким я его себе представлял. Тщательно выбритое лицо, явно покрытое каким-то защитным кремом, выглядело молодо. Я не заметил ни второго подбородка, ни седого волоска на ухоженной голове. Потому вряд ли бы мог дать Эоаниту больше пятидесяти лет. И это только ориентируясь на лицо, ведь его фигура скрывалась в бесформенных одеждах. Он был высок, а потому смотрел на меня свысока во всех смыслах этого слова. Он изучал меня столь же тщательно, как я его. Но моё лицо было для него новинку. А черты его лица я узнал. Особенно длинный нос и губы, на мгновение сложившиеся в тонкую полоску. Я уже видел очень похожие губы. Они делали их несчастную обладательницу непривлекательной, но в тоже время подтверждали сходство. Ну и, конечно же, изгиб бровей. Такой неординарный изгиб. Грозно-привлекательный. Именно такой изгиб был на лице Мириам, когда она вспоминала об отце и неприятных временах.

— Ваша Святость, — первым отреагировал именно я, потому что Фелимид замер, злс жвав губы. Я даже успел испугаться, как бы он не набросился на тестя.

— Святейшество, — спокойно поправил меня Эоанит. — Лёгкая неловкость, несвойственная тем, кто имеет честь лицезреть меня, говорит о том, что для тебя всё происходящее в новинку. Ты не знаешь, как себя вести, а значит ты действительно родом не из этих мест. И незнание я тоже могу простить. Но ты, Фелимид... Тебе есть что мне сказать?

— Твоя дочь мертва, первосвященник Обертона, — рубанул словами Фелимид. Уважения в его голосе не было ни грамма.

В зале, как мне показалось, взорвалась молчаливая бомба. Сначала раздался всеобщий "а-а-ах!", а затем все заткнулись. И те, кто стоял на ногах, и те, кто сидел на коленях. Да даже я перепугался не на шутку, на мгновение представив, как прямо сейчас придётся рубиться с храмовниками, которые начнут тыкать пиками в брюхо Фелимида.

Но, опять же, всё оказалось совсем не так.

Эоанит лишь немного приподнял руку и знакомо щёлкнул пальцами. Ни дать ни взять — профессор Гуляев.

Стражи-храмовники и остальная свита засуетились. Они принялись не особо вежливо расталкивать окружающих. Вех тех, кто с ужасом смотрел на нас, отталкивали на безопасное для уха расстояние и практически прижимали к стенам просторного зала. И лишь когда на десяток метров вокруг не осталось ни единой живой души, первосвященник решил отреагировать словами.

— Трагедия, — слишком равнодушно произнёс он. Я попытался рассмотреть в его глазах горечь, но её там было ровно ноль. — Как это произошло?

— Ваше Святейшество, я думаю, и так в курсе всего, что происходило в Равенфире с тех пор, как было подтверждено, что в город прибыл аниран...

— С чего бы это? — по-настоящему удивился Эоанит.

— Ваше Святейшество, уж я-то знаю, на что ты способен и как внимательно относишься к любым слухам о пришельцах с небес. Уверен, твой верный слуга — святой отец Эокаст — сразу сообщил обо всём. И, как бы мне не хотелось верить в подобное, я опасаясь, что именно ты приказал ему расспрашивать меня... э-м-м... с пристрастием. Возможно, это благодаря тебе я на всю оставшуюся жизнь буду ходить с этой наградой, — Фелимид указал пальцем на свою щеку.

— Ты переоцениваешь силу пылающего жара моей нелюбви к тебе, непутёвый муж моей бедной дочери, — очень спокойно произнёс Эоанит. Его голос даже не дрогнул от той

самой нелюбви. — Она не настолько сильна, чтобы тратить её на тебя... Но всё же вопрос я задал другой: как так получилось, что ты здесь, а моей дочери, как ты утверждаешь, нет в живых? Почему не наоборот?

Фелимид очень старался держать себя в руках. Я это заметил.

— Её сожгли. Сожгли, как и нескольких слуг в моём доме. Сожгли в назидание, что мы помогли анирану покинуть Равенфир и убедили принца Тревина в его существовании.

— Кто сжёт!? — резко спросил Эоанит. — Взяли хоть одного поджигателя живьём?

— Это были люди святого отца Эокаста. Храмовники. Под покровом ночи, пока я пребывал у принца, они сожгли поместье вместе с Мириам.

— Доказательства? — Эоанит нахмурился. — Доказательства есть? Ты же дознаватель, как-никак. Королевский! С печатью о назначении, поставленной самим королём. Есть у тебя что-нибудь, кроме голословных обвинений? Обвинять воинов церкви в столь мерзостном поступке — само по себе богохульство. А обвинять без доказательств — грозит каторгой.

— Мне не нужны доказательства. Я и так точно знаю. Я умею складывать простые события. И я знаю... силу пылающего жара твоей нелюбви к дочери, Ваше Святейшество. Она ни раз расска...

— Всё, довольно! — решительно взмахнул рукой Эоанит. — Предположения и личные обиды оставь при себе. Мне нужны лишь факты, а не твоё умение складывать события. Ты не уберёг мою дочь, как я и опасался. Ты подвёл её. Ты был плохим дознавателем и оказался плохим мужем... Не смей меня перебивать, а то я действительно своей властью отправлю тебя на каторгу! — Эоанит не дал даже рта раскрыть Фелимиду. — Отныне тебя не существует. Чтобы я больше никогда тебя не видел. А если ты осмелишься ещё раз заговорить со мной в таком тоне, ни король, ни аниран тебя не спасут. Отныне — ты простой вероотступник с клеймом на щеке. И не более.

Фелимид, наверное, что-то знал, а потому ни слова не вывалилось из его плотно сжатого рта. Он всё стерпел и молча поклонился.

А затем Его Святейшество, поставив Фелимида на место, обратил всё своё внимание на меня. И, надо признать, под его тяжёлым взглядом я поёжился. Фелимид порядочно разогрел Эоанита и я даже не мог предположить, какой концерт он устроит мне.

— Теперь к делу, — он изобразил дружелюбную улыбку, похожую на оскал волка. — Как я понял, ты и есть аниран? Иваном величают, если не ошибаюсь?

— Мне стоит демонстрировать доказательства? Или Его Святейшество уже знает, что я из себя представляю? — изогнул я бровь.

Эоанит улыбнулся ещё сильнее: видимо, моя оценка его осведомлённости пришлась ему по душе.

— То, что ты из себя представляешь, я, несомненно, вскоре узнаю. Сейчас я лишь хочу посмотреть на тебя. И, как уже вижу, ты вполне достойно выглядишь. Хоть довольно-таки хлипок... Как думаешь, Триединый Бог, который, я уверен, сейчас смотрит на нас с небес, удивляется ли тому, что ты выжил, пройдя столько непростых преград?... Скажи мне, опасны ли были гончие? Как они выглядели?

Я захлопал глазами и усиленно разгонял серое вещество, чтобы понять, кроется ли в этом вопросе подвох. О гончих, как я когда-то слышал от святого отца Элестина, мало кто знал. Только те, кто, что называется, были в курсе.

— Они выглядели, как само зло, — честно признался я, надеясь, что он понимает, что такое "зло" и сможет сам нарисовать картинку. — Но я справился. Я убил их своими

руками, — я вытянул перед собой руки и Эоанит с удивлением на них посмотрел.

— Эти слабые руки уничтожили само зло? — его тонкий рот исказила усмешка.

— Уверяю, Ваше Святейшество, они способны на большее, — я постарался не обращать внимание на пренебрежительный тон. — Силу этих рук, мощь дара анирана прочувствовали на себе даже "покаянники". Даже "эсты" признали эту силу, склонились перед ней и стали её верными последователями.

— Культы отребья не несут угрозы настоящему анирану, как не смогут стать достойными союзниками, — не сомневаясь, отмахнулся Эоанит. — Они лишь плевелы, которые аниран обязан выполоть.

— Но разве не под вашим крылом растут эти плевелы? Разве не вы выращиваете в храмовом саду ту пищу, которой потом эти плевелы выкармливаете?

Эоанит удивился. Он посмотрел на меня так, будто совершенно не ожидал таких речей.

— Не понимаю о чём ты. Признание греховности прошлой жизни и всепоглощающее смирение — и есть основа истинной веры в Триединого Бога, чьим живым заместителем именно я являюсь на этой земле. Всё остальное — от лукавого. Все, кто считает, что не в смирении спасение, кто отвергает прошлую греховность, кто верит в иные возможности всеобщего спасения — апостаты. Заблудшие души, обманутые отчаянием, безысходностью и желанием предаваться неге. Карающий меч храмовника обрушится на шею любого апостата с не меньшей силой, чем дар анирана. "Покаянники", "эсты", "отреченники" и прочий сброд — это осколки прошлой жизни. Жизни без смирения и отрицания греха.

Я не нашёлся, что ответить. Как-то чересчур уж аккуратно Эоанит заявил, что к "покаянникам" церковь Смирения не имеет никакого отношения. Хотя другие мне рассказывали об обратном.

— Почему же тогда святой отец Эокаст — если не ошибаюсь, бывший первосвященник Равенфира — врал об аниране принцу Тревину? Почему в поместье прямо Фелимида рыскали храмовники? Я своими глазами видел, как они... как они непочтительно относились к вашей дочери — мир её праху. Они всегда стояли на моём пути. Даже следовали за мной, чтобы нанести подлый удар... Если бы не Каталам и Фелимид, оказавшие мне неоценимую услугу...

— Обоих я, несомненно, в своё время за это вознагражу, — перебив меня, Эоанит многообещающе ухмыльнулся. Фелимид даже поёжился от такой ухмылки. — Но почему святой отец Эокаст — бывший? Я его сана не лишал. Я согласен, что он плохо выполнил своё предназначение. Потому был вынужден отправиться в изгнание на восток, где у Чуда Астризии — Храма Смирения — будет замаливать грехи перед Триединым Богом и надеяться на моё прощение... Но, аниран. Воины храма никогда бы не посмели тебе угрожать. Как и я, они — твои союзники, а не враги. Если они пытались тебя отыскать, то только с той целью, чтобы признать тебя и склониться перед тобой. Тебе не стоит бояться ни меня, ни моих воинов. Иногда, чтобы сила веры паствы стала крепче, требуется острый меч. Иногда есть необходимость защиты от апостатов. Всё же они — неизбежность в умирающем мире. И мы должны защищать его. Мы с тобой.

Эоанит положил руку на моё плечо и крепко сжал. Сжал по-дружески крепко.

Я встряхнул головой, словно стряхивал наваждение. Как-то не так идёт диалог. Я не так планировал его вести с тем, для кого, я уверен, я совсем не друг и совсем не союзник. Сама Мириам говорила, что её отец ни за что не допустит, чтобы живой аниран получил защиту короля и обосновался в Обертоне. Она знала что-то, чего пока не знал я. Плюс я планировал

то самое смирение, которое Эоанит пестует, уничтожить. Уничтожить всю пассивность и веру в неизбежность. И вряд ли мои планы придутся ему по душе.

— Я польщён вниманием Его Святейшества, — произнёс я. — Но как-то так получилось, что все святые отцы, все ревностные защитники веры, доставляли мне лишь хлопоты. Был один негодяй, который дымом помогал разбойникам уводить детей из родного дома. Он делал это ради золота, а не ради веры...

— Среди колосьев бывают и такие, которые легко сгибаются под силой ветра, — равнодушно пожал плечами Эоанит.

— ...Был тот, который изуродовал моего друга, — Фелимида. Он будет наказан Его Святейшеством, я так понимаю? Но, я надеюсь, придёт время и он будет наказан лично мною, — Эоанит убрал руку с моего плеча, а Фелимид наоборот — благодарно прикоснулся. — Был так же тот, кого Его Святейшество, несомненно, знает. Коварный и опасный старик, бывший третий претендент на церковную тиару Астризии. Элестин его имя.

— Элестин?

— Из всех ревностных защитников веры он первым оказался на моём пути. Он многого хотел от меня, многое обещал...

— Что хотел? Что обещал? Что предлагал? — пулемётом выстрелил Эоанит.

— Всякое-разное, — уклонился я от ответа. — Но речь не о его мечтаниях, а о нём самом. Он оказался редкостным негодяем, совершившим непростительный с моей точки зрения поступок. И, как я смог выяснить, он должен скрываться где-то в столице. Я бы хотел попросить помощи Его Святейшества в этом вопросе. Уверен, ему будет так же интересно отыскать бывшего конкурента и допросить. И, возможно, передать в руки анирана.

В этот раз ни тени веселья не было на лице Эоанита. Ни улыбок, ни ухмылок. Он хмурился и не отрывал от меня взгляда. А в его голове, уверен, со скоростью света пролетали мысли, обрабатывая полученную информацию.

— Новость полезная. На самом деле новость, и на самом деле полезная, — признал Эоанит через некоторое время. — Обещаю анирану, что часть моего внимания я обязательно уделю этой проблеме. И, если что-то узнаю, постараюсь не забыть посланника небес.

— Спасибо и на этом, — в этот раз уже хмыкнул я, наблюдая, как всеильный глава церковной власти волнуется. Что-то в моих словах о возможном появлении Элестина в столице заставило его заволноваться. — Тогда разрешите немножко понаглеть? Примо Фелимид мне друг. Очень близкий. Мы прошли с ним через многое и многое пережили. Я бы хотел узнать от вас, ведь он не признаётся, за какие грехи он был вынужден покинуть Обертон? Я знаю, для него это родной дом. Почему он был изгнан?

— Аниран... — Фелимид, было, решил подать голос. Но его перебили.

— Вряд ли стоит называть непутёвого мужа моей дочери — примо. Репутации у него больше нет. Он всего лишь вероотступник... А изгнан он был действительно по моему желанию...

— Не только я, но и Мириам, — успел напомнить Фелимид.

— Верно, — не стал увиливать Эоанит. — Дочь я тоже наказал. Эти двое совершили богохульство: усыпили стражу, тайком пробрались ночью в святой храм, разбили хрустальный саркофаг и до утра читали запретную книгу. Читали вместе, как заговорщики. А когда их обнаружили утром, они ничего не отрицали. Они заявили, что только так могли узнать, какие тайны от них скрывает святая церковь.

— Какую книгу? — я, кажется, начал понимать. — Неужели "Книгу Памяти Смертных"?

— Всё верно, аниран. Я вижу, ты слышал о ней?

— Слышал, конечно. Святой отец Элестин часто рассказывал о ней. Но почему она запретная? Разве не каждый желающий её может прочесть?

— Только принявший сан, только впусивший в сердце истовую веру может прикасаться к главной святыне. Только святой отец может быть допущен к чтению, — моментально ответил Эоанит. — Все остальным, кто познал силу букв, доступна копия, что хранится в книгохранилище... Эти же двое наплевали на запреты. Они едва не загубили ветхую книгу, за что получили, по моему мнению, слишком лёгкое наказание.

— Враньё, — прошипел Фелимид. — Мы едва прикасались к страницам. Мы многое даже прочесть не успели.

Эоанит сурово свёл брови, будто собирался окончательно разобраться с Фелимидом прямо здесь и сейчас. Но я ни за что бы этого не допустил.

Видимо, Фелимид заметил взгляд Эоанита, а потому торопливо обратился ко мне.

— В книгохранилище копия не полная, аниран. Как я уже говорил. Нет смысла терять время на то, где нет всех ответов... Поверь мне.

— Я тебе верю, мой друг.

— Очень жаль, — Эоанит изобразил разочарование. — Надеюсь всё же, аниран достаточно самостоятелен, чтобы делать выводы и принимать решения самому. Надеюсь, он не поддаётся чужому влиянию. Это очень важные качества для любого человека, но для анирана в особенности... Рад был увидеть тебя, аниран. Увидеть целым и невредимым. Честно признаюсь: ты первый посланник небес, кого я увидел своими глазами. Я много слышал о других и уже имею о них общее представление. Тебя же я пока не знаю. Но не сомневаюсь, что мы найдём общие темы для разговоров и цели, к которым будем стремиться вместе, — он взмахнул рукой, призывая свиту вновь окружить его плотным кольцом. — Обращайся к эстарху Эриамону — моей правой руке в вопросах веры, — если будет в чём потребность. Вон он. На его голове тиара из серебра.

Свита местного понтифика вновь пришла в движение. Пожилой седобородый мужчина, едва ли не старше профессора Гуляева, выдвинулся вперёд и поклонился. На голове его крепко держалась серебряная тиара с тем же символом в центре.

— Буду рад оказать анирану любую помощь, — пообещал он, приблизившись.

Я поклонился в ответ и уже собрался распрощаться с Эоанитом, так как он более чем прозрачно намекнул, что наша первая встреча подошла к концу. Но его такие мелочи не волновали. Больше никаких сомнительных любезностей я от него не услышал. Как настоящий англичанин — не прощаясь, — он резко развернулся и направился в сторону дверей, за которыми ранее скрылся король. А человеческая стена, прокладываящая ему путь, вновь принялась расталкивать помехи.

— Никогда не сомневался, что на Мириам ему плевать, — тихо прошептал Фелимид за моей спиной. — Она не раз рассказывала, как он в лицо говорил ей, что она его разочаровала. То ли по причине легковесного поведения в юные годы, то ли за любовь ко мне, то ли за своеволие в мыслях. Она говорила, он уготовил ей какую-то роль. Но она, по его словам, давно сбилась с пути и уже никогда не станет такой, какой он хотел её видеть.

— Да уж. К её смерти он отнёсся крайне равнодушно. Будто не отец он ей вовсе.

— В его сердце, мне кажется, никогда не было любви. Он всегда желал лишь одного —

власти. И опасался тоже лишь одного — её потерять.

Я задумчиво смотрел на удаляющую спину в странных белых одеждах и думал о том, что Эоанит предпримет, когда поймёт, что эту власть я собираюсь отобрать.

Часть 4. Глава 10. Кто же таков Хатемаж?

Гости зашевелились, когда религиозная процессия целиком скрылась за дверями. Перепуганный Каталам и чем-то озадаченный Гуляев вновь составили нам компанию.

— Про власть говорите? — услышал профессор обрывки разговора. — Теперь ты, Иван, надеюсь понимаешь, у кого реальная власть? — он понизил голос до шёпота. — Я своими глазами видел, как первосвященник разговаривал с Его Величеством, как с мальчишкой. Он был чем-то недоволен, после того, как получил письмо от святого отца Эвенета — бывшего второго претендента на церковную тиару Астризии. Тот сейчас находится на востоке страны и становится всё более независимым. И они обсуждали нечто обещанное, чего Эвенет не получил... Иван, постарайся не допустить, чтобы Эоанит перестал тебя уважать. Пока он не знает, что ты из себя представляешь, а потому опасается. Но обязательно будет прощупывать. И если ты прогнёшься, он начнёт вытирать о тебя ноги.

— Спасибо за совет, про... Великий Магистр, — я поблагодарил профессора от чистого сердца. Этот совет показался мне весьма полезным. — Всё, что я сегодня здесь увидел, доказывает, что король заслуживает хорошего пинка. Его нужно расшевелить, чтобы вновь стал королём, а не подстилкой.

Гуляев усмехнулся, пока Каталам и Фелимид испуганно смотрели по сторонам, опасаясь предательских ушей:

— Только не говори об этом так громко...

...После отбытия со сцены главных актёров, запал у гостей утих. Многие вновь разбились на группки, пили халявное вино и обсуждали произошедшие события. Ко мне поприветствовать больше никто не подошёл. Хотя я ловил на себе заинтересованные взгляды от представителей разных сословий и разных полов, никто из них не осчастливил себя знакомством со мной.

Зато, наконец-то, смогли пробиться Иберик, Вилибальд, Умтар и Бенал — все выжившие солдаты, с кем я проделал долгий и опасный путь из Равенфира. Вилибальд всё ещё выглядел слабым и бледным, но держался молодцом. А простые солдаты имели совсем очумевший вид. Ничего подобного они раньше не видели. Резкий карьерный взлёт до королевского дворца в столице от солдатских казарм, где они беспокоились лишь о жратве, мечтали о сухом сене и давили клопов, казался им перемещением в иную реальность.

Но длилось всё это ожидание недолго. Все подготовительные работы, видимо, были уже завершены. Вскоре дверь вновь отворилась и обер-камергер торжественным голосом вызвал за стол Его Величества всех самых достойных.

Меня, как самого достойного, пригласили первым. Гуляев посоветовал на посошок не стесняться и уплетать королевские деликатесы. Но и не смотреть, как жрут другие. Ибо их раскованное поведение за столом рисковало уничтожить мой аппетит.

Длинный белый стол, заставленный яствами, и прекрасные запахи, будоражившие ноздри, заставили меня забыть о том, в каком гадюшнике я нахожусь. Я лишь успел обратить внимание на две детали. Первая — слуг в трапезном зале было неприлично много. Все они жались у стен и испуганно смотрели в пол. А вторая деталь — в одном конце стола гордо сидел Его Величество, нетерпеливо постукивая пальцами по белоснежной скатерти. А в противоположном — далеко-далеко напротив — расположился Его Святейшество. И я так и не понял, что хотели подчеркнуть устроители банкета. Что даже за столом есть две ветви

власти? Или что король и первосвященник настолько удалены друг от друга, что даже во время жратвы их стараются разместить в как можно более удалённых точках пространства?

Впрочем, поразмышлять на эту тему мне так и не удалось. Муадан усадил меня у края стола по левую руку от короля. Её Величество оказалась напротив и, едва столкнувшись взглядами, приветливо улыбнулась.

— Прошу тебя, посланник небес, — тихо произнесла она, пока Муадан торопливо побежал за следующим достойным. — Ни в чём себе не отказывай. И прости нас, если мы вдруг окажемся простоватыми для твоих норм поведения. В столь сложное время званые ужины проводятся крайне редко. И мы уже не столь гостеприимны, как раньше...

— Ой, оставь, Исида, — король продолжал барабанить пальцами по столу, будто ждался блюда с зажаренным поросёнком. — Дела — после. Главное, чтобы все увидели, что аниран с нами. Что ест ту же пищу и никуда не собирается. Ведь так, аниран?

Я почуял в вопросе подвох. Хотя его, возможно, и не было. Я говорил только Гуляеву, что свалю отсюда, если Его Величество меня окончательно собой доконает. Никто, кроме него, не мог знать, что я могу здесь не задержаться. Неужели король что-то знает? Неужели у него действительно везде есть уши? Или он просто задал вопрос не имевший подтекста?

Но пока я даже сам себе не мог на него уверенно ответить. Чёртова книга, доступ к которой, как я понял, составляет определённую проблему, не выходила у меня из головы. Я же всё-таки ради неё сюда прибыл. И добраться до неё мне по-любому надо. Но и обстановка при дворе, как я уже успел заметить, тоже непростая. Не говоря уже про неумелое управление. Так что, хочешь не хочешь, задержаться придётся.

— Почту за честь оказать вам всяческое содействие, — уклончиво ответил я.

Королева удовлетворённо кивнула, а король испуганно забегал глазами, будто абсолютно не понял о чём я говорю.

Трапезный зал начал заполняться гостями. Муадан проявил поразительное для его веса рвение и очень быстро рассаживал гостей. Заводил каждого, громко кричал его имя и статус, будто это было невероятно важно для зрителей, большинство из которых составляли слуги, а затем опять убежал.

Но и система рассадки гостей тоже оказалось непонятной. Несомненно в ней был какой-то смысл, ведь кого-то садили ближе к королю, кого-то ближе в центре длинного стола, а кого-то с самый дальний край возле первосвященника. Рядом с королём Муадан усадил не только главную звезду банкета — меня, но и магистров, имеющих высокий ранг. Гуляев, к моему великому облегчению, был усажен напротив, рядом с королевой. А моим соседом, к моему великому напряжению, стал мастер-командер Яннах. Он приземлился, не выказав негативных эмоций. Лишь чуть приподнял руки, чтобы ретивые слуги положили на колени полотенец. Ну а уже за ним начали рассаживать послов. Одного за другим. Все они настолько отличались друг от друга, что сверкали, как калейдоскоп. И лишь тирам Гвелерг, под которым предательски заскрипел добротный стул, улыбался сверх меры. Остальные же приняли равнодушно-горделивую позу.

У первосвященника же, как я понял, усадили всякую мелкоту. Из всех, кого заводил и усаживал Муадан, я лишь узнал лицо эстарха Эриамона. Лица остальных — от богатого плантатора из Шамасса, до королевского казначея — были мне незнакомы.

Но Его Святейшество не обиделись. Своим повелительным голосом, они зачитали короткую молитву с надеждой на скорое излечение мира, когда последний счастливчик торопливо опустил зад на стул. И пока он читал молитву, я неловко ёрзал, потому что

смотрел на своих друзей, которых Муадан выстроил у стены, как обычных слуг. Выстроил у стены как раз напротив меня. Мне показалось это немного некорректным, ведь им, по какой-то непонятной причине, придётся смотреть, как едят достойнейшие, вместо того, чтобы разделить заслуженную трапезу. И я, наверное, задал бы этот вопрос королю, если бы в это время молитва не закончилась и король обрадованно хлопнул в ладоши.

— Наконец-то!

А затем началось действительно нечто удивительное. Я бы не назвал это званым ужином или пиром. И я бы не сказал, что местная богема ела. Она, скорее, закусывала. Ибо количество разом разлитого и разом употреблённого алкоголя превышало все разумные пределы. Даже тощее плоскогрудое подобие женщины с любовью схватило серебряный бокал и утопило губы в вине.

В первые мгновения стартовавшей пирушки, я вообще потерял дар речи. Перед королём поставили красивую композицию в виде зажаренной птицы и он накинудся на неё, как голодный волк. Хоть всё же не руками, а транжирной вилкой, принялся разбирать её на составные части. И мне понадобилась вся сила воли, чтобы подавить в себе брезгливость. Даже лёгкий пинок носка под столом, которым бестактно наградил меня профессор Гуляев, — жри, мол, не пялься! — не уничтожил растерянность. Лишь когда я вспомнил про всеобщее обнищание и голод, я успокоился. К тому же у них ещё не было такого повода: никогда аниран не озарял своим присутствием эту пёструю компанию. Повод реально был и поест, и побухать.

Так что я не стал себя сдерживать. Ранее я перекусил у профессора в номерах. Но всё ещё чувствовал голод, ибо так и не насытился. Поэтому принялся ублажать желудок, не отказываясь, конечно, и от реально классного вина. Я чувствовал себя тем, кто может съесть что угодно, где угодно, и сколько позволят.

Чтобы общее чавканье было менее слышным, где-то недалеко заиграл скрытый от глаз оркестр. Играл не бравурные марши, а тягучие, медленные мелодии. Но, надо признать, играл неплохо. И благодаря прекрасной музыке, капающее вино с усов соседа, не так меня раздражало.

Удивительное обжиралово продолжалось довольно-таки долго. Суетливые слуги успели сменить три блюда лично у меня. А сколько блюд сменили у тирама Гвелерга, оставалось лишь догадываться.

За это время никто не проронил ни слова. И лишь когда первый голод был утолён, начались тихие разговоры между соседями. Поскольку одним из моих соседей был самый главный человек в этом зале, в основном мне пришлось разговаривать с ним. Точнее — отвечать на его вопросы и раз за разом повторять истории о своих подвигах. Особенно ему понравилась часть про столкновение с "покаянниками" на тракте. Он никак не мог насладиться тем местом, где я рассказывал, как рубил их на части с помощью магического щита. Он даже спрашивал, как это работает и как выглядит поверженный мерзавец, после совершённой кары. Почему-то для него была крайне важна демонстрация моих физических возможностей. Не умственных, а именно физических. В этом диком мире, наверное, всё решала физическая сила. И король желал убедиться, что этой силы у меня хватит, чтобы противостоять теоретическим врагам.

— Ты один стоишь сотни воинов, оказывается, — уважительно поджал губы король. — А с виду и не скажешь. Может, стоит тебя назначить руководить армией? — он бросил быстрый взгляд на оторвавшегося после этой фразы от своего корыта Яннаха, и быстро

спохватился. — Ну, или тысячник.

— Я слаб в военном искусстве, — корректно сказал я. — Уверен, мастер-коммандер куда более компетентный в этом вопросе, — я успел обратить внимание, как замерший, было, Гуляев, удовлетворённо кивнул, словно я сделал всё правильно. — Но, тем не менее, я не мог не заметить, что на тракте от Равенфира до Обертонна пустота. Кто-то сжёг Восточный Форпост. А люди... простолюдины из деревень жаловались мне, что едва сошёл снег, пришёл приказ, отзывавший охранные десятки в столицу. Ходили слухи, что где-то на севере высадились ватаги из Кондука...

— Что-о-о!!! — взревел король и стукнул кулаком по столу, перевернув серебряную тарелку. — Когда??? Кто высадился? Сколько?

Я замер, ибо не ожидал подобной реакции.

— Яннах, что ты молчишь!? — король вскочил. — Почему я об этом не знаю? Ты знал об этом? Гвелерг! Разве ты не обещал, что этого не будет!? Ты обманул меня!?

Тирам Гвелерг аж поперхнулся. С бороды на скатерть посыпались крошки.

— Ваше Величество, ничего подобного нет и в помине! Аниран заблуждается. Самфунн всегда держит слово и никогда его не нарушает.

— Ваше Величество, — поспешил на выручку послу Яннах. — Северные земли мирно вспахиваются. Им ничего не угрожает. Я гарантирую.

— Но десятки-то действительно отозваны в столицу, — неуверенно произнёс я.

— Ах, ну да! — король хлопнул себя по лбу, успокоился так же быстро, как завёлся, и опустил зад на стул. — Это же всё из-за Хатемажа. На севере-то тихо. Да в столице беспокойно. Вот потому и пришлось отозвать войска. А что делать? Если тут под стенами собралось столько черни, что едва хватает солдат поддерживать порядок.

Король потерял интерес к теме и нырнул в тарелку, которую быстро заменили.

— Простите, Ваше Величество, — я не считал, что разговор окончен. — Но кто таков Хатемаж? Почему ради него пришлось оставить без защиты...

— Не ради него, а ради моей безопасности, — недовольно перебил король. — Расскажите анирану кто-нибудь. Анумор, Яннах. Я ем.

— Я поведаю анирану, — Гуляев спешно опередил с рассказом носителя недовольно топорщящихся усов.

Говоря негромко, видимо, чтобы не услышали те, кому это не по статусу, Гуляев рассказал очередную безрадостную историю про жизнь в умирающем мире. Он рассказал про прямо Хатемажа — умелого воителя из известного рода. Про его амбиции и требовательность ко всем, кто его окружает. Хоть прямо Хатемаж был ещё довольно-таки молод по местным меркам, он быстро взбирался по карьерной лестнице. Сначала он возглавил десяток гессеров, затем сотню. Ему всё давалось легко и вскоре он возжелал большего — захотел, чтобы король доверил ему руководство гессерами. Всеми наличными силами в охране короля. То есть прямо Хатемаж захотел получить контроль над жизнью Его Величества, как утверждал хорошо знавший Хатемажа мастер-коммандер Яннах. Королю это не понравилось и он отказал в прощении. За что прямо Хатемаж беспричинно обиделся и начал строить козни. А когда его проделки зашли слишком далеко, был изгнан с позором из армии и из города.

Но случился ужасный неурожай. В Обертон потянулись беженцы. Обездоленные простолюдины, которые были готовы на всё ради краюхи хлеба. Мерзавец Хатемаж быстро смекнул, как воспользоваться ситуацией. Он подговорил верных ему солдат и вместе они

взяли под крыло отчаявшихся. Расселяли их, где удавалось, валили лес недалеко от столицы, строили убежища и добывали пропитание в озере. Так и возникли Трущобы — огромный лагерь у самого берега. Там ютятся тысячи тех, кому удалось пережить зиму. Они благодарны Хатемажу до глубины души и почему-то не любят того, кому обязаны всем — Его Величество.

Недавно Хатемаж обнаглел настолько, что взял под контроль озёрный порт, конфисковал рыболовецкие суда и подчинил себе весь рыбный промысел. Обнаглел настолько, что начал выдвигать требования и ставить условия. Он хочет оружия в обмен на доступ к питьевой воде и свежей рыбе. Хочет золота и роскоши. Он считает себя достойным и умным управителем, способным властвовать не только над отребьем, но и над королевскими владениями. А с учётом того, что под стенами Обертонна за зиму собралось слишком много лишних ртов, даже двухтысячный гарнизон не в силах навести порядок. Хатемаж не раз угрожал, что если войска зайдут в Трущобы, он спалит весь город. Силёнок у него хватит. Хватит тех, кто сожжёт себя ради этого, если придётся. Поэтому у Его Величества не оставалось выбора, кроме как отозвать в столицу все боеспособные войска. Он опасается, что у Хатемажа всё же хватит наглости перейти в наступление. Но теперь Обертону будет чем ответить.

Я сидел, как немая статуя. Немая статуя, которая кисло кривилась и корчилась. Оказывается, отзыв солдат из деревень не был обманом. Обманом была лишь причина. И эта причина, вкупе с конфискацией зерна зимой, лишь усилила ненависть крестьян к монарху. А с учётом того, сколько обездоленных людей пытаются выжить у стен, король не напрасно опасается, что город сожгут.

— И никто не может найти на него управу? — я повернулся к Яннаху.

— Не хочу доводить до кровопролития, — как-то неуверенно ответил мастер-командер. — Военные ресурсы и так истощаются. Следующая зима... — он облизал губы. — Всё сделает за нас.

— Очаровательно, — фыркнул я. — Обречь столько людей на погибель. Как это похо...

— Аниран, думаю, не в курсе всех проблем, — громко перебил меня профессор Гуляев. Даже вскочил, чтобы заставить меня закрыть рот.

— А что тут выдумывать? — пожал пухлыми плечами Его Величество. — Когда озеро замёрзнет, всё станет на свои места. Надо лишь подождать.

— Я всё объясню анирану после ужина, — пообещал Гуляев. Он опять как-то слишком сильно начал переживать. — Объясню суть проблемы.

Но я уже зацепился за тему. Слова Яннаха разогрели мой котелок. Я отлично знал, что представляет собой зима в этом мире. И не желал слушать, когда кто-то планировал дать суровой местной природе превратить множество людей в сосульки.

— Хоть я говорил ранее магистру, что с террористами нельзя вести переговоры, давайте я всё же попробую? — обратился я к королю, который силился понять смысл незнакомых слов. — Давайте я поговорю с этим Хатемажем? Посмотрю, что за человек. Выясню, чего он хочет.

— Крайне опасная затея, — первым ответил Яннах. — Уж я-то знаю мерзавца.

— Но я же аниран, — сказал я. — У меня нет к нему претензий, нет к нему ненависти. Я просто хочу помочь вашему миру. Неужели он откажет во встрече анирану? Неужели может ему чем-то угрожать?

На этот вопрос никто не смог ответить сразу. Даже Гуляев задумался. Видимо, идея казалась неплохой не только мне.

— Отличная идея! — подхватил Его Величество. — Вот ты к нему и пойдёшь. Передашь наши требования и пусть только попробует их не выполнить!

Крайне довольный собой король удовлетворённо хлопнул в ладоши и вновь схватился за вилку. А мастер-коммандер Яннах, к моему удивлению, наклонился ближе и прошептал:

— Он очень опасен, аниран. Он зол на Его Величество. И никакие увещевания или угрозы не смогут на него повлиять. Вряд ли ты чего-либо добьёшься.

— Посмотрим, — спокойно ответил я. — Не поверите, мастер-коммандер, но анираны действительно могут творить чудеса.

Он посмотрел на меня будто силился понять, шучу я или нет. И, в итоге, не сказал ничего. Я лишь заметил, что складки на его лбу разгладились, а усы прекратили надменно топорщиться. Он или действительно хотел дать мне шанс, или уже поверил в силу аниранских возможностей.

Часть 4. Глава 11. Раздача наград

После короткой встряски, ужин продолжился. Больше никто не поднимал острых тем и не заставлял короля стучать кулаком по столу. Прекрасные блюда подняли настроение даже мне. Впервые за о-о-очень долгое время я насытился. И даже почувствовал, что меня разморило.

Но завалиться мордой в тарелку не получилось. Перед подачей десерта начались самые настоящие танцы. Повеселевший король потребовал исполнить что-нибудь весёленькое. В мгновение ока в зале появились привлекательные девушки в длинных, до пола, юбках и закружились под торопливую музыку. Король отбивал ладошками в такт, а я с удивлением признавал, что данный танец мне отдалённо знаком. Мне самому приходилось так подпрыгивать и так задирать колени.

Полузнакомый танец напомнил мне о Дейдре. Мне даже стало немного грустно, что сейчас её нет рядом. Я бы мог представить её королю и королеве. Она бы смотрела на всю эту роскошь с открытым ртом и, несомненно, захотела бы хоть немного пожить в комфорте. Да и рожать, как бы, лучше в подобном комфорте, чем в том самом холодном хлеву, о котором давеча говорил профессор. Жаль только, я не знаю, жива она или нет. И не могу даже узнать, добралась ли она до Валензона.

В голову пришла интересная идея. К ней меня подтолкнула недавняя картина, когда тонкая женская рука гладила сирея по крылу. Ведь я сейчас нахожусь на вершине, образно говоря. Я же могу попросить Его Величество об одолжении. Валензоном ведь управляет егс бестолковый сынок, как я помню. Они же как-то держат связь? Как-то о чём-то договариваются? Должны же как-то туда доставляться наставления и приказы? Явно же сиреями — чудом местной фауны. Почему бы мне не попросить короля отправить в Валензон письмо с приказом для принца отыскать весьма заметную троицу? Вряд ли будет сложно отыскать столь приметных особ. Если, конечно же, Мелея не скинула килограммов двадцать веса... Единственная заковыка — придётся рассказать королю про Дейдру. И я пока не представляю, как он на это отреагирует.

Я просидел в задумчивости до самого окончания танца. Затем король приказал подавать десерт.

Но перед подачей слово попросил тирам Гвелерг. Он сыто рыгнул, поднялся со стула и махнул рукой кому-то, скромно стоящему у дальней стены, — неси, мол.

— Ваше королевское Величество Анфудан Третий, Ваше королевское Величество Исида, — заговорил Глеверг. — От всей души спешу поблагодарить за приглашение на прекрасный ужин. Блюда были выше всяческих похвал. Так же я хочу вас поздравить. В ваших землях появился один из посланников небес, один из спасителей, на которых мы все надеемся. Он действительно необычен и отличается от нас всех. И я, как и вы, буду надеяться, что он выполнит своё предназначение. Поможет Астризии обрести былое величие. Её плодородные поля вновь будут желтеть колосьями, а детский смех зазвучит над ними... Я прошу вас принять скромный подарок от самфунна в частности и от меня лично, — добавил он, когда один из его охранников вернулся в зал, держа в руках скрученный рулон. — Это работа действительно великого художника.

— Любопытно, — хмыкнул король, явно не ожидавший подвоха. — Хочешь пополнить мою коллекцию? Похвально.

Гвелерг низко поклонился и щёлкнул пальцами. В следующее мгновение его охранник поднял рулон над головой и отпустил один край.

Представшее мои глазам полотно действительно оказалось неплохим. Возвышаясь горой над склонившимися в раболепном поклоне статистами, стоял человек закованный в серебристые доспехи. Его правая нога опиралась на металлический шлем поверженного врага, придавая позе величественность. Белые волосы непокорно метались на ветру. Глаза сурово смотрели на склонившихся перед ним людей, не обещая им ничего хорошего. А на плечо он уложил огромный меч. Меч, который, казалось, окружало само пламя. Но огненная окантовка ничуть не беспокоила его. Казалось бы: пламя бесновалось у его волос и должно было поджечь их. Но ничего подобного не происходило. Беловолосый гигант держал пламенный меч уверенно, словно он был продолжением его самого. Его неотъемлемой частью.

С дальнего края стола раздался громкий беспардонный смех. Первосвященник Эоанит чуть привстал из-за стола, чтобы лучше рассмотреть картину. И, узрев её, он первым понял в чём скрытый смысл демонстрации.

— Прошу простить, — весело отозвался он. — Не смог сдержаться.

— Чего ты смеёшься, Эоанит? Отличная же работа, — король же ни хрена не понял. — Это же сам Белый Великан. Лучше картины я ещё не видел.

Он выбрался из-за стола и подошёл к охраннику.

А я не знал, смеяться мне или скрипеть зубами. Оказывается, Гвелерг тот ещё шутник. Поздравил короля с прибытием анирана и показал, насколько этот аниран отличается от того, который обитает в его родных землях. Весьма тонко проделано, ведь разницу заметил каждый. И я в том числе.

Мою лёгкую растерянность заметил профессор Гуляев. Он-то, в отличие от других, не смеялся и не восторгался. Но и я заметил его растерянность. Он даже посерел лицом, когда быстро пробежал взглядом по полотну, а затем пересёкся со мной взглядами. И, наблюдая за его безрадостным лицом, я понял, что желания столкнуться с таким монстром, изображённом на картине, у него ровно ноль. Его лицо в этот момент очень многое рассказало о пожилом человеке, вновь обретшим вкус к жизни и удовлетворённым своим статусом, но опасующимся, что всё это закончится раньше, чем ему бы хотелось.

— Восхищён твоим чувством юмора, тирам Гвелерг, — отдал я должное послу. — И картина действительно хороша. Но я не буду просить местных мастеров написать мой гордый профиль и отправить в Кондук, чтобы порадовать башей. Я обещаю рано или поздно наведаться туда лично.

— Мы, непременно, будем ждать, — лучезарно улыбнулся Гвелерг. — Но не стоит затягивать с визитом. Терпение башей не безгранично. Возможно, самфунн возжелает узреть анирана раньше, чем тот захочет познакомиться. А самфунн, как известно, слов на ветер не бросает.

Очередную аккуратную угрозу я тоже запомнил. Молча кивнул на слова Гвелерга и пообещал самому себе, что плотно займусь этой помойкой под названием остров Темиспар. Воздать им за популяризацию работорговли не помешало бы. А заодно калёным железом выжечь всех, кто наживается на детском горе.

Тут уже, видимо, и до короля дошло, что всё не так просто. Он нахмурился и отмахнулся от развёрнутого полотна. Подскочивший Муадан торопливо свернул его и быстро удалился.

На этом веселье закончилось. Хоть где-то в дали тихо посмеивался первосвященник,

остальным веселиться расхотелось. Даже десерт как-то не пошёл. Какой-то невероятно вкусный крем с незнакомыми фруктами впечатлил только меня. Помрачневший профессор к нему даже не притронулся, а остальные ели со сдержанным удовольствием.

Но финал очень странного ужина меня всё же обнадѣжил. Когда десерт был съеден, а клевавшие носом, слегка захмелевшие гости уже не хотели слушать музыку, началась раздача наград. К моему удивлению, об этом королю напомнил мастер-коммандер Яннах. Он открыто заявил, что нужно обязательно воздать за смелость солдатам, которые доставили анирана в Обертон. Путь, как он успел выяснить, был непрост, и многие смелые солдаты лишились жизни. И те кто выжил, несомненно, заслуживают награды.

Король утвердительно кивнул и заявил, что уже думал об этом. Поэтому и попросил обер-камергера провести помощников анирана в зал. Затем он утѣр рот салфеткой, встал из-за стола и небрежно махнул рукой:

— Подойдите сюда, славные воины.

Чтобы все его правильно поняли, помог Муадан. Он подскочил к Фелимиду и Каталаму, схватил их за руки и шикнул на солдат, чтобы шли следом. Подвѣл всех ближе и заставил склонить головы.

— Погодите-ка, — прищурившись, король уставился на бородатую рожу. — Не Каталам ли это? Бывший тысячник западной армии, добровольно принявший изгнание после "Дня матерей"?

Я наострил уши: что ещё за "день матерей"?

— Вы правы, Ваше Величество, — Каталам сделал шаг вперѣд. На его бородатом лице не дрогнул ни один мускул. — Рад был оказать анирану посильную помощь. И рад снова оказаться в столице.

— Старый, опытный служака, — король по-доброму улыбнулся, словно испытал приступ ностальгии. — Хотя я помню, насколько непросто пришлось всем, лишившимся матерей и жѣн, сестѣр и дочерей, очень рад, что ты вернулся. И вернулся не один, а привѣл самого анирана. Что ты хочешь от меня, Каталам? Чем я могу тебя вознаградить?

— Хочу быть полезным короне. Полезным анирану, — моментально ответил Каталам. — Возвращаться в Равенфир мне не за чем.

— Ты смог простить себя? Примирился с собой? — поинтересовался король.

— Прощения мне не видать, — в голосе Каталама сквозила обречѣнность. А я, пробывший с ним вместе столько времени, даже понятия не имел, что за тяжѣлый груз он носит на шее. — И Тринединый Бог, когда придѣт моя очередь занять место в его армии, несомненно, припомнит мне мои грехи... Но я видел своими глазами, на что способен аниран. Своими руками он излечил моего сына. Он спас его. Поэтому отныне для меня только его дела имеют значение.

— Все дела анирана должны идти во благо Астризии, — безапелляционно заявил Его Величество. — Как и твои дела, значит... Я верну тебя в строй, Каталам. Ты вновь станешь тысячником в моей армии. Такой опытный воин, несомненно, окажется полезен... Мастер-коммандер Яннах, принимай помощника.

— Это честь для меня, — удивив меня безмерно, эти слова произнёс Яннах, а не Каталам. Каталам просто поклонился, примиряясь с новым назначением.

— Фелимид, чего хочешь ты? Мне донесли, что с анираном вы довольно близки. Ты хочешь вернуться в Равенфир, или останешься Обертоне?

— Как и тысячник Каталам, я приму любое решение Его Величества, — Фелимид

поклонился. — Но в Равенфире у меня ничего не осталось. Я бы хотел остаться здесь и узреть дела анирана воочию.

В дальнем конце стола недовольно покашливали. Кто покашливал — догадываться не приходилось.

— Так и быть, — король безразлично отнёсся к покашливанию и вновь заговорил тем самым властным голосом, который пришёлся мне по душе. — Я знаю, ты умён и начитан. Ты был хорош в том деле, которым занимался. Оставайся таким же хорошим дознавателем, каким был. Но уже у меня на службе. Обстановка требует наличия рядом людей, которым я могу доверять.

Фелимид принял решение короля без лишних слов.

— Чего хотите вы, молодые воины? — король обратился к остальным. — Дети Каталама, уверен, хорошо знают военную науку. Желаете получить в свою распоряжение сотни? Желаете доказать, что вы этого достойны?

— Ваше Величество! — я вскочил со стула. — Старший сын тысячника Каталама — Вилибальд — недавно перенёс тяжёлую травму. Пожалуй, ему нужно время, чтобы восстановиться. Нужен отдых...

Вилибальд испуганно уставился на меня, будто решил, что я хочу отправить его на излечение или лишит военной карьеры. Но, на самом деле, у меня были другие планы.

— К тому же, он обучен грамоте. Он сам мне говорил, что желает пройти обучение в Университете, чтобы получить шанс стать магистром. Мне кажется, для молодого юноши это будет наилучшая награда.

В трапезном зале воцарилась тишина. Никто не ожидал такого поворота событий. Ни сам Вилибальд, ни его отец, ни остальные.

— Великий Магистр, что скажешь ты? Хоть ещё не пришла осень, когда ты обычно устраиваешь наборы, найдёшь место в Университете для солдата?

— Конечно, — уверенно ответил Гуляев. — Раз за него хлопочет сам аниран, я не могу отказать.

— Вилибальд, с этого дня ты — воспитанник Университета. Магистры займутся тобой, — огласил решение король, а Вилибальд, сверкая счастливыми глазами, не смог скрыть улыбки. Моя идея несомненно пришлась ему по душе.

— Разрешите слово молвить, Ваше Величество? — склонив лысую головушку, вперёд выступил Иберик.

— Иберик. Мой младший сын, — подсказал Каталам, когда король скосил на него взгляд.

— Сразу вижу, достойный сын своего отца. Чего хочешь ты?

— Ваше Величество, позвольте мне, коль каждому вы предлагаете избрать свою судьбу, стать на страже анирана... Я шёл с ним, я бился рядом. Я видел дела его рук. Воистину это настоящий посланник небес. И я пойду ради него на всё. Пойду до конца.

Король нахмурился.

— Вы все говорите об аниране с удивительным восхищением. Но он ещё не стал милихом. Почему же тогда ты готов ради него на всё?

— Потому что он им обязательно станет, — без колебаний ответил Ибрик, заставив меня благодарно улыбнуться. Парень, видимо, впечатлён моим поступком. Впечатлён спасением собственного брата. И понимает, что никто кроме меня не смог бы его спасти.

— Стать стражем анирана весьма почётно. Уверен, многие умелые и смелые воины

захотят этой чести. Ты считаешь себя достойным?

Ответил Иберик не сразу. Его руки потянулись, было, к ножнам, которые он всегда носил на спине. Но остановились на полпути, ибо всё оружие отобрали ещё на входе во дворец. Уверен, он хотел продемонстрировать свои способности. Но вместо этого преданно уставился в мои глаза и с надеждой произнёс:

— Аниран знает, на что я способен, Ваше Величество.

— Хорошо, — согласно кивнул король, даже не удосужившись спросить моего мнения. — С этого дня ты отвечаешь за жизнь анирана. А он отвечает за твою жизнь... Отведите его потом к Сималиону, чтобы оценил способности... Теперь вы двое.

— Умтар и Бенал, — доложил Каталам. — Десятник и солдат.

— За их верность ты можешь поручиться, тысячник?

— Как за свою.

— Тогда их я беру себе. Отныне вы оба — гессеры. Личная стража короля.

— Это великая честь для нас, — одновременно склонились Умтар и Бенал.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил король, затем снисходительно похлопал Каталама по плечу и вернулся за стол. Но вещать он ещё не закончил. — Анирану действительно нужна защита, — произнёс он с видом "Капитана Очевидность". — Он не менее важен, чем сам король. Поэтому я принял решение выделить для его охраны... м-м-м... аж двадцать гессеров. Бертрам уже вызвался их возглавить, как мы предварительно договаривались. Бертрам, подойди сюда.

Сотник гессеров, тоже стоявший у дальней стены, промаршировал, не сбившись с ноги, и поклонился королю.

— Отныне ты, Бертрам, и те сильные воины, которых сам отберёшь, денно и ночью обязаны оберегать жизнь анирана. Вы будете следовать за ним, куда бы он не пошёл. И заслоните грудь своей от меча или стрелы, если придётся.

— Ни единый волосок не упадёт с головы анирана, пока жив хоть один гессер, — отрапортовал Бертрам.

— Это я и хотел услышать, — король кивнул и, наконец-то, опустил тяжёлый зад на стул. — А теперь, Муадан, мы можем приступить к заключительной части ужина. Всех недостойных можешь разогнать, и распорядись, чтобы принесли.

Что за заключительная часть такая, я сначала не понял. Принялся с интересом смотреть по сторонам и вопросительно смотреть на профессора Гуляева. Но его лицо не демонстрировало особой радости. Он точно знал, что второй раз десерт подавать не будут.

Вместо десерта, когда разогнали абсолютно всех слуг, моих друзей и, на полном серьёзе, выгнали из-за стола нескольких незнакомых мне гостей, начали подавать небольшие, накрытые крышечкой глиняные горшочки. Эти горшочки ставили напротив каждого гостя и снимали крышку. И когда я заглянул внутрь, прищурившись увидел тлеющий уголёк и учуял знакомый сладкий запах, я всё понял. И опять с отвращением скривился, недовольный тем, что меня угораздило приземлиться в землях вымирающей страны апатичных наркоманов с церковью, которая официально одурманивает собственный народ,

Поэтому я, стараясь быть как можно более дипломатичным и лицом не демонстрировать брезгливость, вежливо отказался от данного угощения. Хоть на меня удивлённо смотрели все за столом, — и король, и королева, и даже послы — я проявил настойчивость, сослался на усталость от избытия событий и пожелал отойти ко сну. Мою идею подхватил профессор Гуляев и заявил, что с удовольствием проведёт анирана в его

НОВЫЕ ПОКОИ.

Часть 4. Глава 12. Дальнейшие планы анирана

— Какой кошмар, — я не выдержал, когда мы вышли за дверь в сопровождении строгого Бертрама и настороженного Иберика, который уже принял новую личину.

— На самом деле ужин прошёл неплохо, — не согласился со мной Гуляев, видимо, не ухватив нить темы. — А-а-а, ты про это... Что ж... Страшных побочных эффектов особо нет. Это отвар надо пить, чтобы здоровье угробить. А так... Не думай об этом, в общем Безрадостный мир, безрадостное время. Каждый пытается забыть о безысходности на какое-то время...

— Ладно, проф... магистр Анумор, — уже в который раз я вовремя спохватился. Видимо, должно пройти какое-то время, чтобы я перестал ошибаться. — Согласен, что не мне их судить. Но такой вот уход от реальности, думаю, не доведёт до добра. Через десять-пятнадцать зим они убивать начнут друг друга не за еду, а за листочек. И пока наркота остаётся под контролем церкви, с людьми они могут вытворять всё, что пожелают.

— Хочешь, что называется, перенаправить потоки? — усмехнулся Гуляев. — Вряд ли тебе позволят замахнуться на курицу, несущую золотые яйца.

— Возможно до этого дойдёт, — не стал отрицать я. — Но сейчас я думаю не об этом. Ужин дал мне уйму информации для размышления. Но сначала я хочу кое-что рассказать. Есть место, где мы можем поговорить?

Проводником выступил Бертрам. Он уже знал, где находятся новые покои анирана, и доставил нас туда самым коротким путём — практически через весь дворец в западное крыло, как он сказал.

Скажу честно, я ожидал чего-то попроще. Даже двухкомнатные покои Гуляева смотрелись бледно по сравнению с покоями анирана. Здесь, в этой огромной комнате с распаленным камином, свечами в канделябрах и факелами в уключинах, я чувствовал себя пигмеем. Присутствовали и ковры, и мягкие кресла, и диванчик. Даже добротные стулья и несколько столов. Но самый важный предмет интерьера — огромная, не двухспальная, а даже трёхспальная кровать, — поразил меня больше всего. Накрытая перинами и покрывалом она вызывала желание нырнуть в неё с разбегу, зарыться с головой и сразу уснуть. Но, несмотря на всю эту роскошь, я точно знал, что время спать ещё не пришло.

— Бертрам, Иберик, оставьте меня с магистром наедине, — попросил я.

— По соседству комната для стражи, — кивнул Бертрам. — Там несколько топчанов и стол. Мы устроимся там. С утра я отведу парня к Сималиону, а сам начну подбирать самых достойных.

— Что за Сималион? — спросил я, не особо понимая, место это или человек.

За Бертрама ответил профессор Гуляев.

— Лучший фехтовальщик Обертон. Мастер клинка. С ним даже Его Величество разговаривает не языком приказов, а языком просьб. Он обучает гессеров владению оружием.

— Он оценит возможности Иберика? Думаю, его будет ждать сюрприз, — я подмигнул Иберику, ведь мы оба знали его возможности.

— Пусть нам принесут валаанскую настойку, — попросил Гуляев, когда Бертрам и загадочно улыбающийся Иберик выходили. — Слуги знают.

— Какое-то пойло, которое не даст заснуть? — спросил я.

— Да. У меня такое чувство, что разговор предстоит серьёзный. Серьёзный и долгий, — профессор по-хозяйски осмотрелся, с облегчением плюхнулся на мягкий диван и положил под спину подушку. — Слишком стар я, чтобы долго сидеть на простом деревянном стуле.

— Не врете, профессор, — я сел рядом с ним. — Я не хуже вас знаю, какие чудеса с аниранами творит та самая энергия, что скрыта внутри. Вы несколько километров сможете пробежать и даже не запыхаетесь.

— Представляю, как много этой энергии в тебе, учитывая, что ты обладатель не одной, а трёх частей, — он опять усмехнулся в своём стиле.

— Она действительно есть, — признался я. — И я, несомненно, могу чуть больше, чем могут другие. Сын Каталама — Вилибальд — не даст соврать... Но не об этом я хотел поговорить с вами, — я перешёл на "вы". — Я посмотрел на вас. Я вас оценил. Я считаю, что вам можно доверять...

— Какой прогресс менее чем за сутки, — раздался очередной смешок.

— ...но для того, чтобы добиться ответного доверия, я должен быть честным с вами до конца, — я продолжал гнуть свою линию. Профессор Гуляев обязательно должен стать моим союзником в свете последующих событий и в свете того, что я сейчас ему расскажу.

— Я весь внимание, — он устроился поудобнее, видимо всё ещё считая, что я красуюсь.

— Я не всё рассказал вам. Вам и королю... Вы спрашивали меня, почему меня так тянет в Валензон? Почему я постоянно вспоминаю этот город?... Так вот: я не просто двенадцатый из аниранов. Я не просто один из НАС. Как выяснилось, я способен на большее. В лагере в дремучем лесу, где меня приютили, я встретил прекрасную молодую девушку. И я, кажется, полюбил её... Но дело даже не в чувствах. Дело в том, что она смогла зачать от меня дитя.

— Чего-чего?

— Я не знаю почему это сработало, ведь, признаюсь, в том самом лагере сексуальных партнёров у меня было множество. Возможно, потому что она была юна и невинна. Не знаю... Самое главное — он смогла забеременеть.

— Что-о-о-о-о???

— Её бабушка — опытная повитуха — в точности определила это. Я действительно смог посеять семя жизни. Впервые за двенадцать зим в этом бесплодном мире... Не знаю, сделал ли я именно то, для чего здесь оказались анираны, но точно знаю, что это возможно. Что новую жизнь этому миру мы точно можем подарить.

Профессор Гуляев сидел, как парализованный, несколько минут, наверное. А может, мне так показалось. Он лишь хлопал глазами, открывал и закрывал рот, и не мог вымолвить ни слова. Казалось, он был шокирован гораздо сильнее, чем я ожидал.

— Не может быть, — наконец выдавил он.

— Почему? Они ничуть не отличаются от нас. Та же физиология, как я понял.

— Самым естественным способом?

— Именно. Тем самым, каким человечество размножалось тысячи лет.

— Но как!? — он аж подпрыгнул на диване. — Я же... Я же... Что уж тут скрывать. Хоть в Москве я был больше похож на развалину и давно забыл значение слова эрекция, здесь у меня наладилось не только зрение. Если ты понимаешь, о чём я говорю. Удивительно, но сексуальное желание на первых порах действительно пробудилось. В первую зиму... в первый год моего пребывания здесь я не мог поверить, что во мне всё ещё есть эта энергия, пробуждающая сексуальный инстинкт. И я не отказывал себе в том, что

давно забыл. И хоть в первый год я часто думал о себе, как а новом Адаме, ничего у меня не вышло... Вернее, вышло. Вошло и вышло... Но результатов мои жалкие потуги не приносили. Здесь этим все занимаются исключительно ради удовольствия. Недолгого, но всё же удовольствия... Но, как не прискорбно признавать, — профессор развёл руками. — Инстинкт с годами затих. Запал потух, и желание совершать бесполезные движения пропало окончательно.

— Вы больше... э-м-м... не можете? Или не хотите?

— Не хочу. Не вижу смысла. Может, смог бы. Да зачем?... Но ты... У тебя получилось. Ты молодой, красивый, энергичный. Неудивительно, что ты смог, если не врешь... Неужели в этом весь смысл — разбросать по миру новую ДНК?

— Тоже думал над этим, — признался я. — Но не уверен. Как-то всё слишком просто. Просто и глупо. Зачем тогда гончие, если всего-то надо баб трахать? Зачем двенадцать аниранов, если, в принципе, хватило бы и одного? Просто пихай в каждую, в надежде на положительный результат... А метки? Энергетические части. Зачем тогда они? К тому же распределённые по каждому анирану. Не-е-ет, всё не так просто. Уверен.

— Кстати, идея хороша, — профессор задумчиво почесал подбородок. — Пихать в каждую... Если тебе действительно удалось, тебе и дальше надо продолжать попытки. Не шучу. Закон выживания прямо-таки кричит, что тебе необходимо осеменить каждую самку, которая повстречается на твоём пути. А здесь этот вопрос можно проработать грамотнее... Тебе подберут лучших женщин! Самых красивых, самых чистых, самых достойных... Кстати, а подруга твоя тогда где? — он неожиданно сбился со слова и даже принялся оглядываться, будто ожидал, что она скрывается где-то рядом.

— В том-то и дело, профессор. Она должна быть в Валензоне, — я не постеснялся и скрестил пальцы на руках. — Дела складывались так, что мне необходимо было её оставить, чтобы кое-что забрать. Я не мог тащить её за собой. Я отправил её в Валензон вместе с опытным охотником и бабушкой... Но затем, забрав то кое-что и взвесив все "за" и "против" я решил не идти за ней следом. Я решил идти по собственному пути. И вот куда этот путь меня привёл.

— Не пойму. Ты нашёл женщину, смог посеять зерно новой жизни в умирающем мире и бросил её? — профессор Гуляев нахмурился и, видимо, старался понять мою мотивацию. — Неужели есть что-то важнее этого?

— Как бы цинично это не звучало, но есть, — тяжело вздохнул я и принялся старательно подбирать слова. — Она — не самая важная деталь. На данный момент есть вещи куда более важные. Даже если она сможет выносить дитя и родить, что с ней будет, если этот мир не изменится? Ну побудет она счастливой матерью непродолжительное время. И что? Что дальше? Дело ведь не в этом, сами понимаете. Нужно менять этот мир. Перестраивать его. Он катится под откос. Меня сейчас беспокоит не способность одного из аниранов дать толчок новой жизни, а общий упадок. Загнивание и деградация. Этот карточный домик, в котором вы, я вижу, неплохо устроились, непременно рухнет. И самая большая проблема, на мой взгляд, то, из-за чего эта страна гниёт, — религия. Она отвратительна. Я убил работорговцев в далёкой деревне и без сожаления прикончил священника. Прикончил безоружного, потому что он отравлял людской разум. Я видел, как эти овцы, именуемые людьми, внимают ему, склоняются перед ним и покорно принимают его волю. Я хочу всё это уничтожить! Растоптать! Я хочу положить конец всеобщему смирению через надежду. Через надежду на самого себя... Да, именно так. Я хочу, чтобы люди сплотились через веру в

спасителя. Через веру в анирана, который даст им то, чего они давно лишились — надежду. Я хочу, чтобы они прекратили безропотно смиряться с судьбой, чтобы не ждали неизбежного конца. А чтобы воспрянули духом. Чтобы мозолистая крестьянская рука вновь взялась за соху. Чтобы валила лес, вспахивала землю, выращивала хлеб. Я хочу, чтобы сердца этих апатичных людей запылали огнём. И, в свою очередь, пообещаю им сделать всё, что в моих силах, чтобы мир излечился от страшного недуга.

Профессор Гуляев выслушал меня с нескрываемым интересом. Не знаю, понравилась ли ему моя речь, но он не усмехался, по своему обыкновению, а задумчиво поглаживал бороду.

— В этом что-то есть, — наконец, изрёк он. — Пропаганда прибывшего с небес спасителя — того самого милиха — несомненно поднимет дух населения. Заставит его усердно трудиться, а не тихо чахнуть с голоду. Другой вопрос — как это сделать?

— Тоже самым простым способом, — непоколебимо заявил я. — Я буду ездить по городам и весям и демонстрировать себя. Толкать речи и требовать послушания. Каждый, увидев и поверив в анирана, должен ощутить прилив сил и способность начать новую жизнь. Этого я от них и потребую.

— На это могут уйти годы. А может, десятилетия, — хмыкнул профессор. — Пока ты всё объездишь... Но, в принципе, да. Если в Астризии появится новая вера, вера в деятельного анирана, который поклянётся перед каждым спасти мир, неизбежный коллапс можно отсрочить. Можно выиграть время. Время, чтобы лучше понять, в чём наше предназначение.

— Дать надежду — это один из пунктов в моих планах, как я и говорил. Главный же пункт — понять предназначение анирана. И стартом станет прочтение священной книги. Я за ней сюда и прибыл, скажу откровенно. Именно она меня интересует больше всего. Поэтому завтра же я отправлюсь в храм и погружусь в страницы.

— Тоже важная деталь, — согласился Гуляев. — Я, правда, не пойму, что ты хочешь там обнаружить? Книга совсем не иносказательна. Там много истории о зарождении мира, о появлении Триединобога. Про части разделённой божественной силы. Про неизбежное наказание народа, который перестал быть богобоязненным. И про прибытие спасителей. Но без всякой конкретики. Стиль изложения — как пафосная песня. Я ничего полезного из неё не извлёк.

— Но...

— Да, ты прав. Я понимаю. Я читал копию, а не оригинал. Но ты хочешь прочесть именно оригинал и надеешься там отыскать нечто, чего не отыскал я. Что ж, посмотрим, удастся ли тебе это... Да и вообще, пустят ли тебя. Эоанит непрост. Не знаю, какие цели он преследует, устанавливая запретные рамки, но, видимо, попросить его тебе придётся очень хорошо.

— Он не посмеет отказать анирану, — уверенно заявил я. — А если попробует... Пусть попробует. Страху такого нагоню — мало не покажется.

— Не переоценивай свои силы. Никто из них, уверен, не боится тебя. Здесь, пока не продемонстрируешь жёсткость, даже, возможно, жестокость, никто не ударит палец о палец. Уговоры и увещания не работают в этом мире. Поверь мне, Иван... Ты не смотри на меня так. Анираны ведь не диковинка. Религия всего мира построена на ожидании их появления. Ладно, пусть в живую мало кто видел аниранов. Но все о них слышали. И ты, уж поверь, не самый страшный из них.

— Вы что-то знаете, да? Знаете про других аниранов?

— Если не брать в расчёт меня? — усмехнулся Гуляев. — Конечно знаю. Те два подонка заставляют меня стыдиться того, что мы прибыли с одной планеты.

— Серьёзно?

— Серьёзнее некуда. Одного ты видел на картине. Уверяю тебя, на всех картинах он выглядит именно так. А значит, сходство с оригиналом стопроцентное. Но важно не то, как он выглядит. Он действительно похож на гору. Гору мышц, закованную в непробиваемые доспехи. Важно, что он абсолютно аморален. Не только с моей точки зрения — точки зрения землянина, привыкшего к мирной жизни. А с точки зрения жителя этого многострадального мира.

— Расскажите о нём всё, что знаете.

— Его зовут Гудмур. Полагаю, это его настоящее имя, а не сценический псевдоним, как у меня. Я не смогу сказать точно, когда он прибыл в этот мир, но слухи о нём начали появляться три-четыре зимы назад. А затем в Астризию прибыл и он сам. Но не как турист или спаситель, а как грабитель: он возглавлял набег на Халтберн — остатки северной твердыни. Это был один из великих городов Астризии. Большой и хорошо укреплённый. Но всё же разрушили и его. А когда Его Величество отдал весьма недалёковидный приказ и приказал восстановить город, прибыл Гудмур — Белый Великан. И все те несчастные люди, которые волей короля должны были выстроить город заново, оказались или убиты, или закованы в кандалы в трюмах кораблей, увозящих их на остров.

— Он что, действительно непобедим?

— Ты же видел картину? Видел, что он небрежно возложил на плечи? Каждый из нас владеет частью божественной силы, как говорится в книге. И его божественной силой является меч. Огненный меч, который, на самом деле, является мечом из точно такой же энергии, — Гуляев опять прикоснулся мизинчиком к метке, а затем несколько секунд смотрел на кокон, окруживший его кисть. — Интересно, что бы было, если бы мечом обладал я? Может быть, я бы отправился на остров и уже трюмы кораблей Астризии оказались бы заполнены рабами?

— Меч такой же, как и мой щит? Из такой же энергии?

— Этот меч ничего не может остановить. Для него нет преград. Думаю, если бы этот Великан Гудмур захотел прорубить ход в покои короля Анфудана Третьего, никто не смог бы его остановить, — многозначительно изрёк профессор, видимо, раздумывая над тем, стал бы он останавливать Гудмура, или бы просто убежал.

— Понятно, — я сделал в голове жирную зарубку, что с этим Белым Великаном шутки плохи. Что на землях Астризии он о себе оставил плохую память, и что здесь все его боятся до чёртиков. — А второй? Вы говорили, что знаете о двух аниранах.

— Карающая Длань Фласэза...

— Я не понял: это имя его, или что?

— Имя. Как и Белый Великан... Нет, Иван. Его имени я не знаю. Я знаю, что его таи величают во Флазирии, где он живёт, ни от кого не скрываясь. Иса Онай много говорил о нём. Он появился сравнительно недавно в Серекосо, как я понял. Две зимы назад, наверное. Может, чуть больше... И навёл столько шороху, что всемогущие жрецы Флазирии сами пошли на контакт с ним и склонились перед его силой.

— Навёл шороху?

— Он убийца. Безжалостный и беспощадный убийца. Карающая Длань Фласэза в умирающей стране, где правит теократия... Он вытворял чудовищные вещи, прежде чем

жрецы смогли перенаправить его ярость в иное русло. Они дали ему всё, что он пожелал, и воздают хвалу Триединому Богу за то, что ниспослал его.

— Ничего не понимаю. Его, типа, встретили, как меня, — как потенциального спасителя. Но для этого ему пришлось кого-то убить? Мне тоже пришлось, в принципе.

— Хочешь, чтобы тебя нарекли Карающим Щитом Фласэза? — профессор опять усмехнулся. — Продемонстрируй перед народом ярость, чтобы это заслужить.

Я судорожно сглотнул, так как для меня, с некоторых пор, слово "ярость" имело определённый смысл. Более глубокий.

— Какую ярость? — я постарался, чтобы мой голос звучал не испуганно.

— Самую обыкновенную, — профессор, видимо, ничего не заметил. — Иса Онай говорил, что аниран из Серекосо убивал людей ради развлечения, ради прихоти. Без видимой причины и необходимости. Он словно сходил с ума... Но знаешь как убивал? Убивал собственной рукой. Не зря же его называли Дланью. У него такой же дар, как у меня, Иван. Только на правой руке.

Гуляев опять покрутил кистью перед носом, разглядывая оранжевое поле энергии. Затем прикоснулся к метке и вновь стал обычным человеком.

— Почему всё же мы так отличаемся? Я-то ведь никогда никого не хотел убивать. Мне это даже в голову не приходило. А те двое... Да даже ты. Вам всем приходилось отбирать чужую жизнь...

— А Голос? А голос вы слышали? — я осторожно перенаправил разговор в другое русло.

— Да, — буднично ответил он. — Приходил во снах. То появлялся, то исчезал.

— И к чему он вас призывал? — облизал я пересохшие губы. Неужели в голове очередного анирана сидело нечто, что постоянно будоражит его мысли?

— К действию. Нашёптывал и намекал, что я должен что-то делать. Что-то... Он не указывал что, но однозначно подталкивал... И я делал. Я дарил знания, помогал с постройкой дорог и подсказывал. Голос затихал ненадолго и вскоре опять появлялся. Лишь когда я научился справляться с ним, он исчез окончательно...

— Справляться??? — выпучил глаза я. — Ах, ну да... "Дым забытья", наверное, вдыхаете?

— Совсем нет. Просто научился контролировать. Моя воля сильнее его. Как не властен над волей свободного человека другой человек, так не властен Голос надо мной. Нужно лишь осознать себя свободным человеком.

Я натурально так встряхнул головой, ведь ни хрена не понял. Этот Голос невозможно контролировать. Он будет появляться во снах и всегда к чему-то подталкивать. Надо лишь выполнять его хотелки. Кроме наркотического дыма, это единственный способ его заткнуть и выспаться.

— Проф, ну вы же бред несёте, — поморщился я.

Но Гуляев не обиделся. Лишь улыбнулся.

— Надеюсь, ты поймёшь, что я имел в виду. И сможешь его одолеть.

— Ладно, хрен с ним, — я почувствовал, что начинаю сердиться. — Давайте подведём итоги. Итак: о четырёх аниранах нам известно. Мы с вами, и те двое. Ещё двое мертвы. Итого нас шестеро. Значит, если я всё правильно понимаю, где-то скрываются ещё шесть.

— Ещё двое мертвы? — глаза Гуляева округлились. — Так всё же я верно предположил...

— Вы не ошиблись, профессор. Я видел, как вы на меня смотрели. Вы всё верно поняли, — кивнул я головой — Но, поверьте, я никого не убивал. Один уже был мёртв, когда я его нашёл. И я, прожив его жизнь, заполнил свою память его памятью... Всё верно, — опять подтвердил я, когда к округлившимся глазам добавился открытый на всю ширину рот. — Его память стала моей. И первого, и второго... Один не пережил встречу с гончими. Второго отравил коварный святой отец, которого я надеюсь отыскать в Обертоне. Он мог бы выкарабкаться, но ему не дали. И теперь я — обладатель не одного дара, а трёх.

— Непросто, наверное, было на такое решиться? — Гуляев подозрительно прищурился.

— У меня не было выбора. Я не мог позволить одному медленно погибать. И не мог забыть, что второй лежит под метровым слоем земли. Я должен был это сделать, чтобы узнать, к чему это приведёт. И я узнал. А теперь нам с вами надо выяснить, где скрываются остальные анираны.

— К сожалению, об остальных мне неизвестно, — развёл руками Гуляев. — Но я и не пытался узнать особо. Мир легко полнится слухами об аниранах. Если больше ни о ком неизвестно, значит их пока не обнаружили.

— Или они мертвы, — подсказал я.

— Тоже не исключаю. Уверен, не всем повезло с гончими, как мне.

— Тогда, получается, попытки наладить контакт с другими аниранами исключены. Есть лишь мы с вами и разлагающаяся Астризия.

— Ты пока даже не представляешь количество проблем, — подхватил Гуляев. — Общая апатичность и безволие — это ты верно подметил. Вредная религия тоже. Паразиты, доедающие последние крохи, падающие с королевского стола, вредны не менее. Так же есть беспринципный и крайне опасный Кондук. Злобная и ненавидящая нас Эзария. Своевольная Декедда, которую подчинить не могут многие-многие зимы. Тот же Хатемаж, выстраивающий собственное королевство под стенами столицы... Но есть ещё восток и Эвенет.

— А это что значит?

— Святой отец Эвенет — бывший второй претендент на церковную тиару Астризии. Первосвященник Винлимара и экзарх Чуда Астризии.

— Это, если я не ошибаюсь, огромный храм где-то далеко на востоке?

— Совершенно верно. Когда несколько зим назад Эоанит пронёс идеи смирения через всю страну на острие меча, Эвенет был его первым последователем. Вдвоём они, насаждая новые догмы, заметно сократили население Астризии. И когда миссия была завершена, Эвенет остался главой церкви на восточных окраинах. Благодаря ему, в очень короткие сроки был возведён храм. Но его могущество, вся сила его влияния зиждется на горах, богатых серебряными и золотыми жилами. То, что сейчас происходит там, не идёт в сравнение даже с ситуацией на острове Темиспар. Там вечная нехватка рабочих рук и пираты постоянно получают заказы на поставку нового мяса. Но на востоке Астризии всё куда хуже. Там потребность в рабочих руках ещё больше. Правда рабством там не пахнет: люди на всё идут добровольно.

— Не понял.

— Призыв совершить паломничество раздаётся каждую весну. И каждую весну, поверившие и просто отчаявшиеся совершают долгий путь в Винлимар. Они надеются получить прощение за греховность прошлой жизни и, возможно, облегчить свою участь, когда за ними придёт Триединый Бог. Каждый паломник обязан совершить восхождение.

Гигантский храм построили на вершине холма. И холм тот, как муравейник сейчас. Паломник обязан пройти покаянной ходой, взобравшись по спиральным дорогам к дверям храма. Совершить подношение и пешком спуститься обратно. Именно тут паломников берут в оборот святые отцы рангом поменьше, но с языками не менее бойкими. Слабых духом они быстро обрабатывают... В общем, как ты, наверное, догадываешься, нехватки в добровольно-принудительных шахтёрах у церкви нет... Но проблема не только в этом.

— Там вытворяют что-то похуже?

— Не знаю, вытворяют ли. Но слухи безрадостные доходят. Эвенет быстро смекнул, что брать золото королю неоткуда. Только займы у башей, или с восточных гор. Декедда ведь давно ничего не платит в казну... В общем, за золото он тоже требует мзду: ему нужны молодые девушки. Девочки, практически. Только за них он готов платить. И платить больше, чем за них платит Кондук.

— Педофил, что ли? — я нахмурился и непроизвольно сжал кулаки.

— Не знаю, — профессор опять развёл руками. — Может для обслуги. Может для сексуальной обслуги. Но осторожные заказы поступают не на всех женщин подряд. Только молодые, желательно не познавшие мужчину девушки. И королю пришлось изворачиваться. Насильно отбирать из семей дочерей невозможно, ибо попахивает бунтом. А вот подчищать социальное дно — вполне для него приемлемо. Поскольку Эоанит тоже в курсе, святые отцы осторожно ищут и обрабатывают тех, кто лишился всего. Ходят по деревням, примечают отчаявшихся или просто сирот. А кого-то уговаривают совершить обманное паломничество. За несколько золотых многие согласятся пройти через всю страну. Особенно, если в конце их ждёт обязательное прощение.

— Король торгует живым товаром? — я не мог поверить в то, что услышал. — Своих же подданных продаёт какому-то жрецу-педофилу?

— Казна практически пуста. Уж я-то знаю, что говорю. У короля мало возможностей для манёвра... Но вряд ли Эвенет — педофил. Он старше меня. Его совсем не интересовала мирская суета, как я помню. Он что-то изучает. Чем-то занимается. А женщины ему, скорее всего, нужны для обслуги той мужской массы, что копошится у храма и в шахтах. Если не брать во внимание гарнизоны Плавина и Винлимара — ближайших крупных городов, — только храм оберегают порядка двух тысяч храмовников. Там, далеко на востоке, свой собственный мир. Своё собственное государство в государстве.

— Мерзость какая-то, — сплюнул я. — Даже не представляю, как всё это разгрести.

— Тебе, как единственному анирану, — Гуляев сделал ударение на правильном слове. — Придётся всё это остановить. Грабежи, работорговлю, бунты. Надо взять под контроль все ветви власти в стране. Сжать в жестокий и беспощадный кулак, если придётся. И сделать это как можно быстрее.

Я уставился на него с неммым вопросом: "А почему именно мне"? А затем сам себе на этот вопрос ответил другим вопросом: "А кому, как не мне"? Но достаточно ли знаний и умений у меня для этого? Вот в чём третий вопрос.

— С чего я должен начать? — отбросил колебания я.

— Успешное государственное образование держится на двух китах: армия и экономика. Нужна могучая армия и могучая экономика. Но первое, как ты понимаешь, невозможно, если нет второго. Без сильной экономики не бывает могучей армии. Поэтому первым делом надо закрыть все экономические дыры. Затребовать золото с востока, угрожая анираном. Уверен, Эвенет не посмеет отказать, пока его интерес к анирану высок. О тебе он всё узнает через

Эоанита, уж поверь. И пока Эоанит опасается тебя, пока не знает, можно ли тебя выжимать досуха, или ты самостоятельная личность, он тоже будет осторожен... И никаких выплат Кондуку! Эти мерзавцы каждое лето и осень вымывают из казны почти две тысячи монет золотом. Надо это прекратить!

— А ещё я хочу содрать всё золото с потолка во дворце и все эполеты со всех благородных прямо, — озвучил я идею, которая будоражила мой мозг с тех пор, как я переступил первую ступеньку дворцовых покоев. — Всё это надо отдать тем, кого король ограбил зимой.

— Погоди отдавать кому-либо что-либо, — охладил мой пыл Гуляев. — Для охлоса пока хватит твоих обещаний.

— Чего?

— Ничего. Раздавать ничего не надо. Это глупо. Я подскажу, что надо делать, если удастся пополнить казну. Тебе же надо быть энергичным и бескомпромиссным, как ты сам и решил. Дать надежду и заставить всех работать, а не бездельничать. Лето на на носу. И оно в этом мире такое, что можно дважды собрать урожай, если грамотно использовать самые простые органические удобрения. К следующей зиме склады должны ломиться от зерна, а крестьяне в деревнях добровольно отдавать излишки, славя твоё имя своими устами... Но это лишь полдела. Надо создать действительно крепкую армию. Та аморфная субстанция, которой руководит обленившийся Яннах, не является таковой. Относительный порядок лишь в рядах гессеров. Но они ему не подчиняются. Поэтому нужно заняться грамотной организацией. Объявить или новый призыв, или обещать часть награбленного тем, кто пожелает вступить в королевское войско.

— Награбленного? — удивился я. — Кого мы грабить собираемся?

— Всех! — безапелляционно заявил Гуляев. — Всех, кто осмелится противиться нашей воле. Кто посмеет дерзить, угрожать или отказываться платить налоги... Пойми, в этом мире нет места сантиментам. Нужно наводить порядок. А для этого армия должна быть накормлена и оснащена. Но нельзя исключать и фактор веры. Веры в анирана. Вера в него даст необходимую мотивацию не только простым обывателям, но и армии.

— Хорошо, — выдохнул я, полностью соглашаясь со всем сказанным. — Теперь давайте в подробностях...

Часть 4. Глава 13. Неожиданная преграда на ступенях Храма

Проговорили мы с профессором почти всю ночь. Нам дважды приносили заказанную ранее ободряющую настойку. Он разжёвывал мне сложные моменты и клал в рот. А я запоминал и, наконец-то, начал понимать, какой тяжести штанга лежит на плечах Его Величества Анфудана Третьего. Но я, к сожалению, не смогу переложить её на свои плечи. Поэтому я обязан сделать так, чтобы король стал моим союзником. Чтобы воспрянул духом и уверенно держал эту штангу на своих плечах.

Для этого я затребовал у него аудиенцию утром. Я знал, что хочу ему сказать и знал, почему это важно.

Как сообщил сонный Муадан, Его Величество в аудиенции не отказали. Хоть они были слегка недовольны ранним подъёмом, всё же дозволили привести анирана в тронный зал, куда тоже согласились прибыть особы, которых аниран пригласил от своего имени.

Когда мы вчера ночью с профессором раскладывали по полкам приоритеты, я сказал ему, что необходимо создать костяк. Костяк из людей, которые станут моими первейшими помощниками и помогут с продвижением идей анирана. И людьми такими могут быть только люди, которым аниран доверяет, и которые безгранично доверяют ему.

Поэтому, когда мы входили в тронный зал, нас там ждал не только заспанный король, но и Фелимид с Каталамом. Эти двое, плюс Иберик и Бертрам станут моими ближайшими соратниками.

— Аниран, выглядишь бодро, — Его Величество болезненно скривился, когда поёрзал задницей на троне. — Выспался, видать?

Я совсем не выспался. Пару часов, может быть, подремал. Но сейчас были куда более важные дела.

— Ваше Величество, я хотел бы остаться с вами наедине. С вами, и теми, кто нас сейчас окружает. Вам ничего не угрожает, я даю слово. Поэтому попросите исполнительного Муадана и вашу стражу удалиться.

Спросонья король тупил долго. Морщился, хмурился и испуганно оглядывался. Помогли избавиться от ненужных ушей лишь заверения профессора Гуляева, что анирану действительно есть что сказать. И сказать он это может королю только без лишних свидетелей.

Больше всех возмущался Муадан. Он пытался доказывать, что без обер-камергера такая встреча невозможна. Что ему по статусу положено знать, о чём будут говорить аниран и Его Величество. В конце-концов, бросив на меня злой взгляд, он был вынужден покинуть тронный зал под присмотром удалявшихся гессеров.

— Муадан уже не любит тебя, аниран, — улыбнулся король тому, что подметил очевидное. — Ты с ним неправильно себя ведёшь. Как с недостойным...

— Ваше Величество, мне нет дела до придворного этикета и рамок поведения. Я принял решение — я остаюсь в Обертоне. И мне важно, чтобы вы доверяли мне абсолютно. Значит, я обязан говорить вам правду и ничего кроме правды. Поэтому слушайте.

Я рассказал королю всё. Не только свой путь от начала и до конца, но и самую важную правду — рассказал про Дейдру. Рассказал про женщину, которая может принести в этот мир первую жизнь за многие зимы. Но так же рассказал, что обстоятельства меня с ней

разлучили. И чтобы её отыскать, мне потребуется помощь Его Величества.

Сон ушёл из глаз короля после первых же правдивых слов. Затем он всё глубже и глубже вникал в ситуацию. Хмыкал, морщился, кривился и удивлённо выпячивал глаза. А рассказ про Дейдру выслушал с нескрываемым интересом. Он, видимо, умел мыслить логически, а потому не удивился тому, что анирану удалось сделать то, для чего он и появился. Беременность женщины этого мира не показалась ему чем-то сверхъестественным.

— Это интересно. Но доказательств пока никаких, верно? — Анфудан Третий прекратил ёрзать на троне и задумчиво поглаживал подбородок.

— Нет, Ваше Величество. Я потерял её след. И чтобы его вновь обнаружить, мне нужна ваша помощь. Помогите её отыскать, или помогите собраться в дорогу, чтобы как можно быстрее достичь Валензона.

— Нечего тебе делать в Валензоне, — сразу отмахнулся король. — Здесь ты нужнее. К тому же дорога туда займёт слишком много времени... Мы поступим иначе. Мой сын часто игнорирует мои указания в последнее время. Не желает выбираться из клубов дыма или из лохани с мармасским. Но, уверен, не посмеет увиливать, когда прознает про анирана. Я сообщу ему, что ты прибыл. Сообщу, и потребую отыскать ту деву, о которой ты рассказываешь. Если она в Валензоне, у Тангвина хватит сил, чтобы её отыскать. Он даст ей кров, а затем, со всей предосторожностью, отправит в Обертон.

— Я подробно опишу приметы, — начал было я, да профессор торопливо перебил.

— Крайне важно, чтобы об этом знал лишь Тангвин, Ваше Величество. Пока рано сообщать всем и каждому, что есть женщина, которая носит в чреве дитя анирана. Для неё это может быть крайне опасно.

— Хороший совет, мой мудрейший советник, — усмехнулся король. — Как будто я сам не понимаю... Я обо всём позабочусь. Если отправлю птицу сегодня, через треть декады, аниран, мы можем получить ответ. И прочтём его вместе.

— Благодарю, Ваше Величество. Так же важна ещё одна деталь: моя популярность. В свете задуманных дел, мне нужно, чтобы слухи обо мне разлетелись во все концы Астризии. Нужно, чтобы жители Обертонна увидели меня, поверили в мои слова и передали их дальше. Нужно, чтобы они слышали, что аниран существует. Что он прибыл, что не собирается прятаться и терять время в праздности. Что он немедленно приступит к выполнению своих обязанностей.

— Хочешь предстать перед народом? Хм... Тогда надо всех оповестить. Тысячник Каталам.

— Да, Ваше Величество? — склонился в поклоне Каталам.

— Сегодня же приступай. Выгони из казарм этих сонных лентяев и отдай приказ. Чтобы максимум через половину декады аниран смог показать себя на главной площади столицы. Пусть солдаты постучатся в каждый дом, обойдут каждый угол. Пусть скажут каждому, что его ждёт. Потом доложишь мне лично.

— Исполняю, — Каталам опять поклонился и, пожав плечами, как бы извиняясь передо мной, тут же покинул тронный зал.

— И это ещё не всё, Ваше Величество.

— Ещё одна просьба?

— Простите, Ваше Величество. Думаю, дальше просьб тоже будет немало. Но сейчас я бы хотел, с Вашего позволения, получить доступ к священной книге — к "Книге Памяти Смертных". Её содержание крайне важно для меня. И я просил бы вас помочь с этим.

— Какие сложности? — король удивился. — Пусть Анумор отведёт тебя к Университет. Там есть книгохранилище.

— Боюсь, мне надо прочесть оригинал. Тот, что скрыт в храме Обертон.

— Вот, значит, как? Ну, не знаю, не знаю, аниран. Это так важно? Эоанит крайне ревностно к ней относится. Я бы не хотел портить с ним отношения из-за такой мелочи.

— Тогда, пожалуй, мне стоит попросить его об этой мелочи самому? — предложил я. — Я обращусь к нему сам, не втягивая Вас.

— Был бы весьма признателен, — сказал король, а затем — совершенно неожиданно — захихикал. — Я отправлюсь с тобой и посмотрю. Интересно, что ты будешь делать, если он тебе откажет?

— Боюсь, я буду вынужден настаивать. Я проделал слишком долгий путь ради этой книги. А многие люди даже лишились жизни, помогая анирану. Так что я точно не отступлю.

— Посмотрим-посмотрим, — продолжал смеяться король. — А вдруг и он не отступит? Хе-хе... Муада-а-а-ан!!! Где ты там прячешься? Небось, под дверью подслушиваешь? Ну-ка прикажи седлать лошадей.

Собирались мы долго. Охрентельно долго, с моей точки зрения. Свита короля, без которой он не мог показаться на людях, оказалась слишком большой. И это не учитывая полсотни гессеров, которых быстро взял в оборот Бертрам. Так что длинный обоз с каретами, телегами и обычными всадниками растянулся от на сотню метров, не меньше.

Как самые важные особы, мы с Гуляевым получили дозволение путешествовать в королевской карете. И всю дорогу переглядывались, пока король похмелялся, требуя, чтобы я наливал ему вино из глиняного сосуда, стоявшего на ведре с самым настоящим снегом.

— Храним снег в глубоких подвалах, — похвастался король. — Анумор подсказал, что там он не тает даже летом.

Мы миновали врата внутренних стен, но, несмотря на прекрасную погоду, я не увидел оживлённого движения на улицах. Я осторожно выглядывал, смотрел по сторонам, но видел лишь испуганных людей, разбегающихся при виде грозных гессеров.

— Вон храм, — подсказал Гуляев, отдёргивая шторку с левой стороны. — А вон, видишь, чуть правее возвышается Башня Бдения. Справа, на другой стороне, мы построили Университет. Воспитанники с недавнего времени взяли в моду забираться на крышу и смотреть, как на Ристалище сражаются гладиаторы...

— У вас проводятся гладиаторские бои? — удивился я.

— До первой крови только, — разочарованно сказал король, видимо, так и не поняв, что меня удивило. — После того, как Триединый Бог наслал на нас кару, бои на смерть я вынужден был запретить... А жаль. Ни с чем не сравнимое зрелище.

Я придержал комментарии при себе, ведь считал совершенно иначе.

В дороге короля разморило от жары и вина. Не стесняясь нас, он задремал. Такое поведение почему-то вызывало у меня раздражение. Я даже сквозь зубы прошептал Гуляеву, что лучше бы он для короля не лифт сделал, а велотренажёр. А затем высунулся из окна, не став слушать последовавшие отговорки, и всю дорогу до площади с интересом разглядывал столицу.

Выстроенный из камня и обмазанный мелом храм выглядел куда богаче, чем виденные мною церкви в моём мире. Множественные ступени вели прямо от площади ко входу в

форме арки, который окружали четыре мраморные колонны. Прекрасные витражи вместо окон добавляли шику. А над куполом храма возвышался знакомый символ в виде человека, протягивающего к небу руки.

Несмотря на отсутствие ограды, защищать храм тоже было кому. На самых нижних ступенях было многолюдно — там нежились на солнышке нищие. Но выше первой ступени никто не рисковал подниматься, потому что у входа и на самих ступенях дежурили храмовники. Те самые ребята в белых одеждах с треугольным знаком на груди.

— Они тут повсюду, что ли? — пробормотал я себе под нос и укрылся в карете. — Куда ни глянь — одни храмовники везде.

— Эоанит платит больше, — ничуть не смущаясь, зевнуло проснувшееся Величество. — Я столько платить не могу... Где-то у меня в кармане, кажется, сахарный палец оставался.

Король принялся шарить по карманам и нашёл самый натуральный леденец. Забросил его в рот и принялся блаженно хрустеть.

Профессор Гуляев легко прочёл в моём недовольном взгляде, что надо быстрее выбираться из кареты. Он решительно распахнул дверь и практически вытолкнул меня наружу.

— Мы прибыли, Ваше Величество.

— Идите сами, — отмахнулся тот и устроился поудобнее на подушках. — Там жарко. Я побуду здесь, в тени... Муада-а-а-а-н! Прикажи подать вина!

Когда полсотни гессеров окружили процессию и спешили, местных бомжей как ветром сдуло. Они успели похватать свои тряпки и горшки, в которых трясли монетками, требуя милостыню, и улепёгывали, аж пятки сверкали. Храмовники же лишь прекратили бесцельно бродить туда-сюда. На ступенях храма их топталось с десятков, и они собрались вместе, чтобы обсудить причину прибытия гостей. А затем один из них, самый шустрый, наверное, придерживая ножны, рванул ко входу в храм.

— Только веди себя спокойно, — посоветовал Гуляев, прыгая взглядом по группе храмовников.

— Это не визит вежливости, — отмахнулся я. — Я очень долго сюда добирался. Добирался ради книги. Отказа я не приму.

Я поправил кинжал на поясе и решительно взбежал по ступенькам. Для той физической формы, в которой я сейчас находился, это было совсем несложно.

Но остановить меня посмели только у самого входа. Именно там храмовники сплотились все вместе, отступив со ступенек.

— Стой! — воскликнул один из них. — Посещение храма разрешено только после второго удара колокола.

— На колени перед анираном! — достойно ответил я.

Но никто меня не послушал. Я увидел, что они испугались. Испугались все без исключения. Но, несмотря на то, что, возможно, знали, что слухи об аниране — совсем не слухи, кланяться никто даже не подумал.

— Что за дело анирана ждёт в святом храме? — из храма быстрым шагом вышел полупознакомый человек. На его шее висело ожерелье в виде серебристых пластин, видимо, подчёркивающее ранг, а из-за спины несмело выглядывал тот самый гонец.

— Дело есть и дело важное, — я собирался дерзить и даже хамить, если потребуется. Виденное мною в поместье Фелимида, когда храмовники перевернули там всё вверх дном, навсегда впечаталось в память. И ко всем, кто надевают белую рясу на доспехи, я собирался

относиться как к потенциальным врагам. — Не стой на пути анирана, неизвестный.

— Меня зовут Хаббард, — он поклонился мне первым. — Я — легаш армии Храма. Храм Смирения в Обертоне под моей охраной и я обязан сказать, что ты пришёл не вовремя. Слуги совершают утреннюю уборку и реликвии ещё не доступны к осмотру. Приходи позже.

— Реликвии храма меня не интересуют, — ответил я. — Мне нужна лишь книга. Я хотел бы ознакомиться с её соержи...

— Беспokoить священную книгу анирану незачем, — раздался топот множества ног и из храма показалась очередная многолюдная процессия. Впереди шёл первосвященник Эоанит. Только в этот раз он был одет в простую монашескую рясу без всяких выкрутасов. — Почтенный магистр Анумор, что несмело стоит рядом, пусть отведёт анирана туда, где он полновластный хозяин.

Я оглянулся и действительно заметил, что Гуляев нерешительно топчется ступенькой ниже. И даже глаза долу опускает, когда Эоанит на него смотрит.

Я про себя сплюнул: нет, это не аниран. Он слишком стар для анирана. Слишком нерешителен. Если бы он пытался выяснить как излечить мир, раньше от старости умер бы самый юный житель, родившийся до начала болезни. Гуляев не только бы не справился, ему это даже ни к чему.

Процессия, возглавляемая Эоанитом, наконец, вышла из храма. Люди заполонили вход и на верхних ступенях стало довольно-таки тесно. Снизу подтягивались гессеры, Фелимид с Бертрамом, а в окне кареты показалось любопытное лицо короля.

— Сожалею, Ваше Святейшество, но я вынужден настаивать, — я не сдвинулся ни на шаг. — Мне очень нужно прочесть оригинал. Я должен узнать причину появления аниранов в вашем мире. Это поможет мне лучше ориентироваться и избрать дальнейший путь.

— Достойные слова, — Эоанит уважительно кивнул. — Кто может быть против, чтобы аниран узнал свой путь? Никто. Я согласен с тобой во всём, аниран. И всё это ты можешь узнать в любой копии, снятой с "Книги Памяти Смертных". Там есть все необходимые тебе знания.

Из храма вновь раздался звук шагов. По мраморному полу стучали тяжёлые башмаки храмовников. Ещё с десятков из них показались на входе и, указательным пальчиком первосвященника были расставлены в ряд вдоль верхней ступени.

Кто-то тронул меня за руку. Это был Фелимид.

— Нет там ничего, чего я уже не рассказал. Тебе нужно... — успел прошептать он.

— Молчать! — рявкнул Эоанит. — Ты очень близок к краю! Так близок, что ни король, ни королева, возможно не успеют тебя спасти от лёгкого толчка.

— Я смогу, — уверенно произнёс я и сжал руки в кулаки, собираясь вновь показать всем, кто я есть. — Ваше Святейшество, не устраивайте цирк, — Эоанит нахмурился, но так и не смог понять, что я имею в виду. — Просто дайте пройти. Покажите, где лежит книга. А я, обещаю, буду с ней крайне осторожен. Ни одну страничку не порву, ни одну букровку не затру.

— Конечно не затрёшь, — уверенно сказал Эоанит. — Ибо не зайдёшь.

А это уже был откровенный вызов. Несмотря на все козыри на моих ладонях, о которых он, несомненно, знал, Эоанит решил биться до конца. И единственный вывод из всего этого — в книге действительно что-то есть. Что-то важное. Нечто такое, чего он не хочет, чтобы я узнал.

— Мне бы не хотелось наставить с помощью того, чем я обладаю, Ваше

Святейшество, — я всё же старался сохранять дипломатичность, хотя, в былое время, наверное, уже бы крыл матом всех, кто перегораживал дорогу. — Это крайне важно для меня. Крайне важно для спасения вашего — чужого для меня — мира. Подумайте, пожалуйста, зачем вам это делать? Вам не стоит мешать анирану выполнить его предназначение.

— Чтение книг — не есть твоё предназначение. Твоя задача — заставить девок рожать. Всем остальным займутся другие. Тебе лишь предоставят условия.

Хлопнула дверь кареты: на ступеньки выбрался безвольный мешок с мясом и костями, именуемый королём. И в этот раз все отреагировали не так, как было, когда выбрался я. В этот раз все попадали на колени. Все храмовники, все святые отцы, гессеры, Бертрам, Фелимид, Гуляев. Все. Все, кроме меня и Эоанита.

Но я отбросил промелькнувшую, было, мысль воспользоваться заминкой и прошмыгнуть в храм. Не потому что считал, что за мной никто не погонится. А наоборот: я был уверен что в спину мне полетят и копья, и даже мечи.

— Я всё равно зайду, Эоанит, — впервые я заговорил с ним без капли почтения. Заговорил так умышленно.

— Ты можешь попробовать, — усмехнулся он. — Разослать мощи анирана во все концы Астризии — тоже неплохой вариант. Грешники лишь укрепятся в своей вере. Будут каяться и смиренно ждать конца.

Только тут до меня окончательно дошло, что столкновение неизбежно. А я, как бы, экипирован совсем не для битвы. Для загородной прогулки только. Ни доспехов, ни брони. Любой острый предмет легко пробьёт мою грудь, если этой грудью я полезу на амбразуру. Похоже, в отношениях с Эоанитом я возомнил о себе больше, чем есть на самом деле.

Я принялся украдкой осматриваться и увидел, что храмовники медленно растекаются по площадке перед входом. Занимают верхние ступени и ведут себя настороженно. Но так же я обратил внимание, что волноваться начали и гессеры. Правда, в отличие от меня, экипированы они были по последнему писку местного технического прогресса. В пластинчатых доспехах, которые не пробьёт стрела, в островерхих шлемах, при мечях и кинжалах. И если начнётся заварушка, первым пострадает именно хреново экипированный, слишком много о себе возомнивший аниран.

— Что такое? В чём дело? — Его Величество, наконец-то, осилил тяжелейший подъём в виде нескольких ступенек.

— Ваше Величество, — первым успел наябедничать я. — Мне нужна эта книга. Это очень важно для меня. Но я не хочу конфронтации. Я не хочу забирать жизни тех, кто, возможно, сможет дожить до момента, когда я излечу ваш мир. Мне нужна ваша помощь. Помощь всех вас, — я намерено сделал широкий жест рукой, указывая и на гессеров, и на храмовников. Может, кто-то из них проникнется моими словами и не станет обнажать оружия.

— В чём проблема, Эоанит? — король сложил ручки на пузике.

— Где Его Величество увидел проблему? Хозяин всего лишь не хочет пускать на порог своего дома наглого гостя...

— Оставь эти шгучки! — ручки покинули пузико и сжались в кулачки. — Словоблудишь опять? Может, ты решишь не пустить на порог своего дома и меня? Тогда позволь тебе напомнить: здесь везде мой дом. Всё, что видишь ты, что вижу я, видит аниран и остальные — принадлежит мне. Все леса, поля, луга, дороги и дома — всё моё! Даже

каменные стены города принадлежат мне по праву. Я могу не пустить тебя куда захочу, а не ты можешь не пустить меня, — красиво король перевёл стрелки. Я даже удивился, как он смог перестроиться, что теперь, казалось, это ему надо войти и прочесть книгу, а не мне.

— Его Величество что-то перепутал...

— Не перечь мне! Я здесь король! Я принимаю решения и озвучиваю свои пожелания. Ты знаешь, как аниран важен для меня? Знаешь, как важен для Астризии? И всё же ты решил создавать препоны с первого же шага. Лишь он обратился к тебе с просьбой, ты и рад отказать. Ты хочешь погубить наш мир? Или ты хочешь его спасти?

— Чтение запретной книги не поможет анирану его спасти, — хоть по началу мне показалось, что Эоанит испугался красочного выступления, теперь же на его лице вновь блуждала снисходительная ухмылка. Такая, будто он сейчас выслушивал жалобы капризного ребёнка, а не короля.

— А это уже будет решать он сам, — непоколебимо заявил Его Величество. — С сего момента я официально заявляю, что аниран может ходить и делать что угодно, где угодно ему нужно быть по необходимости. Никто не смеет останавливать его и что-либо запрещать. Всё ясно?

Эоанит не стал сразу отвечать на этот вопрос. Он крепко задумался, как мне показалось. Но почему-то я был уверен, что он планировал ответить не так, как ожидал Его Величество.

— Осмелюсь высказаться, — раздвинув руками плотную пробку из храмовников, вперёд вышел полужнакомый седовласый старичок. Кажись, это был эстарх Эриамон — правая рука Эоанита. — Сейчас не время враждовать и браниться. Мир и так переживает страшные испытания. Мы не можем себе позволить вражду и споры. Тем более с анираном — спасителем нашим... Хоть я иду против воли Его Святейшества, я осмелюсь согласиться с анираном. Если будущий спаситель хочет узнать своё предназначение, чтобы развеять сомнения свои и сомнения тех, кто внимательно за ним наблюдает, ему не только необходимо, он обязан прочесть священную книгу. И если он сможет понять, для чего спустился с небес, мы, возможно, станем свидетелями зарождения милиха...

— Или драксадара, — одними губами прошептал Эоанит. Прошептал настолько тихо, что его, наверное, услышал лишь я. Ну, может быть, ещё кто услышал. Но смысл его слов, уверен, дошёл лишь до меня.

— Хорошие слова, эстарх Эриамон, — король подтвердил, что я верно опознал старичка. — Милих — это тот, на кого мы надеемся. Тот, кем должен стать аниран.

— Будь по вашему, Ваше Величество, — неожиданно уступил Эоанит. Я даже удивился слегка. — Аниран получит доступ к книге и сможет её прочесть. Если, конечно, обучен грамоте, — ткнул мне под нготь он маленькую шпильку. — Но мои воины будут за ним наблюдать и не позволят испортить святые страницы...

— Ваше Величество, — раздался голос Фелимида. — Я тоже готов наблюдать за анираном днём и ночью, чтобы сберечь ветхие страницы. Позвольте?

— Хитрец, — ухмыльнулся Эоанит. Ни капли злобы или ненависти не было в его взгляде. Больше было похоже, что он смирился с тем, что проиграл один раунд.

— И я! — крикнул, было, Иберик.

Но король уже поднял руку, призывая к тишине.

— Бертрам, жизнь анирана на твоей ответственности. Фелимид и юноша, вызвавшийся стать его личным стражем, тоже могу оставаться. Властью короля запрещаю воинам храма чинить им препятствия. Всё. Теперь можем возвращаться. Пора перекусить.

Плотная человеческая пробка начала рассасываться. Эоанит, махнув на прощанье подолом рясы, как Бэтмэн махал плащом, исчез где-то в недрах храма. Король тоже начал нелёгкий спуск с Эвереста, именуемым ступенями. Со мной остались лишь Фелимид, Иберик и Гуляев. Гуляев удовлетворённо улыбнулся, склонился над моим ухом и прошептал:

— Давно не видел Его Величество в столь добром здравии. Он словно очнулся ото сна. Теперь у тебя нет сомнений, что он король, а не выживший из ума пенсионер?

Не дождавшись ответа, будто ему он был не нужен, Гуляев резко поскакал по ступенькам следом за королём.

Фелимид улыбался, как дурак. Впервые я видел на его лице такую улыбку.

— Ты чего, Фелимид?

— Приятно видеть, что всё не так плохо, как казалось. Уверен, Эоанит никому из нас этого не простит. Напакостит как-нибудь. Но хотя бы сейчас мы одержали победу.

Я смотрел на рыжего королевского дознавателя и мне в голову пришла интересная идея. И к кому, как не к нему, мне с ней обратиться?

— Фелимид, ты, как мы все знаем, малый не дурак...

— Не кто?

— Неважно. У меня есть идея на твой счёт. Как ты смотришь на то, чтобы организовать и возглавить секретную службу, подотчётную лишь анирану?

— Охранку? — Фелимид вопросительно изогнул бровь.

— Ну, что-то типа. Ты вхож ко двору, король тебя помиловал и ты очень не любишь того, кто с момента знакомства создаёт мне проблемы. То есть ты будешь заинтересован возглавить такую службу, которая будет охранять анирана и выведывать секреты его врагов. Ты сам сможешь рекрутировать людей, которым доверяешь. Сможешь бывать где захочешь, прикрываясь именем анирана. Даже необходимые суммы серебром или золотом иметь в достатке, ведь, уверен, Его Величество не откажет мне в очередной маленькой просьбе. Но самое главное — у тебя есть опыт. Ты ведь дознаватель.

— Заманчиво, — Фелимид почесал веснушчатый подбородок. — Но всё это не так просто. Нам надо будет многое обсудить...

— Не сейчас, — решительно остановил я. — Сейчас меня интересует другое. Просто скажи: "да" или "нет".

— Конечно, "да", — Фелимид не сдержал улыбку и посмотрел на стоящего рядом, улыбающегося Иберика. — Я справлюсь. Обещаю.

— Иного и не жду. А теперь — пошли.

Часть 4. Глава 14. Священная книга

Большинство храмовников скрылись в храме сразу за Его Святейшеством. Некоторые остались, но их сейчас волновала лишь защита ступеней от подтягивающейся армии заинтересованных нищих. Ранее они поспешно удалились и наблюдали за разворачивающимся спектаклем издали. Но когда королевская процессия удалилась, вновь осмелели и решительно приближались к ступеням, желая поближе рассмотреть того, кто затеял этот спектакль.

— Бертрам. Внутри за мной заходить не надо. Оставь большую часть своих людей на входе, чтобы никто сегодня в храм не зашёл.

Фелимид выступил в качестве проводника. По влажным плитам мы прошли в храм. Вдыхали запахи чистоты и неизвестных благовоний, пересекли атриум с небольшим фонтаном и зашли в арочную дверь, которую охраняли ещё двое храмовников.

Внутренний интерьер храма напомнил мне виденные по телевизору залы католических церквей. Центральный неф с двух сторон ограничивали два ряда высоких колонн. По бокам от довольно широкого прохода, устланного красным ковром, очень тесно друг к другу жались самые натуральные скамейки. А в дали, прямо напротив огромного витража со знакомым бесполом человеком, протягивавшим молящие руки, находился алтарь. И прямо там, на алтаре, защищённая то ли стеклянным, то ли хрустальным куполом, лежала массивная книга. С такого расстояния я не мог рассмотреть её, но уже удивлялся размерам. Надеюсь, хоть шрифт окажется крупным, а не мелким. Иначе её прочтение займёт слишком много времени.

— Это она. Идём, аниран, — Фелимид схватил меня за руку и быстро потащил за собой, словно опасался, что разрешение на пропуск отзовут. Следом шёл настороженный Иберик и трое гессеров из тех, кого Бертрам успел выхватить из королевской охраны.

Красоты внутреннего интерьера я не рассматривал. В своём мире я прохладно относился к религии и совсем не был, что называется, верующим человеком. Никогда не посещал ни церкви, ни храмы даже в качестве туриста. Лишь здесь я стал относиться к религии серьёзно, ведь здесь она не только оказывала более заметное влияние на общество, но и была крайне важна, как инструмент давления. После глобальной катастрофы, местная религия цепко скрутила народ. Вера в собственную греховность, поголовное смирение, апатия и безволие сделала этих людей мягкими и податливыми, как пластилин. И неудивительно, что каста совсем неглупых жрецов прекрасно знала, как этим воспользоваться. Уверен, они очень не хотят, чтобы что-то поменялось. Поэтому, прежде чем что-то менять, мне придётся очень хорошо подумать — а достаточно ли у меня для этого сил? И это я не собственные силы имею в виду, а количество штыков, на которые эта "сила" будет опираться.

Но сейчас эта проблема была второстепенной. Если не третьестепенной. Сейчас меня интересовало содержание той книги, которая тревожила мои мысли уже практически год.

— Вот она, — Фелимид зло зыркнул на окружавших алтарь храмовников, которые под его взглядом поспешили разойтись. — Вот она, аниран.

— В этот раз защитный саркофаг разбивать не будем, — топорно поюморил я и отодвинул Фелимида.

Преломление было небольшим, потому что хрусталь был отшлифован практически

идеально. Я посмотрел на книгу сверху и увидел действительно ветхую обложку и пожелтевшие края страниц. На обложке не изображалось ничего. Ни единого рисунка. А по верхнему правому краю, казалось, чиркнуло стальное лезвие — там был виден глубокий надрез.

— Сколько этой книге лет? — обратился я к Фелимиду.

— Что-что?

— Зим, я имею в виду, — поправился я. — Зим.

— Никто не знает, — произнёс он, как нечто совершенно очевидное. — Никто даже не знает, кто её написал. Может быть, сам Триединый Бог. В храме она находится более пяти сотен зим, как утверждают хроники. До этого её скрывали где-то в Мёртвых Землях на севере. Но что-то произошло — неизвестно что — и монахи-старообрядцы спасли книгу в обретающем величии Обертоне. В Университете, куда магистр Аномор приказал свозить все старые фолианты, много древних текстов. Но стиль изложения крайне туманен. Даже мне было сложно понять, о чём там пишут.

— И о чём же?

— Наши предки всегда знали, что вы придёте. Анираны, я имею в виду. Уже тогда они верили, ожидали и готовились. И хоть они не дождались, веру в аниранов не утратили.

— Ерунда какая-то, — пробурчал я себе под нос еле слышно. — Ладно. Не будем терять времени. Как снять купол?

Хрустальный саркофаг мы снимали всей толпой. Он оказался довольно тяжёлым. Под испуганными взглядами храмовников, мы сняли его с алтаря и осторожно положили на пол.

— Пожалуйста, осторожнее, Аниран, — попросил Фелимид.

— Я всё помню. Не переживай. А теперь прошу мне не мешать, — наконец-то, спустя столько времени, как я услышал об этой книге, я протянул руку, чтобы перевернуть первую страницу. И никаких голосов не раздалось в моей голове. Никаких предупреждений. Я даже не почувствовал ничего мистического. Это всего лишь книга. Книга, содержимое которой я обязан прочесть от корки до корки.

Перевернув обложку, я увидел форзац в виде карты. Карты этого мира с параллелями и меридианами. Карты, разделённой на два полушария. Идеально похожей на карту, которая висела на стене в двухкомнатном номере Гуляева.

— Однако, — присвистнул я. То-то я думал, каким образом местным аборигенам удалось исследовать обширные территории и начертить карту? Оказывается, всё элементарно — они передрали её со священной книги.

Титульный лист тоже меня немного смутил. Чёрным на белом там была нарисована небольшая планетка, с очерченными материками на огромном океане. Вокруг неё, тоже очень узнаваемо, кружили знакомые луны.

— Походу, и рисовали, и писали книгу явно не те, кто здесь сейчас проживает, — эти слова я уже не стал произносить вслух, а сказал сам себе. Теперь у меня уже не осталось сомнений, что кто-то долго наблюдал за этой планетой с небес. Затем заселил. И, по какой-то непонятной причине, решил нанести удар чудовищным по своей эффективности вирусом, чтобы уничтожить человеческую популяцию.

— *"Была лишь тьма"*, — абсолютно понятным для меня языком начиналось первое предложение. — *"Затем МЫ узрели. Узрели возможность посеять зерно и получить нужные всходы. МЫ пришли на новую землю и оросили её. Дали всплеск и стали ждать. Ждать и смотреть, как оживает под НАШИМ прикосновением активная сущность..."*

Я встряхнул головой, решительно не понимая, о чём говорится в начале. Но, к счастью, дальше всё пошло куда проще. И исписаны страницы, оказалось, действительно большим каллиграфическим шрифтом.

Забыв обо всём, я погрузился в чтение. Я читал историю возникновения человечества на этой планете и убеждался, что никакие Адам и Ева не стали её прародителями. Ими были пришельцы. Инопланетяне, как сказали бы в моём мире. Именно они — кто бы они ни были — заселили цветущую планету с приемлемой для них средой обитания. Почему-то вещь от имени "МЫ", неизвестный автор пафосно разглагольствовал про племена человеко-макак, которых обнаружили, спустившиеся с небес "МЫ". Как они пытались их приручить, как пытались дать знания и медицину. Но, в итоге, помогли лишь, создав примитивные орудия труда. Всё остальное местные аборигены отвергали.

Тогда эти самые "МЫ" затаились и стали ждать. Ждать, пока эволюция сделает всё остальное. Но эволюция посмеялась над ними. Долгое ожидание себя не оправдало: разумная, но примитивная органическая жизнь не выкарабкалась. Она вымерла от холода, голода и болезней.

И "МЫ" решили помочь эволюции. Они сами создали приемлемый вариант человека, который сможет справиться с дикой природой. "МЫ" даже ландшафт на планете подправили, чтобы новой жизни было проще пробиться сквозь эволюцию. Как я понял, именно они раздробили материки и подняли общую температуру на планете, что вызвало таяние ледников на полюсах и повышение уровня воды в океанах. В книге так и говорилось: *"Теплом более значительным окружили сразу зазеленевший мир..."*. Но побочным эффектом терраформирования, как эти "МЫ" потом выяснили, стало не только таяние ледников, но и чудовищная по своей суровости зима, когда замерзали даже быстрые реки. Пусть и ненадолго.

Но с этим "МЫ" смирились. Смирились, потому что жизнь на планете, наконец-то, пробудилась. Появились одноклеточные организмы, которые быстро эволюционировали. Вскоре вновь появились двуногие приматы. Они стали спланиваться в коллективы и прогрессировать. Но в этот раз "МЫ" не вмешивались в их развитие. Они дали возможность времени всё сделать за них. И вот так, год за годом, примитивные двуногие шли вперёд и вперёд. Пока не застыли на определённом отрезке, когда очень долго не могли совершить качественный скачок.

Помня предыдущий неудачный опыт, "МЫ" опять решили вмешаться. Но в этот раз они действовали наверняка. Они подарили примитивам религию. *"Веру в НАС"*, как сами "МЫ" это обозвали.

Именно тогда я понял, кто такие эти "МЫ". Это был тот самый Троединый Бог Фласэз как местные жители его называли. Хотя я до сих пор не знал, кто он такой и почему он "троединый", я ни капельки не сомневался, что именно он был тем, кто дал толчок жизни на этой планете. Именно он был тем самым пришельцем, сбросившим сюда человеческую ДНК.

Первые выводы от чтения меня порадовали: нечто подобное я и предполагал. Иначе и быть не могло. Другой вопрос: почему мы, земляне, во всём так похожи на местных примитивов, как величал их Фласэз? Неужели он, или ему подобные заселили и Землю? А может, как говорилось в Библии, они сотворили человека по образу и подобию своему?

Но на эти вопросы ответов в книге не было. Поэтому я просто продолжил чтение.

"МЫ" были довольны, когда разумная жизнь впитала в себя веру. Это помогло прогрессу и расширению. Примитивные формы переставали быть примитивными, выросли

и отвоёвывали у природы пространство. Благодаря вмешательству "МЫ" на ранней стадии, практически исчез голод. Изобилие на планете было во всём. Хватало воды, тепла и органической пищи. Наконец-то стали появляться крупные поселения, а затем и города. Примитивы плодились всё быстрее и быстрее, но "МЫ", как писали в книге, с некоторым прискорбием констатировали, что необходимые им всходы всё ещё были далеки от расцвета. И продолжали ждать.

Хоть такое понятие как "время" на них действовало по-особому, — в книге не говорилось как именно — "МЫ" не торопились. Им хватало терпения просто наблюдать и не вмешиваться, несмотря на то, что вмешаться и дать верное направление развития очень хотелось. Особенно когда начались междоусобные дразги между примитивами за такое незначительное понятие, как пространство. Хоть этого пространства на планете хватало все живым организмам, примитивы предпочитали не осваивать его, а отбирать уже освоенное у себе подобных. И неприятнее всего для "МЫ" было то, что отбирали примитивы друг у друга земли с именем "МЫ" на устах. Во славу "МЫ", примитивы убивали друг друга и сводили на "нет" всю работу по подготовке и выращиванию всходов.

Но "МЫ" опять не вмешивались. Наблюдали, ждали и позволили примитивам, которых презрительно нарекли "людьми", самим выбраться из той пропасти, куда они себя загнали.

И, к удивлению "МЫ", они выбрались. Опустошив свои ряды минимум наполовину, люди смогли вовремя остановиться. А благодаря новым орудиям истребления себе подобных, которых люди понастроили множество во время сражений, прогресс ускорился. Земля вспахиваться стала лучше, культуры одомашниваться, а денежные отношения зацентрировались на драгоценных металлах, к которым "МЫ" всегда благоволили. И процесс подготовки всходов для финальной жатвы, наконец-то, ускорился.

В этом месте я был вынужден сделать перерыв. К моему удивлению, я зачитался. Хоть я пока ни слова не прочёл об аниранах, читать действительно было интересно. А я ведь никогда чтением не увлекался. Хоть не сказал бы, что про меня, как про бестолкового футболиста, можно сказать, что в жизни я прочёл три книги: Букварь, вторую и синюю, всё же, вынужден признать, что с книгами я никогда не был на "ты".

Поэтому пришлось немного размяться и похрустеть костяшками. А затем попросить не отходивших от меня ни на шаг людей, принести хотя бы стул и пожевать чего. И лишь после перерыва я вновь вернулся к чтению.

Я, конечно, ни фигя не понял про "финальную жатву". И понятие о тех самых "всходах" от меня было всё так же далеко. Но я продолжил проглатывать строку за строкой. Я прочёл, как "МЫ" удовлетворённо наблюдали за развитием. Как люди учились обрабатывать и закалять металлы. Как у них появлялись выдуманные обряды, а во славу "МЫ" почему-то стали приносить человеческие жертвы. Как люди начали покорять океан. И хоть они слабо разбирались в мореходном деле, были настойчивы. Несмотря на множественные потери, они не оставляли попыток проплыть дальше, чем им позволял уровень цивилизации.

"МЫ" взирали на людей и радовались их усердию. Хоть "МЫ" точно знали, что огромный океан невозможно переплыть, были довольны продолжающимися попытками. Это доказывало, что эволюция на верном пути и всходы рано или поздно будут получены.

Прошло опять очень много зим в ожидании. Как всегда, "МЫ" были терпеливы и не торопились, хоть люди опять замерли в развитии. Им опять был необходим толчок. "МЫ" посчитали, что и в этот раз люди справятся сами. Что вмешательство лишь навредит и отбросит на многие зимы плодотворную работу.

Но люди вновь доказали свою примитивную сущность: они опять скатились к междоусобным войнам, и прогресс остановился. Безрадостно взирая на них с небес, "МЫ" печалились. Опять кто-то из тех властолюбивых людей, которые очень близко приблизились ко всходам, почему-то хотели получить больше, чем им было необходимо для жизни. Опять зачем-то они начали истреблять себе подобных. Куда бы "МЫ" не бросали свой взгляд, они видели лишь повторение того, что уже происходило — неизбежную депопуляцию. "МЫ" смотрели на людей и не знали, что делать. Они не вмешивались, надеялись на неизбежный всплеск прогресса после очередных войн и просто давали возможность отсеять тех, кто подходил меньше всего.

Но, к великому разочарованию "МЫ", случилось всё в точности наоборот. Вместо прогресса начался регресс. Люди растеряли знания, растеряли умения. Несмотря на крепость здоровьем, которым "МЫ" их наградили, людские поселения и города разорял мор. Многие последующие зимы "МЫ" наблюдали стагнацию. А затем начался окончательный спад. Спад, как посчитали "МЫ", который неизбежно станет закатом созданной ими цивилизации.

И тогда те самые "МЫ", этот чёртов Фласэз, как я понял, решил всё это прекратить. Решил окончить неудачную попытку по выведению чего-то, чего я так и не понял чего.

Именно тогда "МЫ" решили, что вскоре в небе воссияет звезда. Звезда, которая поставит перед фактом каждого примитива, что органическая жизнь на планете, в том неудачном виде, в котором она сейчас существует, подходит к концу. "МЫ" надоело ждать и он/они собирались поставить жирную точку.

Но "МЫ" не были безжалостны. "МЫ" были прагматичны. "МЫ" хотели подарить последнюю надежду этому не справившемуся, не оправдавшему ожидания миру. "МЫ" взяли несколько зёрен из другого мира. Взяли у тех, кто справился. Чьи всходы смогли вызреть. "МЫ" пообещали тех, кого нарекли — аниранами.

— У-у-х! — встряхнул я головой, выбравшись из строк. — Вот оно! Начинается. Земляне спешат на помощь...

Вряд ли кто из моих внимательных охранников понял о чём речь. Меня лишь окинули взволнованными взглядами, побоявшись задавать вопросы. Поэтому я сложил руки щучкой и вновь нырнул в страницы.

Громом с небес прозвучал зов "МЫ". "МЫ" решили снизойти до истреблявших себя безумцев и красочно предстали перед ними. Затем дали людям то, чего перепуганные люди не ожидали, — предсказание неизбежного конца. "МЫ" сообщили, что с дня первого своего пришествия пройдёт много времени. Но второй раз "МЫ" снизойдут лишь тогда, когда тот, кого они призовут на помощь людям, докажет делами своими, что люди это заслужили. "МЫ" отправят анирана — существо, родственно близкое людям. И если аниран не справится, если люди не примут его, а он не заслужит их расположение, неизбежный конец никто так и не предотвратит.

Но со временем, покуда люди, движимые страхом тотального истребления, начали создавать новые верования и обращаться к небесам, вознося мольбы о спасении, "МЫ" решили пересмотреть изначальные планы.

На планете удачных всходов тоже всё было не так радужно. Далёкие родичи людей погрузились в пучину войн и самоистребления. И показали "МЫ", насколько они хрупки физически и нестабильны духовно. Именно тогда "МЫ" решили призвать не одного смертного анирана, а двенадцать. А универсальную божественную сущность, которая делала

великим каждого из своих наместников в других мирах, разделить на двенадцать частей. Чтобы самый достойный, самый приспособленный посланец из другого мира заслужил право получить её. Чтобы божественная сущность, которая сольётся с ним в одном организме, высвободила из самого достойного силу, скрывающуюся глубоко в недрах его разума...

Я оторвался от книги и проглотил комок чудовищного размера. Так вот оно что. Двенадцать частей одной части. Вот эта хрень, которая активирует метки, — и есть божественная сущность. И это, в принципе, правильно, ведь ничем иным оно просто быть не может. Энергия, рождающаяся из рук, не может быть ничем иным, как фантастической, невероятно продвинутой технологией. Но самая невероятная, и в тоже время самая очевидная новость, — слияние божественной сущности в одном организме. Все метки, все те части божественного дара должны быть собраны лишь в одном аниране, в самом достойном. И что-то... И что-то случится потом.

Хоть от ужаса у меня пересохло во рту, потому что я осознал, чем долгий путь, в итоге, должен завершиться, я всё равно продолжил чтение. Собрал волю в кулак и вновь погрузился в буквы. Я должен был выяснить, зачем всё это. Зачем всё так сложно.

Но "МЫ" понимали, что всё будет не так просто, как задумывалось. Внутреннюю природу людей они прекрасно знали. К их прискорбному удивлению, люди не менялись, несмотря на разные пути развития — где-то удачные, где-то нет. Без верховного надзирателя, наместника "МЫ" на каждой планете, люди истребляли друг друга своими же руками. Рано или поздно это случалось везде. Поэтому "МЫ" очень тщательно отбирали тех, кто достоин быть наречённым словом "аниран". Для "МЫ" было не важно ни физическое состояние потенциального анирана, ни возраст, ни благосостояние. Главный критерий анирана для "МЫ" — умение адаптироваться. Способность ориентироваться в незнакомом мире, быстро принимать решения и выживать. И, чтобы проверить достоинство аниранов, "МЫ" решили за каждым из них отправить гончих. Наблюдать за ними с небес, и видеть, как из двенадцати рождается лишь один — самый достойный.

И когда это случится, если случится, "МЫ" второй раз придут посмотреть на не оправдавший ожидания мир. "МЫ" встретят анирана, навечно одарят его божественной сущностью и сделают своим наместником. "МЫ" прикажут ему править мудро, но безжалостно, чтобы всходы к ИХ следующему появлению были готовы.

Опасность была лишь в непредсказуемости выбора анирана. И "МЫ" это прекрасно понимали. Люди часто совершали алогичные поступки, руководствуясь непонятным для "МЫ" выбором. Люди часто были импульсивными и несдержанными. А семь таких качеств как жестокость, деспотичность, праздность, алчность, гордыня, коварство, зависть — всегда заставляли "МЫ" задумываться о правильности подхода к засеvu жизни во всех мирах.

Поэтому "МЫ" стали внимательны. Достойный не только должен проявить себя самым достойным образом. Он обязан встретить "МЫ" и преклонить колена, демонстрируя покорность. Он должен стать милюхом — спасителем всего живого в избранном мире, и согласиться принять личину наместника. Бунтарь и деспот же будет противиться. Он сможет впитать в себя все части божественной силы, но не сможет побороть гордыню. Он взалкает большего. Он посчитает себя равным "МЫ" по силе. Он станет драксадаром. Вместо всходов, он подарит "МЫ" мир, пылающий огнём междоусобных войн.

Именно для этого — для контроля разума аниранов, а не из-за хрупкости и скоротечности людской жизни, "МЫ" решили наделить всех аниранов частью божественной

сущности. Именно для этого анираны сами должны определить, кто из них достойный. А сущность внутри поможет и подскажет им. Направит и постарается предостеречь анирана от неверного пути, ведущего к появлению драксадара.

Я вновь отвлёкся от чтения. На душе было совсем скверно. Я потеряно огляделся, и увидел, что в храме зажгли факелы — видимо, уже стемнело. За витражами проглядывала лишь тьма, а мои вынужденные провожатые разместились на скамейках, тихо переговаривались и что-то жевали.

Я перевернул следующую страницу. С нового абзаца тот самый Троединый Бог, создавший этот мир и эту книгу, вещал о будущем. Вещал о будущем, которое, в данный момент, являлось настоящим. Он писал о появлении карающего огня.

Наказанием за неоправданные надежды назвал он появление огня в небесах. Своей волей он лишил абсолютно всех людей в этом мире возможности производить потомство. А затем каждую зиму отправлял по одному анирану, с целью наблюдения за ними и определения правильности своего выбора.

Но всё же даром предвидения этот Фласэз не обладал. Дальше в книге шли лишь страницы с гипотезами о том, что произойдёт потом. Анираны, по его предположениям, конкурировали друг с другом за право встретить великое божество. Самый смелый и решительный побеждал других, попутно возвышаясь над живущими в этом мире людьми, как нечто недостижимое. Божественная сущность крепла в нём и помогала править. Аниран крепчал, превращаясь милиха, и готовился встретить приход "МЫ", чтобы, склонившись, принять позволение самому решить судьбу недостойного мира. А затем, слившись в единое целое с божественной сущностью, получал возможность править, чтобы дать Высшим то, чего они желают — всходы.

Последняя страница книги была исписана лишь наполовину. К этому моменту я уже окончательно охренел от прочитанного. Непонятная безысходность накрыла меня целиком. Я видел буквы и понимал смысл предложений, в которые они складывались. Но думал я уже о другом. Я прочёл финальные строки, где Фласэз размышлял о том, что он увидит. Он представлял, как спускается с небес, а его уже ждут тысячи коленопреклонённых людей и их будущий пастух — самый достойный аниран. И предложение Фласэз завершал вопросом: будет ли это милих, или всё же драксадар? Видимо, ему тоже было интересно, чем закончится вся эта эпопея с погружением зерна жизни в не оправдавшую надежд почву.

Но самое главное, перевернув последнюю страницу книги, я не увидел того, чего ожидал увидеть — не было ни слова о том, как спасти вымирающий мир. Ни слова о том, как остановить вымирание. Ни слова о поголовном осеменении — и женщин, и мужчин, если придётся. Ничего не написано о лекарствах. Нет ни намёка на противоядие. Нет ничего, что бы помогло спасти этих бедолаг, непонятно за что заслуживших такое наказание. Единственный безвариантный вариант — дойти до конца и стать единственным обладателем всех частей божественной силы. Тогда, и только тогда, этот самый Фласэз — то ли верховный вершитель судеб, то ли самый натуральный инопланетянин — спустится в этот крохотный мирок на своём космическом корабле и спросит с анирана.

А затем... А затем вообще непонятно что будет. Что такое "всходы"? Кто такие "Высшие"? Почему этим "Высшим" нужны эти "всходы"? Почему ради них заселяются людским ДНК планеты? И не одна планета, а несколько, как я понял. И наша Земля, получается, уже дала этим "Высшим" эти "всходы". Что всё это значит? Для чего всё это? Почему надо обрекать на вымирание целый мир лишь потому, что он не смог дать то, что

кому-то надо? Насколько это целесообразно? Да и как вообще мыслят те, кто эту книгу написал? Кто они? Люди ли? Или те, кто стоит над ними? По образу ли и подобию, как говорится, или всё же это даже не гуманоиды?

Но так же в книге была информация, которая помогла развеять туман. Я стал чуть лучше понимать, что такое "драксадар" и "милих". И что за божественная сущность сидит внутри каждого из аниранов. Та хрень, называемая эмбрионом. Она и есть Голос. Она и подсказчик, и указатель направления, и, возможно, мой щит, мои клинки, моя спасительная игла. Но вот то, что я должен слиться с ней, чтобы почему-то стать наместником великого божества, меня совсем не радовало. Я смутно представлял, что это значит, но уже очень не хотел, чтобы кто-то, как тогда с "покаянниками", брал надо мной контроль. Я не желал быть марионеткой.

— Так, стоп! — тихо сказал я сам себе. — А где часть про драксадара? Где то, о чём рассказывал Фелимид? Почему только общая информация? Где "сожжёт в горниле непрекращающихся войн"? Где о том, что драксадара надо опасаться, всячески чинить ему препятствия и даже попытаться убить с помощью "покаянников"? Почему он настолько страшен, что о нём, стуча зубами, рассказывал Фелимид и тихо шептал первосвященник? Где это всё?

Хоть я постарался листать книгу аккуратно, моя небрежность всё же привлекла внимание задремавшей охраны. Фелимид тоже открыл один глаз.

Но я не обратил на них внимание. Я перелистывал и искал моменты, которые мог упустить. Я наталкивался на строки, которые уже читал ранее, и убеждался, что я ничего не упустил. Подробностей про драксадара не было. Я заподозрил, что эти подробности кто-то удалил. Но поиск вырванных страниц тоже закончился неудачей. Книга была крепко подшита, будто после реставрации. Но ветхие страницы доказывали, что ей много-много лет.

Я осторожно закрыл книгу и без сил опустился на стул.

— Всё, можно закрывать, — сказал я, кивком головы указав на саркофаг. Поднимать его и устанавливать на место бросились и храмовники, и гессеры.

— Иван, ты прочёл? — ко мне осторожно подошёл Фелимид. — Глубокая ночь за окном. Ты как будто пропал. Тебя звали, но ты не реагировал. Всё хорошо?

— Хорошо или нет — скоро узнаем, — ответил я. — Но да — прочёл, Фелимид. Мне надо подумать. Доставишь меня во дворец?

Часть 4. Глава 15. Первое публичное выступление

На площадке перед высокими ступенями ждали гессеры и Бертрам. Они никуда не уходили. В Обертоне не пахло многоэтажками, а потому я хорошо рассмотрел горевшую огнями столицу. Людей на улицах практически не было, а те единицы, что мелькали на площади, торопились скрыться в освещённых тавернах. Где-то далеко быстро затих раздавшийся женский крик, превратившийся в мужской хохот.

Я стоял у верхней ступени и думал о том, что делать дальше. Первый шок от прочтения уже прошёл. Я много слышал об этой книге, долго к ней шёл и ради неё чуть не разрубил главного местного святошу на два куска. И вот я её прочёл. Чувство, что я всё же прочёл не всё, что там должно было быть ещё что-то, не покидало меня. Но здесь уже ничего не изменить. И искать недостаку в копии книги в книгохранилище Университета бессмысленно. Уверен, там нет более подробной информации о драксадаре. В общем, данный этап моего пути завершён. Я прочёл книгу и её содержание прочно отложилось в голове.

Но что делать дальше? Что станет следующим шагом?

Насколько я понял, анираны неизбежно должны пересечься друг с другом на просторах этого мира. Это лишь вопрос времени. И результатом этих встреч будет нечто совсем нехорошее — лишь один аниран переживёт эту встречу. Не зря же поганый Голос, эта мерзкая божественная сущность, подталкивала нас с Джоном Казинсом к убийству друг друга. Она хочет собраться воедино в одном аниране. Она не хочет терять время и даёт пинка каждому ленивому анирану, призывая действовать. И лишь матан, да наркотический дым способны защитить от неё разум.

Но всё равно укрываться слишком долго от неё невозможно. Рано или поздно те из двенадцати, что ещё живы, пересекутся друг с другом. Двое уже мертвы, один совсем рядом, а ещё у двоих — крайне опасных, как я понял, — тоже есть адрес. И остаются ещё шестеро, о которых ни слуху, ни духу. И мне по-любому придётся пуститься на поиски, если, конечно, они не найдут меня раньше.

Но самый сложный выбор, самое сложное решение находится на расстоянии вытянутой руки. Это — профессор Гуляев. Я прекрасно понимаю, что должен сделать. И, уверен, Голос вскоре напомнит об этом. Но смогу ли я? Стану ли? Ради чего я должен отбирать человеческую жизнь? Гуляев совсем не похож на человека, которому здесь место. Я удивлён, что в этом мире он прожил так долго — уже тринадцать зим, получается. И за это время, как я понял, он не убил никого. Ни одну жизнь не забрал, а давал лишь подсказки, направления и помогал хоть немного менять мир. Прогрессорство... Или как там он это называл?... В общем, он не чинил зла. Он приносил лишь добро. Почему я должен убивать того, кто в жизни своей — пусть в жизни новообретённой — никому не причинил вреда? Да и мне помог. Кое-что рассказал. Кое-что объяснил. Неужели я буду должен убить бедного старика?

Я сцепил кулаки: нет, я не буду этого делать. Ни за что! Не спущу с него глаз, конечно, потому что у него стоит такая же задача, как у меня. Хоть он, возможно, даже не догадывается, что должен сделать. Но сам я не подниму на него руку, пока остаётся хоть одна возможность этого избежать. И пока этих возможностей восемь. У Гуляева лишь одна — та самая последняя. У остальных аниранов — в том числе ещё не обнаруженных — аж восемь. И пока я не отыщу всех остальных, я дам обещание самому себе не поднимать руки

на профессора. Я не позволю Голосу подтолкнуть к этому. Не позволю ярости завладеть моим разумом. Я проложу себе новый маршрут, где профессор Гуляев станет моим другом и наставником, а не жертвой. Моими жертвами станут двое других, скрывающихся в Кондуке и Серекосо. Свой новый путь я начну именно с них.

За спиной раздался шум. Я стоял на выходе из храма и обернулся. Опустившиеся на колени храмовники помогли моему взгляду вцепиться в человека, который стоял у самого фонтана и смотрел на меня. Даже глубокой ночью Его Святейшество не спал. Не в пижаме, а в своём дневном одеянии он смотрел на меня и изучал взглядом. Он силился понять, как много я узнал, и что ему стоит ожидать дальше.

Увидев его глаза, увидев рот без намёка на улыбку, я понял, что стану моим следующим шагом. Я не покину Обертон, пока не вычищу из него всё дерьмо. Сейчас самое важное — и не только для меня — вытащить страну из глубокой задницы, в которой она оказалась из-за неумелого руководства, вредной религии и упаднических настроений. Я понимаю, конечно, что в мире без детского смеха жизнь безрадостна. Испокон веков отцы и матери трудились ради того, чтобы этот смех слышать. Он был их мотором и мотивацией. Но я пообещаю всем, кто меня увидит, всем, кто хотя бы краем уха меня услышит, что я справлюсь. Что я излечу этот мир. Что детский смех вновь прозвучит в каждой семье. Я пообещаю это всем, чтобы вернуть Астризии уверенность в завтрашнем дне. Чтобы крестьянин работал в поле весь световой день, чтобы ремесленник трудился, а рядовой солдат защищал от залётных работорговцев. Все должны делать своё дело. Восстанавливать экономику, чтобы появилась новая, усовершенствованная армия. Как правильно сказал профессор: чтобы навязать свою волю, нужна армия. Не простая, а боеспособная. И лишь когда она появится у Астризии, когда склады будут ломиться от продовольствия, я нагряну в гости к другим аниранам. Остров Темиспар с его башнями вообще не мешало бы стереть с лица Земли, как говорится. Ну а для того, чтобы попасть в Серекосо, как я понял, придётся разобраться с Декеддой на юге. И для этих дел нужна мощная армия.

Первосвященник Эоанит так ничего и не сказал. Он бодался со мной взглядами несколько секунд, а затем резко развернулся и ушёл.

— Ничего, — сказал я сам себе. — С тобой я тоже разберусь. Дай только время, — а затем повернулся к Фелимиду и скомандовал: — Пора возвращаться. Я понял, что надо делать.

Прошло несколько дней после званого ужина. Я понемногу привыкал к новой квартире, обживался и участвовал в королевских советах.

Король действительно оказался не таким болваном, каким я его себе представлял после первого знакомства. Он во многих вопросах разбирался. Был компетентен и в экономических, и в дипломатических делах. Даже разбирался в управлении армии, как я заметил. Прибыв в Военный Зал, я смотрел, как он с Яннахом, Каталамом и ещё несколькими вояками переставляют фигурки на карте, нарисованной прямо на полу. Я удивлялся уверенному голосу, и стыдливо скрывал свой взгляд, ведь ничего не понимал в том, что происходит. На военный совет меня заставил прийти профессор Гуляев, но я, никогда не имевший дело с военной тактикой и стратегией, чувствовал себя пустым сосудом. Я осознавал, что мне катастрофически не хватает знаний.

Поэтому я сам пришёл с такой просьбой к профессору. И он действительно занялся моим образованием. Не так, конечно, как занимаются этим в современных школах. Более

усложнённо, разумеется. Но я рядом с ним чувствовал себя настоящим неучем.

Через треть декады, как обещал король, пришло ответное письмо из Валензона. Принц Тангвин, к удивлению своего папаши, быстро вник в суть дела. В объёмном письме, которое мы вместе читали в кругу единомышленников, принц сообщал, что не сразу поверил в прибытие анирана. Но слухи до него действительно стали доходить. В основном, через послов в Валензоне, с которыми он часто устраивал пьянки. Они подтвердили, что аниран в Обертоне действительно поселился. Что это не шутка.

И принц пообещал выполнить просьбу отца. Он написал, что лучшие ищейки, лучшие дознаватели Валензона выйдут на охоту. Они всё сделают скрытно, но обязательно отыщут деву, которую разыскивает аниран. И когда это случится, — Тангвин был уверен, что скоро, — он отправит лучшего сирея в Обертон с подтверждением.

— Мой сын не подведёт, — Его Величество удовлетворённо кивнул головой, когда письмо было закрыто и упрятано. Почему-то, как я понял, к Тангвину, несмотря на его распутный образ жизни после появления карающего огня, он относился лучше, чем к остальным своим сыновьям. Он больше доверял ему, что ли. — Он всё сделает правильно. А теперь, давай отправляться на площадь. Начнём, когда солнце станет в зенит.

В этот же день произошло ещё одно, не менее важное событие — аниран был представлен народу.

Покривлю душой, если скажу, что сие зрелище меня не впечатлило. Нет, всё как раз наоборот. Я просто охренел от количества народа, толпящегося на площади. Когда сотня-две гессеров организовывали охранный проход на быстро возведённый помост, я лишь слышал возбуждённые голоса. Я сидел в карете с наглухо зашторенными окнами, а потому не мог ничего видеть. Но затем, когда выбрался, когда взобрался на сцену и уставился на море тесно сплотившихся людей, я обалдел. Подобного я никогда не видел, хоть мне не раз приходилось играть в футбол при заполненных трибунах.

Я растерянно топтался на месте, водил глазами по кругу, слышал смешки и хихиканье, когда в первых рядах обсуждали, что это не аниран стоит, а слишком худой для прямо прямо. Одежды, конечно, выдавали во мне особу совсем непростую. Но изначально никто не видел во мне того, кем я хотел стать для этих людей — спасителя.

Вопрос закрыл Его Королевское Величество. Пыхтя, он поднялся на сцену и несколько минут молча стоял, удовлетворённо наблюдая за склонившейся толпой. Затем толкнул речь, что Троединый Бог, наконец-то, сжалился над Астризией и послал ей анирана. И Его Величество уверен, что будущий милых теперь живёт рядом с ним, а не на далёком северном острове.

Закончив речь, король предложил мне стать главным актёром. И я, когда подошёл к краю помоста, когда уже хотел раскрыть, было, рот, вспомнил, что эту картину я уже видел. Я уже был здесь. Я уже смотрел на этих людей свысока. В жутком по своей реалистичности сне я разбрасывался даром. Я глупо тратил его именно здесь — на этом помосте, перед этой огромной толпой.

Ужасные воспоминания едва не испортили представление. Мне пришлось очень сильно постараться, чтобы взять себя в руки. Я приказал страху заткнуть пасть, а самому себе вспомнить, ради чего я здесь. Не конкретно стою на этом помосте, а нахожусь в этом мире. Я здесь для того, чтобы их спасти. А чтобы их спасти, мне надо, чтобы они в меня верили. Истово верили, молились и во мне обрели надежду.

— Вы смотрите на меня и не верите!?! — набрав в лёгкие как можно больше воздуха,

прокричал я. Получилось очень-очень громко. — Вы сомневаетесь, что вы, прогневавшие Фласэза, удостоились чести лицезреть того, кто пришёл спасти вас? Нет, скажу я вам! Это не так. Каждый грешник достоин спасения. Каждая заблудшая душа может получить прощение. Вы были наказаны. Но с небес снизошёл я — тот, кто будет замаливать ваши грехи. Кто возродит вместе с вами былое величие умирающей страны. Узрите же спасителя вашего — милиха!

Я изначально планировал именовать себя не анираном, а именно милихом. Чтобы элемент неопределённости исчез из моих речей. Стану я им или нет, пока не понятно. Но я обязан стать им для этих людей. Они уже сейчас должны верить в то, что я их спасу. Только так, только поверив в это, они начнут выполнять то, чего я от них требую.

Я старался быть осторожным и активировал только щит. Я не хотел, чтобы эта толпа устроила ужасную давку и раздавила самых слабых из себе подобных. Под массовый вздох я продемонстрировал несколько приёмов и, для большей эффектности, устроил небольшой пожар прямо на сцене, отрезав он её дымящийся кусок.

Давку всё же не удалось предотвратить. Но она была не столь ужасной, какой могла оказаться. Гессерам удалось справиться. Не только убережёт короля, не только стеной защитить анирана, но и не дать толпе превратиться в убийственный селевой поток.

Когда страсти немного улеглись, когда первые ряды, слышавшие меня лучше всего, рыдали и валялись на коленях, я перешёл к следующей части выступления. Я знал, что после сегодняшнего дня, слухи об увиденном разлетятся повсюду. Они дойдут не только до Хатемажа, что было крайне важно. Но и залетят в каждую деревню, в каждый городок Астризии. Поэтому дальше я говорил стальным голосом, требуя — именно требуя — от каждого взяться за ум. Взяться за соху, за иглу, за вилы, за лопату, за кирку, за плуг, за пилу или топор. Я призвал всех трудиться ради спасения. Я призывал их помочь анирану помочь им. Просил донести до каждого, что аниран прибыл. Что он не оставит людей на произвол судьбы. Он будет трудиться вместе с ними, займёт место на распаханном поле, если придётся, только ради того, чтобы они больше никогда не опускали руки. Чтобы безразличие к своей жизни, чтобы смирение перед неизбежным окончательно ушли. Отныне, с сего дня, прибывший с небес спаситель желает видеть, как жизнь в многострадальной стране пробуждается.

Сказал я довольно-таки неплохо. Гуляев потом, то ли с иронией, то ли вполне серьёзно, назвал меня оратором. Он стоял рядом, всё слышал, и ему понравилось. И я, в принципе, с ним был согласен. Сеанс массового психоза прошёл успешно. В этот раз не какие-то абстрактные "МЫ", а я посеял зерно надежды. Оставалось лишь дожидаться, прорастёт ли что-нибудь из этого зерна.

Возвращались все мы в королевский дворец в приподнятом настроении. И король весело сосал леденец. И Гуляев удовлетворённо потирал руки. И Фелимид, заскочивший по дороге на подножку кареты и быстро прошептавший, что всё идёт по плану, улыбался. Мы все потихоньку втягивались в процесс восстановления государства.

— Уверен, слово об аниране, прибывшим в Обертон, разлетится на Астризии быстрее лучика света, — довольно говорил Его Величество. — И, надеюсь, долетит до восточных окраин. Как ты считаешь, Анумор, стоит ли отправить депешу Эвенету? Или повремените пока?

— Если Его Величество желают от него что-либо потребовать, то, несомненно, стоит, — влез я поперёд седовласого батьки.

— Да нет. Я просто хотел наладить переписку. Он почему-то не ответил на несколько последних писем. Игнорирует меня после того... после того, как... Как я ему отказал, — король неловко пожал плечами, будто чего-то стыдился.

— Его Величество отказались отправлять молодых девчонок? — в лоб спросил я.

— Неудобство вышло, — король развёл руками. — В прошлую зиму получилось так, что одну из бывших любовниц Яннаха тупицы заграбастали. Он её отделал за скверные дела, — король захихикал в своём стиле. — Изменила она ему, бестолочь. А он её... В общем, хотел передать на нужды храма. Да вовремя спохватился. Она была так юна, так красива. Влюблён в неё он, кажется, был тогда. Но её уже усадили... хм... в повозку и отправили в долгий путь. Пришлось Яннаху выкупать не только её, но и всех остальных. Так что недовольными остались и Эвенет, и Яннах. Но я-то хоть не прогорел, — он опять засмеялся.

Я заскрежетал зубами и зыркнул на Гуляева. Тот и бровью не повёл. Хоть я не задавал ему вопроса ранее, думал над тем, почему он никак не повлиял на короля. Почему ни разу не остановил отправку молодых девчонок на восток. Ему это было противно не меньше, чем мне, как я понял. Но он, столько лет проведя близ короля, ни разу не смог его отговорить. Ни разу не остановил.

— Ваше Величество, — я постарался, чтобы мой голос звучал вежливо. — На все требовательные письма отвечайте отказом. Если Эвенет соизволит с вами эпистолярно пообщаться, во всём ему отказывайте.

— Чего-чего? Эпис... что?

— Напишите ему, что аниран прибыл. Что он зол и скор на расправу. И он хочет золота. А если не получит в казну до конца лета положенный налог, он сам отправится на восток. Он взойдёт по дороге к храму и лицом к лицу столкнётся с Эвенетом. И тогда уже сам аниран спросит с него. А поскольку аниран зол и не расположен шутить шутки, разговор с анираном Эвенету точно не понравится. Поэтому аниран требует исполнять подданного короны свои непосредственные обязанности. Чтобы налоги были в Обертоне как можно быстрее. И точка.

— А если?... — опешивший король смотрел на меня, будто я на самом деле сердился на него, а не играл роль.

— А если ещё раз посмеет девчонок требовать для своих сексуальных утех, аниран божественным оружием отрежет ему предмет утешения... Запугайте его, Ваше Величество. Запугайте мной. И мы посмотрим к чему это приведёт.

Король Анфудан Третий, наверное впервые с начала знакомства посмотрел на меня с уважением. Нечто такое промелькнуло в его глазах, что мне понравилось. Удивлённо-восторженное, я бы сказал. Будто он на секунду задумался: а может я действительно милых? Не просто один из двенадцати, а самый натуральный спаситель.

Король посмотрел на сидевшего напротив Гуляева и дождался утвердительного кивка.

— Пора его приструнить, Ваше Величество.

Часть 4. Глава 16. Непростой разговор в купальнях

На короля это подействовало. Он тут же приказал позвать писаря, а нас со стариком, ничуть не смущаясь, выгнал. Нам, в свою очередь, пришлось выгнать из соседней кареты недовольного хрониста и королевского лекаря.

— Входишь в роль всесильного небесного посланника? — усмехнулся профессор.

— Не всесильного, но способного на многое, — его ирония меня не проняла. — Я ведь не шутил, проф. Всех этих тараканов надо раздавить каблуком. Мне действительно нужно золото. Как вы правильно подсказывали, Астризии нужна сильная армия. А армии без золота не бывает. Я планирую не только прижать к ногтю всех зажавшихся местных князьков, но и церковь. Я обдеру их, как липку. Но и королю придётся лишиться части своей роскоши.

— Серьёзно? — Гуляев выкатил зенки.

— Вполне. Вы думаете я шутил про "отнять и разделить"? Я вывезу из дворца все золотые и серебряные подсвечники. Блюда и тарелки. Награды с груди Яннаха и подарки послов. Если будет такая необходимость, я устрою аукцион на платья королевы. Всё для того, чтобы к концу лета склады ломились от запасов, а армия выросла в несколько раз.

— На самом деле, это не так уж и недостижимо, — профессор кивнул головой. — Гарнизон Обертон действительно насчитывает две тысячи человек. Есть ещё пять сотен гессеров. В Валензоне должно быть около шестиста-семиста воинов. Но сейчас не могу сказать с полной уверенностью. Я там очень давно не был... В Шамассе и Мармассе где-то по три сотни боеспособных солдат. Но столько там не нужно. Можно отозвать, если что. В Равенфире всё было совсем плохо, когда я туда заезжал осенью...

— Каталам говорил, там едва две сотни толковых бойцов наберётся. Плюс там, вроде бы, окончательно спился местный командир.

— Надо тогда попросить короля написать письмо Тревину и всё разузнать. После того, как он уверовал в твоё появление и поверил словам Фелимида, возможно, что-то изменилось.

— А сколько людей на востоке? Сколько на севере и юге?

— На юге лишь большой гарнизон. Человек триста, если не ошибаюсь. Они там для того, чтобы Декедда не нагнела сверх меры. Присматривают за южными деревнями и виноградниками, в общем. Про восток можешь забыть. Плавином и Винлимаром правят наместники короля. Но они, я бы сказал, больше наместники церкви, чем короны. Все доступные войска подконтрольны Эвенету.

— Даже так? — удивился я. Если бы я об этом знал ранее, возможно, не стал бы пороть горячку и не заставлял бы короля угрожать Эвенету.

— Да, так. Плюс у Чуда Астризии множество храмовников... Я тебе говорил: ты даже не представляешь, что там происходит. Там своё государство. Плотность населения на востоке, если я правильно понимаю, сейчас намного выше, чем на западе. Там есть золото и хлеб. Там куда проще выжить, если в тебе ещё есть силы и ты не брезглив... А на севере, в основном, конные разъезды патрулируют. Для быстрого реагирования, если Кондук вдруг решит появиться с захватнической экспедицией.

— Не густо, — скривился я.

— Вся надежда на Сторожевой Лагерь.

— Напомните, что это, — я уже слышал про него, но не мог вспомнить, что в этом

лагере такого важного.

— Аналог военной академии, я бы сказал. Казармы, стойла, тренировочные полигоны. Там проходят обучение все, кто желает стать гессером или же мечтает о более перспективной карьере: десятником стать, сотником, командером — то есть тысячником. А может и мастер-командером. Там сейчас обучается военному ремеслу третий сын короля — Трифин. Смышлёный парнишка, — профессор опять усмехнулся. — Но наглый, как три Гвелерга.

— Бог с ним. Сколько там людей сейчас?

— Тысячи полторы...

— Сколько???

— Может, чуть больше.

— И это вся армия Астризии? Тысяч пять по всей стране?

— Сократилась раза в два с момента появления карающего огня, — сообщил Гуляев. —

И, как ты сам понимаешь, дальше будет хуже.

— А сколько штыков в Декедде? И в Кондуке?

— Кондук держится на наёмниках. Там баши платят столько, что заниматься любым иным делом — бессмысленно. Там самые умелые воины. С ними шутки плохи. Тысячи четыре-пять, я бы сказал, умелого боевого люда... А в Декедде армия невелика. Им не нужна большая армия. Там флот не слабее флота Астризии. А может, уже могущественнее. А сухопутные войска, в основном, сосредоточены у Расщелины, где та самая единственная дорога, ведущая из Астризии в Декедду.

— Это там, где, вроде, завал можно обрушить? — я напряг извилины.

— Именно. Там дежурят круглосуточно. Даже... — профессор смутился. — Даже установили Всевидящее Око. Ну, телескоп мой, если ты не понял. Пришлось продать им. Уж слишком посол настаивал. Он как примкнул к окуляру, как обзрел с Башни Бдения столицу, аж загорелся — так захотел в Декедду подарок отправить.

— И вы продали? — ехидно скривился я. Своими же руками врага усилил. Хорошенькое дельце — продать нечто столько редкое и столь важное тем, кто смеет хамить хозяевам в королевском дворце.

— Да. За большую сумму золотом. Мне даже удалось отобрать у короля часть, чтобы обустроить Университет...

— Идите к чёрту вы со своим университетом! — не выдержал я. — Надеюсь, создав атомную бомбу, вы не продадите её им.

— Ладно, не кипятись, — примирительно развёл руки Гуляев. — Я понимаю, что тебе не по нраву. Но так складывались дела. Туго здесь с золотом, пойми...

— Какой, к чёрту, туго!? Дворец в нём утопает. Куда ни глянь... Ладно, проф. Не буду опять начинать ту же песню.

— Давай тебя остудим немножко? — Гуляев не желал со мной ругаться. — Поехали в купальни? Тоже моя идея. За деньги там может понежиться любой — и достойный, и недостойный. Примем ванну и расслабимся.

— Поехали, — махнул я рукой.

Местная баня выглядела куда роскошнее, чем все бани, в которых мне удавалось получить веником по заднице. За забором на заднем дворе поднимался плотный столб дыма. Там горел костёр под большим металлическим резервуаром. От резервуара во все стороны

ши тонкие трубы. Потные рабочие в фартуках крутили краники или подбрасывали в костёр дров.

Перед дверью метался крепкий мужик, раздавая указания. Важные персоны заходили в деревянные кабинки, наподобие деревенских туалетов, и переодевались. А затем их — кого с отвратительно обвисшими брюхами, кого только с начинающими пробиваться вторыми подбородками — заводили внутрь и предоставляли услуги по мытью туши.

Мужик встретил нас с Гуляевым у кареты. Он сразу смекнул, что в карете с королевскими штандартами, да ещё под охраной, путешествуют явно непростые люди. А потому пообещал великому магистру и его неизвестному другу самое качественное мытьё. Помыться я был совсем не против — мылся я последний раз в лохани у Гуляева в хоромах. Переоделся в кабинке, обернул чресла полотенцем, и зашёл следом за профессором, удивляясь, как этому старому хитрюге удаётся держать себя в форме. Я ни разу не видел, чтобы он занимался спортом. Тем не менее, его тело не имело лишнего веса, а на нужных местах даже были заметны мускулы.

Нас привели в жаркую комнату с запотевшим окном и большим деревянным чаном с водой, с поверхности которой шёл пар. Мужичок удалился, закрыв за собой дверь. И едва я собрался сбросить полотенце, открылась дверь на противоположной стороне. Опустив глаза долу, вышли четыре молодые девушки в идеально белых накидках. Они подошли к ступеням, по которым можно было забраться в чан и смиренно склонили головы.

Я немного растерялся, ведь не ожидал, что нам предложат такие услуги. Гуляев давеча говорил, что такие услуги ему уже ни к чему. И я не мог предположить, что такие услуги могут быть ему интересны. А мне хоть и приходилось не раз посещать сауну с друзьями, где мы, мягко говоря, тестировали гибкость вызванных по телефону русалок, здесь показалось это неуместным. Особенно в присутствии старика.

Но, оказалось, я ошибался.

Ничуть не смущаясь, девицы скинули накидки. И хоть молодые тела не вызвали у меня моментальной реакции, желание я почувствовал. Но профессор уничтожил весь настрой, ведь изначально знал, что девушки здесь не для этого.

Он подошёл к ступеням, взобрался по ним и спустился в воду, расставив руки, как Иисус. Одна из девушек изловчилась и успела сдёрнуть с него полотенце перед самым погружением. Так, чтобы не заметить срама. Затем все четверо взобрались на ступеньки и спустились в воду следом за ним. Гуляев же, как Голливудский продюсер на кастинге мечтающих о славе актрис, прижался к стенке чана и позволил себя вымыть.

Да, именно так. Он не мылся сам. Он даже не напрягался. Он улыбался, что-то рассказывал мне, не обращая внимание на девушек, и позволял им намыливать свои ступни, ноги, голову. Они тёрли его крепкую спину мочалкой, а он лишь принимал удобные позы и позволял доставлять ему невеликое удовольствие.

И меня это проняло. Не знаю, почему так сильно, но проняло. Я смотрел на равнодушных девушек, которые ни разу не подняли взглядов. Смотрел на их механические действия, похожие на действия роботов, и чувствовал просыпающуюся ярость.

Я был уверен, что в этом допотопном вымирающем мире аниран не должен себя так вести. Это что ещё такое? Что за поведение? Молчаливые рабыни обслуживают важного старика, а старик принимает это как само собой разумеющееся. Неужели он не понимает, что такое поведение для анирана неприемлемо? В условиях падения к нулевой отметке ценности человеческой жизни на этой планете, каждый аниран, по моему мнению, должен с

пашкой наголо нестись на вороном коне впереди всех. Он должен показывать, обучать и обещать. Но самое главное — делать. Делать то, для чего здесь оказался — искать возможности спасения. А с учётом того, что этот старый изнеженный аниран прибыл сюда первым, он-то точно был обязан сделать хоть что-нибудь. Не лифт и пароход создать, а хотя бы проесть всю плешь первосвященнику Эоаниту и получить доступ к книге. Прочесть её и рыскать по миру в поисках других аниранов. Уверен, если бы Гуляев начал рыскать в первый же год, он бы давно отыскал тех, кто ещё оставался не найденным.

Но он ничего этого не делал. И единственный вывод — он и не хотел. А зачем? Он спасся от гончих, получил приют и быстро взлетел. Взлетел, потому что иначе быть не могло. В объёме имеющихся знаний он на голову выше каждого местного аборигена. Он легко пробился наверх и получил покровительство. Затем акклиматизировался, разобрался, что к чему, и легко привык к сладкой жизни. Ему просто было не нужно делать что-либо другое. Зачем рисковать, искать, задаваться вопросами? Лучше просто жить в своё удовольствие. И, я уверен, жить лучше, чем жил на Земле.

— Вы кем себя возомнили, мать вашу!?! — рявкнул я, когда больше не смог сдерживать негодование.

Гуляев выпучил глаза, а девушки, растиравшие крепкую грудь старика, впервые подняли глаза вверх. И уставились на меня с испугом.

— Выйдите! — скомандовал я им. — Быстро!

Обнажённые попки по очереди выбрались из чана, похватали одежонки и мгновенно вылетели за дверь, из-за которой появились.

— Вы — старый избалованный бездельник! Вы аниран? Какой вы, к чёрту, аниран? Вы — самое натуральное дитя местной отвратительной культуры. Как можете вы нежиться в ванне, подставлять руки и ноги под мыло испуганной девчонки, когда ежедневно в этом мире от голода мрут люди? Что вы сделали для того, чтобы спасти хоть одну потерянную душу? Скольких людей вы спасли, прожив здесь больше времени, чем любой другой аниран? Вы — московский профессор, знающий гораздо больше других. Неужели материальные блага имеют для вас какую-то ценность? Они же абсолютно не важны. Через несколько лет от всего этого, — я сделал широкий жест рукой. — Не останется и следа. Почему вы ведёте себя, как сибарит, в мире, у которого нет будущего? Вместо того, чтобы ждать меня тринадцать лет и всё это время нежиться в ванне под боком у короля, вы должны были действовать! Вы должны были не допустить упадка. Должны были победить голод. Не позволить местной религии плодить оболваненных хомячков. Но вы... Что делали вы? Нежились в чане с горячей водой? — я от души приложился ногой по бортику. — Позволяли юным девам, чьи шансы быть изнасилованными в ночном Обертоне стремятся к ста процентам, омывать вас? Покровительственно одарить их серебряной монеткой за старание? Почему вы не создали сотысячную армию и не утопили в крови остров Темиспар? Почему не покорили Декедду? Почему, вашу мать, не отыскивали других аниранов? Из-за страха? Из-за страха за свою бесполезную жизнь? Или из-за страха всё это потерять? Я ведь не слепой, профессор. Я же вижу, как прекрасно вы здесь устроились. Я вижу ваш снисходительный взгляд, когда вы смотрите на других. И вижу их восторженно-уважительный взгляд, когда они смотрят на вас. Вы — приспособленец. Вам плевать на этот мир. Вам плевать на всех, кроме самого себя. Вы привыкли и не желаете ничего менять.

Я выговорился. Негодование, будто пробка из бутылки с шампанским, вылетело из меня. Наблюдая за Гуляевым, я завёлся очень быстро. И так же быстро выгнал из себя

негатив. Но многое зависело от того, что скажет Гуляев в ответ. Ведь отныне я вряд ли смогу на него смотреть такими же глазами, как раньше.

— Вот и сходили в баньку, — побряхтел профессор, выбрался из чана, обмотался полотенцем и уселся на скамеечку у стены. Затем потёр лоб и посмотрел на меня. Даже намёка на улыбку не было на его лице. — Отхлестал ты меня словами, так отхлестал. Не скажу, что мне было приятно, но, наверное, поделом... Ты прав, Иван. Я приспособился. Я очень быстро смекнул, что смогу забраться наверх, даже не напрягаясь особо. Смогу жить, как в сказке. И когда я во всём разобрался и всё осознал, я утратил всяческую мотивацию. А зачем мне, скажи пожалуйста, что-то делать? Зачем искать пути спасения мира, до конца которого я всё равно не доживу? Я знаю, что не выгляжу как дряхлая развалина, каким был в родном мире. Но сколько лет мне ещё осталось? Десять? Пятнадцать? Ладно, пусть двадцать. К этому времени, я нисколько не сомневаюсь, окончательный коллапс ещё не случится. Хотя я, не скрою, позаботился о том, чтобы мне было где укрыться, когда всё начнёт рушиться. Имею в виду: я договорился с самфунном о том, что, когда развалится Астризия, переберусь в Кондук и проведу там остаток жизни. Баши будут рады меня видеть, как обещал Гвелерг... Но дело не в этом. Я, как уже тебе говорил, не тот, кому по силам такая ноша. Я не тот, кто может спасти мир. Я был бы и рад его спасти, если бы знал как. Не жертвуя ради этого чем-то, понимаешь? Я не хочу растерять всё то, чего смог достичь. Меня — как бы кошунственно это не звучало — всё устраивает. Я доволен собой и своей жизнью. Я могу чем-то помочь тебе, конечно. Но я не тот, кто вместе с тобой будет стоять в первых рядах, сжимая в руках копье. Я не тот, кто грудью встретит вражескую атаку. Я могу лишь стоять в стороне и давать советы.

К финалу своей речи профессор развёл руками и улыбнулся, будто извиняясь. А я, вместо того, чтобы обрушить на него новый нецензурный шквал, сдержался. Кто я, чтобы от него что-то требовать? Кто я, чтобы требовать от старика больше, чем он готов отдать? Может, во внуки я ему не гожусь, но сыном мог бы быть точно. И хоть я не уверен, что хотел бы иметь такого отца, всё же вынужден признать, что он говорит о себе честно и откровенно. Не по силам ему спасти мир. Не по силам ему зародить новую жизнь в женском чреве. Хоть он аниран, хоть не совсем бесполезный, он бы никогда не смог стать милихом. С таким-то даром, что у него есть... Этот Белый Великан пришёл бы за ним рано или поздно. Пришёл бы и отобрал всё, что у него ещё осталось: дар и жизнь. И перед смертью профессору только бы оставалось вспоминать, как прекрасно он провёл время в этом мире.

— Извините, проф, — я поднатужился, но всё же смог выдавить из себя эти слова. — Взорвался. Смотрел, как вы обыденно принимаете чужие услуги и не сдержался. Наверное, мы на всё смотрим по-разному. Я мыслю глобально и меня не волнуют всякие мелочи. Я, признаюсь, равнодушен и к золоту, и к комфорту, которое оно обеспечивает. Я должен найти Дейдру, я должен найти остальных аниранов, я должен спасти мир. А вы, если точно уверены, что не сможете или не захотите стать милихом, обязаны мне помогать. Ведь без вас — скажу без стеснения — мои шансы что-либо изменить крайне низки. И мне нужна ваша помощь.

Гуляев хоть был бледен лицом, несмотря на жару и пар, всё же улыбнулся. Он встал, подошёл ко мне и сжал своими длинными пальцами плечи.

— Всё, что смогу, — пообещал он. — Я обещаю, что помогу тебе во всём. И, надеюсь, дойду с тобой до конца.

— Спасибо, профессор. Мы сделаем это. Мы спасём этот мир вместе, — я ответил ему

тем же, хотя точно знал, что до конца вместе дойти не удастся. Дойдёт лишь один из нас.

Часть 4. Глава 17. Сумман

Моя неожиданная гневная вспышка, как оказалось, действительно возымела действие. На следующий день на очередном королевском совете профессор Гуляев удивил не только меня. Он удивил всех. Даже король удивлённо хлопал глазками, когда магистр Анумор, равнодушный ранее ко всему, что не касалось конкретно его интересов, активно включился в обсуждение насущных проблем и давал толковые советы. Вникал в ситуацию, вместе со всеми топтался по полу в виде карты Астризии и строил из себя стратега. Он внимательно слушал доклады местных высокопоставленных вояк, кивал головой и запоминал мельчайшие детали. Затем рассказывал, как надо поступить в той или иной ситуации. Схватывал на лету, что называется.

И, с некоторой ревностью, мне пришлось признать, что получалось у профессора гораздо лучше, чем у меня. Впервые потоптавшись по карте, я лишь мямлил. Чесал затылок и что-то мычал. Мне было абсолютно непонятно, что происходит.

У Гуляева же, как я и говорил ранее, голова оказалась намного больше моей. Там скрывалось столько знаний, сколько мне не удастся собрать, даже если бы я прожил здесь не одну, а две жизни. Мне не хватало базовых знаний, не говоря уже о продвинутом понимании что есть тактика, а что есть стратегия. Что такое экономика, а что такое политика. Все эти страшные слова вызывали у меня лишь уныние. Я на физическом уровне ощущал, как на лице появлялась кислая гримаса.

Поэтому мне оставалось только растерянно наблюдать за уверенным выступлением ожившего профессора. В первый же день, после неудачного посещения купален, он, казалось, переродился. Перестал быть равнодушным и безразличным. Наконец-то он подключился к процессу и начал делать то, что не мог делать я — обучать и объяснять.

Но всё же меня волновало немного другое. Хоть профессор показал, как сильно он отличается от всех в этом мире, основную партию вёл я.

На Совете Его Величество удовлетворённо потирал руки и хихикал, пересказывая совсем не смешное содержание письма, которое он отправил Эвенету. Но, всё внимательно выслушав, я заставил исчезнуть улыбку с его лица. Письмо к Эвенету меня мало интересовало. Я заявил, что глупо, когда дворец утопает в роскоши, а людям за пределами столичных стен жрать нечего. И с этой глупостью пора кончать. Иначе тот самый бунт — бессмысленный и беспощадный — сравняет с землёй дворец короля. Вместе с его постоянным жителем.

"Постоянный житель", конечно же, перепугался. Шутка ли, когда о подобном говорит прибывший с небес потенциальный спаситель. Ещё бы королю не испугаться. Но он быстро нашёл в себе силы сопротивляться воле анирана и отверг на корню все мои решительные попытки лишить его бессмысленных золотых поделок. Я хотел пройти с мешком по королевскому дворцу, чтобы собрать всю золотую мишуру, переплавить и отчеканить монеты. Но король опять показал, кто в доме хозяин. Да так показал, что я был вынужден отступить после неожиданного напора. Правда, я бы всё равно стал настаивать, если бы профессор Гуляев не перехватил меня за руку. Многозначительно посмотрев, он быстро притушил мою злость и негодование короля. Он объяснил нам обоим, что идеи анирана не своевременны. А затем добавил для меня лично, что благими намерениями устлана дорога в ад.

Поэтому моя первая неуверенная попытка "отобрать и разделить" провалилась. Не только потому, что король отверг такую идею на корню, а ещё потому, что профессор быстро перенаправил разговор в иное русло. Он заговорил о сельском хозяйстве и необходимости повышения урожая.

В этом разговоре он вёл главную партию. Рассказал и мне, и другим, про необходимость органических удобрений. Про возделывание старых и распахивание новых полей. Указывал, что появление анирана обязательно даст людям необходимую мотивацию. Теперь они будут цепляться за жизнь, а не просто плыть по течению. Они станут трудиться лучше. И этим надо воспользоваться. Пока слухи об аниране распространяются быстрее ветра, надо не мешкать и засеивать все доступные поля.

Король выслушал Гуляева и показал, что умывает руки: он ткнул пальцем в своего советника по земледелию — тучного мужика с огромной бородой и здоровенными ручищами — и поставил того перед фактом, что теперь он работает под началом магистра Анумора. И что если к концу лета, как потребовал аниран, склады Обертонна не будут заполнены зерном до самого верха, советник утратит голову. Вот так вот легко и просто Его Величество делегировал полномочия.

— С мясом, мне кажется, проблем не будет этой зимой, — добавил затем Гуляев, стараясь не обращать внимание на покрасневшее лицо советника. — Заготовили солонины много. Птицу выращиваем в достатке, если я не ошибаюсь. С зерновыми будет полный порядок, если не помешают дожди и насекомые. Проблема только с рыбными продуктами. Озеро Ферни немаленькое и в нём полно рыбы. Но порт под контролем Хатемажа. Его люди даже иногда осмеливаются грабить прогулочные лодки прямо. То есть на озере небезопасно. Не говоря уже о том, чтобы своими силами организовать промысел.

— Ну, если зимы дождёмся... — начал, было, Его Величество.

— Надеюсь, ждать не придётся, — перебил я короля, нарушив этикет. — Пора с ним познакомиться. Уверен, теперь он точно знает, что я — не вымысел. Не посмеет ничего предпринять, когда я заявлюсь к нему в лагерь... в Трущобы.

Король нервно отбил чечётку пальцами по подбородку:

— Сам хочешь к этому мерзавцу отправиться? Или рискнуть с гессерами?

— Большая делегация не нужна, — я уже раздумывал над этим вопросом ранее, и точно знал, кого возьму с собой. — Я заберу Фелимида, чтобы он там всё внимательно осмотрел. И Иберика. Парень будет за мной присматривать и не позволит безнаказанно поднять руку на анирана.

— Может всё же...

— Нет, про... Великий Магистр. Я уверен, Хатемажу на меня посмотреть так же интересно, как и мне на него. Не думаю, что он осмелится на что-то нехорошее.

— Тогда отправляйся, — король дозвоительно махнул рукой. — А мы продолжим.

До восточных врат мы добирались на карете под охраной двух десятков гессеров. Но у самых врат в сей тёплый день поздней весны было не протолкнуться. В столицу шли паломники отовсюду. С котомками на плечах, в потёртых рваных башмаках. Но со счастливыми улыбками на лицах. Их тщательно осматривали на входе, взимали налог, и пропускали.

Как мы ранее выяснили, площадь Обертонна превратилась в улей буквально за пару дней. Там дневали и ночевали те, кто желал своими глазами узреть анирана. Узреть, а не только

услышать о его пришествии. И я распорядился, несмотря на вялые возражения короля, не только о том, что устрою очередное выступление для прибывших, но и том, чтобы их бесплатно кормили раз в день за счёт короны. Королю такая идея не понравилась, ведь сулила издержки, вместо прибыли. Но отказать мне в такой мелочи он не посмел. Лишь попросил, чтобы я избавился от лишних ртов как можно быстрее. Но я, конечно же, наоборот планировал увеличить население Обертон не только с целью пиара себя любимого, но и с целью нового набора в армию. Мне нужны были мотивированные рекруты, и я не собирался ничего менять в своих планах.

За ворота мы вышли втроем: я, Иберик и Фелимид. Надев в ближайшей караулке потрёпанные туники из запасов Фелимида и натянув на головы капюшоны, — ни дать ни взять обычные монахи — мы выбрались за город под шумные песни о прибывшем спасителе, кои уже успела сочинить народная молва. Мы вновь очутились там, где озлобленная толпа бросала камни в королевскую карету, когда спящего меня везли в Обертон. Мы вновь оказались на тракте, который облюбовали нищие и простые попрошайки.

Слева от тракта, практически до самого горизонта, тянулись поля и одноэтажные деревенские домишки. Были видны лопасти двух мельниц, расположенных недалеко друг от друга. На этих полях, я знал, издавна выращивался овёс для королевских нужд.

Справа же, словно огромный индейский лагерь, почти вплоты друг к другу выстраивались шалаши и лачуги. Они шли от самого тракта и тянулись практически на всю длину береговой линии. До самого порта, возле которого легко можно было рассмотреть одномачтовые ялики и гребные лодки.

Этот лагерь, Трущобы, как их здесь называли, кишел людьми. И, в основном, как я успел заметить, эти люди бездельничали. Кричали, ругались, толкались. Ну и, конечно же, выпивали и поднимали себе настроение употреблением внутрь спасительного дыма.

Но были и те, кто трудился. Многие валили лес, выкорчёвывали пни и выравнивали землю. Я увидел даже тех, кто строил дома, обтёсывая брёвна. На причалах тоже не били баклуши. Я видел, как из сетей прибывших лодок вытряхивают рыбу. Как подгоняют тачки, сгружают рыбу и увозят куда-то вглубь леса. Не в Обертон везли, как положено было делать по-правильному, а в противоположную сторону.

— Идём? — отвлёк меня от изучения окрестностей Фелимид. Ему было немного не по себе, что приходилось идти на враждебную территорию лишь втроем. Но я так и не понял: он боялся за меня, или за себя.

— Пройдём, потолкаемся, посмотрим для начала, — сказал я.

Мою речь перебил знакомый хрип птицы. Неожиданный хриплый "ка-а-ар" раздался практически над головой.

В паре метров над нами парил сирей. Мощные чёрные крылья гоняли воздух, клюв был раскрыт наполовину, а глаза внимательно за нами наблюдали.

— Не понял, — я растерянно развёл руками.

— Ка-а-а-ар! — протянул сирей и пошёл на посадку. Но приземлился он не мне на голову. И не на стартовую площадку, аки космический корабль. Он приземлился на выставленную руку Иберика.

— Нашёл таки, — улыбнулся парень. — Вот уж не думал, что он меня запомнит.

— В чём дело? — я был удивлён не меньше, чем десятки людей, топчущихся рядом и бормотавших слова восхищения.

Иберик протянул руку и погладил птицу по крыльям. Сирей не возражал и продолжал

равнодушно сидеть.

— Это последняя птица, ани... — Иберик вовремя спохватился, наклонился поближе и дальше говорил шёпотом. — Помнишь, которую мы отправляли за помощью в Обертон? Он намекнул, что я пришёл к нему по душе. Но я не поверил. И вот, он меня всё же отыскал.

— Чего-чего? Кто кому намекнул? Он тебе?

— Угу, — ничуть не смутился Иберик. — Сирей слишком независим, чтобы делать то, чего не желает. Он добр к тем, кто добр с ним. Ну, или кто кормит от пуза. А этот пообещал помочь, когда я очень хорошо его попросил. И не забыл это. Он выполнил обещание и теперь готов принять мою благодарность... Как ты выбрался из клетки заводчика? Перегрыз прутья, что ли? — Иберик засунул руку в карман и вытащил наполовину сгрызенную полоску вяленого мяса. Затем протянул птице, которая даже не каркнула в ответ, но мясо проглотила в мгновение ока.

— Чудеса какие-то, — пожал я плечами. — А мне можно?... Не мясо, блин! Можно с ним как-то войти в контакт?... Ну, я имею в виду: если протяну руку, он не вцепится в палец?

Иберик задумался.

— Ты не чинил ему зла. И, я уверен, он тебя помнит. У сиреев прекрасная память. Но ты же... не простой. Не такой, как... Ну, в общем, не один из нас. Я не знаю, как он отреагирует. Извини, ани...

В этот раз, выскользавшее из его рта секретное слово остановил взмах моей руки. А затем, этой же рукой, я потянулся к крыльям сирея. Я ни капельки не сомневался, что эта птица — аналог матана. Не в плане физиологии, конечно, а в плане ментальных способностей. Не может в таком большом городе простая птица отыскать человека, которого видела лишь однажды. Не может рассмотреть с высоты именно его. Единственно верный ответ — она этого человека чувствует.

Сирей нахохлился, как попугай, когда я тянул руку. Но не клюнул и не слинял. Он недовольно замахал крыльями, возражая против нежностей, а затем я будто услышал в своей голове картавый голос.

— Не знаю! — раздалось короткое и хриплое.

Я отпрянул. Неужели мне не показалось? Мой матан ведь не умел разговаривать. Он же, вроде, только картинки посылал. На то и телепат. Но эта птица...

Я снял перчатку и вновь осторожно протянул руку. Сирей тукнул меня клювом в палец.

— Не лезь! — вновь прозвучало в голове.

— Невероятно, — прошептал я. — Вы же не слышали, да?

— Чего не слышали? — спросил с интересом наблюдающий за этой сценой Фелимид.

— Я или спятил, или он действительно разговаривал со мной.

— Значит, у тебя есть задатки заводчика, — улыбнулся Иберик. — Не каждый может понять сирея с первого раза. Понимать его надо учиться. Да и сам сирей не особо дружелюбный. Как я и говорил: или за еду, или за доброе отношение.

— Значит, с ним можно установить ментальную связь, — сказал я про себя и с интересом смотрел на сирея. Он утомился и смотрел на меня с не меньшим интересом, как мне казалось.

— Я нареку тебя Сумман, — неожиданно произнёс Иберик. — Всевидящий, на старом языке Флазирии. Как тебе такое имя?

Сирей потерял ко мне интерес и склонил голову, будто раздумывал. Затем хрипло

каркнул, расставил крылья и замер на руке Иберика, как статуя.

— Ничего себе, — присвистнул я. — Ну позёр.

— Значит, имя пришлось ему по душе, — Иберик был доволен. — Теперь он мой друг.

Он сможет отыскать меня, если я попрошу о помощи. И сам может моей помощи попросить. Стоит лишь позвать его.

— Ментально позвать? — спросил я.

— Как?

— Ну, я имею в виду, как позвать? Подумать о нём, или что?

— Произнести его имя, — по-простяцки пожал плечами Иберик. — Про себя или вслух.

Он услышит рано или поздно.

— Чудеса да и только, — не удержался я от комментария.

Сирей ответил на мои слова карканьем, вновь замахал крыльями и, не прощаясь отчалил. Даже не завис над головой для красоты сцены.

— Это даже хорошо, — заметил Фелимид, провожая птицу взглядом. — Неожиданно, конечно. Но очень хорошо. Будет теперь секретные письма доставлять.

— Он только у меня из рук будет брать что-то, что не является лакомством, — Иберик развёл руками. — Они все ленивые, как я говорил. Надо регулярно прикармливать.

— Прикормим.

Случай с сиреем заставил меня задуматься. Я смотрел вслед удаляющейся чёрной точке и думал над перспективами. С тех пор, как я узнал про удивительных птиц, идея собрать авиационный почтовый флот нет-нет да заглядывала на огонёк. Передача важных или не важных посланий гонцами на лошадиной тяге занимает слишком много времени. Сирей справляются с этой задачей намного быстрее. Глупо не воспользоваться возможностью и не организовать почтовую службу. Уверен, Иберик и королевский заводчик смогут решить вопрос и обучить пару-тройку сиреев, которые бы сослужили анирану добрую службу. Доставляли бы письма туда, куда анирану надо.

Но не менее важная и, в какой-то степени, любопытная задача: самому попытаться наладить отношения с одним из сиреев. Войти с ним в контакт. Подружиться, как я когда-то подружился с Уилсоном. Я уверен, что не ошибаюсь на их счёт: сирей — такие же телепаты, как и матаны. Но, в отличие от них, они могут не просто посылать картинки в мозг, а передавать информацию словами. По крайней мере, мне так показалось. Следовательно, рано или поздно, мне придётся близко пообщаться с одним из них. Заглянуть ему в глаза, и позволить заглянуть в свои. Узнать, что скрывается в том крошечном мозгу. Выяснить, на что сирей способны. Ведь, несомненно, местная фауна сильно отличается от Земной. Она уже не раз доказывала это. Мне надо постараться узнать, какие ещё секреты она скрывает.

— Ладно, — я осмотрелся и заметил, с каким удивлением на нашу тройку смотрят проходящие мимо люди. И это не лысая голова Иберика привлекла их внимание. И не рыжая шевелюра. Их привлекла удивительная сцена с сиреем. — Идём дальше. Посмотрим, ждут нас тут или нет.

Часть 4. Глава 18. Хатемаж

Но, как оказалось, нас не ждали.

— Кто это такие? — испуганная женщина что-то шептала двум здоровым парням, указывая на нас пальцем.

Один из них смотрел на нас так, будто исследовал на предмет обогащения, и задал самый очевидный вопрос:

— Вы кто?

Я не стал отвечать мгновенно. Я увидел, что Иберик напрягся, как струна. Руки его уже были готовы метнуться к ножнам за плечами, или же метнуть кинжал с пояса. Фелимид тоже держал руки на ремне. Он, насколько я знал, был дитём своей эпохи. И без сомнений мог зарубить на части любого, не задаваясь вопросами и не испытывая мук совести. И лишь я не хотел никого убивать понапрасну. Я не хотел видеть в каждом врага. В мире, где человек человеку волк, лишь один я, наверное, хотел дать шанс на спасение каждому.

— Я хочу увидеться с прямо Хатемажем, — выложил я карты на стол первому же встречному. — Ты знаешь, где его найти?

Здоровяк бегло оглядел меня, смотря сверху вниз:

— С чего ты взял, что прямо станут встречаться с бродягой? Мзду заплати. Или пошёл вон.

Говорил он грубо и громко, привлекая лишнее внимание. На его голос среагировали ещё две детины, лапавшие недалече смеявшуюся женщину. Она лениво отбивалась, принимая хамоватые ухаживания, и торговалась по поводу цены. Но, видимо услышав знакомый голос, те два здоровяка потеряли к ней интерес и приобрели интерес ко мне.

Я потёр подбородок, увидел приближающуюся подмогу и решил, что хуже всё равно не будет.

Я сбросил тунику, представ в дорогих одеждах и умопомрачительно дорогих сапогах. Затем прикоснулся к метке в середине левой ладони.

Визжание и вопли раздались в ту же секунду, как вокруг моей талии закружилась энергия. А перешли в панический визг тогда, когда нить размоталась и игла заняла привычную позицию над головой. Она вновь оказывалась направленной на того, на кого оказывался направлен мой взгляд.

Падая на задницы, помогая себе руками и ногами, первые свидетели спешили убраться куда подальше. Песок из-под их ног летел в разные стороны. Они роняли лукошки, ножи и мечи, лотки с овощами и рыбой. Безостановочно визжали и пытались укрыться внутри ближайших лачуг.

— Вот теперь идём, — скомандовал я Фелимиду и Иберику.

Мы отправились вдоль берега. Где-то метров на сто перед нами никого не было. Все разбежались, несмело выглядывали из-за углов и шептались. Но впереди уже начинали собираться те, в ком страх был не столь силён. Все видели вьющуюся над моей головой энергетическую нить и побеждали страх, потому что начали догадываться, кто я такой. Всё же слухи из столицы, уверен, не могли пройти мимо Трущоб.

Первая вынужденная остановка случилась, когда молодой худой парень, хромящийся на одну ногу и лишившийся одного глаза, опустил на колени прямо на колючий песок. Он сцепил руки и вытянул их перед собой, как тот самый религиозный символ. Из его здорового

глаза текли слёзы, а беззубый рот шамкал полуразборчивое: "аниран".

В его единственном глазу я не заметил суеверного ужаса, когда он склонился передо мной и обхватил ноги. Он что-то шептал, но я не мог разобрать что. Но я точно знал, что могу дать ему нечто важное. Неосязаемое, но дающее силы жить дальше — надежду.

— Живи без страха, отмеченный анираном, — пафосно и громко изрёк я, нежно прикоснувшись к грязной голове.

Парень завалился на песок, улыбался, утирал кулаком слёзы, а лицо светилось счастьем.

После этого случая, плотину прорвало. Хоть всё ещё опасаясь, жители Трущоб начали подходить ближе и протягивать руки. Они не просили милостыню, ведь мне всё равно нечего было им дать. Но каждый желал прикоснуться к анирану и убедиться, что он настоящий. А я, свою очередь, не отказывал никому в своём прикосновении. Ко мне подталкивали детишек. Действительно детишек возрастом слегка за десять. Просили защиты и благословения. И я обещал всё и всем. Никому не отказал в том, что ничего не стоило — в словах ободрения. Потому что был уверен, что сейчас им от меня ничего больше и не нужно.

Но и о цели своего пребывания я не забывал. Фелимиду и Иберику было сложно со мной, ведь плотность толпы их напрягала. Они старались держаться рядом и прикрывать спину. Но лучше всего с этой задачей справились те самые здоровяки. Они первыми драпали, когда узрели иглу. И орали громче всех. Но когда до них дошло, что происходит и кто именно пожаловал в гости, очень вежливо предложили помощь. Помогли не только быть не раздавленным восторженной толпой, но провели вдоль береговой линии и привели к двухэтажному дому на сваях. Здесь, по их словам, находилась резиденция прямо Хатемажа.

Домик действительно выглядел солидно. Вытесан целиком из дерева, красиво обточен и даже окрашен. Крепкие сваи держали не только дом, но и широкую открытую веранду. Там, прислонившись к перилам или восседая за столиками, употребляли алкогольные напитки очередные весьма крепкие ребята. Крепкие ребята, которым самое место или в армии, или в рядах гессеров.

Заметив многолюдную процессию, те ребята разволновались. Буквально через секунды, пока я бороздил просторы взглядом, веранда наполнилась людьми. Они шептали что-то неразборчивое и указывали на нас пальцами. А когда волнение достигло апогея, на веранде показался миловидный мужчина, примерно моего возраста. Бороды он не носил, а потому выглядел ещё моложе. Он облокотился на перила, уставился вниз, а затем отпрянул, когда столкнулся взглядом не только со мной, но и с острым кончиком иглы.

— Значит, всё-таки это правда, — ничуть не смущаясь, громко произнёс мужчина. — Аниран действительно существует. И теперь он в Обертоне.

— Я имею честь говорить с прямо Хатемажем? — я произнёс не менее громко.

— Говорить с анираном — это честь для меня, — словами тирама Гвелерга ответил он, прикоснулся рукой к груди и поклонился. — Прошу тебя, заходи в дом.

После хлопка в ладоши, дородные ребята засуетились. С веранды всех как ветром сдуло. Затем отворилась дверь, а внутри дома начались какие-то торопливые приготовления.

— Их слишком много, — прошептал мне на ухо Иберик. — Надо было взять ещё...

— Тихо, — уgomонил его я. — Ни слова внутри. Только я буду говорить... А ты, Фелимид, всё запоминай. Смотри и внимательно изучай.

Нам организовали почётный коридор. словно вышколенные, мужики воздели мечи над головами, а затем вонзили в песок у своих ног. Благодаря этому действию, я понял, что прямо Хатемаж не забыл своё гессерское прошлое и весьма щепетильно относится к ритуальным

обрядам.

Когда мы взобрались по крутым ступеням, большой круглый стол ждал внутри. Радостный хозяин, с улыбкой на пол лица, стоял на пороге. Увидев голубые глаза, русые волосы и молодое краснощёкое лицо, я едва удержал себя от того, чтобы озадаченно почесать затылок: а прямо-то Хатемаж действительно юн. Едва ли старше двадцати пяти, я бы сказал. Как он смог всех этих лбов взять в оборот? Как смог организовать жизнь в Трущобах и вызвать определённое беспокойство даже у короля? Видимо, задатки лидера у него действительно присутствуют.

— Добро пожаловать, — прямо Хатемаж поклонился и жестом пригласил меня за стол, который торопливо накрывали испуганные девицы в довольно откровенных нарядах. — Не побрезгуй, аниран.

— Не побрезгую, — я последовал приглашающему жесту, деактивировал иглу и присел.

— Это твои люди? — кивком головы Хатемаж указал на Иберика и Фелимида. — Мне не нравится, когда здесь ходят вооружённые незнакомцы. На этот раз прощаю, но ты бы мог прийти и один. Здесь тебе ничего не грозит.

— Спасибо за гостеприимство, — я поднял деревянную кружку, в которую налили красного вина и чокнулся с хозяином. — Но я не знал, чего ожидать. Хотя я действительно аниран и мало чего боюсь, идти в гости в одиночку мне показалось непредусмотрительным... Прямо Хатемаж, я так понимаю?

— Совершенно верно. А ты — тот аниран, о котором все говорят? Мне доложили, что твой дар выглядел по-другому. Не это... не вот это... то, что ты нам показал. А более опасное.

Я не стал удовлетворять его любопытство. Хватит того, что все уже увидели.

— Меня зовут Иван, прямо Хатемаж, — представился я. — Я пришёл посмотреть на тебя, познакомиться и обсудить возможное сотрудничество.

Хатемаж нахмурился, будто не понимал, что я говорю.

— Как я слышал, ты уже обласкан королём. Зачем тебе что-то обсуждать со мной? Или это он прислал тебя с очередными наглыми требованиями?

Он резко взмахнул рукой. Его подчинённые выбежали из дома практически в полном составе и принялись пинками прогонять столпившихся зрителей. Широкая веранда быстро заполнилась людьми, которые шли за нами следом, и теперь её, не церемонясь, расчищали. Особо невезучим не повезло скатиться со лестницы кувырком.

— Никому не подниматься по ступеням! — мы все услышали молодецкий рык одного из дородных парней. Услышав такой, вряд ли кому-либо захотелось бы испытать терпение говорившего.

— Не привык, когда чернь топчет порог родного дома, — брезгливо поморщился прямо Хатемаж. — Как в детстве не любил, так не люблю и сейчас.

— Для меня вы все одинаковы, — спокойно ответил я. — Для меня жизнь каждого имеет значение.

Прямо фыркнул:

— Удивлён, что анирану есть дело до кого-либо, кроме него. Я слышал о ином... Но всё же: с чем ты пожаловал ко мне? Тебе что-то нужно? Или ты хочешь мне что-то предложить?

Голубые глаза вонзились в меня, как копьё. Они исследовали моё лицо, будто детектор лжи, и старались быстро обработать всю доступную информацию.

— Просто хотел познакомиться, — честно признался я. — Король встретил меня

дружелюбно, это верно. Но это не значит, что отныне я буду врагом тому, кто враг короля. Ведь враг же, да?

— С Его Величеством у нас возникло недопонимание, — Хатемаж говорил без эмоций. Он контролировал свою речь и оценивал каждое сказанное слово. Ведь он, как я понял, не сомневался, что каждое его слово я передам королю. — Я хотел получить больше, чем он готов был мне дать. Я много трудился и многого добился, несмотря на то, что, по праву рождения, мог делать куда меньше. Я мог сидеть за столом Его Величества и делать, что делают все остальные — пить и жрать за его счёт. Но я избрал другой путь. Я хотел многое доказать и себе, и всем остальным. И, как мне кажется, я доказал. Но Его Величество это не оценил. Не оценил мои способности и возможности. И теперь я ему покажу, что он ошибался.

— Неприязнь к королю имеет глубокие корни?

— Как сказать, — маска добродушного юноши испарилась. — Это жирный боров отобрал у меня моё наследство — отцовское поместье в фруктовых садах на противоположном берегу озера. Отобрал поместье у единственного сына того, кто многие зимы верой и правдой служил двум королям — Аскольду Второму и Анфудану Третьему. Мой отец даже жизнь отдал ради второго. И вот чем боров отплатил — лишил сына законного наследства.

В голосе Хатемажа впервые прорезались эмоции. И это не слово "боров" мне подсказало, явно выскочившее не случайно. Подсказали сжатые кулаки и стиснутые в злобе зубы.

— Возможно, это некое недоразумение. Думаю, с Его Величеством можно договориться...

— Оставь, аниран, — отмахнулся он. — Мне не о чем с ним договариваться. Наверное, он о чём-то хочет договориться со мной, раз ты здесь?

— Я здесь от своего имени...

— Прекрати, прошу тебя. Я не столь глуп, чтобы в это поверить. Если бы тебе не рассказали, ты бы и не узнал обо мне. Ты думаешь, я поверю в визит вежливости посланника небес? Я — всего лишь мелкая, ничтожная сошка по сравнению с тем, кем являешься ты.

Хатемаж сделал знак рукой, чтобы нам подлили вина. А я сидел неподвижно несколько секунд и приходил к выводу, что этот пацан действительно не дурак. В нём явно что-то есть. Какая-то сила. Внутренний стержень, наверное. Может, мне стоит попробовать перевербовать его? Перетянуть на свою сторону? Король для меня важен, несомненно. Но и толковые кадры тоже всегда нужны. Может, стоит предложить ему какую-нибудь должность при дворе? Сотника или тысячника, например.

— По правде говоря, меня волнует всё, — осторожно начал я. — А конкретно — плачевное состояние Астризии. Я собираюсь хорошенько встряхнуть её и переделать. И для этого Его Величество обязан стать моим союзником. Именно обязан. Без той власти, которой он обладает, всё бессмысленно. И он, мне кажется, уже стал им. Но так же я хочу избежать вражды с кем-либо. Я знаю, что голод пригнал под стены Обертонна множество отчаявшихся и обездоленных людей. Я знаю, кто в этом повинен. Но это уже прошлое. А я смотрю только в будущее. И в том будущем, которое вижу я, тебе, прямо Хатемаж, нет нужды враждовать с Его Величеством. Я смогу вас примирить и направить твою энергию в правильное русло.

Хатемаж засмеялся сразу, как только я закрыл рот.

— Ты знаешь, кто повинен в голоде? Эка удивил. Тут все знают, кто виноват. И они ненавидят того, кто с ними сотворил такое... Но они очень хорошо относятся ко мне. Они помнят и всегда будут помнить того, кто растратил своё состояние, лишь бы они смогли пережить зиму. Кто помог им не умереть с голоду, кто согрел и дал временный кров. Здесь люди верят мне. Хоть здесь обитает, в основном, чернь, это моя чернь. Моя, а не короля. Здесь все трудятся усердно, чтобы прокормить себя. Здесь царит порядок. Мой порядок. И с каждым днём — отчасти, благодаря тебе, аниран — людей прибывает всё больше. Им всем не хватит места в Обертоне, уж я-то знаю. И они обязательно придут ко мне. А когда нас станет столько, что озеро будет не в силах всех прокормить, тогда я решу поговорить с королём. Я сам напишу ему и много чего потребую. Будь уверен, аниран, я не ограничусь лишь желанием получить обратно поместье. Я потребую все поместья всех тех скотов, которые жрут за столом борова. На том месте, где должен сидеть я.

После этой пламенной речи я разочарованно вздохнул. Нет, этот эгоцентричный мудака мне не нужен. Только и слышу от него: "я", "я", "я". "Моё", "моё", "моё". Несомненно он обладает организационными талантами. Амбициозный и рискованный, судя по тому, что решился выгрести из копилки последнее ради помощи тем, кого становится всё больше день ото дня. Тратить собственные деньги на обездоленных беженцев суровой зимой — не каждый бы на такое решился. Да, теперь, когда взял под контроль порт и имеет достаточно сил, чтобы угрожать королю, уверен, потери он возместит. Может, даже нажил новое состояние. Но золото, как я понял, его мало интересует. Его интересует влияние, которое он может оказывать на других, высокий статус и демонстрационное пренебрежение к каждому, кто посмеет сомневаться в его исключительности. Эдакий царёк местного уезда. И он, несомненно, может натворить много нехороших дел, если окончательно озлобит толпу и погонит её на стены. Тогда Обертон ждёт очередная резня.

— Похвальный поступок, прямо Хатемаж, — пока я говорил, выстраивал в голове возможные варианты дальнейшего развития ситуации.

— Ты о чём, аниран?

— Пожертвовать золотом, чтобы люди пережили зиму...

— Чистый прагматизм, — моя похвала его совсем не интересовала. — Зима всегда приходит к своему логическому концу. А затем приходит весна, тёплое лето и тучная осень. Главное, ничего не упустить и всё вовремя успеть... Теперь весь рыбный промысел под моим контролем. Я цены поднял в два раза, и рыбу всё равно покупают. Как ты, наверное, понимаешь, столица съедает каждый день гораздо больше, чем все остальные города. И каждый день лодки отправляются на рыбалку. А если мне удастся получить в своё распоряжение сады на другом берегу, фрукты подавать к столу короля станут с клеймом Хатемажа на ящиках. Ну а поля... Поля, на которые я ещё не позарился... В общем, дел невпроворот.

— Зачем тебе всё это, Хатемаж? — недовольно нахмурился я.

— А чтобы жирный боров сам пришёл ко мне! Сам, а не присылал анирана!

— А если он придёт с гессерами?

Хатемаж снисходительно улыбнулся:

— А что будет? Что тогда будет? Пусть они обнажат оружие, пусть наступают. Я погоню на них злобную чернь, которая будет рада пырнуть ножом в глаз каждого гессера, пусть даже отдавая десятерых за одного. Да пусть даже двадцатерых! Пусть песчаный пляж будет впитывать кровь, а тела лежать друг на друге. Я всё равно покажу королю, как он

ошибался. Я лишу его армии, а затем спалю столицу. Пожарище в таком городе, как Обертон, аниран, поверь, не шутка. Если каменные дома, возможно, устоят, то всё остальное сгорит. Это будет весьма иронично, ты не находишь? — усмехнулся он. — Огромное озеро под боком, а город пылает в огне и некому его затушить. Некому, ибо на улицах не только ищущие спасение люди, но и те, кому нечего терять. Кто желает грабить, кто желает расплатиться за предыдущие унижения... Представил картину? Его Величество — любитель живописи. Он бы точно представил, сколь ярким вышло бы полотно. Но, к сожалению, он бы его не оценил.

Хатемаж злорадно усмехнулся и выпил вина. А я, наблюдая за ним, сделал несколько важных выводов о его характере. Во-первых, в нём говорит обида. Эта главная проблема. Он обижен и зол на короля. Скорее всего, обижен не за конфискацию наследного поместья, а за то, что не оценил его таланты. Что посчитал недостойным даже возглавить гессеров. Во-вторых, он совсем не дурак. Прагматичен, уверен в себе, может просчитывать действия наперёд и представлять последствия. Он хорошо знает того, кого ненавидит. Знает его сильные и слабые стороны. И может быть крайне опасным противником. И в-третьих — этот козёл абсолютно аморален. То есть и он тоже дитя своей эпохи. Без дрожи в голосе заявлять, что готов сжечь город, что готов гнать отчаявшихся и лишённых всего людей на мечи гессеров, может только абсолютный мерзавец. Для него эти люди — не люди. Так, чернь и простолюдины. Расходный материал, в общем. Ему глубоко наплевать, что с ними будет, когда они перестанут быть ему нужны. Пока они работают и приносят прибыль, он позволяет им считать себя тем, кто спас их от голода и предоставил убежище. Но если он возжелает чего-то большего, без всяких сомнений кинет клич, обвиняя во всех смертных грехах короля, и погонит в самоубийственную атаку.

Нет, этот мерзавец никогда не станет соратником анирана. Он может стать лишь его врагом.

— Впечатлён, аниран? — ехидная ухмылка очень не шла краснощёкому лицу. Старила его, делала зловещим.

— Да, — признался я. — Откровенную нелюбовь к королю я могу понять. Понимаю, что есть причины. Но... Но меня больше волнует то, как прямо Хатемаж отнесутся к анирану. Прямо считают анирана врагом? Или хотят видеть в нём друга?

Я намеренно перешёл со снисходительного "ты" на приемлемое для прямо "они".

— Лишь глупец хочет видеть в аниране врага! — он аж подпрыгнул на стуле. — Я не хочу, чтобы аниран считал меня глупцом.

— Тогда прямо Хатемажу придётся пойти анирану навстречу. Скажу сразу: пока я прибываю в Обертоне, не желаю участвовать ни в каких дрязгах. С прямо Хатемажем я хочу сотрудничать, как хочу сотрудничать с Его Величеством.

— Усидеть на двух стульях невозможно, — толково подметил Хатемаж.

— Я всё же попробую, — решительно заявил я. — Для начала: чего хотят прямо Хатемаж? Что мне передать королю от их имени?

— А я думал, анирану интересно, что прямо может сделать для него, а не наоборот, — Хатемаж довольно улыбнулся.

— Анирану нужен мир и покой в столице. Ради этого он готов поработать посыльным.

— Хм-м-м, — улыбка исчезла с его лица. — Вот уж действительно никогда бы не подумал, что этот аниран так сильно будет отличаться от других. Анирану всего-то надо указать пальцем и потребовать подать мою голову на подносе. Даже здесь, в моей вотчине,

он найдёт сотни и сотни сторонников. Уверен, по указанию анирана чернь способна на многое. Но нет... Странно...

— Я хочу спасти всех... Даже тех, кого спасти уже невозможно, — добавил я глубинной двусмысленности в свои слова не случайно. Я принял решение на счёт Хатемажа.

— Хорошо. Раз так, то требования таковы, — ничуть не смущаясь, Хатемаж принялся загибать пальцы. — Мы отвоевали у леса пространство и распахали поля под свои нужды. Но нам нужны семена. Все возможные культуры, которые сохранены на складах. Дальше. Не хватает тяговой силы. Нужны лошади. Нужно золото и серебро для оплаты. Рабочих у меня всё больше, но и потребности, как ты понимаешь, тоже увеличиваются. Так же я хочу получить несколько ковров работы мастеров из Декедды. Лично для себя. В мой дом. Его Святейшество обещались предоставить кое-что, да, видимо, запомятавали...

— Стоп! — воскликнул я. — Вы имеете дела с Эоанитом?

— А кто не имеет дел с главным духовным наставником? — хмыкнул прямо Хатемаж. — Ему от нас что-то надо... Нам от него что-то надо... Так происходит всегда. Если стороны умеют договариваться, они всегда найдут чем обменяться. Живым товаром или не живым, — он подмигнул мне, а я едва сдержал себя, чтобы не захватить кулаком в подмигнувший глаз. Про "живой товар" говорит, падла.

— Что ещё? — ледяным голосом осведомился я.

— Ну как это: что ещё? — он опять улыбнулся. — Я хочу получить обратно своё поместье. Пусть то порождение выгребной ямы по имени Яннах, которого мы, думаю, оба знаем, убирается оттуда. Боров незаконно передал ему моё поместье, а теперь я хочу, чтобы даже запаха его там не осталось.

— Просьбы непростые и требуют времени. Времени на обдумывание и принятие окончательного решения, — я уже с трудом держал себя в руках.

— Я прекрасно это понимаю, аниран. Я окажу ответную услугу, чтобы решение принималось быстрее. В качестве жеста доброй воли, в течение декады я буду совершенно бесплатно обеспечивать потребности королевского дворца рыбой. Каждое раннее утро тяжело гружённая подвода будет ждать у восточных врат. И поверь, аниран, если ты, конечно, ещё не отведал свежей рыбы из озера, она придётся тебе по душе. Мясистая, жирная. Крупные кости, не портящие удовольствие... Я могу приказать быстро приготовить прямо сейчас, — Хатемаж даже вскочил, намереваясь устроить пикник. Но с меня этого наглого прыща было достаточно.

— Благодарю прямо Хатемажа за предложение, — я поднялся. — Но дела прежде всего. Через декаду, обещаю, прямо получают ответ. За время ожидания ни армия, ни гессеры их не беспокоят.

— Аниран, разве ты меня не услышал? — он опять усмехнулся. И эта усмешка начала не слабо меня раздражать. — Меня не страшат ни те, ни другие. Пусть они меня боятся... Ригольф, сопроводите анирана к воротам. Чтобы никто не смел стоять на его пути. Разгоняйте чернь, если придётся.

Обратный путь занял куда меньше времени. Около двадцати здоровых парней окружили нашу троицу и вывели по песку прямо к тракту. А я, молча переставлявший ноги всю дорогу, всё хорошенько взвесил и принял окончательное решение. Может, оно было не единственно возможным, и даже неверным в общечеловеческом смысле слова, но тратить время впустую я не собирался. Планы уже выстроились в моей голове. К концу лета я хотел все эти планы реализовать. И никто этим планам не должен был помешать.

— Фелимид, — обратился я к бывшему королевскому дознавателю, когда мы втроём смотрели на удаляющиеся крепкие спины. — Ты всё запомнил? Всё запомнил, что здесь увидел?

— Да, аниран.

— Нам с тобой придётся многое обсудить. Я объясню, что надо делать.

Часть 4. Глава 19. Седина в бороду, бес в ребро

Декада пролетела практически незаметно. Не потому, что я лез из штанов, чтобы ублажить прямо Хатемажа. Я королю вообще ни слова не сказал о его требованиях. А потому, что я сосредоточился на более важных делах — на популяризации самого себя. Я отправился в турне.

Паломники действительно прибывали в Обертон сплошным потоком. Всем было интересно увидеть живого анирана, а не только слушать о нём сплетни. Поэтому людей в столице становилось всё больше и больше. Они дневали и ночевали на площади, постоянно донимали храмовников у храма скромными дарами, почему-то решив, что аниран, как существо мистическое, должен проживать именно там.

Так что с вопросом решить проблему надвигающегося перенаселения ко мне обратился не только король, но и первосвященник. Эоанит, правда, пытался разговаривать со мной в своём стиле — языком указов и повелеваний, а не как равный с равным. И мне всё же пришлось пересмотреть изначальные планы массового набора в армию. Я решил действовать немного иначе.

Я вновь устроил яркое шоу на площади. И в этот раз почти двум сотням гессеров едва удалось уберечь анирана от давки.

Хоть мне было немного страшно, ведь я никогда не видел столько людей на столь небольшом пространстве. И никогда столько людей не падали на колени, на распев повторяя моё имя. Я всё же нашёл в себе достаточно сил, чтобы весь световой день толкать речи, раз за разом повторять одно и то же и прикасаться к каждому, кому удавалось протиснуться через плотные ряды охраны. Ведь день я кружил по площади, требуя от каждого паломника вернуться домой — к себе в деревню, в хутор или временный лагерь — и каждому передать, что вскоре аниран сам придёт к ним. Чтобы слухи распространялись ещё быстрее, чтобы молва обо мне дошла до самых дальних окраин, я решил отправиться в поездку по окрестностям.

Делегация вышла небольшой: из всех близких людей, кому я мог доверять, со мной отправились лишь Иберик и Бертрам. Профессор Гуляев примерял новую должность и действовал уверенно на ниве сельского хозяйства. Фелимид был занят сбором информации и подготовкой к следующему этапу, после того, как мы с ним всё обсудили. Вилибальд погрузился в университетскую жизнь, которая пришлась ему по душе. А его отец — Каталам — налаживал, что называется, солдатский быт. Он устраивал инспекции казармам, расположенным в черте внутренних стен, знакомился с их жителями, и песочил направо и налево всех, кто, по его мнению, растерял воинский дух. То есть, за моральное состояние ещё не до конца развалившейся армии, я уже мог быть спокоен.

Руководствуясь подробной картой, я объездил ближайшие окрестности. Спал в карете, потому что утром и днём меня, обычно, ждала новая деревня, окружённая частоколом. Я даже побывал в большом рыбацком посёлке на южном берегу озера Ферни. Озера, конца и края которого я не мог рассмотреть с балкона профессора Гуляева, — такое оно было огромное. В радиусе двадцати лиг от столицы, как сообщил мне потом Иберик, я посетил каждое поселение. В каждом выступал, показывал фокусы, призывал жителей не отчаиваться и обещал всё, что только мог. Я говорил им то, что они хотели услышать.

Так что когда вернулся в Обертон измотанный и уставший, я был доволен. Всё пока

двигалось именно в том направлении, в котором я хотел. Клич об аниране брошен и теперь надо немного подождать, когда взойдут первые ростки.

Но отдохнуть с дороги мне так и не удалось. Когда пыльная карета обогнула фонтан и припарковалась у входа в королевский дворец, меня уже ждали. Сирей сообщил, что мы возвращаемся и, видимо, кто-то не хотел терять времени.

У ступенек стоял Каталам. Выбравшись из кареты, первым делом я увидел именно его.

— Иван, нужно поговорить, — без приветствия начал он. — Есть дело.

— Ещё бы делам не быть, — я попытался его обойти, но он меня задержал. — Каталам, я хочу умыться и пожрать чего-нибудь. Декаду отбивал зад в карете...

— Нет времени. Только ты можешь его вразумить. И именно сейчас я знаю, где он.

— Ты о чём, Каталам?

— Поехали. Расскажу по дороге.

В карете нас ехало трое: я, его сын и сам Каталам.

— Дело в Яннахе, — сходу начал он. — Хоть он мастер-коммандер, его равнодушие меня беспокоит. Он уваливает от своих обязанностей. Не желает подписывать приказов, перестал посещать зал советов.

— В чём проблема? — я всё ещё не понимал. — Он устроил себе отпуск?

Каталам нахмурился, пытаясь понять смысл аниранских слов.

— Он ничего не хочет делать. После последнего разговора с Его Величеством треть декады назад, он отстранился от дел. А сумма, выделенная королевским казначеем на закупку новых лежаков в казармы, исчезла.

— Он ушёл в запой?... Да блин! Он запил, что ли?

— И не только, — Каталам, наконец-то, врубился. — Он любит не только вино, но и юные упругие тела. Да и листьями с дерева Юма тоже никогда не брезговал.

— Старый пердун ударился во все тяжкие, — сообразил я. Но улыбаться и понимающе посмеиваться не собирался. В свете предстоящих дел, командующий армией был мне необходим. Не только как компетентный командир, но и как непререкаемый лидер. По моим планам, он должен был заниматься рекрутингом и подготовкой новобранцев, а не пьянствовать. — Где он сейчас? Мы к нему едем?

— Именно, — кивнул головой Каталам. — Мои доверенные лица выяснили, где он сейчас. Он в поместье, которое его многочисленные любовницы пользуют как собственное гнездо.

— Ладно, — решительно сказал я. — Придётся прочистить ему мозги... Иберик, передай вознице, чтобы поднажал.

Мы покинули столицу через западные ворота и свернули налево по дороге, ведущей во фруктовый сад. Именно там располагались поместья важных примо, в той или иной степени заслуживших благосклонность Его Величества. Не только Анфудана Третьего, но и тех "величеств", кто правил до него. Многие уважаемые граждане Обертон проживали в районе, который я, для пущего упрощения, называл "рублёвкой". На охраняемой территории, где курсировали хорошо экипированные солдаты, пустила корни местная элита.

По хорошей дороге мы ехали недолго. Однажды нас даже остановила стража, но, в итоге, была вынуждена следовать за нами, после того, как узрела анирана. И хоть Каталама они тоже узнали, его приказы, как они сами признались, не имели в этом месте силу. Здесь всем командовал Яннах.

Прекрасный двухэтажный особняк на берегу озера мне сразу приглянулся. Более

красивого места я ещё не видел. Поместье Фелимида недалеко от Равенфира было жалкой пародией на поместье, по сравнению с этим. И у меня на секунду даже промелькнула мысль, что это и есть конфискованное поместье Хатемажа. Лишь по такой красоте можно так тосковать и так обижаться на короля.

На террасе балдели солдаты. Когда прибыла наша делегация, они некоторое время не желали выбираться из плотного клуба дыма и покидать удобные стулья. На рукотворном пляже с мелким жёлтым песком веселились обнажённые девицы. Несколько голых красоток весело смеялись и бегали друг за другом по колено в воде. Они плескались в лёгком прибое и ярко демонстрировали, что не всех в варварском вымирающем мире волнуют такие мелочи, как выживание.

Заметив их, я побагровел. Но не потому, что возбудился и желал каждую из них по очереди повалить на песок, а затем дать шанс зародить новую жизнь. А потому, что захотел совершить подобные действия с главнокомандующим. В иносказательном смысле, конечно же. Теперь я был уверен, что сумма, выделенная на новые лежаки, отчасти ушла на тот дым, что клубился на террасе, и на те голые задницы, что развлекались у берега.

Улыбающиеся солдаты, наконец-то, заметили нас. И улыбки их исчезли быстрее удара молнии.

— А ну рты закрыть! — я первым подскочил к двум ступеням, ведущим на террасу. Я увидел, что один из солдат то ли попытался нас поприветствовать, то ли подать сигнал, что прибыли проблемы. — Всем молчать! Кто посмеет подать хоть звук, отправлю на север восстанавливать Халтберн.

Один осоловевший страж почесал затылок и выдал весьма смешное:

— Мастер-командер, зачем вы срезали усы?

Небольшая оплошность обкуренного солдата немного разбавила мой гнев. Но с верного пути не сбила.

— Тихо окружите дом, — приказал я своим провожатым. — И ловите в сети каждого, кого я буду выгонять.

Затем прикоснулся к метке на правой ладони, активировал энергетические клинки и решительно рванул дверь.

Надрывные стоны и вздохи я услышал практически сразу. А запах пролитого вина и наркотического дыма — моментально. В большой комнате совокуплялись молодой мужчина и женщина. Они кружились на диване и издавали специфические звуки.

Я потерял к ним интерес сразу, ведь мужчина не носил усов и был жгучим брюнетом. А потому свернул налево в соседнюю комнату, где те самые специфические звуки издавались во множественном числе.

Картина, мною увиденная, могла бы шокировать даже самого прогрессивного жителя Земли 21-го века. А если бы её запечатлеть на холсте, уверен, Его Величество такую картину поставил бы в центральную рамку в своей галерее.

Обнажённый и довольно крепкий мастер-командер Яннах отжигал по полной. Его спину, грудь, ягодицы нежно поглаживали женские руки. Четыре или пять раскрепощённых красавиц, — а значит, аж в десять рук — возбуждали Яннаха и поддерживали в боевом состоянии. С трудом удерживая равновесие в позе буквы "Г", лучше всех его возбуждала ртом довольно крупная женщина. Её огромная грудь тряслась, как вымя перекормленной коровы, когда она совершала возвратно-поступательные движения. Сзади к ней пристроился, придавая стабильное ускорение, ещё один мужчина. Незнакомый, но могучий и сильный. От

— Я — влиятельный человек. У меня есть друзья... Ты не можешь вот так просто врываться ко мне в...

— Мне нет дела до твоих оргий, Яннах, — прервал его я. — Нет, пока ты помнишь кто ты и какую должность занимаешь. Не забывай, сколько жизней зависят от твоих решений. И если ты плохо исполняешь свои обязанности, я позабочусь о том, чтобы тебя заменить.

— Ты не можешь этого сделать. Я — потомственный военный! Мой отец, отец моего отца и отец отца моего отца издавна служили Астризии. А ты кто? Всего лишь аниран. Один из... Один из многих. Судить меня и выносить решения может лишь один человек — король. Остальные существуют лишь для того, чтобы выполнять мои приказы.

— Именно поэтому я ещё раз скажу: ты обнаглел, Яннах... А ну заткни пасть и слушай, что тебе говорит посланник небес! — рявкнул я, когда он опять собирался меня перебить. — Ты, поганый мерзавец, видимо не понимаешь всей важности происходящих событий. Я могу поверить, что тебе плевать на окружающий мир, ведь тебе живётся ничуть не хуже, чем королю. Для тебя, уверен, мало что изменилось с появлением карающего огня. Но кроме тебя ещё есть те, кому живётся не так сладко. Твоя задача сделать так, чтобы в Обертоне сохранялся порядок. Чтобы армия крепчала и в любой момент могла среагировать на мольбы о помощи. Если откуда-либо придёт зов о вторжении врага, или же крестьяне попросят уничтожить работорговцев, ты обязан реагировать моментально. Понимаешь? Твоя должность не прощает ошибок. А ты, как я понял, на протяжении очень долгого времени совершаешь ошибки одна за другой. Ты не имеешь права красть у короны. Ты не имеешь права прятать золото и тратить на свои прихоти. Даже такая мелочёвка, как лежаки в казармы, и то не обошла тебя стороной. А что ты вытворял до моего появления? Как много ты украл? Как много золотых монет ты потратил на молодых, привлекательных женщин? Ты хотел насытиться? Хотел ублажать своё тело за счёт того, что кто-то где-то недоедает? Кто-то где-то будет спать на соломе, вместо удобной кровати? Ты — мерзкий паразит. Пиявка на умирающем теле. И с каждой пиявкой, присосавшейся к телу обездоленного народа, надо поступать так, как она заслуживает — безжалостно раздавить подошвой башмака.

Два оранжевых лезвия в правой руке, будто были полностью согласны со мной, запыхали более ярко, когда я сделал шаг навстречу мастер-командеру. Хотя я изначально хотел лишь напугать этого разбалованного любителя "клубнички", в тот момент мне казалось, что злоба всё же взяла верх. Что я действительно сейчас его убью. Но самое главное, я не чувствовал угрызений совести. Я хотел, чтобы он сопротивлялся, или даже напал на меня.

Но всё произошло в точности наоборот. Яннах попятился. Усы опять безвольно опали, а глаза метались в поисках выхода. Но выход был только один. И Яннах всё же смог найти верную дверь.

— Аниран, подожди, — он примирительно поднял руки. — Не надо этого делать, прошу. Мы все и так неизбежно умрём. Но не надо отправлять меня на встречу с Фласэзом раньше, чем мне предначертано. Я всё ещё могу принести пользу.

— Чем ты можешь быть полезным? — хмыкнул я. — На твоё место, уверен, масса желающих. Даже если Каталам откажет, я могу обратиться к любому вояке в совете. Да тот же Хатемаж, которого ты тоже ограбил, не откажется посадить тебя в лужу... Имею в виду, захочет посмотреть на твой позор.

— Он недостойн этого! — вполне серьёзно ответил Яннах.

— Я это знаю и без тебя. Уже познакомился с ним... Но ты. Какую пользу можешь

принести ты? Не мне, а своей вымирающей стране. Ты лишь сосёшь из неё соки, как многие тебе подобные. Вы все заслуживаете более страшной участи, чем пасть от руки анирана. Вы — бесполезные черви, копошащиеся в роскоши, которую всё равно не сможете забрать с собой к Фласэзу.

— Но я ведь умел. Обладаю знаниями и опытом. Я обучался в Сторожевом Лагере. Я водил тысячные армии в походы. Я подавлял бунты и уничтожал фанатиков. Всё ради Астризии! Ради её короля!

— Ага, ради страны. И ради страны ты её обираешь.

— Я не мог по-другому, — склонил голову Яннах. — Все так делают. Все пользуются слабостью короля и урывают себе по чуть-чуть. Иначе здесь не выжить.

— Теперь здесь так можно лишь умереть, — отрезал я. — С прибытием анирана веселье закончилось. Теперь я займусь каждым из вас. И начну с тебя.

— Стой! погоди! — он рухнул на колени, когда я подошёл к нему в плотную. И вытянул руки перед собой в знакомой манере. — Не надо, прошу тебя. А как же мой сын? Кому я передам свои накопления? Я хотел отправить его в Лагерь, чтобы начинал обучаться военному ремеслу. С ранних лет его готовили. Он даже в Университет ходил, смотрел на магистров. Не лишай его отца. Не лишай жену мужа.

— Значит ты понял, как близко подошёл к краю пропасти? — усмехнулся я — так жалок был наглый и самоуверенный бабник. — Я пощажу тебя, Яннах. Но хочу, чтобы ты до каждого своего знакомца донёс — эпоха обдирания государства закончилась. Теперь вы прекратите его грабить и будете выполнять всё, что я потребую. Что потребует Его Величество. Теперь для каждого из вас самым главным желанием станет не желание удовлетворить брюхо или чресла, а желание спасти этот мир. Дать анирану возможность возродить Астризию и исполнить своё предназначение.

— Клянусь, я всё выполню! Всё сделаю!

— Это верное решение. Но чтобы ты не считал, что я так глуп и просто поверю тебе на слово, я поставлю перед тобой задачу. Скоро я планирую начать рекрутировать в армию всех желающих. Мне нужно, чтобы армия Астризии разрослась и окрепла. Мне нужно не только набрать верующих в анирана мужиков, которые с именем его на устах будут готовы уничтожить любого врага, но и экипировать их. Не только дать надежду, но и накормить, обеспечить жильём и платить золотом...

— А где ты на всё это возьмёшь средства? — когда речь зашла о том, в чём он действительно разбирался, Яннах прекратил канючить и стонать. Он задумался и озадаченно посмотрел на меня.

— Это не твои проблемы, Яннах. Ты — главнокомандующий. Ты — лидер. Я хочу, чтобы ты таким оставался. Забудь о самом себе и начни думать о спасении мира. А я позабочусь о том, чтобы у новой армии Астризии, армии, которая будет вызывать ужас у каждого нашего недруга, не было недостатка ни в чём.

— Я не знаю, как ты собираешься этого достичь, но я тебе услышал, — Яннах быстро приходил в себя.

Но мне этого показалось мало.

— Послушай, мастер-коммандер. Ты ведь не просто так стал им. У тебя же были какие-то амбиции? Ты же что-то планировал? Куда-то хотел наступать? Неужели тебя не бесят храмовники? Неужели ты не хочешь показать им, что в Астризии они не главная сила? Неужели ты не хочешь прижать к ногтю восток? А Декедда и Кондук? Разве ты не хочешь

рассчитаться с ними? Они столько зим насмеются над тобой и твоим королём. Разве тебе это не противно? Разве ты не хочешь стереть в порошок этих работорговцев и рабовладельцев? И это можно сделать, поверь мне. Вера в анирана даст людям мотивацию. Покуда эта вера сильна, они будут готовы пойти на многое ради него. Даже с жизнью расстаться. Неужели ты не хочешь этим воспользоваться и наказать этих хитрых подонков, которые пируют в дворце короля и старательно строят из себя друзей?

— Я не могу этого сделать! — вскричал Яннах. — В любом бою мы будем разбиты! Как в лобовом, так и на скалах.

— Ты не МОГ этого сделать, Яннах, — поправил я. — Не мог ранее. Сейчас для тебя открываются новые возможности. И если ты станешь рядом с анираном, если целиком ему доверишься, аниран обещает тебе, что рано или поздно, он каждому воздаст по заслугам. Каждый получит по зубам, скрывающимися за лицемерной улыбкой.

— Слова анирана хороши, — усмехнулся он, видимо, окончательно поборов страх. — Было бы неплохо стереть с лица послов надменные улыбки.

— Вот и помоги мне. Если всё получится, как я запланировал, мы с тобой увидим, как эти улыбки исчезнут. Мы сотрём их ударом могучего кулака.

Выстроил я разговор, в принципе, неплохо. Я и страху нагнал, и по головке погладил. То есть кнут и пряник сработали. А чтобы окончательно убедить Яннаха, что в моих словах не стоит сомневаться, я протянул ему руку. Протянул для рукопожатия.

— Каталам и Фелимид доверяют мне. Они пойдут ради анирана на всё, потому что видели, на что он способен. Дай мне немного времени и, я обещаю, ты увидишь результат. Ты так же поверишь и будешь доверять. Но без твоей помощи, без помощи командующего армией, мне не обойтись. Поэтому стань моим союзником, а не врагом.

Яннах сомневался недолго. Одной рукой он поддерживал штаны, а вторую протянул мне. Глаза его горели удивительным огнём, будто он открыл во мне нечто новое. То, чего не мог рассмотреть ранее.

— Хорошо, аниран, — рукопожатие вышло крепким. — Если ты мне расскажешь всё, что задумал, я обязательно помогу. Вместе мы построим такую армию, что гордая Декедда, скрывающаяся за Южными горами, вздрогнет. Я не подведу.

Часть 4. Глава 20. Разговор "по душам" с первосвященником

Уезжали мы полностью удовлетворёнными. Каталам был рад, что я пропесочил нерадивого командира, а я был доволен, что удалось сберечь жизнь важного для моих планов человека. Конечно, идея передачи формирования новой армии в ответственность Каталама меня тоже посещала. Но это могло вызвать проблемы. Местные вояки, как я понял, существа обидчивые. И если бы я потребовал нечто подобное у короля в присутствии Яннаха, добром бы это не кончилось. Возможно, я бы нажил себе врага, а не приобрёл шаткого союзника.

Когда карета вновь припарковалась у ступеней дворца, я предвкушал ушат с чистой водой и вкусный ужин. Но и в этот раз расслабиться не получилось. У входа меня поджидал неожиданный посланец.

Металлические пластины в виде ожерелья тряслись, когда посланец нетерпеливо пританцовывал у ступеней. И он сам, и с десяток мужиков, одетых в белые одежды, устали ждать. И едва я отворил дверь кареты, он бросился навстречу.

— Аниран Иван, прошу простить, — храмовник поклонился без видимых усилий с его стороны. — Но тебя давно ждёт Его Святейшество. У него есть желание с тобой переговорить, и заставляя его ждать лучше не стоит.

— Легаш Хаббард, если я не ошибаюсь? — я устал. И последнее, что я хотел, общаться с первосвященником.

— Так точно.

— Перенеси встречу на завтра. У меня не желания на ночь глядя отправляться в храм...

— Его Святейшество прибыли во дворец и ждут тебя в личных покоях в восточном крыле, — моментально ответил он.

— Что-то важное?

Легаш пожал плечами:

— Я лишь исполняю указания. Его Святейшество желают тебя увидеть немедленно.

Хоть я не горел ответным желанием, отказываться не стал. С момента знакомства, а затем напряжённых переговоров по поводу книги, я видел Эоанита лишь пару раз. Да и то общая температура нашего общения равнялась нулевой отметке — если не минусовой. Эоанит вообще не желал помогать, хоть и не демонстрировал особой неприязни. Казалось, он чего-то ожидал. Или присматривался, собирая информацию.

Так или иначе, прояснить отношения нам бы не помешало. Особенно в свете того, как я собирался поступить с пропагандируемой им религией.

Я ни на грамм не доверял храмовникам, а потому с собой взял всех, кого мог: и Иберика, и Каталама, и Бертрама со своими людьми. Даже охрану увёл от врат королевского дворца. Поэтому довольно большой процессией мы шли по цветущей территории мимо прудов и заборов из остриженных кустов.

У Его Святейшества, как оказалось, был собственный небольшой домишко в пределах территории дворца. Домишко, этажа эдак в три. Прислуги сновало в этом домишке ничуть не меньше, чем на первом званом ужине у короля. Эти испуганные люди разбегались, когда слышали топот множества ног и подозрительно смотрели в спину.

— Его Святейшество ждёт анирана одного, — легаш Хаббард любезно указал на беседку, где высокий человек чинно употреблял напитки и лениво перелистывал какие-то

бумаги.

— Ни на шаг отсюда, Бертрам, — скомандовал я, подозрительно осматриваясь. — Ты сам всё знаешь.

— Никто из нас не двинется с места. Ни мы, ни они, — сурово отрапортовал Бертрам, кивнув головой в сторону храмовников. Как я успел узнать, он не терпел их на уровне с Каталамом. У обоих были какие-то счёты к ним.

Словам Бертрама я мог верить. Если придётся, он первым обнажит меч и убьёт каждого, кто посмеет навредить анирану.

Я направился к беседке и остановился у небольшого деревянного столика. Сидевшего за ним человека я едва узнал. Его Святейшество, без обязательного макияжа и жутких, с моей точки зрения, одежд, был похож на самого обычного человека. Высокого, худощавого и довольно строгого.

— Некрасиво заставлять меня ждать, — начал он, даже не оторвав взгляда от бумаг.

— Ваша Святость, — я намеренно исковеркал его титул, чтобы он понял, что я не намерен плясать под его дудку. — Я едва прибыл из долгой поездки. И, вместо отдыха, вынужден был решать не терпящие отлагательства вопросы. А затем, когда вернулся и надеялся хотя бы пожрать, ваши нервные люди опять перехватили меня. Поэтому сейчас я лишь надеюсь, что разговор не затянется.

Эоанит склонил голову, изучая меня. Я взгляда не отвёл.

— Моё Святейшество, — поправил он и пригласил присаживаться. Затем щёлкнул пальцами, как делали все власть предержащие в этом мире, и приказал возникшему, как чёртик из табакерки, слуге. — Крайне быстро принеси анирану лёгкий перекус. И мармасского ещё.

— Благодарю, — не стал я выпендриваться и приземлился.

— Всё в трудах, да в трудах, аниран? — улыбнулся он. — Как прошла поездка?

— Всё под контролем, — уверенно отстрелялся я. — Меня видят, меня слушают. Как и должно быть.

— А мои дела немножко ухудшились, — слегка разочарованно произнёс Эоанит.

— Надеюсь, не я стал тому причиной?

— Конечно же ты, — Эоанит, видимо, никогда не искал обходных путей и практически сходу рубил правду-матку. — Сборы в храме уменьшились наполовину, — он указал рукой на бумаги, которые лежали перед ним на столе. — И примерно такая же ситуация в местечковых приходах. Чернь больше не желает славить Триединого. Не желает оставлять подаяния. Все говорят лишь об аниране.

— Разве ж это не прекрасно? — я тоже не умел играть в дипломатичность. — Наконец-то овцы перестанут ими быть. И вспомнят, что они люди...

— Не понял, о чём ты? — Эоанит нахмурился.

— Так, мысли в слух, Ваше Святейшество.

— Я не шучу! Доходы церкви упали. И в том твоя вина, ведь в своих речах ты не упоминаешь Триединого. Ты не говоришь про нас — пастырей его и наместников. Ты не требуешь от черни послушания и покаяния. Ты требуешь от них веры не в НЕГО, а в себя. Ты — всего лишь посланник! Мелкая сошка по сравнению с НИМ!

Вечер очень быстро перестал быть томным. Я почувствовал, как где-то глубоко внутри зарождается негодование. Оно поднималось и желало быть извергнутым наружу.

— Я бы не хотел пускаться в религиозный диспут, ведь мало в этом смысле...

— В этом твоя правда несомненна, — моментально среагировал Эоанит. Он, как я понял, был очень большим любителем засаживать под ногти мелкие иголки.

— Но почему они должны славить ЕГО? — я совсем не обиделся, и повёл бровями вверх, указывая на небо. — Он покарал вас. Лишил всего: счастья, надежды, уверенности в завтрашнем дне. Почему люди должны молиться ему, а не проклинать?

— Не смей! — костлявый кулак засадил по столу, сбив глиняную тарелку с яствами для анирана, которую только-только принесли. Впрочем, я не расстроился. Есть из рук Эоанита было слишком стрёмно. — Ты говоришь, как апостат! Это неприемлемо! Мало того, что ты сосредоточил внимание всей столицы на себе, ты продвигаешь в народ идеи, идущие в разрез с идеями церкви. Ты действительно считаешь себя такой важной персоной? Ты не уникален. Ты — один из. Почему ты считаешь, что вера черни должна сосредоточиться на тебе, как вере в нечто равносильное Триединому?

— Потому! Что я! Могу! Вас спасти! — чётко отчеканивая каждое слово, выплюнул я. — Я, а не ОН! Я не желал оказываться здесь. Я хотел жить в своём мире и пользоваться его благами. Но всё же я здесь. С этим уже ничего не поделать. Я смирился со своей участью. И, наблюдая за вашим мерзопакостным миром, я принял несколько важных для себя решений. Я решил вас спасти... Да, именно так! Я спасу вас через веру в самого себя. Я дам толчок вашей цивилизации. Я постараюсь её возродить и исцелить...

— Исцелить? Забавно, — усмехнулся Эоанит. — Ты можешь нас спасти? Но как? Ты обрюхатил хоть одну девку? Нет? Нет, конечно же. Никто из аниранов не способен на это. Уж я бы узнал. У того же Белого Великана девок в избытке, но ни одного отпрыска, способного стать будущим Великаном, почему-то нет. Из Флазирии тоже нет достойных внимания вестей. А ты? Что скажешь ты?

Я превратился в каменную статую и про себя молился, чтобы по моему лицу Эоанит ничего не смог прочесть.

— То-то же, — хмыкнул он, неправильно оценив мою напряжённость. — Вы все бесплодны. Бесплезны, сколько бы вас не вышло из тени рано или поздно. Вы здесь с другой целью. Но ты... Да, именно ты начал меня беспокоить очень сильно. Твоя активность мне не нравится. Ты слишком быстро решил приступить к изменению сложившегося уклада. Это крайне опасно. И если ты действительно прочёл священную книгу, а не заснул на её страницах, ты должен это понимать.

— Всё, что я делаю, во благо Астризии. Во благо этого мира.

— Ты хочешь стать милихом?

— Я желаю лишь одного — дать вам шанс на спасение.

— А может, ты драксадар?

— Что? — я опять напрягся. Опять всплыло это слово. Опять этот чёртов "драксадар". А я ведь про него толком ничего не узнал. Так, лишь то, что это слово — антоним слова "милих".

— Все люди двуличны, — Эоанит заговорил с каменным лицом. Будто и о себе говорил. — Но аниранов это касается ещё больше. Они мастера маскировки. Мастера притворства и обмана. Им нельзя верить, ведь они могут причинить много бед. Осознавая или не осознавая тяжесть своих поступков. Мы не можем предвидеть результатов их действий. Всё, что они вытворяют, может вести как к добру, так и ко злу. И как один из них действительно может стать милихом, так легко он сойдёт с верного пути и обратится в драксадара.

— Я не могу уловить смысла речей Его Святейшества, — я скривился, будто укусил лимон. — Он желает всё оставить как есть? Хочет гнить и погибаться? Не хочет попытаться что-либо изменить, чтобы хотя бы посмотреть на результаты?

— Меня больше волнует пылающее пламя истребительных войн, — лицо первосвященника оставалось каменным. — Драксадар, как и будущий милих, обязан быть деятельным. Это верно. И те анираны, о которых я знаю, такие и есть. Они меняют наш мир своими поступками. Но драксадар не удовлетворится малым. О, нет. Он захочет большего. Захочет больше, чем достоин. В погоне за властью, за удовлетворением собственного величия, он бросит вызов самому Триединому Богу. Весь мир он поставит на колени, чтобы затем бросить вызов Богу. И если он это сделает, Бог его испепелит. А с ним и наш многострадальный мир.

— Информация полезная, но я всё равно не могу понять...

— Не устраивай никаких религиозных реформ, — наконец-то мы перешли к сути. — Не смей ничего менять и подвергать сомнению истинную веру. Единственную веру, много зим позволяющую держать чернь в повиновении. И не смей будоражить разум короля. Не ободряй его возможностью будущих завоеваний. Не обещай ему сладость мести тем, кто является нашим соседом. Никто из вас не справится с этой ношей.

— А то что? — ехидно поинтересовался я. Разогрелся я уже достаточно, чтобы потирать метки на ладонях, с сильным желанием их активировать.

— А то пожалеешь, — Эоанит, видимо, совсем меня не боялся. — Ты, наверное, не понял, куда попал. Ты всего лишь песчинка. Стоит дунуть — она улетит и развеется на ветру. У тебя нет ни реальной власти, ни сторонников. Тебе никто не верит, и никто не пойдёт за тобой. Знать не захочет поддержать, опасаясь потерять, что имеет. Король будет делать, что ему скажут. А армия, армия, которой ты так обеспокоен, не защитит тебя. Ведь даже в Обертоне есть армия более сильная. Моя армия. Не говоря об армиях тех, кто в любой момент готов вторгнуться в Астризию и отобрать всё, что ещё осталось.

Хоть мне было не смешно, я хмыкнул через силу, чтобы показать Эоаниту, что тоже его не боюсь.

— Ты — всего лишь местечковый тиран, Эоанит, — я перешёл в наступление. — Вижу, шпионы твои не дремлют и многое подмечают. Но страх твой — это не страх перед драксадаром. Тебе на него так же наплевать, как и на милиха. Ты, я уверен, прекрасно знаешь, что, как бы не складывались дела у аниранов, до победного или пораженческого конца не доживёшь. Ты даже будешь рад, если на протяжении всей твоей жизни ничего не произойдёт. Ничего не изменится. Ты хочешь жить, как жил. Перемены страшат тебя больше всего, вот что я тебе скажу. Страшат, потому что ты опасаясь потерять влияние, опасаясь потерять власть. Власть над королём, армией, народом. Неважно. Ты уже чувствуешь себя Триединым Богом. Ты, а не потенциальный драксадар. Ты возомнил себя тем, кто ты не есть и никогда не будешь. Это тебя страшит больше всего. Не пылающий огонь войны, а зарождение нового мира, который пошатнёт твои позиции.

— Ты ничего не понимаешь в том, что происходит! — Эоанит опять ударил кулаком по столу. Видимо, сдерживал он себя с большим трудом. Это неудивительно, ведь ему перечить вряд ли кто решался в последнее время. — Я готовился к этому моменту много зим. Я изучал хроники, подмечал важные детали и размышлял. Поэтому, когда начался конклав, именно я получил поддержку. Моим словам братья по вере поверили. Поверили, потому что согласились с выводами об аниранах, к которым я пришёл. Вы слишком опасны, чтобы дать

вам свободу. Вы слишком невежественны, чтобы передать управление. Зло, которое вы с собой принесли, обязательно вырвется наружу. Обязательно подчинит слабую волю. И это зло, которое вы собой олицетворяете, неизбежно погубит всех нас.

Сразу подобрать ответа я не смог. Потому что переваривал информацию и, наконец-то, понял, о чём говорит Эоанит. Голос в голове... Эмбрион... Божественная сущность... Та самая сущность, которая, возможно, совсем не божественная. Эоанит действительно опасается того, кем может стать один из аниранов, — спасителем или вредителем. И он уже решил, что я несу лишь вред.

Хотя, говоря по правде, я пока не совершил ни одного поступка, который бы помог ему прийти к таким выводам. Всё, что я делал, я делал во благо. И, по моему разумению, после моих дел становилось лучше, а не хуже.

— И что ты хочешь от меня? Хочешь, чтобы я сделал себе харакири?... Прирезал самого себя?

— Это была бы неплохая развязка, — рассмеялся он, будто почувствовал, что взял верх в разговоре. — Но пока не стоит подходить к вопросу столь радикально. Просто знай своё место. Не открывай рот шире, чем тебе позволяют укусить. Пользуйся моим расположением и расположением Его Величества. Но не суйся туда, где тебя не ждут. Будь, как Белый Великан, — хвастайся, позволяй себя ублажать и развлекайся. Большого анирану и не надо. Ты меня понял?

Блин, как же захотелось засадить в длинный нос после этих слов. Его нос был на расстоянии вытянутой руки и мой кулак вполне мог скривить его набок. Я даже не думал активировать метки, чтобы снести ему башку. Я просто хотел врезать со всего размаха.

Но я так же понимал, что этого делать нельзя. По крайней мере, пока. Сама конфронтация с первосвященником могла нарушить мои планы. А нападение на него в собственной беседке, несомненно закончилось бы катастрофой. В глобальном смысле слова. Уверен, если бы я нагло прикончил его на глазах прислуги и храмовников, весь Обертон бы вздрогнул. Не только все остальные святые отцы, не только магистры, послы и жополизы короля. Вздрогнул бы сам король. Вздрогнул бы так, что перепугался бы до жути. Ему бы, несомненно, показалось, что так аниран способен поступить и с ним самим. Поэтому вся поддержка тут же бы прекратилась. И король вполне мог погнать на меня гессеров, а не приказывать оберегать жизнь.

Так что откровенное убийство мерзавца, который меня безумно раздражает, надо исключить из повестки. Он — несомненное зло для меня. Несомненно будет ставить палки в колёса. Но сейчас я должен с этим смириться. Двигаться дальше по намеченному пути и не сворачивать.

Я поднялся.

— Спасибо за угощение, Ваша Святость. Было невкусно и неприятно. Надеюсь, больше вместе обедать нам не придётся, — я постарался топорно вонзить под ноготь ответную иголку.

— Аниран, — окликнул он меня, когда я удалялся. Лицо его сияло.

— Да?

— Моё Святейшество, — улыбаясь, он вновь поправил меня.

Я заскрежетал зубами. Осмотрелся и увидел пополнение в рядах храмовников. Рядом с легашем их толпилось уже более трёх десятков. Почти в два раза больше, чем гессеров.

— Ваше Святейшество, — поправился.

Затем отправился дальше, прекрасно понимая, что у меня появился первый по-настоящему опасный враг.

Часть 4. Глава 21. Мастер Сималион

На следующий день я чувствовал себя скверно. Дурацкий разговор с Эоанитом не выходил из головы. Я чувствовал себя будто оплётанным. Опущенным на зоне, хотя, как мне казалось, в этом мире я — потенциальный спаситель.

Я спал долго и не хотел выбираться из мягкой перины, в которой мне так нравилось утопать. Но после завтрака в постели, меня всё же расшевелил Иберик. Он жил и спал в соседней комнатке. Часто с ним тусовался и Бертрам. Но у него всё же были немного другие обязанности. И они, видимо, о чём-то сговорились после вчерашнего неудачного для меня тет-а-тета и решили поднять настроение.

— Пойдём, аниран. Я тебе представляю кое-кого, — загадочно подмигнул Иберик, вцепился в меня, едва одевшегося, и потащил за собой.

— Кого "кое-кого"?

— Ну, или тебя представляю ему, — Иберик будто меня не услышал. — Он хоть и не аниран, но не последний человек в Обертоне. Идём.

В сопровождении охраны мы вновь отправились в путь. Но он был недолог, ведь мы прибыли к западной окраине внутренних стен. Возле самой стены, возвышавшейся метров на десять-пятнадцать, был сооружён просторный загон. В загоне разбросано сено, песок, и расставлены грубо сработанные макеты для оттачивания рукопашного боя. А в самом загоне происходил процесс тренировки. Меж тремя рядами сосредоточенных бойцов прохаживался светловолосый мужчина, отдавал резкие команды и изредка показывал кулак солдатам-весельчакам, которые смотрели за тренировкой со стен.

— Недостаточно, — строго выговаривал он. — Если будешь расхлябанно держать щит, его выбьют первым же ударом секиры. А вторым, естественно, снесут твою глупую голову... Крепче держи меч. Да не двумя руками! Он не настолько тяжёлый, чтобы с ним не совладать. Ты чем занимался в родном гнезде? Плёл венки или вышивал? Где сила в твоих руках?

— Я за лошадьми ухаживал, — худощавый мужчина, возрастом значительно старше меня, неловко пожал плечами.

— А здесь ты откуда взялся?

— Здесь хотя бы кормят, — пожал он плечами второй раз.

Стриженный под "горшок" блондин не нашёлся, что ответить. Он лишь хмыкнул и почесал затылок.

— Мастер Сималион, — крикнул Иберик. — Позволь тебе представить самого... — Иберик остановился, бросил на меня взгляд, как бы ожидая разрешения, и продолжил после ответного кивка. — Самого анирана. Аниран Иван — это мастер Сималион. Лучший фехтовальщик Астризии и учитель для многих, ставших умелыми, воинов.

Блондин обернулся. На вид ему было слегка за сорок. Морщины между носом и щеками, морщины на лбу, морщины у прищурившихся глаз. И несколько шрамов на бритом подбородке. Ростом он был чуть выше меня. И фигурой тоже очень похож. Такой же жилистый, без капли лишнего веса. Только в отличие от моего курносого носа, его нос имел заметную горбинку. В профиль этот нос добавлял мастеру Сималиону аристократичности.

Сималион склонил голову набок, беззастенчиво меня разглядывая.

— Уже наслышан, — сказал он. — Сам ещё не видел, но не ожидал, что этот аниран так

будет похож на обычного человека.

— Мастер Сималион ожидал чего-то особенного? — усмехнулся я. Очередной умник нарисовался. И, видимо, тоже не станет падать на колени, умоляя о пощаде.

— Ростом повыше, плечи пошире, руки покрепче, — моментально ответил он. — Если аниран — посланец небес, то где доказательство его необычности? Лишь худоба...

Он не договорил, потому что я продемонстрировал необычность. Опять активировал щит и взмахнул им пару раз. И хоть за нами с интересом наблюдали оторвавшиеся от муштры солдаты, лишь они закричали от неожиданности и попадали на колени. Мастер Сималион даже не вздрогнул.

— Другое дело, — на его лице появилась улыбка. — Значит, аниран способен себя защитить. Очень важная способность в наше время.

— Способен, мастер, способен.

— Но способен ли аниран атаковать?

Признаюсь, я не сразу допёр о чём он. Даже нахмурился. Но мастер Сималион быстро развеял все мои догадки и предположения. Он подошёл к столу в углу загона и взял две одинаковые, хорошо сбалансированные палки. Размером весьма похожие на мечи для чайников.

— К барьеру, аниран, — ничуть не смущаясь, Сималион швырнул одну из палок мне, а затем указал рукой на центр загона. — Посмотрим, на что ты способен.

К этому я был, мягко говоря, не готов. Никаких поединков с самого утра я не планировал. Но и отказываться тоже не имел права. Не только потому, что не испытывал страха, но и потому, что десятки, а может сотни заинтересованных глаз уставились на меня. Сопровождавшие меня гессеры, Иберик, Бертрам и абсолютно все солдаты — как в загоне, так и на стенах — ожидали продолжения и с любопытством наблюдали за анираном.

— Ну ладно, мастер Сималион. Желаешь меня поприветствовать? Спешу предупредить, я не столь неумел, как ты, возможно, ожидал. Я уже успел поучаствовать в битвах...

— Меньше слов, больше дел, аниран, — улыбнулся Сималион. — Позицию в центре отдаю тебе. И начнём.

Вызов в голосе наглого блондина со стрёмной причёской разогрел во мне азарт. Я не увлекался фехтованием на Земле, но зато мне пришлось увлечься им здесь. Я провёл немало дней с Руадаром и Феилином в лагере, обучаясь правилам поединка. Поначалу, конечно, мне приходилось несладко. Но я всё запоминал и повторял раз за разом. Несомненно, лагерные уроки не прошли даром. Свои способности мне даже пришлось продемонстрировать однажды, когда на пути стали "покаянники". И хоть тогда я работал, в основном, левой рукой, размахивая щитом, правая мне была дана не только для того, чтобы подносить ложку ко рту.

Я крепче сжал палку, и убедился в отличной балансировке. Она весила не много и не мало — как раз столько, чтобы чувствовать вес, но и не терять силы при размахе. Одет я тоже был по-походному — королевский портной подготовил несколько весьма удобных костюмов, в которых я щеголял по дворцу. Мне ничего не натирало и ничего не мешало, как плохому танцору.

— Может, кто-то желает поставить монетку? — раздался неуверенный голос сверху. Кто-то из солдат предлагал устроить тотализатор.

— Нет смысла, — ответил именно Иберик. — Поражение неизбежно.

Хоть конкретики в словах Иберика было немного, я сразу понял чьё поражение

неизбежно. И это раззадорило меня. Добавило огоньку в глаза и жжения в "пятой" точке. Я уже хотел не только не осрамиться, но и доказать случайным зрителям, что не только Белый Великан умеет управляться с мечом.

Мастер Сималион, словно решил поизмываться надо мной, занял позицию напротив, без видимых усилий перебрасывая из руки в руку палку. Он делал взмах каждой рукой, а затем устраивал нечто в виде мельницы — крутил палку так быстро, что я не успевал сосчитать количество взмахов. И тогда до меня дошло, что он, скорее всего, как и Иберик, амбидекстр.

Но плох тот аниран, который пасует перед сложностями. Который отступает, изначально поверив в своё поражение.

— Приступим, — я выставил вперёд левую ногу и согнул в колене, как меня учили. Крепче сжал палку двумя руками и направил деревянным остриём вперёд.

Мастер Сималион неопределённо хмыкнул, несомненно узнав один из знакомых приёмов. Но сам он лишь размахивал палкой и не становился в защитную позицию.

И тогда я пошёл в атаку. Я знал, что надо делать и куда наносить удары. Особенность этого приёма была именно в том, что неожиданный удар я мог нанести в три точки. Противнику лишь оставалось быстро среагировать, или пропустить удар.

Деревяшки столкнулись. Я решил бить в колено, но удар был заблокирован. Сималион, даже не напрягаясь, нанёс ответный удар. Он целился в шею, но я вывернул руку и отбил атаку. Затем сделал резкий шаг вперёд, планируя нанести удар рукоятью в челюсть.

Мастер отклонился на полусогнутых, а затем отскочил.

— Неплохо. Аниран служил в армии? Этот приём я хорошо знаю. Кто ему обучил анирана?

— Были добрые люди, — фехтовать словами я не желал. Меня заставили фехтовать деревянным оружием без моего желания. Поэтому я не стал болтать, а вновь перешёл в атаку.

В этот раз получилась довольно неплохая рубка. Инициатива полностью принадлежала мне, а Сималион лишь отбивался. Мы размахивали палками под одобрительный гул случайных зрителей. Солдаты собрались у ограды. К ним уже спешили заинтересованные криками зеваки. А на стенах у перил началась сутолока.

Мастер Сималион, видимо, был падок на чужое внимание. Оно ему нравилось, оно ему льстило, как я понял. Он лучезарно улыбнулся, отразив все мои атаки, и налетел, как коршун.

Теперь в защиту перешёл я. И хоть арсенал умений мастера превосходил мой арсенал, я смог выстоять и выдержал шквал ударов. Даже попытался контратаковать, стараясь кончиком палки достать кадык. Но и здесь у меня ничего не вышло.

— Шутки в сторону, — Сималион улыбался во весь белозубый рот. — Я впечатлён. Согласен, что аниран не похож на изнеженную девицу. Его руки уже сжимали рукоять опасного меча. Я это вижу. Базовая подготовка, несомненно, пройдена.

— Меня учили не поддаваться эмоциям. Не реагировать на бахвальство соперника, — сказал я. — Но мастер Сималион чересчур самоуверен. Аниран накажет его, когда приложится деревянным мечом по заднице.

Сималион захохотал. Моя острота пришлась ему по душе.

А я лишь завёлся ещё сильнее. Похоже, хоть он лестно отзывался о моих способностях, для него я не опасней грудного младенца.

И это, в принципе, оказалось правдой. Мы вновь сошлись в рубке. Но теперь я почувствовал изменения. Сималион прекратил лыбиться и полностью сосредоточился. Теперь он не перебрасывал палку из рук в руки, а крепко сцепил её лишь в одной — в левой. Из этого я сделал верный вывод, что он — левша. Поэтому обмен ударами с гроссмейстером в мире фехтования закончился для меня плачевно. Быстро и плачевно.

Мастер Сималион отразил пару моих атак и перешёл к завершающей фазе. Но я успевал отбиваться, пока он не провёл приём и не обезоружил меня. Я даже не понял, как всё произошло. После обменов ударами, мастер резко ударил меня под локоть, заставив левую руку онеметь на какое-то время и выпустить рукоять. Затем последовал финт и очередной удар снизу. Только теперь он нанёс удар не по локтю, а по рукояти. Палка, как ракета, взмыла вверх. Пока я боролся со слабостью в руке и недоумевал, Сималион успел перехватить мою палку правой рукой, скрестил их и прислонил перекрестье к моему собственному кадыку. Были бы это мечи, после следующего движения моя голова уже бы отправлялась в вертикальный полёт, как вылетевшая секунду назад палка.

— Да, аниран не так уж плох... Иван, прошу прощения, — Сималион отсалютовал, а затем поклонился. — Если аниран позволит, я бы хотел с сегодняшнего дня называть его только по имени, как называть того, кто в моих глазах это право заслужил.

— Мастер Сималион, для меня честь познакомиться с тобой, — поддержал я этикет.

— Рад, что Астризию удостоил своим вниманием именно ты. Я уже слышал кое-что о тебе от знакомцев, — Сималион с достоинством протянул мне палку, будто возвращал фамильный клинок. — Удивлён, что ты чем-то занимаешься, а не придаёшься неге в заведениях с блудницами. Я так же слышал, что на площади ты вёл себя достойно с обездоленными. Забота о других — похвальное качество для посланника небес. Надеюсь, ты не свернёшь с пути и докажешь, что снизошёл не зря.

Быстрый мозговой штурм после этих слов подтолкнул меня к интересным выводам. Оказывается, мастер фехтования — совсем не зазнайка. Немного позёр, может быть. Да, смотрит свысока. Да, относится с лёгким пренебрежением. Но это всё оттого, что знает себе цену. Знает, что соперничать с ним никто не может. И слова про "заботу о других" изо рта зазнайки никогда бы не выскочили. Зазнайка придумал бы нечто другое.

— Мастер Сималион, — я галантно поклонился. — Ты прав. Аниран не беспомощен, не и далёк от вершин мастерства. И анирану бы хотелось получить возможность взобраться на вершину. Можно ли анирану надеяться, что мастер Сималион возьмёт его в ученики? Что обучит фехтованию и сделает более опасным для врагов.

— Иван, — Сималион улыбнулся, прикоснулся к груди по местному обычаю и поклонился в ответ. — Кто же я буду, если откажу возможному спасителю в столь маленькой просьбе? Аниран обязан уметь заботиться не только о себе, но и о других. И делать это эффективно он сможет только тогда, когда меч в его руках перестанет прыгать и танцевать. Когда будет сидеть крепко и поражать вражеские шеи. Жду тебя каждый день. Как будешь готов, приходи.

В этот раз улыбался, как дурак, именно я. Не знаю почему, но мне очень хотелось пройти курс молодого бойца под руководством мастера. Я был уверен, что он далеко не рядовой мастер, раз слухи о нём долетели до меня задолго до того, как я его увидел. Не зря же Иберик сам меня к нему привёл. Явно же не просто так.

— Мастер Сималион, — словно почувствовав, что я подумал о нём, заговорил Иберик. Только обращался он не ко мне. — Как на счёт второй попытки? В прошлый раз я,

признаюсь, был не готов. Не ожидал такой прыти. Но сегодня... Повторим?

Шум затих. Весёлые солдаты, наблюдавшие, как анирану надрали задницу, настороженно замерли. А затем тот, кто знал больше других и, наверное, что-то видел ранее, подсуетился.

— Кто желает поставить монетку!?! — завопил на всю округу один из солдат.

В этот раз его поддержали многие. Быстро возникла куча мала, в которой легко можно было расслышать звон монет. А стражи на стене, и даже некоторые гессеры, доставали кошельки и лезли на передовую.

— Что происходит? — развёл я руками.

Иберик и Бертрам переглянулись.

— Моё знакомство с мастером прошло так же, как твоё аниран, — усмехнулся Иберик. — А теперь я бы хотел получить са-тис-фак-ци-ю... Фух, сложное слово. Поднабрался же ерунды Вилибальд в этом Университете.

— Не совсем так прошло твоё знакомство, — засмеялся Бертрам. — Но посмотреть на продолжение будет интересно и мне, — он сунул руку за пояс, отыскал монетку и решил присоединиться к местному тотализатору.

— Что ж, я смотрю, все не против, — мастер Сималион долго не раздумывал. Наблюдая за толпой, он лишь снисходительно улыбался. — Но и в этот раз, малыш, всё будет так же, как в прошлый.

— Посмотрим, — Иберик сбросил плащ и снял все металлические предметы. Затем подошёл к столику у ограды и прощупал все доступные палки. Выбрал две и швырнул мастеру Сималиону. — В каждой руке по мечу, — сказал он. — Немногие в Обертоне способны на это, не так ли?

— Никто не способен, кроме меня и тебя, — подтвердил Сималион, разминая кисти, покручивая палки и наблюдая, как Иберик делает то же самое. — Хотя до недавнего времени лишь я был на такое способен. К барьеру, Иберик.

Азартная толпа засуетилась. Я вообще не понял, как солдатам удалось не передрасться, передавая монеты из рук в руки. Я вообще не понял, как они запоминали ставки, ведь никто ничего даже не чертил. Ни на дощечках, ни на земле. Они торопливо обменивались, а затем прислонялись к ограде. И я, чтобы не оказаться на галёрке, полез напролом. К счастью, все знали кто я такой, а потому мне удалось выбить идеальное место в зрительном зале.

Это был фантастический поединок. Умопомрачительный. Такого захватывающего зрелища мне никогда не приходилось наблюдать. Какие там гладиаторы, о которых печалился Его Величество! Какое там ристалище! Здесь, в загоне на песке, перемешанным с сеном, всё было куда интереснее.

Соперники — один стриженный под "горшок", второй вообще лысый — очень быстро доказали зрителям, что достойны друг друга. Они фехтовали, молниеносно атаковали или уходили в защиту. Пытались достать в кисть, чтобы ослабить хватку противника, но никому из них не удавалось проделать этот хитрый трюк. Они метались по загону и пытались сохранять дыхание для долгого поединка.

Но всё же опыт победил молодость. Как, в принципе, положено по-правильному. Мастер Сималион ушатал Иберика, если выразаться словами восторженного жителя Земли. Завозил по полю и ушатал. Подсёк ногу, повалил и победно воткнул палку в поверженную грудь.

Аплодировал лишь я. Аплодировал обоим. Остальные или грустно вздыхали, или

удовлетворённо потирали руки. Как я понял, решались ставить на Иберика лишь действительно азартные. Остальные не сомневались в квалификации мастера.

— Защищать анирана — дело важное, — напутствовал на прощанье Сималион, когда моя команда пораженцев собиралась отчаливать. — Пусть Иван не сомневается, что нет более достойного у него хранителя, чем ты, Иберик. Моё слово что-то значит. Я никогда не разбрасывался ими. Береги его, Иван, как он будет беречь тебя.

А я смотрел в след мастеру и думал: а было бы неплохо, чтобы и он стал моим телохранителем. Два самых умелых фехтовальщика Обертон оберегают анирана. Что может быть лучше? Другой вопрос: что на это скажет Его Величество? Да и согласится ли сам Сималион? На эти два вопроса пока ответов не было.

Часть 4. Глава 22. Аниран воздаст каждому по делам его...

Очередной совет, где мы подводили промежуточные итоги, начался с самого утра. Даже Его Величество не зевали. Они, как я понял, прекрасно выспались и замечательно покушали. Но кроме демонстрации сытости, когда он дважды зычно рыгнул, король поведал свежие новости: прилетел сирей с ответом от Тангвина.

Я слушал короля, затаив дыхание. Хоть дела насущные отодвинули на задний край мысли о Дейдре, я всё равно о ней не забывал. Иногда предполагал и представлял, как она выживает в родном для неё мире. Думал о том, где она сейчас и чем занимается.

Но ответ принца Тангвина меня разочаровал. В обстоятельном письме почти на пять страниц — и как такое письмо уместилось на лапе сирея? — он подробно описал текущую ситуацию в Валензоне. Она не порадовала ни меня, ни короля, ни профессора Гуляева. Но всё же ситуация интересовала меня в меньшей степени, чем судьба Дейдры.

Принц написал, что, несмотря на все старания, обнаружить Дейдру не смогли. Соглядатаи разошлись по всему городу, но найти подходящую под описание молодую девушку и её спутников они найти не могут. Или их уже нет в Валензоне, или никогда не было.

Выслушав ответ, я потребовал продолжать поиски. Хоть на душе было скверно, я не оставлял надежд. Я ничего не чувствовал. Не ощущал ничего похожего на тягучий липкий страх, будто лишился чего-то очень важного. Если между нами с Дейдрой действительно существовала какая-то связь, я не ощущал тяжесть потери. Плохие предположения не будоражили меня. Хоть я на самом деле не знал что с ней, не знал, жива она или её хрупкое тело гниёт где-то в лесу, я верил в способность Феилина вывести их из чащи. Я знал силу характера девушки, знал, что из себя представляет опытная знахарка Мелея, которая ради внучки пойдёт на всё. Выходит и выкормит, если придётся. Снимет последнее с себя ради неё. Я верил, что эта тройка выкарабкается. А как докарабкается до города, мой перстень поможет им справиться с любыми невзгодами. Я верил в это.

— Я непременно отправлюсь в Валензон сам, когда стабилизируется ситуация в столице, — больше себе, чем королю или Гуляеву пообещал я, когда письмо было прочитано.

— Сейчас это несвоевременно, ты прав, — профессор поспешил согласиться. — Пока дел хватает. И дел важных... Твоя идея совершить турне, как я понимаю, завершилась успехом? Что ты увидел в деревнях?

— Одно и тоже в каждой: приветствия, слёзы и мольбы, вперемешку с надеждами. Хоть на окраинах есть заброшенные дома и население тает, никто не желает повторения, когда пришлось пережить страшную зиму. Люди стараются выжить и, после моих речей, обещали не опускать руки. Они усердно трудятся, что быть готовыми к зиме нынешней.

— Признаться, я оплошал, — слышать такие слова от короля мне ещё не приходилось. Доселе он не сомневался в собственной непогрешимости. — Я испугался и приказал собрать всё, что можно. Отчасти поэтому склады заполнены и мы можем не волноваться за посевную. Но, к сожалению, это привело к тому, что мы сейчас наблюдаем у стен Обертонна. Скажи, аниран, ты уже придумал как устранить Хатемажа? Ты уже был у него и, видимо, о чём-то договорился. Всю декаду от него приходят рыбные подарки. Он ищет моей

благосклонности?

Я бы соврал, если бы сказал, что это так. Хатемажа благосклонность короля не интересовала. Но сообщать это королю я не стал. Я вообще ничего ему не рассказал, чем вызвал, конечно же, лёгкие подозрения.

— Я попросил у прямо Хатемажа дать мне время на раздумье. Я думал над тем, какой вариант будет самым безболезненным, удовлетворяющим обе стороны.

— И?

— Мы с Фелимидом пришли к решению. Мы всё обсудили и подготовили. Завтра утром я отправлюсь к Хатемажу с подарками.

— Что? — король выпучил глаза. — Неслыханно! Какими подарками? Этот наглец!...

— Ваше Величество, я прошу вас довериться анирну. И... И послушать, что аниран вам сейчас скажет. Во-первых, конкретно для Хатемажа мне нужны два-три ковра. Не знаю как их различают, но мне необходимы ковры работы мастеров из заносчивой Декедды.

— Ты хочешь задобрить его!?! — Анфудан Третий раскрыл рот на всю ширину.

— Задобрить и расслабить, — подтвердил я. — Во-вторых! — мне пришлось повысить голос, ведь король опять собирался меня перебить. — Мне нужно золото. Не золотые монеты изымать из оборота, а ваши побрякушки. И побрякушки тех, кого вы многие зимы одаривали. Мне нужен запас, потому что вскоре грядут важные события. Мне всё это нужно, не только чтобы прокормить население Обертон, но и на другое важное дело — на создание армии. Как мы уже обсудили с мастером-коммандером, наличные силы Астризии недостаточны. Их нужно срочно увеличивать. Добрым словом или просьбами мы не сможем отторгнуть у Эоанита часть его войска. Но мы сможем это сделать с помощью золота. Вам, Ваше Величество, в следующую напряжённую декаду придётся доказывать, что вы истинный правитель Обертон. Вы, а не Эоанит. Вы кинете клич по всей стране, призывая крепких парней, в ком вера в анирана сильна, прибыть в Обертон. Прибыть, стать под ваши знамёна и под знамёна анирана. Мы попробуем мобилизовать всех, кто способен держать в руках меч. Мы... Нет, не мы — вы! Своей властью, своим золотом вы попытаетесь вырвать из цепких лап Эоанита умелых и опытных воинов. Как говорил мне Каталам, храмовниками становятся не по зову сердца, а по зову желудка. И если король пообещает каждому бывшему храмовнику позаботиться о его желудке, а аниран наполнит их сердца верой в себя, верой в собственные поступки, мы лишим Эоанита той силы, на которую он опирается... Для этого нам с вами нужно золото. Весь тот золотой хлам, что украшает ваш дворец, бесполезен. Но мы его можем пустить на действительно важные дела. Путь не на добрые, но на очень-очень важные.

Его Величество стал похож на растерянный воздушный шарик. Он переминался с ноги на ногу, хмурился и, видимо, старался подобрать слова. Затем осмотрел своих удивлённых советников, остановил взгляд на Яннахе, который был настроен не менее решительно, чем я, и смог выдавить из себя лишь четыре слова:

— Эоаниту это не понравится.

— Порой я забываю, кто король Астризии, — я попытался надавить на его чувство собственной значимости. — Мне стоит обратиться к нему? Надеть белые одежды?

— Не говори глупости, — Его Величество недовольно топнул ножкой. — Твоя насмешка неуместна. Я король Астризии по праву! Но я не глупец. Конфронтация с Эоанитом крайне опасна. Он владеет умами и душами черни...

— Да что вы говорите!?! — усмехнулся я.

— Ну, может, уже нет, — поразмыслив, согласился король. — Но он всё быстро поймёт. Он заметит и обо всём догадается. Ты думаешь, он позволит мне переманивать его воинов?

— Разве король Астризии должен волноваться о чём-то дозволении? Вы — монарх, Ваше Величество. Абсолютная власть! Вы можете делать, что пожелаете. И ни перед кем не должны отчитываться. Если вы желаете увеличить численность армии, так тому и быть. А кто посмеет противиться такому желанию — тот изменник. Кто хочет, чтобы государство чахло, а не становилось сильнее, тому государство безразлично. Тот думает лишь о себе. И на шею каждого, посмеявшегося сомневаться в воле короля и в его желании укрепить армию, надо накинуть петлю и повесить у городских врат. Именно это мы с вами пообещаем Эоаниту, если он посмеет раскрыть рот.

Но рот раскрыл король. И опять раскрыл на всю ширину. Он смотрел на меня так, будто сейчас я произнёс нечто совершенно неприемлемое.

— Мне нужна армия, Ваше Величество, — я подошёл к нему практически вплотную. — И средства на её содержание. Мы сможем всё это сделать, если Его Величество согласится умерить свои аппетиты. Если вновь вспомнит, что он король, и силой своего могучего голоса каждому навяжет свою волю. Его Величество ведь не зачах, как сессилия осенью? В нём ещё остались силы? В его руках, в его теле, в его голосе. Он ведь не смирился с неизбежностью? Он увидел анирана, узнал его сокровенную тайну и понял, к чему тот стремится. Разве Его Величество не увидел в этом надежду? Разве Его Величество не хочет, чтобы именно Астризию весь остальной мир благодарил за спасение? Ведь именно Астризия приютила анирана. Анирана-спасителя. И самым первым, самым важным союзником анирана стал именно король Астризии — король Анфудан Третий. Именно так будет занесено в хроники. Именно так напишут, когда король Анфудан Третий мощью своего голоса оповестит всех и каждого, что он строит армию. Армию, равной по силе которой нет и никогда не было. И ради этого король пойдёт не только на личные жертвы, но и проявит королевскую смелость — пойдёт наперекор всем. Не только врагам, но и льстивым друзьям.

Я изначально не так планировал выстраивать разговор. Но страх в глазах короля разозлил меня. Я давно хотел, чтобы он перестал мямлить. Что собрал себя в кулак и разговаривал так, как когда-то разговаривал с Эоанитом на ступенях храма. Но он словно был разделён на две половинки: то хихикал и вёл себя, как рохля, то демонстрировал недюжинную энергию и всё схватывал на лету. А мне надо было, чтобы рохля исчез. Чтобы остался лишь один — настоящий король Астризии.

Его Величество хлопал глазками довольно-таки долго. В оглушительной тишине зала не раздавалось ни звука. Всё боялись даже пёрднуть.

— Хорошо, аниран, — наконец тихо произнёс король. — Я понимаю, что ниже падать некуда — впереди лишь неизбежный конец. Я верю, что ты хочешь предотвратить этот неизбежный конец. Или оттянуть его. Ты что-то задумал и желаешь изменить привычный уклад жизни. Я верю, что тобою движет нечто, что недоступно моему пониманию. Это не слава, не жажда наживы, не желание удовлетворять свои прихоти. Это нечто другое, что от меня ускользает. Но... Но я действительно верю тебе, как бы странно это не прозвучало, — Его Величество пожал плечами, а затем встал на цыпочки и сжал мои плечи своими руками. — Если ты хочешь, чтобы я бросил вызов первосвященнику, я это сделаю. Если ты хочешь, чтобы моё золото ушло на формирование армии, я это сделаю. Но и ты должен показать народу, что власть короля сильна. Что он не заперся во дворце и трясётся от страха. А что вместе с анираном строит новую Астризию. Сильную и беспощадную к врагам.

Я улыбнулся.

— Ваше Величество, именно этим я и занимаюсь... Выделите-ка мне пару-тройку ваших лучших ковров.

Когда телега с коврами выехала за восточные ворота, я ещё раз взвесил все "за" и "против". Но, похоже, иного выбора не было. Хоть Гуляев отловил меня вчера после окончания совещания и испуганно спрашивал, что я задумал, я не стал посвящать его в детали плана. Думаю, старик бы вряд ли его одобрил.

— Тпру-у-у-у! — Иберик дёрнул поводья, останавливая телегу, и спросил. — Едем дальше?

— Нет, погоди, — я повернулся к Фелимиду. — Всё готово? Все на местах?

Фелимид кивнул рыжими кудрями.

— Да, все на местах. За декаду мои лучшие воины смогли обустроиться в Трущобах. Все всё знают.

— Тогда едем, Иберик, — вздохнул я. — Пора примирить Хатемажа с королём.

Так просто съехать с тракта на песок не получилось. Несмотря на близость врат и присутствие королевской стражи, в Трущобах хозяйничали другие. Едва мы попытались на колымаге прорваться через плотную толпу, подскочили дородные парни. Принялись обвинять нас в нарушении правил дорожного движения, и угомонились лишь тогда, когда я показал анирана. А вместе с демонстрацией себя, продемонстрировал ковры прекрасной работы, которые лично решил доставить прямо Хатемажу.

После этого нам обеспечили беспрепятственный проезд до самого особняка. А я, равнодушно наблюдая за окрестностями и прикидывая, как буду действовать, заметил, как Фелимид перемигивается с некоторыми парнями из нашего сопровождения. Значит, всё действительно идёт по плану.

Прибыли мы к особняку, опять притянув к себе всё внимание Трущоб. Опять за анираном следовали, что-то пели и о чём-то просили. Но сегодня аниран никого благословлять не собирался. Сегодня он собирался действовать по-другому.

— Неужели это он? — краснощёкий юноша выбежал на веранду. Он посмотрел на процессию сверху и захохотал. — И с чем аниран пожаловал? Пожалуйста не говори, что привёз только капусту. Ха-ха-ха!

Многие поддержали его искренним смехом. И я убедился, что Фелимид не врал в последнем докладе: в Трущобах хватало тех, кто ради Хатемаха будет готов сжечь столицу.

— У прямо есть чувство юмора, должен признать, — улыбнувшись, ответил я. — Но не стоит считать анирана неспособным выполнять свои обещания, — я спрыгнул с телеги и сдёрнул покрывало. — Я, конечно, не специалист, но Его Величество утверждали, что это ковры работы мастера Джаасима Камала — самого известного ковродела Декедды.

С веранды донёсся протяжный свист.

— Неужели?

— Так мне сказали.

— Ну-ка быстро разгрузили телегу! Что стоите? Считаете, что мой дорогой гость должен делать это сам? Немедленно ковры наверх!

Приказ был исполнен с порядочным рвением. Бугаи чуть не подрались за право возложить на плечо край ковра и взбежать по ступеням. А поскольку обо мне сразу забыли, пришлось скромно подниматься по лестнице в компании лишь Иберика да Фелимида.

Любопытная картина заставила меня растерянно почесать затылок: прямо Хатемаж, как восторженный школьник, ползал по одному из ковров, которые приказал расстелить прямо на веранде. Он гладил его ладонями и восторгался мягкостью ворсинок.

— Оказывается, аниран не бросает слов на ветер, — стоя на коленях, он обернулся и посмотрел на меня счастливыми глазами. — Или это рыба так подействовала на короля, что он подобрел? В чём причина?

— Я хочу, чтобы обе стороны остались довольны, — я сделал шаг вперёд. — Мне не нужны никакие потрясения и конфликты. Это начало.

— Но этого недостаточно, аниран, — хмыкнул Хатемаж, поднялся на ноги и отряхнул колени. — Этого недостаточно даже для начала.

— Вопрос с поместьем тоже решается. С Яннахом я разобрался.

— А с королём?

— Придёт время, и с ним разберусь, — я заговорщицки подмигнул Хатемажу.

Это, видимо, его расслабило окончательно. Он улыбнулся на всю ширину юношеских щёк. Подошёл ко мне и протянул руку.

— А аниран неплох, — улыбаясь, произнёс он. — Его слову можно верить. Но мы с тобой, как мне кажется, способны на большее? Найдём общие темы для разговора?

— Несомненно, — с улыбкой я ответил на рукопожатие и крепко сжал его руку.

А в следующее мгновение пальцы левой руки привычно прикоснулись к меткам. Щит ещё не закончил активироваться, а я уже резко повёл левой рукой, прочерчивая горизонтальную линию. Щит прошёл через шею, как нож сквозь масло, а русоволосая голова отделилась от враз обмякшего тела и упала прямо на прекрасный ковёр.

В первые секунды никто ничего не успел понять. Ни охрана Хатемажа ни сотни охреневших зрителей. И лишь когда раздался первый одиночный вопль, быстро перешедший в массовый, Фелимид отдал приказ переходить к следующему акту пьесы.

В мгновение ока все верные стражи павшего прямо были обезоружены. За прошедшую декаду Фелимид проделал огромную работу, внедрив множество агентов в структуры Хатемажа. Он отбирал гессеров, всё объяснял им и предлагал сыграть роль недовольных, обиженных королём. Я верно оценил характер Хатемажа и предложил давить именно на эту мозоль. Я был уверен, что такой сказке Хатемаж быстрее поверит, чем простому желанию оставить службу и перейти под крыло молодого примо.

В итоге, Фелимиду удалось насытить Трущобы достаточным количеством верных людей. Людей, которые точно знали, что должно произойти. Людей, которые были готовы к этому.

Я обернулся и увидел с десяток человек, которые стояли на коленях и испуганно косились на лезвия острых кинжалов, прижатых к их горлам. Двоим или троим не повезло — в крайне скоротечной схватке всех, кто попытался оказать сопротивление, прикончили. Тела лежали на полу и истекали кровью. А испуганные полуголые девицы из обслуги с ужасом таращились на направленные в их сторону мечи.

— Под контролем? — спросил я Фелимида.

Тот коротко кивнул.

Я сделал глубокий вдох, на корню подавил брезгливость и схватил за волосы отрубленную голову. Глаза мертвеца уже покрывались плёнкой, рот испуганно скривился, а обожжённая рана мерзко воняла.

Выставив перед собой щит, потому что не безосновательно опасался трусливой стрелы,

я воздел голову Хатемажа над головой, как Персей воздел голову Медузы Горгоны, и подошёл к перилам. На меня с расширенными от ужаса глазами смотрел испуганные жители Трущоб.

— Я — аниран. Я — вершитель судеб. Ваше спасение и ваша надежда, — громко и уверенно заговорил я. — Только Троединый Бог или аниран имеют право карать или миловать. Только я или ОН решают, кому воздавать за грехи, а кого вознаграждать. И я принял решение на счёт того, кто держал вас в качестве рабов, — я покарал его. Покарал, ибо не намерен терпеть вредителей, стоящих на пути истинного спасителя. Предателей, которые личное обогащение ставят выше судьбы обездоленного народа. Как безжалостная длань Фласэза, я обрушусь на каждого, кто возжелает дальше жить во грехе и отвергнет спасительные перемены, которые предлагает аниран... Вы все отмечены мною. Ненависть и обида больше не будут подпитывать ваш гнев. И, клянусь, ни о ком из вас я не забуду. Вы будете продолжать трудиться, обретёте новый дом и глазами своими узрите дела анирана. А когда он спасёт вас от кары Фласэза, вы первыми признаете правоту его поступков... С сегодняшнего дня вы больше не жители Трущоб. Вы гордые граждане страны, начавшей расправлять могучие плечи.

Аплодисментов я не ожидал, а потому не стал их дожидаться. Шокированная толпа молчала, с ужасом наблюдая за мной. А затем запищала, когда голова Хатемажа в состоянии свободного падения устремилась к земле.

Но это ещё был не конец.

— Фелимид, давай, — скомандовал я и отошёл со сцены, чтобы дать место другим актёрам. Своими руками я уничтожил корень проблем, но сорняки приказал выпалывать другим.

Агенты Фелимида по полочкам разобрали структуру организации Хатемажа и точно знали, кто находится на следующей по старшинству ступеньке. И кто на следующей. Всех этих любителей сладкой жизни — тоже бывших гессеров — мы схватили. Они всегда были рядом со своим более амбициозным командиром и не отходили от него ни на шаг. Даже когда пришла принимать дарственные ковры.

Фелимид приказал подтащить к перилам шестерых мужиков среднего возраста. Они пытались сопротивляться, но шок и страх от произошедшего не отпускал их. Они не могли поверить в то, что произошло, и не могли поверить, что тоже самое произойдёт с ними.

Фелимид толкнул речь более злобную, чем я. Он сказал, что так будет с каждым бунтовщиком, кто решит перечить воле короля и воле анирана. Власть в Обертоне одна. И эта власть — король.

А затем острые кинжалы в руках опытных воинов прочертили кровавые полосы на шести шеях. Обладатели шей захрипели и забились в конвульсиях под громовое молчание толпы.

Я же так и не сошёл с места. Так и не опустил щита. Я заставил себя смотреть, как свершается справедливость, и одним глазом наблюдал за молчаливой толпой. А пока толпа молча смотрела и слушала хрипы, я обдумывал свой поступок. И в очередной раз приходил к выводу, что это было неизбежно. Я не мог себе позволить терять время, пытаясь найти более человеческое решение для такой незначительной проблемы, как Хатемаж. Пусть он был всего лишь занозой в пятке короля, она всё равно доставляла неприятности. Его поведение демонстрировало, что договориться невозможно. Он бы продолжал издеваться над королём, используя меня, как шарик для пинг-понга. И задолго до начала убийственной зимы, на

которую возлагал надежды Его Величество, что-нибудь бы предпринял. Что-то бы обязательно случилось. И я был обязан действовать на опережение. Не потягивать вино, прикидывая, чью сторону занять, кому подставить плечо или на чьё плечо опереться. Такого выбора передо мной не стояло, ведь по уровню влияния Хатемаж был далеко позади короля. Я обязан был действовать, потому что в моих планах усиление королевской власти являлось одним из основных пунктов. Я хотел, чтобы король воспрянул духом. Хотел, чтобы вновь почувствовал себя королём. И удаление занозы из его пятки поможет не только успокоить столицу, но и доказать мою полезность для него.

Поэтому очередной человек из этого мира, которого я убил своими руками, не будоражил мою совесть. Он не вопел в моей голове: "Что ты натворил!?". Я точно знал, что Хатемаж не был невинным ягнёнком. И его убийство — всего лишь шаг вперёд.

Но, конечно же, были и другие, тоже очень важные цели.

— Фелимид, — обратился я, когда затих последний из шестерых. — Каталам всё знает?

— Да. Пять сотен солдат уже втягиваются в Трущобы. Я просил его дать нам время, но он и сам всё прекрасно понимает... Да ты и сам можешь увидеть. Вон, смотри.

От тракта на территорию Трущоб входили плотные колонны. Выставив копья, шла первая шеренга. За ней, грозно покрикивая и размахивая мечами, шли пехотинцы. С высоты веранды я даже рассмотрел, что кто-то пытается оказывать сопротивление. Где-то там уже пылала одна из хижин. Но мы знали, что сопротивление бесполезно — змея лишилась головы. А значит — она уже мертва.

— Ладно, они справятся, — с веранды я заметил, как испуганные люди пришли в движение. Они оглядывались, вставали на цыпочки в попытках что-либо разглядеть, и спрашивали соседей, что происходит. А затем с визгами принялись разбегаться, разом позабыв про увиденное. — Пошли вниз. Выяснили, где сокровищница?

— Да. Идём, я отведу.

— Иберик и ещё двое — за мной. Остальные — встретить Каталама и полностью оцепить дом. Чтобы сюда никто не прорвался.

Ещё одна цель, которую я хотел достичь, — добраться до закров Хатемажа. Ещё при знакомстве я предположил, что он далеко не бедняк. Потому что далеко не дурак... А в последующие дни, Фелимид выяснил, где он прячет своё барахло.

Мы спустились вниз в холодное помещение, которое можно было назвать подвалом. Как мы и ожидали, у двери из крепкого дерева испуганно топтались двое. У них был приказ не отходить ни на шаг, пока сам Хатемаж не приведёт следующую смену. Но сейчас вместо Хатемажа им навстречу вышел Иберик. А когда он переступил через два поверженных тела, на сцене вновь появился я.

На двери висел огромный амбарный замок. Справиться с таким мог лишь я. Я аккуратно срезал дужку, стараясь не попасть под плавающий металл, отворил дверь и увидел металлическую решётку. Хатемаж оберегал свои закрома, как зеницу ока. Он не удовлетворялся лишь живой охраной. И мне пришлось поработать неуклюжим медвежатником, ведь я не подбирал код к замку, а просто вырезал здоровенный кусок из прутьев.

Осторожно отпихнув упавшую решётку, я переступил через порог и решительно направился к сундуку. Хоть его размер не заставил моё сердце биться быстрее, я был уверен, что там есть чем поживиться.

Я срезал сразу два замка и открыл крышку. Содержимое было накрыто куском ткани, но

на ней стояла небольшая шкатулка. Я открыл её и улыбнулся — она была наполнена драгоценными камнями. Довольно крупными. В своём мире я ничего подобного не видел, хотя, было дело, дарил своей бывшей жене серьги с брюликами и кольцо к комплекту.

— На большую здесь сумму? — я протянул шкатулку Фелимиду.

— Очень, — коротко ответил он и, улыбаясь, забрал её.

— Посмотрим, что ещё есть, — я распахнул ткань и улыбнулся шире, чем Фелимид. Перед моими глазами в свете факела сверкали монетки. Серебряные и золотые. Со знакомым бородатым профилем, а так же совсем непонятные. Были и круглые большого размера. Были и небольшие. Были и странные в виде ромбиков с квадратной дырочкой посередине.

Я взял один золотой ромбик и прочёл:

— Один фойт. Это что за деньги, Фелимид? Чьи они?

— Флазирский фойт. В Серекосо всегда экономно чеканили, — он взял из моих рук монетку и добавил. — Попасть сюда они могли лишь тремя путями: из сокровищницы короля, через руки посла или торговыми путями из Декедды. С королём всё ясно. Да и с Декеддой мы давно не торгуем. Так что... — он не закончил, а лишь пожал плечами.

— Через Ису Оная? Этот козёл, видимо, вёл дела с Хатемажем.

— Кто-кто? — удивился Фелимид.

— Неважно. Видимо придётся пристальнее на него посмотреть... А вот эти крупные откуда? Здесь нет профиля короля, а какое-то здание. Храм, что ли?

— Это храм Триединого Бога в Декедде. Там чеканят золотой альтан. Зим десять назад, примерно, союз жрецов приказал именно храм выносить на аверс. До этого изображалось лицо главного выборного первосвященника.

— А эти монеты, я так понял, попали сюда через Амрана Хабиба?

— Вполне возможно.

— Похоже, послы помогали Хатемажу гадить королю.

— Или просто платили за живой товар, — не согласился Фелимид. — Трущобы вполне оправдывали своё название. Я думаю, тут чуть ли не каждую декаду пропадали люди. Возможно, даже дети. Ведь никакого учёта, никакого реестра...

— Теперь всё это должно быть! — стукнул я кулаком по открытой крышке сундука. — Всех пересчитать, всех отсортировать, всех накормить. И да — каждой семье с детьми дать по золотой монетке. А затем быстро приступить к тому, что мы планировали — все эти жалкие халупы снести к такой-то матери и начать строительство нового лагеря подальше от береговой линии. В кратчайшие сроки возвести бараки, в которых смогут жить люди и валить лес. Валить так, как никогда не валили. Чтобы до холодов все жители Трущоб нашли новое жильё или в Обертоне, или в новой деревне у его стен. Здесь столько рабочих рук, что, если избежим бунта, всё сделаем очень быстро. А озеро их прокормит. Королю даже не придётся потрошить закрома.

— Его Величеству нет никакого дела до этих бедолаг, — поморщился Фелимид. А затем взял пригоршню из сундука. — Но ему есть дело до этого. Он потребует... Кх-м... Потребуется или всё, или часть.

— Ничего королю не говори. Я сам с ним разберусь, — я отобрал у Фелимида деньги, бросил их обратно и захлопнул крышку. — Всё это пойдёт лишь на одну цель — на армию. Я не только короля заставлю раскошелиться, не только ничего из этого ему не отдам, но и всё добытое потрачу на рекрутов. Только это имеет значение.

Фелимид озадаченно посмотрел на меня.

— От короля нельзя утаивать такой успех.

— А мы и не будем. Я всё ему сообщу и скажу, что его власть укрепилась. Но ни монетки он не получит... Пойми, Фелимид. Его задача — быть громким голосом анирана. Он олицетворяет собой власть и должен её демонстрировать. Но принимать стратегические решения он пока не готов. Я каждый день сомневаюсь, не зря ли рассказал ему про Дейдру. И действительно ли её ищет в Валензоне его сынок. Я не могу ему доверять, пока он делами не докажет, что излечился от апатии. Я не хочу каждый раз его уговаривать совершить тот или иной поступок. Он должен перестать бояться, перестать сомневаться в себе. И вновь стать тем, кем он на самом деле является.

— Надеюсь, это случится. Надеюсь, как и ты, увижу возрождение короля. Я ведь знал его в лучшие времена. И знаю, на что он способен. Но единственное, как мне кажется, что заставит его пробудиться — это успех. Тринадцать зим его давят неудачи. Тринадцать зим он терпит лишь поражения. Надеюсь, наша маленькая победа вдохнёт в него жизнь.

— Эта победа — одна из многих, Фелимид. Я уверен в этом. Если мы будем придерживаться плана, придут и другие победы. А пока... А пока сундук укрой у себя. Черпай на свои нужды, если будет необходимость. Подкупай, кого посчитаешь нужным... И особое внимание удели храмовникам. Пора нам заняться ими. Пора выяснить, так ли они верны Эоаниту.

— Ты хочешь избавиться от этого мерзавца? — хоть, по идее, Фелимид богохульствовал, он улыбался во весь рот.

— Я собираюсь расшатать опору под его ногами, — ответил я. — Я собираюсь лишить его армии.

Часть 4. Глава 23. Нападение

Я был доволен, как слон. Разбор полётов прошёл ещё лучше, чем я ожидал. Когда я докладывал Его Величеству, как именно разобрался с Хатемажем, он светился от счастья. Впрочем, светился не только он и мастер-коммандер Яннах. Светились многие другие, кого покойный выскочка успел изрядно достать. Поэтому, после поздравлений, обсуждение свелось к обсуждению гуманитарной ситуации с бывшими жителями Трущоб. Их всех надлежало отмыть, накормить и расселить.

Но этими вопросами занимались другие. У Его Величества хватало ретивых исполнителей, решающих вопросы здесь и сейчас. Я же мыслил более глобально, а потому перевёл стрелки на Эоанита. Именно на этой проблеме я был сосредоточен.

Король тоже подключился к теме. Он продемонстрировал мне образец послания, которое вскоре будет размножено и развешено на каждом столбе. А так же стаями сиреев распространено по всей Астризии. В этом послании король призывал всех, в ком крепка вера и у кого ещё осталась сила в руках, прибыть в Обертон к середине лета. Стать на довольствие и записаться в рекруты, ежедневно получая серебряную монету.

Изначально мне было непонятно, много это или мало — одна серебряшка в день. Но когда мне быстро объяснили, сколько чего можно купить в Обертоне на эту серебряшку, и что таких серебряшек в одной золотой монете ровно двадцать пять, я присвистнул и быстро успокоился. С такими зарплатами армия в пять тысяч человек ежедневно будет потреблять двести золотых. И это только если говорить о рядовых. Но ведь есть ещё командный состав. Они-то всегда получали намного больше. Следовательно, мне надо побеспокоится не только о отторжении от Эоанитовской сиськи умелых храмовников, но найти способ раздобыть ещё золота.

В следующие дни, пока Трущобы вычищались в полном смысле этого слова, мы вместе с профессором ломали голову над решением этой проблемы. Я всё рассказал ему про Хатемажа. И хоть он не одобрил, поучать не стал. А сокрытие сундука с драгоценностями даже одобрил. Он сам не раз был свидетелем, как разбазаривалось народное достояние. Особенно в дни, когда прибывали запечатанные кареты с налогами из дальних краёв. Тогда король громко пировал и одаривал самых сладкоголосых своих подхалимов не только орденами, но и чем-то посущественнее — тугими кошельками с золотом. Он тратил глупо и недальновидно. Поэтому Гуляев поддержал меня в этом вопросе.

Но он отверг мою идею приступить к раскулачиваю Эоанита. Он сказал, что пора ещё не пришла. Эоанит уже в курсе судьбы Хатемажа и крепко задумался. Пару дней он вообще не покидал храм и что-то там обсуждал вместе с братьями по вере. И анирану Ивану пока не стоит его провоцировать. Надо зачистить Трущобы и не дать разгореться бунту.

Так что пришлось присматривать за перепуганными беженцами, не по своей воле ими ставшими. Угроза бунта была высока в первые дни. Лишившиеся халуп люди думали, что их просто выгонят в чисто поле. Они не поверили моим словам. Но когда ретивые королевские служащие быстро взяли всех в оборот, опасность миновала. Всех способных держать в руках топор отправили подстригать лес. Многие остались работать в порту. Король даже увеличил количество рыбацких лодок, что дало дополнительное количество рабочих мест. Женщинам нашли место на полевых кухнях или в полях, которые активно засеивались. Но самое главное — всем выдавали живые деньги. Пусть не золото и серебро, но медяками платили регулярно

и вполне честно. Платили так, что ежедневно заработанного как раз хватало на пропитание. Конечно, с такими заработками о будущем задумываться невозможно. И никто из них не думал о нём, в принципе. Думал я. А потому усиленно подгонял, чтобы каждый, своими же руками, успел до зимы построить себе новый дом.

В общем, пока умиротворение Трущоб шло по плану, я задумал очередное красочное шоу на площади для поднятия мотивационной планки. И попросил короля оповестить об этом всех. Я вновь собирался отыграть роль пророка, вновь планировал прикасаться к склонившимся затылкам и обещать светлое будущее.

На центральной площади, располагавшейся между Храмом Смирения и Дворцом Правосудия, вновь возвели высокий деревянный помост. Но пока я не был готов выступать.

С самого утра на площадь прибывали люди. И с самого утра я наблюдал за ними из укромного места. Я видел, как приходили семьями, как испуганно прижимались друг к другу. Как радостно пританцовывали весёлые сектанты, создавшие секту в честь анирана. Я не знал, как они себя называют, но видел счастливые лица и слышал благодарственные песни, небезосновательно полагая, что песни эти улыбающиеся певцы поют под серьёзной дозой наркотического дыма. Так же подходили обычные городские жители. Я слышал разговоры, где в плотном кружке они хвастались друг другу, что видели живого анирана несколько раз. А один из них — красноносый пьяница — хвастался, что аниран к нему даже прикоснулся.

В общем, дело шло неплохо. А перед самой своей речью я приказал раздать заготовленные во множестве "сахарные пальцы". Самые обычные леденцы, для изготовления которых нужны лишь три ингредиента — сахар, вода и огонь.

Давка за леденцы, конечно, случилась. Но она была беззлобной, со смешками и шутками. Больше одной штуки в руки никому не давали, и отдавали приоритет детишкам, тоже пришедшим во множестве.

А затем я забрался на помост и толкнул заранее прописанную речь. Впервые я выступал по бумажке и сам с собой соглашался, что речь, написанная профессором Гуляевым, вышла куда лучше моих обычных экспромтов. Жаль, я не оратор и не умел размахивать кулаком во время выступления, добавляя своим словам эмоциональности. Но речь мою всё равно восприняли хорошо. Поаплодировали и покричали нараспев моё имя. А затем какой-то громкоголосый мужик знакомо сложил руки и воздел их к небу. Опустился на оба колена и прокричал:

— Славься аниран! Славься защитник наш! Лишь на тебя мы теперь уповаем!

Толпа услышала его голос. А затем произошёл эффект домино: услышавшие и увидевшие этого мужика, повторили за ним его жест. От самого помоста до дальних окраин люди опускались на колени, тянули руки к небу и упоминали имя анирана — моё имя.

Это было очень приятно. Я даже расчувствовался. Мне показалось, что мои идеи народом принимаются, и надежда на светлое будущее пробуждается в нём. Именно этой цели я хотел достичь.

Поэтому я прыгнул с помоста и смело ворвался в ряды коленопреклонённых людей. Под охраной нескольких гессеров и незаменимого Иберика, я шёл без страха и прикасался к каждому. Я обещал продолжить работу по оздоровлению государства, пусть более простыми словами.

— Благослови, аниран! — молвил знакомым голосом мужчина. Я прищурился и узнал в нём громкоголосого крикуна. Именно он заставил всех опуститься на колени.

— Живи без страха, отмеченный анираном, — с дежурной фразой я прикоснулся к его голове.

— Я и так всегда жил без страха, — ответил мужик и посмотрел мне в глаза.

А затем он нанёс удар. Я успел заметить движение. Успел среагировать, когда мужик выхватил из-под рваных одежд кинжал и попытался вонзить его в моё сердце. Прошла лишь доля секунды, а я успел подумать о многом. О жизни, о смерти. О обещаниях, которые не успел выполнить. Я даже ощутил укол обиды в момент, когда остриё приближалось к моей груди. Я был обижен на этого мужика, ведь считал, что творю лишь добро, помогая этому миру. Я не заслужил получить в ответ зло.

Но я успел отшатнуться и выставить перед собой ладонь. Это, наверное, и спасло меня, ведь ладонь была неуязвимой.

Острый кончик ножа с широким лезвием больно ткнулся в ладонь. В следующую секунду друг на друга с разной степенью удивления смотрели двое: я на потенциального убийцу, и он на меня. А затем мелькнуло лезвие меча. Шея человека хрустнула, а кровавые брызги полетели во все стороны.

— Внимательно! — заорал Иберик. Он сжимал в правой руке окровавленный клинок, а левой тянулся к ножнам за следующим.

Неудачливый убийца упал на камни. Одновременно с падением тела раздались визги: жители бросились врассыпную от опасного места. Женщины кричали и хватали детей. А мужчины недоумённо смотрели и пытались понять, что происходит.

Но так себя вели не все мужчины на площади.

Я всё ещё пребывал в шоковом состоянии и слабо соображал. Но вопль Иберика, требовавший внимательности, относился не ко мне. Он относился к растерявшимся гессерам, видимо тоже не ожидавшим нападения. Они, как и я, вращали головами и видели, как некоторые мужчины из толпы сбрасывали просторные одежды, скрывавшие кожаные доспехи, обнажали оружие и торопились ко мне. И это явно были не гессеры.

— Внимательно! — вновь прокричал Иберик.

— Организовать оборону! Стать в круг! — а это уже скомандовал пришедший в себя Бертрам.

Скрежет металла о металл привёл в себя и меня. Иберик принял на лезвие удар самого ретивого мужика и провёл контратаку. Но мужик успел ускользнуть от коварного удара и атаковал вновь.

В это время подтянулись остальные, без разбору пиная и отмахиваясь от копошащихся под ногами испуганных жителей. А затем эти непонятные мужики сошлись с моей охраной — сошлись с гессерами. Завязалась схватка. Правильного боя навязать не получилось, ведь мешали не только испуганные зрители, но и неожиданность нападения. Вместо встречи врага плотными рядами и выставленными мечами, сразу пришлось рубиться не на жизнь, а на смерть.

А я вновь почувствовал, как начинаю загораться. Как желание насладиться битвой пробуждается во мне. Я был зол на тех, кто посмел поднять руку на анирана прямо на городской площади. Я желал их смерти. И я ни за что в жизни не остался бы стоять в стороне.

— В сторону, аниран! Держись за моей спиной! — Иберик успел разобраться с двумя и теперь бешено вращал головой. А я, услышав его указание, чуть не рассмеялся: он ниже меня на голову. Как я укроюсь за его спиной? Если только на корточках сяду.

— Дайте мне их! — я, наконец-то, полностью оклемался. Стараясь не задеть никого из своих, я активировал щит и клинки. — Как посмели поднять на анирана руку!?

Но мои слова не возымели никакого действия. Непонятные мужики, напавшие по непонятной причине, совсем не испугались. Рубаки они, видимо, были неплохие, а потому вместо трусливого побега перешли в решительное наступление.

Они надавили все вместе. Хоть они ещё не все собрались — к ним продолжали подходить отставшие, — они навалились на мою охрану. Сражались не хуже гессеров и в индивидуальных поединках даже одерживали победу.

Бертрам тоже был парень не промах. Не говоря о Иберике. Им удалось организовать оборону и не выпустить меня за кольцо охраны. Хоть я порывался, и даже разрубил щитом пару мечей, мне не давали выйти на оперативное пространство и показать то, что я однажды показал "покаянникам".

— Кто это такие!?! — отчаянно воскликнул один из гессеров, прикрывая разрезанную щеку и стараясь укрыться в строю.

— Пустите меня! — кричал я.

Рубка продолжалась. Круговой строй развалился. Уже не хватало сил, чтобы сдерживать натиск. Теперь я видел лишь поединки один на один. И здесь, наконец-то, нашлась работа и для меня. Несмотря на залитую кровью мостовую и поверженные тела под ногами, я ничего не замечал. Пробудился тот я, который мечтал лишь о сражениях.

Я налетел на ближайших мужиков, размахивая щитом направо и налево. Хоть они оба, видимо, знали, чем я обладаю и как умею пользоваться, попытки уйти от столкновения сразу отвергли. Они не побежали, испуганно вопя. Они встретили меня лицом к лицу. Потому что именно я был их целью.

Но как бы они смелы не были, как бы не желали уничтожить анирана, ничего у них не вышло. Ведь этот аниран был совсем непохож на тех неумелых имбецилов, которых он встретил в лесу. Не говоря уже о беспомощном старике, скрывающимся за каменными стенами своей башни. Этот аниран умел и желал сражаться.

Дымящиеся подкопчённые тела своим смрадом немного отрезвили меня. Я успел заметить те два куса опалённого мяса, в которые превратились мои противники, и пришёл в себя. Назвал себя монстром в плохом смысле слова и призвал не терять голову. В обоих смыслах слова.

Схватка тем временем склонялась не в нашу пользу. Нападавшие мужики резонно предположили, что сначала стоит разобраться с охраной. А затем всем вместе навалиться на анирана, чтобы не оставить ему ни единого шанса. Ведь если кто из них вновь захочет честного поединка, победа в этом поединке ему вряд ли светит. Поэтому они собрали силы в кулак и давили на гессеров. И хоть тех отбирал лично Бертрам, а значит, среди них не было дилетантов, силы защитников таяли быстрее, чем таяли силы нападавших.

Но случилось неожиданное. То, чего я не мог предположить.

Схватка продолжалась, но внезапно раздался незнакомый гул. Будто рой пчёл гудит вдалеке. Со стороны северных врат, куда по широкой дороге визжа улепётывала перепуганная толпа, теперь наступала другая толпа. На камнях лежали безжизненные тела бедолаг, попавших под горячую руку. Лежали скрытые одежды непонятных мужиков. И сейчас, торопливо переставляя сотни ног, их топтали другие ноги — ноги, принадлежавшие жителям Обертон. Схватив всё, что попало под руку: молотило, косу, вилы, кистень, меч или копьё даже не с металлическим, а деревянным наконечником, они спешили к нам. Они

громко кричали, кому-то угрожали и бежали за тем, кто уверенно вёл их. И прищурившись, я рассмотрел того, кто шёл на острие. Держа в каждой руке по искривлённому мечу, первым спешил мастер Сималион. Из-за скорости бега его белобрысая копна волос потеряла привычную форму, а рот изрыгал проклятия на головы мерзавцев, посмевших окропить безвинной кровью площадь столицы.

Как и гессеры, неизвестные мужики заметили приближающиеся проблемы. И даже попытались что-то предпринять, быстро перестроившись в два ряда и став спина к спине. Но против лома нет приёма. Когда злющая толпа врзалась в них и рассеяла, начался настоящий ад. Кровища хлестала, конечности летели направо и налево, черепа взрывались под нажимом десятков ступней, на них наступавших. Во всём этом жутком хаосе, укрываясь за спинами не менее перепуганных гессеров, я успел лишь заметить, как мастер Сималион сразил двоих, прежде чем от моего взора его закрыли другие.

А затем всё завершилось. Как-то очень даже быстро. Толпа размазала по площади каждого, кто желал анирану смерти. Каждого нападавшего. Окружённый охраной, я орал, требуя, чтобы хотя бы одного взяли живьём. Но меня никто не слушал. А возможно, не услышал, ведь шум-гам стоял такой, что я сам себя с трудом слышал. Всех тех мужиков просто разорвали на части.

Когда страсти немного улеглись, когда последний удар молотила опустился на уже раздробленную голову, мои глаза наблюдали чудовищную картину. Площадь утопала в крови. Повсюду валялись тела и окровавленные одежды. Кому-то уже оказывали первую помощь. Над кем-то склонились знакомые и пытались перевязать раны. А вокруг убитых собирались кружки. Горожане осматривали тела и, не стесняясь, шарили в одеждах. Некоторые уже срывали с трупов обувь.

— Аниран, — ко мне подскочил запыхавшийся и перемазанный кровью Сималион. — С тобой всё в порядке?

— Спасибо, мастер, — поблагодарил я, всё ещё переживая лёгкий шок. — Всё в порядке.

— Я был на площади. Я видел, как началось нападение. Прости, что не смог быстро организовать подмогу.

Я удивился, ведь думал, что это жители позвали мастера Сималиона на помощь, а не он собрал их. И ещё раз удивился, так как не думал, что он наблюдает за моим выступлением. Мы с ними виделись нечасто, так как я редко выбирался на тренировки. Но, видимо, он никогда не забывал обо мне.

— Мастер, вы очень вовремя, — поддержал Иберик. Выглядел он не лучшим образом: броня поцарапана, на лбу свежий шрам, а глаза светились пережитым ужасом. Наверное он не ожидал от неизвестных мужиков такой прыти.

— У меня осталось семеро бойцов, — горестно вздохнул Бертрам, видимо перепугавшийся не меньше Иберика. — Кто это такие были?

— Ты у меня спрашиваешь? — недовольно пробурчал я. — Или это был риторический вопрос?... Где Фелимид? Почему его здесь нет? Он обязан выяснять... Мать их так, — выругался я, когда вновь увидел, как мёртвые тела не только разуваяют, но и раздевают до исподнего. — Просил же хоть одного оставить в живых.

— Он обязательно выяснит, аниран, — поспешил успокоить меня Иберик. Затем осмотрел поле боя и тяжело вздохнул. — Идём, посмотрим сколько их.

Часть 4. Глава 24. Сны-близнецы

Как потом действительно выяснил Фелимид, прискакавший лишь только слух о боине достиг королевского дворца, на месте сражения осталось лежать около сотни тел. Пятнадцать бойцов потеряли гессеры, погибло двенадцать горожан, пришедших на помощь, двадцать четыре человека были раздавлены в давке или же попали под горячую руку, когда улепётывали с площади. А нападавшие пали все — ровно сорок человек. Но поскольку медицинской экспертизы в этом мире не существовало, Фелимид так и не смог выяснить, кто это такие и откуда. Почти все тела были обезображены — раздетые и растоптанные. И отличить их от обычных жителей Обертонна удалось лишь с трудом — повреждения именно на этих телах были самые страшные. Именно те сорок трупов больше походили на отбивные.

Разъярённый король, живо обо всём прознавший, потребовал от Фелимида отыскать того, кто отдал приказ. Он поклялся мне, что подобное произошло в первый и в последний раз. Даже увеличил количество гессеров, ежедневно меня охраняющих, до пятидесяти человек. Теперь, он пообещал, я буду ходить в плотном кольце охраны. Даже стрела не сможет пробить тот строй, который будет укрывать анирана. Ну и, конечно же, никаких больше благословений и ободряющих прикосновений к головам.

А затем король распорядился внести в хроники новый праздник. Праздник, который он учреждает своим повелением и называет — *"Иванов день"*. Теперь именно в этот день лета каждую зиму вся Астризия будет его отмечать. День, когда аниран смог доказать свою божественную сущность и убедился, что народ верит в него. Что с именем его на устах готов сразиться с каждым врагом Астризии и обязательно придёт на помощь.

И хоть всё на самом деле обстояло немного не так, я не стал возражать. Любой праздник лучше, чем горестная дата. Пусть лучше народ отмечает победу, чем горюет над павшими. Пусть воздаёт хвалу своей смелости, чем стыдливо упоминает о трусости.

К тому же, этому народу действительно есть что отметить. По крайней мере, в моих глазах. Пришедшие на помощь люди ведь не стали сидеть на коленях, моля Фласэза о помощи. Как тогда в деревне под проливным дождём безвольные жители позволяли забирать своих детей, так сейчас в светлый летний день другие жители не позволили причинить вред анирану. Они побороли страх и пришли ему на помощь. Пусть даже при помощи лёгкого пинка. Неважно. Главное, что они переступили через самих себя. Переступили через стадный инстинкт. Возможно, на них повлиял мастер Сималион. А возможно, есть более глубокие корни — им помогла перебороть страх вера в анирана. Аниран появился в их городе и показал, что настроен серьёзно. Он не чурался их, разговаривал с ними и одаривал добрым словом. Он не прятался за каменными стенами и всегда был готов помогать. И они это запомнили. Они это оценили. И когда анирану потребовалась ответная помощь, они оказали её.

Я хотел в это верить. Я надеялся, что всё, что я делаю, всё не зря. Я надеялся, что зёрна веры в потенциального спасителя, которые я посадил, начали давать всходы.

Ночью я спал плохо. День жуткой схватки перешёл в вечер не менее жуткой пьянки. Как самый обычный человек, я тоже натерпелся страху, когда мне чуть не засадили под ребро клинок. И воспоминания об этом страхе я залил обалденным вином.

Но отмечали мы не только победу, но и новое назначение — приказом короля мастер

Сималион был назначен моим телохранителем. Без отнекиваний и заявлений, что он этого недостоин, Сималион принёс присягу к великому удовольствию двоих — меня и Иберика. Пацан, как я понял, души не чаял в опытном мастере и всячески ему подражал. А я радовался тому, что отныне мою спину будут прикрывать не только гессеры, но и самые умелые руки Обертонна.

Поэтому гулянка вышла на славу. Нажрался не только я, но и Каталам с Фелимидом. А короля вообще вынесли на руках. Лишь профессор Гуляев не стал заливать баки с краями, настаивая, что он слишком стар для этого.

А когда я на бровях всё же добрался до любимой перины и уснул раньше, чем голова коснулась подушки, мне приснился сон.

Перед глазами мелькали кадры цветущей природы. То лес промелькнул, то распаханное поле, то знакомый каменный тракт. То огромное озеро, окружённое с одной стороны зелёными лесами, а с другой — каменными стенами. Я стоял на месте и не мог пошевелиться. Я не парил над облаками, передо мной лишь мелькали картинки.

А затем я ощутил, как кто-то дал мне под зад. Я обернулся, планируя с ходу врезать в глаз тому, кто посмел дать пинка анирану. Но сзади никого не было. Лишь белая-белая пустота.

Я опять подпрыгнул от сильного удара. Да так подпрыгнул, что пробил головой деревянный настил. Взлетел и ударился о потолок. А как приземлимся возле здоровенной дыры, через которую видел тихие озёрные воды, понял, где нахожусь. Я находился в комнате профессора Гуляева, где ранее отмывался и готовился к званому ужину. Я узнал шторы, которыми он прикрывал карту. Я увидел балкон. Я увидел шкаф. Но самое главное, я увидел спящего хозяина, восстанавливающего силы после бурной ночи.

Сам того не желая, я стиснул зубы. Почему-то я ощутил злобу к этому старику, беспечно посапывающему на боку. Я метнулся в угол и схватил вешалку, на которой висели шляпки и беретки. Я брезгливо разбросал их, а затем, плохо понимая, что вытворяю, размахнулся и со всей дури приложился этой вешалкой по профессорской голове. А затем ещё раз. И ещё. И ещё.

Но мне этого показалось мало. Я не стал активировать свой дар. Я отбросил окровавленную вешалку и вырвал из ножжен кинжал с золотой рукояткой. Затем подскочил к старику и принялся наносить удары. Бил, бил, бил, пока не вспотел.

Но и это я посчитал недостаточным. Я схватил стул и обрушил его на разmozжённую голову. Затем подскочил к шкафу, вышвырнул всю одежду и, напрягшись, обрушил шкаф на кровать. Тело профессора уже скрылось под обломками, но я ещё не закончил. Я вырвал из ключины факел и подпалил кровать. А затем, злорадно улыбаясь, смотрел, как танцует вокруг меня пламя. Я был невероятно доволен своим поступком.

— Поторопись, — грозно-назидательно произнёс голос.

Я открыл глаза и резко сел на перине. Башка раскальвалась, во рту было меньше влаги, чем в пустыне Сахара.

— Сука, — я схватился за голову. — Опять эта падла очухалась. Опять пришла во сне и не дала выспаться. Как тебя вырезать оттуда?

Сон вышел совсем не иносказательный. Был бы я полным дауном, всё равно бы догадался, на что этот Голос намекает. Нечто подобное я уже видел во сне, хоть тогда Голос

откровенно призывал нас с Джоном Казинсом убить друг друга. Сейчас он лишь выразил лёгкое негодование, что я не спешу исполнять то, что исполнить обязан — отобрать у другого анирана дар.

— Выкусишь, тварь! — сцепив зубы, я показал потолку кулак. — Я не стану выполнять твои требования. Я не стану твоей марионеткой.

Я выбрался из кровати, подошёл к столику и опустошил кувшин с водой. Мне немного полегчало. Но лишь чуть-чуть.

Я быстро оделся и отворил дверь в соседнюю комнату. Там без задних ног храпели братья — Иберик и истосковавшийся по всем нам Вилибальд. Он присутствовал на пьянке и выпил за своё здоровье раз двадцать.

Но так же там был готовый ко всему Бертрам. Он только завершил экипироваться и удивлённо посмотрел на меня.

— В чём дело, аниран?

— Бертрам, — тихо попросил я. — С этого дня в покоях анирана обязан присутствовать пучок листьев с дерева Юма.

Бертрам удивился. Он точно знал, что в наркоте нет ничего полезного. Гессерам запрещалось вдыхать дым под угрозой увольнения.

— Безрадостность бытия тебя беспокоит? — заученными словами знакомого магистра начал он. — Это не выход.

— Бертрам, не умничай, — сейчас меня беспокоил лишь бодун. — Ты даже не представляешь с чем мне приходится бороться. Будь неладна это божественная сущность...

Слова про "божественную сущность" показались Бертраму знакомыми. Поэтому он благоразумно промолчал. А в следующую секунду в дверь торопливо застучали, разбудив сонных братцев.

Нахмурившись, Бертрам ушёл открывать, одновременно спрятав за спиной острый стилет. Такой можно успеть вонзить во вражеское горло и уйти от ответной атаки.

Но опасности не было: вежливо кланяясь, за порогом стоял усатый мужичок, имя которого я давным-давно забыл. Я лишь знал, что он батрачит на Гуляева.

— Магистр Анумор просит анирана Ивана подняться к нему для разговора, — испуганно произнёс мужичок. — Он сказал, это срочно.

Сия просьба меня озадачила и напугала одновременно. После поганого сна, я чувствовал тревожность. Эдакую подозрительность по отношению к тому, кого убивал в том самом сне. И сейчас видеться с профессором я хотел в последнюю очередь, ведь опасался, что действительно попробую причинить ему вред.

— Это касается снов, — добавил мужичок, когда не рассмотрел на моём лице заинтересованности. — Магистр Анумор сказал, аниран поймёт.

— Бертрам, пойдёшь со мной, — я тут же отдал распоряжение. — И да — ещё пятерых захвати с собой.

— К Великому магистру с такой охраной?

— Бертрам, не надо вопросов. Исполни.

Хоть порывался идти и Иберик, я запретил. Он выглядел слишком беспомощным. Ему половина дня понадобится, чтобы прийти в форму. А покои для мастера Сималиона ещё не подготовили, потому он дрых где-то в другом месте.

Лифт бы не потянул всех сразу, поэтому мы шли пешком. Я даже вспотел немного. Но это было больше хорошо, чем плохо — с потом из тела выходил отупляющий разум

алкоголь.

Профессор меня уже ждал. Дверь была нараспашку, а он сам сидел на очень знакомой кровати и потягивал горячий отвар из деревянной кружки. С поверхности шёл пар и скользил по мрачному лицу. Мне стало очевидно, что профессор не в своей тарелке.

— Закройте дверь, — приказал он, заметив меня на пороге. — Ваших ушей это не касается... Присаживайся, Иван. Как ты? Бери вторую кружку. Он хоть горький, но бодрит.

— Спасибо, — я прикрыл за собой дверь, но не защёлкнул до щелчка. Если что случится, Бертраму меньше секунды понадобится, чтобы ворваться внутрь. И от отвара я тоже отказался, опасаясь, что он может быть отравлен. Паранойя, порождённая сном, никак не хотела отступить. — На вас лица нет, проф. Хотя я не видел себя в зеркале, предположу, что выгляжу примерно так же. И не в алкоголе дело... Вы видели сон, ведь так?

Гуляев отставил кружку и потёр глаза.

— Очень-очень давно он ко мне не приходил. Голос, я имею в виду. Не мог пробиться через мой разум. Но сегодня ночью... Несмотря на мою старательность...

— Вы же говорили, что можете побеждать его силой воли, — беззлобно усмехнулся я, ведь точно знал, что противостоять голосу можно лишь с помощью наркоты или телепатии матанов.

— Мог, — поправил меня Гуляев. — Правда мог, если ты всё ещё не веришь... Силой своей воли я его побеждал. Он не мог пробиться сквозь неё...

— Проф, ну хватит, — закатил я глазки. — Лучше скажите, что вас так беспокоило. Хотя нет, не говорите. Я сам догадаюсь: он подталкивал вас убить меня?

— Верно, — обречённо заявил Гуляев.

— Скажу вам так: это не в первый раз. У меня уже было такое, когда он сталкивал нас с Джоном Казинсом лбами... Ну, с тем анираном, которого я встретил в лагере.

— Он не просто меня на тебя натравливал. Он пообещал мне кое-что.

— Серьёзно? — я выпучил глаза, ведь мне Голос никогда ничего не обещал.

— Иносказательно, конечно. Не с прямой откровенностью.

— И что же он пообещал? Пообещал помочь выбраться из этой дыры?

— Не иронизируй. Ты прекрасно понимаешь, что это невозможно. Никто из нас не выберется отсюда, — он произнёс эти слова с таким фатализмом, что я испугался. Испугался того, что этот Голос пообещал и на что ради этого профессор теперь будет готов пойти.

Я развёл руками:

— Окей, проф. Я вас слушаю.

— Сначала я видел один из самых прекраснейших снов. Я был счастлив и доволен. Я бродил среди лесов и слушал пение птиц. Я вышел на поляну, словно выросшую из старых детских сказок — поляну абсолютного счастья. Там бил чистейший родник. Вода искрилась при свете солнца. И я точно знал, что это не простой родник — это источник вечной молодости. Я мечтал к нему припасть губами и вновь обрести молодость. Я хотел сохранить в себе те знания, которыми обладаю, но обрести молодое тело. И я побежал к нему. Я бежал по поляне и радовался, что вот-вот получу сказочную награду. Но затем появился ты. Ты насмеялся надо мной и пресекал путь к источнику. Ты смеялся и перекрывал дорогу. Куда бы я не дёрнулся, как бы не пытался обойти, ты оказывался расторопнее и не пускал меня. И тогда Голос подсказал, что нужно делать, чтобы добраться до желаемой награды. Я схватил с земли бульжник и запустил в тебя. Я попал тебе в голову, но ты всё же устоял. Затем я накинулся на тебя. Я знал, что я слабее, а потому был вынужден действовать решительно. Я

повалил тебя на землю, схватил булыжник и бил. Я бил до тех пор пока не стёр с твоего лица снисходительную усмешку. Усмешку, как бы говорящую, что ты — молодой и красивый, а я — старый и бесполезный. А когда Голос похвалил меня, я пополз на коленях к роднику. Я был несказанно рад, что смог преодолеть последнюю преграду и уже раскрывал рот в предвкушении сладкой воды. Но всё это оказалось химерой — родник исчез. Как и сказочная поляна. А кроме затухающего совета от Голоса, как стоит поступить, осталось лишь разочарование и неприязнь к тебе. Голос мне шептал, что ты виноват в том, что мне не удалось стать моложе. И подсказывал, что лишь забрав твой дар я смогу вернуть свою молодость... Да, ты прав. Он хочет, чтобы мы поубивали друг друга.

— Не поубивали, а один убил другого, — поправил я. — Ему наплевать кто убьёт кого. Ему главное — собраться воедино. Воедино в одном организме.

— Не понял, — профессор выкатил зенки. — В каком смысле?

— Подождите. Вы что, не читали этого в книге?

— Книгу читал. Но этого в книге не читал. Что значит собраться воедино?

— Так вот чего не хватает в копии "Книги Памяти Смертных", — я озадаченно потёр подбородок. — Вот что вырезали... Эоанит или кто-то до него.

— Может, ты меня просветишь? — Гуляев смотрел на меня не обречённо, а с интересом. Как учёный, а не как испуганный подросток.

И мне пришлось рассказать ему всё. От корки до корки. Не всю книгу пересказать, а часть про аниранов. Про божественную сущность, про двенадцать тех, кто поборется за право стать достойным. Про второе пришествие и будущего наместника, который соберёт в себе все части божественной сущности.

Профессор выслушал с нескрываемым интересом. Мне даже показалось, что на некоторые вещи я открыл ему глаза. Ничего подобного, как он признался, он даже не предполагал.

— Значит, это неизбежно, — спокойно произнёс он. Без всякого фатализма в голосе.

— Вопрос лишь во времени, — осторожно сказал я. — Неизвестно, как много времени потребуется самому сильному... простите, проф... самому достойному анирану собрать все части сущности.

— Это ты правильно поправился на слове "сильный", — нервно засмеялся Гуляев. — Увы, на самого сильного я не тяну. Куда мне даже до тебя — скелет ты ходячий... А давай на руках поборемся?

— Проф, — я понял, что его беспокоит и почему он отреагировал именно так — нервно и слегка неадекватно. — У нас ещё много времени впереди. Не бойтесь. Не бойтесь меня, если действительно боитесь. Я никогда не подниму на вас руки, уже поверьте. Ни одна тварь, сидящая в голове, не заставит меня это сделать. Как бы она не старалась, ей не удастся разделить нас...

— Разделяй и властвуй! — воскликнул Гуляев и засмеялся. — Ничего нового. Даже те, кто нас сюда отправил, ничего лучше не придумали. Тысячи лет человеческой эволюции и неизвестно сколько лет местной эволюции, а для получения абсолютной власти лишь одна рабочая тактика — столкнуть всех лбами и наблюдать, как они убивают друг друга.

— Наверное это так, потому что работает, — пожал я плечами. — Но ведь нам необязательно прислушиваться, верно? У нас же есть свои головы на плечах. У нас есть план, проф, и нам надо его придерживаться. Мы задумали... простите, я задумал многое изменить. У меня получилось посеять семя жизни, получилось решить несколько

незначительных проблем. И я, с вашей помощью, буду уверенно двигаться вперёд. И ни одна тварь не сможет нас сбить с верного пути, проф. Ни голоса в голове, ни люди из плоти и крови.

Профессор Гуляев с улыбкой на меня посмотрел. Посмотрел, как на достойного ученика.

— Желания и настрой похвальны. Но готов ли ты отдать за них жизнь?

— Лучше б, конечно, забрать чужую... Но да, готов, — уверенно заявил я, хотя на самом деле был не уверен, что положу голову под гильотину раньше, чем узнаю, чем всё завершится. Я хотел прикоснуться к свету в конце тоннеля, а не позволить кому-то другому сделать это за меня.

— Вот именно, — профессор услышал, что хотел услышать. — Забрать чужую... Ты несомненно готов выполнить всё, для чего сюда прислан... В отличие от меня.

— Проф, не загоняйтесь, — по-простяцки сказал я. — Это всё вилами по воде писано. Давайте будем следовать плану, а от дурных снов спастись, как я спасался в лагере — вдыхать дым. Если это работает, как говорится, будем пользоваться.

— Ты не слушаешь меня, Иван. Или слушаешь, но не слышишь, — в голосе Гуляева появилась строгость. Он поднял старческий безвольный зад с кровати, сделал шаг и крепко сжал мои плечи. — Тебе не нужен дым, чтобы одолеть его. Мне не нужен дым, чтобы одолеть его. Ты думаешь, он способен проникать в наш разум и контролировать тело? Чушь собачья! Да, через сны он указывает направление. Да, подталкивает, когда мы не выполняем его требования. Но он не властен над нами. Ты сам себе хозяин. Твоя воля ничуть не слабее его воли. Как не пробил мою волю, так не пробьёт он твою. Если ты будешь сопротивляться, ты обязательно его победишь. Тебе не нужен дым для этого. Ты достаточно силён. Не позволяй ему навязывать свою волю. Навязывай свою.

Звучало довольно-таки убедительно. Я даже поймал себя на мысли, что верю профессору. Что, наконец-то, поверил в то, что от Голоса он не закрывается наркотой, а научился игнорировать. Пусть не контролировать, но хотя бы игнорировать.

— Вы думаете, это реально?

— Я не думаю, я знаю, — уверенно произнёс Гуляев. — Пусть с нами что-то сотворили, контролировать наши мысли и наши поступки, они не умеют. Каждый аниран — сам себе хозяин, учти.

Я промолчал. Я знал, что бывает и наоборот. Я прочувствовал это на своей шкуре. Хоть тогда на тракте я не до конца потерял контроль над самим собой и помнил, что вытворял, всё же это был не я. Мною управляли, будто игровой фигурой. Ненависть и ярость давали божественной сущности доступ к рычагам управления. И если от проходящего во снах Голоса ещё можно было как-то защититься, не дать ненависти прорваться наружу было крайне проблематично. Далёко не каждый человек способен себя контролировать. А поскольку анираны — тоже люди, их это касается в не меньшей степени.

— Я учту, проф, — пообещал я. А себе пообещал, что в следующий раз, когда придёт Голос, я дам ему отпор. Я буду сопротивляться. — Вы только, пожалуйста, не бойтесь меня. Я никогда не причиню вам вреда. Вы просто помогайте мне, чтобы я смог исполнить задуманное.

— Я не боюсь смерти, — с улыбкой сказал Гуляев и погладил меня по волосам, будто любимого сына. И в этот момент я не испытывал перед ним страха. Я был уверен, что этот человек никогда не нанесёт подлого удара. — Чего бояться неизбежного? Я боюсь лишь не

успеть всего, что хотел бы успеть.

— Я обещаю вам, Игорь Александрович, — я впервые назвал его по имени отчеству. — Я сделаю всё, чтобы изменить этот мир. Я приложу все усилия. И самое главное, я хочу, чтобы вы стояли рядом. Я хочу, чтобы вы смотрели, как он меняется, чувствовали надежду, которую мы с вами пробудили у обречённых людей, и верили в счастливый конец. Может, мы с вами не доживём до этого момента, но мы обязаны приближать его каждый день. Ведь, как мы оба знаем, кто, если не мы?

— А ты, я смотрю, подросток. Не в плане роста, конечно, — засмеялся он и прижал меня к своей груди. — Но изменения заметны невооружённым взглядом. Похоже, ты действительно достоин стать для местных мессией. Если ты действительно такой, каким кажешься, у тебя есть все шансы.

— Спасибо, проф, — я попытался выбраться из объятий. — А теперь, когда нам обоим полегчало, идёмте перекусим чего-нибудь. Я голоден, как волк.

— Идём, — Гуляев меня отпустил, но улыбаться не перестал. — Скажу тебе честно, Ваня: я рад, что судьба свела меня с тобой. Я буду рядом так долго, сколько тебе потребуется. И окажу помощь, даже если ты не станешь о ней просить.

Часть 4. Глава 25. Селекционная работа Её Величества

Спустя пару дней, как мы профессором окончательно расставили все точки над "Ё", пришло вежливое письмо от Эвенета — хозяина Востока, как мы его прозвали в узком кругу. Его Величество, прибежав на совет крайне возбуждённым, разворачивал письмо дрожащими руками. Несомненно он опасался, что ответ на его грубое послание будет не менее грубым. Но, как мы очень быстро выяснили, опасался он зря.

Письмо действительно было написано вежливым тоном. Эвенет растекался мыслью по древу, славя короля и воздавая почести неожиданному гостю. И лишь в последнем абзаце перешёл к сути. Он выражал надежду на скорое знакомство с анираном. Вежливо писал, что будет очень рад, если аниран прибудет на восток, а не старый немощный старик самолично отправится через всю страну, чтобы с ним познакомиться. Он окажет анирану все положенные почести. А настойчивые требования Его Величества покорный слуга Эвенет обещает исполнить в ближайшее время: караван с задолженностями по налогам был собран в тот же день, когда получено послание. И сейчас этот караван уже на пути в столицу.

На этом письмо завершилось. И прочитав его, король пустился в пляс. Натурально. Правда долго задирать колени не получилось: Его Величество быстро вспотел и плюхнулся на спасительный трон. Но в течение всего совета оставался весел и напыщенно-доволен, будто совершил подвиг.

После совета, где мы обсуждали удачно складывающиеся дела на ниве отрывания кусков военной плоти от тела Эоанита и расселение бывших жильцов Трущоб, меня, к удивлению многих, у двери подловила королева Исида. Она смиренно дожидалась, не смея вмешиваться в дела мужчин, и ждала своей очереди. Но когда я покинул зал, успела меня перехватить перед удивлёнными лицами гессеров.

— Прости, аниран, — слегка поклонилась она. — У нас практически не было времени, чтобы поговорить наедине. Ты всё с супругом моим, да с супругом. Не окажешь ли мне честь важным разговором?

Я посмотрел на немощную даму и заметил на её лице изучающую улыбку. Словно она собиралась сделать мне заманчивое предложение. Хоть с момента появления анирана в Обертоне на лицо королевы вернулся румянец, её высушенное тело вызывало лишь озабоченность. Я видел, как она потребляла калории — пила и ела не меньше других. То есть в умышленном доведения себя до анорексии её нельзя было обвинить. Но, тем не менее, новые килограммы в самых важных местах не появлялись. Похоже, отправной точкой неудовлетворительного состояния королевы являлись проблемы ментальные, а не физические.

— Ваше Величество, — вежливо поклонился я в ответ. — Чем могу быть полезен?

— О, нет, — улыбнулась она. — Говорить будем только наедине. Хватит этих мужских сборищ. Удели немного внимания женщине.

Он бесцеремонно взяла меня под руку и потащила за собой. А за нами следом увязались остальные: Иберик, Сималион и гессеры с Бертрамом во главе. Да и Его Величество бросил подозрительный взгляд, прежде чем отправиться заниматься любимым делом — предаваться греху чревоугодия.

— Пойдите здесь, — королева обернулась и выставила перед собой руку, словно

шлагбаум. — Рядом со мной анирану ничего не грозит. Мы лишь обсудим кое-что в соседней зале.

К моему удивлению, её послушали. Мои телохранители, которые были обязаны подчиняться лишь мне, не посмели перечить королеве. Вместо возмущений все они склонили головы в поклоне.

— А говорят, у женщин Астризии нет власти над мужчинами. Что они обречены лишь подчиняться, — попытался топорно пошутить я.

— Так и есть, — спокойно ответила королева. — С тех пор, как на наши земли обрушилась кара Триединого Бога, женщины лишились всего. Лишились голоса в королевском совете, лишились права расторгать брак, лишились возможности заниматься любимым ремеслом. Так же им отказано в обучении. Ни одна женщина не может стать ни магистром, ни святой матерью. Пути в Университет и в Храм для женщин закрыты.

— Серьёзно? — я действительно удивился. По правде говоря, я даже не задумывался на этом вопросом ранее. Социальное равенство меня интересовало в последнюю очередь. — Простите, не знал.

— Конечно. Ты же аниран, пришелец с небес. Поэтому и не знаешь, — вновь спокойно сказала она, всё ещё держа меня под руку. — Много чего изменилось с тех пор, дорогой аниран. Так было не всегда, конечно. В истории нашего государства случались времена, когда благословенно правил не Его Величество, а правила Её Величество. Прекрасные времена полного достатка, когда люди не желали ничего, кроме мира.

— Вполне могу предположить, — осторожно высказался я, всё ещё не понимая, куда королева клонит.

— Но карающий огонь изменил всё. Мужчины поспешили обвинить нас во всех грехах. Именно женщин они посчитали недостойными, потому что женщины лишились того, что могли делать на протяжении многих зим — давать жизнь. Мужчины посчитали, что это наша вина. Что мы прогневали Триединого Бога, а не они... И многие из нас не вынесли тяжести обвинений.

Худенькая ручонка толкнула дверь, ведущую в небольшой зал, полный прекрасных запахов и зелени. Повсюду стояли декоративные деревья в больших горшках. А к стене прислонился позолоченный трельяж и пуфик рядом с ним. Королева подвела меня к пуфику и усадила.

— Простите, — неловко поелозил задницей я. — Но что значит: не выдержали тяжести обвинений? Я точно знаю, что ни мужчины не виноваты, ни женщины. Вас наказали потому, что вы не оправдали надежд чтимого вами божества...

— Прошу, аниран, без богохульства в этой комнате, — королева испуганно схватила меня за руки и принялась оглядываться, будто ожидала, что Фласэз прячется где-то за шторкой. — Он всё видит. Он всё знает. Он всё слышит. Не подводи меня под покаянную молитву...

— Простите, — опять извинился я, чувствуя себя дураком. Блин, зачем я вообще пошёл с этой маразматичкой? Она, наверное, окончательно помешалась на теме религии.

— Тяжести мужских обвинений действительно многие не пережили, — тихо прошептала она, так и не выпустив моих рук. — Женщины отказывались жить дальше и добровольно отправлялись в царство Триединого Бога. А после "Дня матерей", когда многие матери, дочери, сёстры и жёны лишили себя жизни, Его Величеству даже пришлось вмешаться и вынести запрещающий указ, обязывающий беречь женскую жизнь тому, кто за

неё в ответе.

— День матерей? — переспросил я. — Я уже слышал об этом дне. Что за день такой?

— Чёрный день в истории Обертона, — печально склонила голову королева. — День, когда многие женщины не выдержали душевных мук. День, когда они устали терпеть мужские оскорбления и обвинения. И нашли единственный выход, который мужское влияние ещё не перекрыло, — они отправились к Фласэзу самостоятельно. Без чьей-либо помощи.

Я растерянно захлопал лазами. Так вот в чём дело. Вот о чём говорил король, когда награждал Каталама новой должностью. Вот за что, видимо, извинялся в бреду Вилибальд. День массового женского самоубийства...

— Я слышал от Его Величества, когда он разговаривал с Каталамом... — начал, было, я. Но королева меня перебила.

— Да, верная супруга Каталама приняла смерть одной из первых. Она прыгнула со стены в глубокое озеро. Прыгнула потому, что дети и супруг утратили способность к нормальному суждению и прилюдно отказались от неё... Но давай не будем о грустном. Что было, то было. Никто не может изменить того, что уже произошло. Но один из нас может изменить то, что ещё не случилось. Ведь так, аниран? — она подозрительно сощурилась.

— Я надеюсь на это, — пожал я плечами. — Жители Обертона, вроде бы, верят в меня. Доверяют и...

— Я не об этом! — королева властно воздела ручку. А затем уставилась на меня, как следователь на допросе. — Вера есть одна. И это вера в Триединого Бога, наказавшего нас за грехи наши. Наказавшего поделом... Но я говорю о другом. Мой говорливый супруг не смог долго хранить тайну. Он пытался держаться, но я знаю, как подтолкнуть мужчину, чтобы он рассказал всё, что я хочу узнать. И умею сделать так, что он будет рад этому... Он рассказал мне, аниран, о тебе. О тебе и о твоей... способности. Он рассказал, что где-то в городе, где правит мой сын, прячется та, которой ты уже подарил счастье стать будущей матерью. Он рассказал мне о той, кто носит твоё дитя.

Откровение было неожиданным. Но не таким, чтобы я бросился ломать и крушить трельяж, обвиняя короля в неумении держать рот на замке. Я предполагал, что нечто подобное случится рано или поздно. Радует хотя бы то, что проговорился он не перед Эоанитом или послами.

— Да, это так, Ваше Величество, — побряхтел я. — Но мне пришлось...

— Погоди. Не торопи события, — она опять властной ручкой остановила мой словесный поток. Да так остановила, что я начал задумываться, у кого реальная власть, когда король и королева остаются наедине. Кто руководит, а кто исполняет указания. — Если это правда, ты первый небесный посланник, кому удалось. Это делает тебя уникальным... Но я бы хотела с тобой поговорить не о той деве, что, возможно, где-то ждёт тебя и надеется. Сейчас её судьба в руках милосердного Фласэза, — королева очертила рукой знакомый знак. — И раз ты способен, как выяснилось, на большее, почему ты не стараешься подарить счастье остальным? Почему впустую тратишь время?

Слова королевы меня смутили и озадачили. Смутили потому, что мне, видимо, сейчас опять предложат сыграть роль бычка-осеменителя. А озадачили потому, что я этого совершенно не хотел. У меня не было связи с женщиной очень давно. Но я не расстраивался по этому поводу. Я вообще об этом не думал. Даже голые попки в бане и надрывные стоны в борделе Яннаха не вызвали у меня особой реакции. Я даже думал, что больше не испытываю

первичного инстинкта. С моим организмом происходили какие-то перемены и я был уверен, что это от меток. Моё либидо угасало тем сильнее, чем больше частиц божественного дара я собирал. И я опасался, что женское тело больше не сможет вызвать у меня ожидаемой реакции.

Я решил, что хуже не будет, если не стану отрицать, а всё подтвержу. А затем расскажу королеве всю историю от начала до конца.

И я рассказал. Рассказал, как смог выйти в лагерь и что там вытворял на первых порах. Как перепробовал массу женщин, но смогла зачать лишь одна. То ли потому, что оказалась девственницей, то ли потому, что я действительно испытывал к ней какие-то чувства. Испытываю даже по сей день. Скучаю и очень сильно беспокоюсь.

Но Дейдра королеву не интересовала. Когда я начал рассказывать, что Дейдра из себя представляет и какой она замечательный человек, королева меня прервала. Дейдра для неё была не важна. Для неё было важно, чтобы я продолжил попытки. Её щёки стали пунцовыми, когда она горячо объясняла мне, что желает получить. И, к счастью, она не просила меня попытаться это проделать с ней. Она, наверное, не хуже меня понимала, что не только по возрасту не вынесет новое дитя, но и сексуальную привлекательность утратила давным давно.

— Мои фрейлины — прекрасны, как распустившиеся цветы. Но одна из них, — говорила Исида. — Просто непередаваемо красива. Фламелина — моя гордость. Я нашла её среди беженцев и забрала во дворец. Здесь её обучили очень многому, аниран... Если ты понимаешь, о чём я. Она легко пробудит в тебе мужскую силу. Она умеет это. Благодаря ей, я знаю секреты, о которых не ведает мой супруг. Она просто чудо. И я хочу, чтобы ты попробовал зародить жизнь именно в её здоровом чреве. Она выполнит всё, что ты попросишь. И столько раз, на сколько у тебя хватит сил... Пожалуйста, не смотри так. Это очень важно для меня. Для всех нас. Если ты оказался способен, единственный, кто оказался способен, тебе нельзя отказываться. Это не только глупо, это преступно! — она повысила голос. — Позволь, я организую вашу первую встречу? Я тебя уверяю, ты никогда не забудешь её.

От такого напора я охренел. Напрягся немного и представлял того крокодила, кого в этом мире, где женщины не замораживаются такой совершенно "неважной" штукой, как эпиляция, считают прекрасным. Я очень не хотел вновь видеть бабищ, с которыми имел дело в лагере. А если учитывать затухающее либидо, провал перед такой полностью уничтожит мою уверенность в себе. И ради чего, спрашивается?

— Ты должен! — королеве надоела моя нерешительность. Или ей просто надоело ждать ответа. Как клещ, она вцепилась в мои руки. — Просто дай ей шанс. Она всё сделает сама.

— Зачем это Её Величеству? Почему Её Величество так настаивает? Я же объяснил. Всё равно ничего не получится.

— Давай всё же попробуем, — она сбавила обороты, видимо почувствовав, что я сдаю позиции. — А зачем, ты спрашиваешь? Затем, что я хочу вновь испытать забытое чувство. Я вновь хочу ощутить то счастье, что даровано женщине, имя которой — мать. Я хочу вспомнить эмоции, которые переполняют женщину, когда она воспитывает дитя. Когда видит его взросление, оберегает его и закрывает своим телом от невзгод. Многие зимы я пыталась излечить своё тело. И вот, ты можешь видеть, к чему это привело, — королева указала на себя руками, а затем пустила слезу. Да даже не одну, а целый ручей. Но самое главное в этих слезах было то, что в их искренности я не сомневался. — Я хочу, чтобы ты

попробовал. А она отдаст мне дитя, если получится.

— Отдаст ли? — уж я-то знал, что из себя представляет материнский инстинкт. И пусть моя бывшая жена, в первую очередь, руководствовалась личными интересами, собираясь ободрать меня, как липку, материнский инстинкт был ей присущ. Она не только беспокоилась о будущем моего пацана, но и всячески подсказывала, кто в нашей семье настоящий козёл.

— Давай начнём с малого? — ушла королева от ответа. Уверен, у той неизвестной бабы она отберёт ребёнка без проблем, даже если у нас получится, и даже если она будет сопротивляться. Как я понял, у этой тощей доски власти во дворце хватает. Она способна на многое. — Я всё сделаю. Ночью она придёт к тебе. Лишь предупреди Бертрама, чтобы не препятствовал. Скажи, что это твоё желание.

— Хорошо, Ваше Величество, — согласился я. — Я попробую. Вы правы — это действительно важно. Но, прошу вас, не ожидайте слишком много. Даже Эоанит уверен, что анираны бесплодны. А он что-то знает...

— Ничего он не знает, — весело вспорхнула королева. — Он думает, он силён. Но на самом деле слаб. Он ничего не знает и ничего не узнает. Ветер затеянных тобой перемен, несомненно, сметёт его, — сказала она напоследок, заставив мои глаза вылезти из орбит. А затем, не прощаясь, чуть ли не выбежала из собственного ботанического зала, видимо, опасаясь, что я передумаю.

— Наверное, надо к ней внимательнее присмотреться, — сказал я сам себе, оставшись в одиночестве. — Сначала сирея гладит по крылышку... Потом "ветер перемен"... Господи, неужели она здесь как серый кардинал? Неужели эта тощая мышь держит руку на пульсе и внимательно за мною наблюдает? Наверное, придётся постараться.

Поздним вечером у меня действительно состоялось первое свидание. И это не убийцу ко мне подослали, коих я стал опасаться после недавних событий. Хотя я предупредил Бертрама и просил смотреть в оба, впускал незнакомую барышню в мои покои он с хитрой улыбкой на устах.

Она зашла, одетая в сплетённую накидку. Её лицо прикрывала белая вуаль, а запахи, которые ворвались в мои покои, моментально заставили фантазию пробудиться.

Девушка была довольно высокой по местным меркам. Не на каблуках, а в чистых сандалиях она прошла и прикрыла за собой дверь. И лишь когда мы остались наедине, она подняла вуаль.

Признаюсь честно и откровенно: никогда я не видел женщины красивее. Её голубоглазое лицо, симметричные брови и носик сразу пленили меня. Губы без вкраплений ботекса и татуажа выглядели полными и манящими. На лбу не было ни единой морщины, а розовые щёки — гладкими, как попа младенца.

Молча она подняла вуаль и медленно сняла её со своей головы. Естественным образом вьющиеся волосы, заставили меня присвистнуть. Самая натуральная, а не крашенная блондинка небрежно закинула локон за ухо, и смотрела на меня слишком смело для первой встречи с самим посланником небес. Или она наблюдала за моей реакцией на неё, или решала, будет ли спать с анираном. Ведь большинство женщин принимают решение в первые пять секунд знакомства.

— День... вечер добрый, — я поприветствовал девушку, стараясь не заикаться слишком часто. — Фламелина? Меня зовут Иван.

— Каждый в столице знает имя анирана, — в глубоком голосе я не слышал страха. Девушка выглядела столь уверенно, будто знакомство с сильными мира сего для неё не в новинку. — Каждый надеется и верит, что дела его будут успешны.

— Спасибо. Я буду стараться. Присядешь? Выпьешь?

— Потом — возможно, — этот бесстрашный голос совсем сбил меня с толку. — Наслаждение бывает разным. Но неважным наслаждениям можно предаваться, когда сил наслаждаться истинным наслаждением уже не осталось.

А затем Фламелина, ничуть не смущаясь, завела руку за спину и дёрнула за верёвочку. И, как полагается, дверь открылась — накидка с её плеч сползла легко и непринуждённо.

Признаться, тело тоже выглядело бесподобно. Я повидал разные тела: и измученные регулярными тренировками, и измученные диетами, и заполненные силиконом. Но столь пропорционального тела не видел никогда. У неё всё было на месте в идеальных пропорциях. Грудь не маленькая и не большая — идеальная. Бёдра не широкие и не узкие — манящие. А талия и сексуальный пупок надолго приковали к себе мой взгляд. Но самое удивительное, эта девушка действительно знала, что такое эпиляция. Я отметил это в первый же момент.

Будто точно зная, чего я ожидаю, она сделала оборот вокруг своей оси и предоставила мне возможность насладиться зрелищем. Я едва оторвал взгляд от ягодиц и, впервые с далёких времён, почувствовал сильное желание.

— Нравится? — больше утвердительно, чем вопросительно поинтересовалась она.

— Фламелина, ты прекрасна, — сказал я чистую правду.

Удовлетворившись ответом, она подошла ко мне вплотную. И вместо первого поцелуя, нагло протянула руку к моему паху.

— Видимо, Её Величество ошибалась, говоря, что с анираном придётся потрудиться, — Фламелина озорно улыбнулась, легко обнаружив твёрдый предмет. — Не так уж и сложно было.

— А ты за словом в карман не полезешь, — отметил я очевидное. Но отметил весело, а не строго. Эта самоуверенная нимфа мне определённо нравилась.

— Я могу залезть за чем-то другим, — она, видимо, не поняла о чём я, и интерпретировала по-своему — шаловливо и игриво. — Приступим, аниран? — а затем потянулась, как кошка, и грациозно опустилась на мою широкую постель. Так опустилась, чтобы я лишь на долю секунды рассмотрел интересные детали. — Докажешь мне своё небесное происхождение?

В умении соблазнять она, несомненно, оставляла далеко позади всех женщин, которых я встречал ранее. Даже Дейдре.

Вспомнив о Дейдре, я остановился на пол пути к кровати. И даже собирался почесать макушку. Мне, жителю Земли, стало неловко. Хоть я не совсем девственник и, не заморачиваясь, изменял бывшей жене, к Дейдре у меня было особое отношение. Трепетное. Немножко возвышенное, что ли. Я никогда её не забывал и всегда держал в памяти. Даже сейчас, когда собирался ей изменить и очень хотел этого. Я вспомнил о ней в очень неудачный момент. Но так же я вспомнил про высшую необходимость. Про то, что это правильно. Нельзя от этого бежать, ведь, возможно, благодаря мне и Фламелине зародится новая жизнь.

Я посмотрел на коварную соблазнительницу, которая извивалась на кровати, как кобра, и ещё раз напомнил себе про необходимость. Это надо сделать! Особенно, когда

"необходимость" так прекрасна...

Сколько дней пролетело незаметно, я не мог сосчитать. Я делал всё, что делал до этого, но с меньшим риском. Замирял Трущобы, помогал распахать земли, строил козни Эоаниту. Но каждую минуту думал о другой. Не о той, что возможно ждала меня в Валензоне, а о той, что творила чудеса. О волшебнице.

Фламелина действительно оказалась весьма искусной. С ней я некоторое время чувствовал себя школьником, впервые вкусившим запретный плод. Она никогда не отказывала мне ни в чём. Хотелось ли ей или не хотелось, была ли она готова или нет, она всегда соглашалась. Королева поставила ей задачу ублажать анирана и она старательно выполняла указание.

Лежа с ней в своей огромной кровати и полностью выбившись из сил, мне удавалось завязывать диалог. Хотя изначально Фламелина хотела лишь одного — утомить меня, а затем уйти к королевским повитухам, осматривавшим её ежедневно, дальше она стала задерживаться и оставаться до утра. И так продолжалось довольно-таки долго. Я пытался узнать больше и интересовался всем, что она могла рассказать. Я неплохо узнал и её, и о её жизни. В большей части жизнь была безрадостна. До момента, когда её — юную, красивую и неопытную — привели во дворец. И хотя она старалась не затрагивать опасной темы, я всё равно выяснил, что королева на самом деле подкладывала её в разные постели с определённо целью. Что Фламелина побывала во множестве постелей. Но только в тех постелях, где спящие в них мужчины могли принести пользу королеве. Делами ли своими, или информацией.

Хоть мне было немного неприятно быть "одним из" — опять "одним из", как в случае с аниаранами, — я всё же не стал себя накручивать. Девушка действительно была хороша. И физически, и духовно. Она была совсем не глупа, и тщательно за собой следила. Не стеснялась высказывать своё мнение и даже давать советы.

Но, к сожалению, она являлась лишь инструментом королевы.

Когда стало очевидно, что никакой новой жизни зародить не удалось, королева вновь потребовала встречи. Пожурила меня немного, но отнеслась с пониманием. А затем разлучила меня с Фламелиной. Она считала бессмысленным тратить время на то, что не приносит результатов. И прямо потребовала, чтобы я попробовал обречь девственницу. Она уже отобрала достойную кандидатуру и хочет, чтобы я приложил чуть больше усилий.

Не скажу, что возмущению моему не было предела. Нет. Я дружил с логикой и считал такой подход логичным. В какой-то степени отвратительным, эмоционально омерзительным и по-человечески неприятным. И хоть мне, несмотря на то, что Фламелине удалось пробудить основной инстинкт, не хотелось работать дефлоратором, я дал согласие.

Несколько ночей я пробовал зачать дитя с испуганной и неумелой девушкой. Я пытался быть тактичным, терпеливым и нежным. Но самому мне такой подход не приносил морального удовлетворения. Лишь скорострельное физическое удовлетворение. Но когда повитухи проверили, что и эта девушка ничего не смогла изменить, я потребовал у королевы прекратить селекционные попытки.

Исида, правда, этого не хотела. Она даже валялась у моих ног, плакала и просила попытаться ещё хотя бы раз. Ей так хотелось получить возможность стать матерью, что она не отпускала меня. И хоть на задворках моей памяти вновь пробудилась Дейдра, кричала и требовала одуматься, я опять сдал позиции. Опять пошёл на поводу у королевы и в течение

полутора декад старался с очередной, очень стеснительной, но прекрасной своими человеческими качествами, девчонкой. Она чем-то напоминала Дейдру и я вполне резонно предположил, что её тщательно выбирала королева. Она как-то загнала меня в тупик и выпытала, что из себя представляет Дейдра. Она хотела понять почему ей так повезло. Я рассказал королеве, что именно меня пленило в девушке. И она, видимо, усердно поработала, выбирая для меня не единственную подругу на всю жизнь, а самую подходящую самку.

Но когда ничего не вышло с этой, я сказал "стоп". С меня было достаточно механическо-равнодушных усилий. С каждым днём этой игры, я чувствовал себя всё хуже и хуже. Не в физическом, а в морально-этическом плане. Хотя я не считал себя козлом, который изменяет любимой девушке, и принимал неизбежную необходимость процессов, я отказался стараться дальше, ведь понимал, что положительных достижений не будет.

На что слегка разочарованная королева откровенно сказала, что Фламелины мне не видать. Она знала, что та пришлась мне по душе. Но пресекла всю связь убийственным аргументом: она сказала, что Фламелина предназначена для тех, кто приносит результат. И точка.

И я, погоревав немного, смирился. Сражаться за "киску" с самой королевой, я не собирался. Прошла почти половина лета и приближались куда более важные события — всеобщий войсковой смотр.

Часть 4. Глава 26. Смертельно опасная интоксикация

Удовлетворённый развивающейся ситуацией, Его Величество решил устроить званый ужин. Второй званый ужин, после званого ужина в честь прибытия анирана. Он разослал приглашения во все концы Обертона. Пригласил богатых прямо, пригласил послов и высший военный состав. Пригласил даже Эоанита, перед которым планировал покрасоваться. Но Эоанит был тем единственным, кто отказался украсить собой ужин, ссылаясь на невероятную занятость. В крайние дни, как передавали шпионы Фелимида, он зверел всё сильнее и сильнее, наблюдая, как его солдаты покидают храмовые казармы. К удивлению многих: меня, короля, Фелимида, Яннаха и Каталама, храмовники в большинстве своём не цеплялись за свою должность. Они цеплялись за оплату, конечно. Но когда в Обертоне появился аниран, когда он энергично взялся за дело, быстро решил вопрос с Хатемажем и пережил нападение неизвестных, многие храмовники пересмотрели своё отношение к материальным ценностям. Они всё так же беспокоились о собственном брюхе, всё так же любили серебро и золото. Но перестали относиться к драгоценному металлу как к единственно важному, что ещё осталось в этом мире. Часть из них вспомнила, что они тоже люди.

В общем, Эоанит рвал и метал, спрятавшись в своём храме. А король устраивал пиршество. Он был очень доволен собой и обещал, что смотр потенциальных рекрутов пройдёт успешно.

— Не переживай, аниран, — говорил он мне, когда мы, под присмотром недовольного Муадана, которого задвинули на галёрку в государственном аппарате, направлялись в тот самый трапезный зал. — Чернь довольна. Она предоставит нам столько юнцов, сколько будет нужно.

— Мне необходимы не только юнцы, Ваше Величество, — меня всегда коробило, когда своих подданных он называл чернью. А потому после таких слов всегда хотелось ему нахамить. — Мне нужны опытные воины, которые будут обучать этих юнцов. Мне нужна программа подготовки, которая поможет этим юнцам нарастить мышечную массу, чтобы крепче держали мечи.

Король не до конца понял меня, о чём демонстрировали задумчиво сведённые брови, но усиленно кивал головой.

— Яннах всё знает, — уверил он. — Не первый раз готовится ко смотру.

— Я бы всё же хотел, чтобы за отбор и подготовку отвечал Каталам. Или кто-то, у кого амбиций побольше. Кто желает взлететь по карьерной лестнице и будет рвать задницу.

Король опять не понял меня, и просто махнул рукой.

— Хватит пока о неважном. Сегодня обещали подать вепря, запечённого с румолином. Уверен, он понравится даже тебе... Надеюсь, его хорошо промариновали.

Он покинул меня и устремился к своему месту, попутно приветственно размахивая руками и отвечая на поклоны придворных.

— Его Величество полон энергии, — усмехнулся профессор Гуляев, перехватив меня у посла Эзариин. Рауф Бумедьен чуть не вцепился в мою руку, пытаясь увести на разговор. — После, дорогой Рауф, — Гуляев усмехнулся. — Поговоришь с анираном после ужина.

— Я не намерен шутить шутки, Великий Магистр, — брови посла недовольно

искривились. — Если бы это было не важно, я бы не стал подходить к анирану.

— Посла что-то беспокоит? — я знаками попросил Гуляева притормозить.

— Конечно беспокоит! Что происходит, хотел бы я знать!?! Астризия — мирное государство. Зачем вы планируете всевойсковой сбор? Разве в увеличении армии есть нужда? Разве Астризии недостаточно тех войск, что она уже имеет?

Вопрос был совсем не праздный. Я даже руку вырвал и рук профессора, чтобы ответить наглому послу. Я догадался, что этот подонок из страны тотального наслаждения обеспокоен моим желанием нарастить государству мышцы. Уверен, ему больше нравился безвольный король, озабоченный своим брюхом, и армия, не способная утихомирить даже банды работорговцев. Не говоря уже про тех, кто гораздо опаснее.

— Рауфу Бумедьену не о чем беспокоиться, — сдерживая брезгливость и стараясь держать себя в руках, ответил я. — Его это не касается...

— Как это не касается!?! — чуть не взорвался посол.

— Я попросил бы посла держать себя в руках и не перебивать анирана, — сквозь зубы процедил я. — Я внятно выражаюсь?

— Прости, аниран. Я знаю своё место. Я здесь всего лишь гость, — быстро стравил пар Рауф. — Но меня не устраивает происходящее в вашей столице. Всё это сулит большие проблемы... И может привести к осложнению в наших отношениях.

С меня было достаточно.

— Меня не интересует, устраивает ли гостя что-то в доме хозяина, — ледяным голосом произнёс я. — Вы здесь все на птичьих правах, — я обвёл рукой полукруг, указав на прислушивающихся к разговору послов Флазири, острова Темиспар и Декедды. — Вы лишь можете принимать как данность происходящее в Астризии. И не имеете права осуждать и негодовать... О каких осложнениях говорит посол? Ваша погрязшая в блуде страна находится далеко отсюда. Океан надо переплыть, чтобы туда попасть.

— Попрошу анирана подбирать слова! Мы не блудливые...

— Помолчи, Рауф, — лезвия появились после первого же прикосновения. И Рауф Бумедьен замер, едва их увидел. — Последний раз ты меня перебил. Скажу тебе и всем вам: всё, что происходит в Астризии, касается лишь Астризии. Вы можете лишь наблюдать и отсылать в ваши родные края сиреев, рассказывая тем, кто ждёт от вас отчётов, что здесь происходит. Но выражать неудовольствие и угрожать осложнениями отношений вы будете в другом месте. Здесь вы лишь слушаете и докладываете... А теперь, когда все всё уяснили, первый и последний раз скажу: вы сладко жрёте и крепко спите лишь благодаря воле Его Величества. Будь моя воля, каждого из вас я бы выгнал пинком из-за стола. А затем дал бы второго пинка, чтобы улетели за пределы Астризии. Поэтому ведите себя скромно — как гости. И благодарите короля, что вы всё ещё здесь.

— Стоит ли воспринимать слова анирана как угрозу? — здоровяк Гвелерг растянул губы в озорной улыбке, будто совсем не испугался моего выступления. Ему, в отличие от опешившего Рауфа Бумедьена, не понадобилось много времени, чтобы оклематься. — Надеюсь, аниран понимает, что так себя не ведут с терпеливыми нейтралами, которые могут превратиться в нетерпеливых врагов? И уж точно никогда не станут потенциальными союзниками.

— Уважаемый тирам, — я попытался держать себя в руках и не дерзить каждому. — Ты же не станешь утверждать, что потенциальными союзниками являются те, кто вывозит из Астризии её главную ценность — детей. Да и не только её ценность, ценность всего мира.

Разве ж можно считать такого союзника союзником? Да я бы даже не назвал его нейтралом. Грабёж и воровство больше присущи врагам... Но всё же я просил бы послов не считать мои слова угрозой. Это просто деловое предложение задуматься о своём поведении. Вам нечего нам предложить.

— Зато вам есть что предложить нам, — быстро сориентировался Гвелерг. — Выплаты по займам, например. Почти половина лета прошла, но я так и не увидел блеска монет. Мне отправлять в Кондук обеспокоенную депешу?

Его Величество побелел лицом. Я хорошо это заметил, ведь за неожиданно разгоревшейся словесной баталией наблюдали все.

— Как говорят в моём мире, тирам: кому я должен, всем прощаю, — рубанул я шашкой наотмашь, даже не задумываясь о последствиях. — Когда будет что-то, тогда вы что-нибудь получите. Может быть. А может и нет. Неисповедимы пути Триединого...

— А может, неисповедимы пути анирана? — Гвелерг и не думал прекращать улыбаться. — Ведь не Триединый Бог принимает решения. И даже не Его Величество, я смотрю. А аниран.

— Интерпретируй как хочешь, Гвелерг. Просто не забывай, что времена, когда кто-то из вас смел что-то требовать, а не вежливо просить, прошли.

— Поведение анирана возмутительно! — из-за стола вскочил чернокожий посол Флазирии — Иса Онай. — Астризия многие зимы держала слово и делами доказывала, что этому слову можно верить. Долги оплачивались, дары обменивались, торговля приносила прибыль. Аниран хочет своим повелением всё это прекратить? Он хочет, чтобы королевский дворец лишился поставок океанских лакомств из Серекосо? Чтобы золотая руда перестала прибывать из Кондука в обмен на небольшие послабления? А из Эзарии... А из Эзарии... — посол запнулся, так и не вспомнив, что именно поставляет в Астризию Эзария. И я не мог не воспользоваться подобной оплошностью.

— А что поставляет в Астризию Эзария, кроме кровожадных убийц, желающих переправить в Кондук живой товар? Есть ещё что-то стоящее? Что может предложить Эзария, кроме тех подонков, которых аниран, — уж я обещаю! — придёт время, скрутит в бараний рог. Может, Астризии тоже стоит заняться чем-то подобным? Пересечь океан и попытаться...

— Аниран! Остановись! — Его Величество вскочил. И даже по столу приложился пухлой ладошкой. — Не вмешивайся в дипломатические отношения. Не устраивай ссору с нашими дорогими гостями. Мы живём тихо-мирно в данный момент. Пусть так и остаётся. Не давай повода подумать, что Астризия кому-либо несёт угрозу. Мы все лишь хотим, чтобы было вдоволь хлеба и вина. Чтобы ты исполнял свои обязанности и излечил хворь. А об остальном позволь позаботиться другим. Тем, кто в этом по-настоящему разбирается.

Вмешательство короля оказалось неожиданным. Но, наверное, своевременным. Его голос я услышал и обратил на него внимание. Хотя совсем не заметил, как профессор Гуляев уже битую минуту трясёт меня за рукав. Я подгорел немножко, ведь на самом деле питал неприязнь к этим кровососам, считающим себя послами. И забыл об осторожности. Забыл, что тут не дураки собрались. И что каждый из них обязательно запомнит мои слова. Запомнит и передаст на самую вершину пирамиды.

— Прощу прощения за анирана, — заговорил профессор. — Он сегодня не в духе, как вы все убедились. Плюс скор на расправу, как доказал недавний инцидент на площади, — Гуляев улыбнулся. — Впрочем, ничего удивительного: мы все знаем, как скоры анираны на

расправу.

Что он имел в виду, я не понял. Но остальные, наверное, знали куда больше, а потому поддержали Гуляева лёгкими смешками.

— Идём, — тихо прошептал он. — Сядешь рядом со мной... Дипломат доморощенный.

Хоть я не считал, что совершил непростительный поступок, позволил профессору усадить меня за стол. Послы тоже утомонились и заняли свои места. Зазвенели тарелки и ложки, а испуганные слуги, наконец-то, получили дозволение подавать первое блюдо.

— Интересное выступление, — ухмыльнулся Яннах, который, по обыкновению, тоже сидел рядом. А затем очень тихо добавил. — Знаешь, что я могу сказать по этому поводу? — он подмигнул мне и глазами указал под стол. А когда я скосил глаза и увидел, как под столом он тихонечко аплодирует, сделал вывод, что мастер-коммандер полностью разделяет моё отношение не только к послам, но и к странам, которые они представляют.

Почему-то аплодисменты Яннаха подняли мне настроение. Тот, кто недавно тратил казённые деньги на женщин с низкой социальной ответственностью, оказывается, поддерживает меня не только в плане создания армии, но и как бы намекает, что, возможно, легко можно найти повод эту армию применить. И это, в принципе, было абсолютной правдой — армию я по-любому собирался применить. Именно для этого и желал создать.

Ужин начал набирать обороты сразу после прекрасного супа. Он назывался — уха. Мы с профессором на пьянке в честь победы прожужжали уши королю, что секха хороша к ухе. А он и уцепился. А поскольку уха оказалась "тройной" из-за открывшегося свободного доступа к озёрной рыбёшке, королевского гранд-кулинара хвалили все. Ведь действительно было за что хвалить.

Затем поставили на стол кабана, запечённого в каменной печи со специями. А король произнёс тост, славя прекрасное лето, позволившее зазеленеть первым колосьям. И если так пойдёт, Обертон впервые за несколько зим снимет два урожая — летний и осенний. Как и планировал аниран.

Но я не присоединился к раздавшимся в мою честь жиденьким аплодисментам. Я неожиданно почувствовал лёгкое недомогание. Заложило уши, на лбу появилась испарина, кончики пальцев почему-то заледенели, а в горле першило как при ангине. На секунду мне показалось, что я простудился. Что просто поднялась температура. Но я быстро вспомнил, что анираны не болеют. За целый год, проведённый здесь, у меня не было особых проблем со здоровьем. Если не считать ран, полученных в бою, и лёгкое недомогание, когда мы с Уилсоном перебрались через реку.

Сейчас же я почувствовал, что что-то не так. Жар усиливался, а пальцы будто онемели. Но суть проблемы я понял лишь тогда, когда без всякого моего желания содержимое желудка выплеснулось прямо на уставленный яствами стол. Рвота забрызгала сидевших напротив людей и перемешалась с пищей.

Но брезгливые визги и недовольная ругань меня не интересовали. Я не прислушивался к ним, хоть и слышал. Я почувствовал, как из онемевшего рта вытекает слюна. И даже прикоснулся к краю губ, чтобы удостовериться. Но оказалось, что это шла пена, а не слюна.

— Иван, что с тобой!?! — хоть профессор сидел рядом, его голос доносился будто из параллельного измерения.

И я не смог ему ответить. Ибо рот мой свело судорогой. Тело выгнулось и заставило лоб смачно приложиться к столу. Отдача срубила меня на пол, а руки разметали деревянные стулья.

— Что происходит? — испуганный голос короля я услышал. — Сделайте же что-нибудь! Но помочь мне никто не мог. Лишь я сам мог это сделать.

Сознание быстро затухало, речевой аппарат не действовал, а конечности плясали в судорогах. Но разум ещё работал. Он очень быстро подсказал, что меня отравили. И что тот самый пушистый зверёк несётся на всех парах. Но так же разум напомнил о том, кто я есть. Что я не простой обычный человек, а, практически, божество в этом мире.

Прилагая невероятные усилия, я постарался согнуть пальцы и дотянуться до метки в центре левой ладони. Организм сопротивлялся и всячески подталкивал меня к впадению в небытие. Но я не желал сдаваться. Не хотел так глупо покидать этот неприветливый мир. Особенно, когда у меня есть то, что действительно может спасти.

Преодолевая ломку во всём теле и молясь о том, чтобы не потерять сознание раньше времени, я смог взять под контроль средний палец. Но не для того, чтобы показать его вусмерть перепуганным зрителям, столпившимся надо мной. Я согнул его и прикоснулся к метке, активируя божественный дар.

Энергия закружилась, легко разогнав всех любопытствующих. Нить размоталась, словно лазером срезав ножки ближайшего стула, и выпустила на волю иглу.

"Состояние критическое"

"Смертельно опасная интоксикация"

"Поражение кровеносных сосудов"

"Рекомендована моментальная инъекция"

В этот раз и боль в голове, и прозвучавшие слова вызвали на моём лице улыбку. Да, интоксикация смертельная. Но не для меня. Пусть она могла бы погубить любого другого анирана. Но не меня. Ведь я не совсем обычный аниран.

Собрав в кулак последние силы, я приказал игле нанести удар в своё бедро. Она отреагировала моментально. А я, впервые за время недолгой борьбы, почувствовал облегчение. Тело немело странной лёгкостью. Сердце не колотилось так сильно, желудок не раздувался, чтобы потом разорваться на части, а конечности не сгибались в судороге. Я успел. Успел вовремя вспомнить, кто я есть. И воспользовался единственным шансом, который у меня оставался.

"Инъекция произведена"

"Использован анальгетик, синтезированный из окружающей среды"

"Использован антидот, синтезированный из окружающей среды"

"Использована глюкоза, синтезированная из окружающей среды"

"Полное восстановление гарантировано" ...

Часть 4. Глава 27. Зайти в поисках с другой стороны

Просыпался я тяжело. Хотя мне абсолютно ничего не снилось — ни вещих снов, ни обычных — я чувствовал себя как старая развалина. Старая, полусонная развалина.

Я открыл глаза и уставился в потолок. Увидел знакомую люстру, на которую недавно взирал краем глаза через наездницу-Фламелину, и понял, что я дома. Правда, не в глобальном смысле этого слова.

Рядом сидел Иберик. Он прикорнул на стульчике у стены. Профессор Гуляев нервно расхаживал из стороны в сторону. Сималион топтался у двери и потирал подбородок. И лишь обладатель рыжей копны волос внимательно за мной наблюдал. Он впился взглядом в моё лицо и пытался прожечь его насквозь.

— Аниран? — неуверенно обратился ко мне Фелимид, чем сразу привлёк всеобщее внимание.

— Иван!? Ты очнулся!? — профессор Гуляев подскочил первым. Лицо его расплылось в улыбке, а в глазах показались слёзы. И, увидев эти слёзы, я сразу понял, что к отравлению он не причастен. Не может пожилой мужчина, не обладающий актёрскими талантами, рыдать над телом того, кого недавно отравил. Этого просто невозможно.

— Аниран! Скажи что-нибудь? — Иберик беспокоился не меньше других.

— Что-нибудь, — я ответил так, как он просил. А затем прислушался к себе. У меня не болело абсолютно ничего. Ни ухо, ни заусенец на мизинце, ни натёртая пятка. Я чувствовал себя довольно неплохо. — Что вы уставились на меня, как покойника? — я попытался поднять всем настроение. — Жив-здоров ваш аниран. Вроде бы...

— Невероятно, — выдохнул профессор Гуляев, даже не беспокоясь о том, чтобы утереть слёзы.

— Что это было? — озадаченно поинтересовался Сималион. — Как? Как так?

— Ты же видел, мастер. Он — избранный! — восторженно воскликнул радостный Иберик. — Он — милих!

— погоди бросаться словами, Иберик, — остудил того Фелимид. — Аниран, как ты? Как себя чувствуешь?

Вместо ответа я принял сидячее положение. Осмотрел себя с ног до головы и понял, что под одеялом я полностью обнажённый. Но никаких видимых повреждений не заметил.

Затем откинул одеяло, никого не стесняясь, и прикоснулся к метке в центре левой ладони. После появления иглы, в голове со скоростью молнии пронеслись слова:

"Наблюдается общий упадок сил"

"Инъекция невозможна"

"Энергия истощена"

"Накопление энергии из окружающей среды составит 22 планетарных оборота"

Я облегчённо выдохнул, несмотря на головную боль и тот самый общий упадок сил. Всё же я среагировал вовремя. Не впал в панику и вспомнил, что может меня спасти. Остаётся надеяться, что в следующие двадцать два дня меня никто не станет травить. Ведь спастись мне будет нечем.

— Вроде чувствую себя неплохо, — ответил я Фелимиду. — Выкарабкался. Меня пытались отравить, верно?

— Но как ты смог?... — опять вмешался удивлённый Сималион.

— Наверное, этот аниран не так прост, как остальные, — перебил его профессор Гуляев. — У него много козырей в рукаве.

— Что-что?

— Неважно. Иван, ты точно в порядке?

— Вроде бы. Я ж говорю, проф... магистр Анумор. Ничего не болит. Полный порядок. Как обстоят дела? Сколько я провалялся бревном?

— Треть декады, — за всех ответил Фелимид. — Мы дежурили, не отходили от тебя ни на шаг и не позволяли никому приближаться. Даже... Даже королю, — Фелимид развёл руками. — Он негодовал, конечно. Но магистр Анумор смог до него донести, что это важно.

— Я просто сказал Его Величеству, что анирана отравили на его званом ужине. Анирана, который олицетворяет для всех нас надежду, отравили в неприступном королевском дворце. Дворце, который он обязан оберегать ничуть не меньше, чем оберегать самого анирана.

— Так что произошло в итоге? Я вырубился? А дальше?

— Мы обнаружили отравителя среди прислужников. Один из слуг исчез, когда я приказал всех собрать. К своему стыду, я был недостаточно сообразителен и на принятие решения ушло слишком много времени — началась паника и слуга ускользнул... Правда, его мы всё же нашли. В королевском винном погребе лежало тело с перерезанной глоткой. Кто-то позаботился, чтобы он не смог ничего рассказать.

— А может, это была подстава? — непонятными словами изъяснился я, а потому пришлось объяснять. — Ну, я имею в виду, зарезали невиновного, чтобы отвести подозрения от действительно виновного. Может, слуга ни в чём не виноват?

— А может кто-то с доступом во дворец просто замечает следы, — не согласился со мной профессор. — Слуга прислуживал на ужине. Он мог не только подсыпать яд, но и поставить определённую посуду конкретно перед тобой. У меня нет сомнений, что он исполнитель...

— Но вот кто заказчик — это вопрос, — перехватил эстафету Фелимид.

— И нет никаких идей? — поинтересовался я. Признаться, от Фелимида я ожидал большего. Королевский дознаватель всё-таки...

— После твоего яркого выступления на ужине, — вновь произнёс Гуляев. — Я бы легко мог предложить несколько кандидатур. Но нельзя сбрасывать со счетов и Эоанита. Он, как говорят, весьма зол на анирана.

— Подонки-послы вряд ли бы решились на такое перед лицом короля, — задумчиво почесал я подбородок. — Это было бы чересчур палевно... Ну, в смысле слишком очевидно. А Эоанит... Да, он, наверное, мог бы. Рискнул бы. Пошёл бы на такое, чтобы покончить со мной. Он признавался, что не прочь разослать мои мощи во все концы Астризии... Но доказательства, как я понял, никаких?

Фелимид отрицательно замотал головой.

— А что за яд был? Уллак?

— Точно не уллак. Уллак действует медленно. А тут эффект мгновенный. Что-то намного сильнее. Намного опаснее... Но есть одна непонятная деталь.

— Говори, Фелимид! Всё, что кажется тебе странным.

— Может, это даже не относится к отравлению, — Фелимид развёл руками. — Просто когда мы излазили весь дворец в поисках зацепки, обнаружили, что из самых глубоких королевских погребов кто-то вывез сто пудов снега. Странно, не правда ли?

— Снега? А причём здесь снег? — я нахмурился. — Лето же.

Фелимид пожал плечами:

— В том-то и дело: зачем кому-то снег в середине лета? Этого снега зимой будет столько, что вновь взмолишься о лете. Сейчас его используют для охлаждения напитков для Его Величества и хранения заморской рыбы.

— Какой-то бред, — отмахнулся я. — Причём тут снег? Охраняемый дворец короля похож на проходной двор... В общем, неважно. Я, вроде, оклемался, — я спрыгнул с кровати и сделал несколько шагов. Получалось неплохо, но общая слабость всё ещё оставалась. — Наверное, не мешало бы поесть, — сказал я и сам засмеялся: такими нелепыми мне показались эти слова после произошедшего.

— Отныне только то, что я попробую первым! — профессор Гуляев произнёс эти слова с таким видом, будто собирался переквалифицироваться в дегустаторы.

— И после меня! — Иберик не стал отставать от старика.

— Они правы, аниран. Ты вёл себя слишком беспечно. Нападение на площади и попытка отравления это доказали.

— Не попытка, а отравление, — поправил я. — Но да: вы все правы. Уверен, у обоих покушений общие корни. Их надо отыскать. И выполоть, если придётся... Даже если виновник — Эоанит.

Мою браваду не поддержали. Все смотрели на меня и молчали. Каждый понимал, что с Эоанитом шутки плохи. Что он ещё не утратил власти и способен на многое. Особенно в свете того, что ни единого доказательства его участия в покушениях не обнаружено.

— Это стоит обсудить на совете, — первым решил нарушить тишину профессор. — Его Величество успокоить. Он уже который день не в себе. Переживает за анирана... И врагам показать, что убить посланника небес не так-то просто. Ну к людям анирана вывести потом. Слухи ведь просочились. Происходящего во дворце не утаить. У враг внутренних стен ночуют обеспокоенные жители. Заторы создают, пробки. И не хотят уходить. Тебе надо успокоить их, аниран.

— Надо — значит сделаем, — сказал я и принялся решительно одеваться. — Не переживай, Фелимид. Я в порядке. Мы обязательно найдём тех тварей, посмевших отравить анирана. Найдём и убьём их. Но сейчас нас всех ждёт военный совет.

Король был несказанно рад, когда я отворил дверь в зал и предстал перед ним. Несказанно рад — это я скромно сказал. На самом деле он чуть не прыгал от радости. Покинул свой уютный трон и бросился ко мне на шею. Прижимался брюхом и обнимал. Открыто демонстрировал радость и благодарил Фласэза за моё чудесное исцеление. И здесь он недалеко ушёл от истины — лишь благодаря невероятному подарку инопланетного божества я смог выкарабкаться. Не было бы этого подарка, не обнаружил бы я китайского паренька, которого закопал, а затем откопал, я бы несомненно присоединился бы к нему. И не прошло бы года, как настойчивый Голос пригнал бы к месту моей кончины очередного анирана.

Когда быстрое празднование моего возвращения с того света завершилось, мы перешли к вопросам насущным. Его Величество был собран и немного смущён: видимо, он реально переживал, что в его столовке чуть не угробили анирана. Того потенциального спасителя, которого он обязан оберегать.

Он начал с самой важной для меня темы — обнаружение Дейдры. Он достал свежее

письмо от Тангвина и сам зачитал его. Принц сообщал, что взялся за ум. Вполне серьёзно писал, что не употреблял алкоголь почти две декады, а дым не вдыхал аж целую декаду. Появление анирана в столице и его сближение с отцом — королём Анфуданом Третьим — подействовало отрезвляюще. Словно из его души ушла неизбежность. Он бы сам, несомненно, хотел увидеть анирана и поговорить с ним, но понимает, настолько важно его присутствие в столице. Принц лишь лелеет надежду, что однажды аниран посетит Валензон. А пока постарается выполнить просьбу анирана — найти его женщину.

Но всё же просьбу никак не получалось выполнить. Дальше Тангвин писал, что несмотря на все усилия и задействованных ищеек, результата, как любила говорить королева Исида, нет. Валензон практически перевернули вверх дном. Прошерстили всё за пределами городских стен, облазили лачуги и заглянули в окрестные деревни. Но троицу не только не смогли обнаружить, о них никто не слышал. Главный дознаватель Валензона опасается, что Дейдра или не добралась до города и погибла в пути. Или добралась, но очень хорошо спряталась. Насколько хорошо, что ищейкам не удалось взять след.

Я стойко выслушал короля. Хотя мне казалось странным, что хозяин города не может обнаружить приметную троицу, в определённом смысле я был согласен, что они — всё равно что иголка в стогу сена. А с учётом того, что с ними Феилин, — следопыт, охотник и мастер засад — предположение, что они очень хорошо спрятались, не казалось мне глупым. В это я готов был поверить.

— Пусть продолжают искать, — сказал я королю. — Если не смогут найти, я сам отправлюсь в Валензон и всё выясню. Поговорю с каждым, если понадобится. Возможно, анирану скажут больше...

— Нет-нет-нет-нет-нет, — замахал руками Его Величество. — Совсем не своевременно в столице только стали налаживаться дела. Да и чернь жаждет видеть анирана. Она напугана, ведь поползли нехорошие слухи, что аниран мёртв. Распускает их кто-то... Анирану не только надо показаться при народе, но и не забывать, что намечены важные дела — смотр войск и отбор рекрутов.

— А что я пропустил? Как ситуация развивается?

— Прибывают крепкие мужи, — Яннах смотрел на меня с нескрываемым уважением. Он сидел рядом со мной за трапезным столом и лучше всех видел, как меня скрутило. На его лице отобразалось, что к моему воскрешению он отнёсся, как к чему-то мистическому. — Каждый восход прибывают. Указ Его Величества услышали и прочли. К тому же тайком переходят храмовники. Коммандер Каталам расскажет дальше.

— Это верно, Иван, — Каталам тоже был безумно рад меня видеть, ведь в крайнее время мы практически не пересекались. Он был загружен работой. — Уже не по одному приходят, а сразу несколько. Оплатой интересуются, но так же интересуются задумками анирана. На них произвело впечатление, как ты сравнивал с землёй Трущобы. Они опасаются, что так ты поступишь с Храмом.

— Неприемлемо поднимать руку на вместилище веры, — король нахмурился и сердито посмотрел на меня, будто храм я уже разрушил. — Такие мысли крайне опасны.

— Не переживайте, Ваше Величество, — спокойно ответил я. — Пока планов таких нет. Вы знаете, чего я хочу и, как я понял, поддерживаете меня. Это хорошо... Но всё же мысль о путешествии в Валензон не выходит у меня из головы. Ваш сын действительно старается?

— Тангвин тяжело переносил общий недуг, — вздохнул король. — Когда его обручили с Аларой, — его законной супругой — они были слишком юны. Они не помышляли о детях и

просто играли в игры. Но взросление не остановить. Они оба выросли, уже когда люди потеряли возможность породить новую жизнь. Это очень скверно отразилось и на них самих, и на их отношениях. Они так и не стали близки друг к другу, а отчаявшийся Тангвин потерял интерес к жизни. Он всегда был умным и способным мальчиком. Но чересчур чутким, как мне казалось. Алкоголь и дым поглотили его. А распутные женщины показали, как много радости они могут принести, если им платить за старания. Лишь твоё появление, как я понимаю, помогло ему вновь обрести веру... Дай ему шанс, дай ему время. Он выполнит твою просьбу.

— Отправьте ему новое письмо. И добавьте некоторых подробностей, — неожиданно я вспомнил одну очень важную деталь, которая может помочь в поисках. — Пусть попробуют зайти с другой стороны. Мой перстень...

— Перстень?

— Да. Я отдал Дейдре свой перстень. Особый перстень. Уверен, в вашем мире ничего подобного нет. Золотой, с удивительной гравировкой, тяжёлый и очень приметный. Я отдал его им, чтобы в Валензоне, если будет нужда, они продали его. Чтобы он помог справиться со сложностями. Пусть ищейки Тангвина обойдут ювелиров... или как там у вас называют скупщиков и продавцов драгоценных изделий. Пусть найдут в поисках с этой стороны. Если же результатов опять не будет, я отправлюсь в Валензон сам.

— Перстень действительно особый? — с нескрываемым интересом спросил король.

— Особый, да. А для меня — бесценный. Постарайтесь донести это Тангвину.

— Хорошо, аниран. Я напишу сыну. Возможно, это поможет...

В запертую дверь зала советов громко постучали. Затем ещё раз. Недовольно скривившись, Его Величество кивнул головой Бертраму. Король очень не любил, когда кто-то мешал.

За дверями пару раз поклонился Муадан. Затем оттолкнул Бертрама, не ожидавшего подобного, и ворвался в зал.

— Ваше Величество, — прокричал он. — Прибыл Его Святейшество. Он хочет увидеть анирана своими глазами и поговорить с ним наедине.

— Муадан, ты забываешься!... - недовольно топнул ножкой король.

Но его обер-камергер даже бровью не повёл.

— Ваше Величество, Его Святейшество в скверном расположении духа. До него дошли слухи, что аниран погиб. Он говорит, что даже уверовал в это. Он желает видеть его немедленно.

Я хмыкнул, услышав эти слова. А потом ещё дважды хмыкнул, когда увидел, как король надувается, словно воздушный шарик, который собирался лопнуть от негодования, а Муадан испуганно сдаёт назад, наблюдая ту же картину. Уверен, королю совсем не понравились его слова. Складывалось впечатление, что Муадан — обер-камергер не короля, а первосвященника.

— Пусть ждёт, — я мгновенно оборвал любую возможность для спора. — Сейчас мы держим совет. Пусть ждёт своей очереди.

— Но...

— Выйди, Муадан.

— Но...

— Муадан, пошёл вон!

Обер-камергер попятился. Глаза его сверкали злобой. Уверен, прилюдное унижение он

мне не простит. Не забудет и не простит.

— Итак, о чём мы? — я повернулся к королю, когда дверь захлопнулась.

Часть 4. Глава 28. Аниран и Эоанит

В этот раз Его Святейшество ждали меня на первом этаже своего трёхэтажного особняка. Хоть погода была прекрасной, жариться в беседке он не захотел.

Но мне, по большому счёту, было наплевать. Я о многом передумал после кровавой бойни на площади. И не меньше мыслей пронеслось в моей голове после отравления. Я считал — и считал не безосновательно — что этот мерзопакостный хранитель веры имеет отношение к обоим покушениям. Более явного врага в столице у меня не было. Плюс к этому добавлялось понимание, что только Эоанит имеет ресурс и практически неограниченные возможности. Умелые рубаки, которые разметали мою охрану и вызвали страх на лице Иберика, явно не были простыми крестьянами. Это были обученные и тренированные воины. Те, кто далеко не впервые держал в руках меч. Это стало очевидно, после проверки соотношения потерь, когда в скоротечном столкновении со злющими жителями, они успели забрать с собой многих из них. К тому же гессеры — военная элита Астризии — тоже оказались изрядно потрёпаны. Перепугался не только Иберик, но и Бертрам. То есть это могли быть только храмовники. Не наркоманистые фанатики, последователи очередного культа. А опытные и умелые воины.

Но хоть доказательств у меня не было никаких, я не сомневался, что Эоанит приложил руку и к отравлению. Короля ведь тоже оберегают. Всю пищу, которую он потребляет, тоже тестируют. Но почему-то прилетело ядом только мне. Следовательно, его подсыпали крайне осторожно, и перед самой подачей. Что подтверждает предположение профессора Гуляева о том, что это сделал слуга. Но кто заказал меня? Кто завербовал слугу, дал ему яд и всё объяснил? Однозначно это человек с большим влиянием. С большим влиянием и средствами. Иначе просто не может быть. А кто, кроме короля, обладает самым большим влиянием в Обертоне? Не говоря уже про средства. Ответ, как мне кажется, очевиден.

Поэтому отпраиваясь на встречу я в плотном кругу гессеров. Больше я ни с кем шутить не собирался и решил бережнее относиться к своей жизни.

— Какая большая делегация, — засмеялся Эоанит, когда просторные двери открыли слуги, впустив всех в огромный зал. — Вы пришли взять меня под стражу? Ха-ха-ха!

— Ваше Святейшество, — я скромно поклонился. — Вы желали меня видеть?

— Тебя желал, да. Но их — нет. Зачем нам столько лишних ушей?

— Уверен, ваш не по амбициям скромный дом тоже наполнен ушами. Лишними или не лишними — не важно. Главное, что слушающими. Я, вон, даже вижу на лестнице белую тунику... Плохо скрываются ваши "уши".

Эоанит удивлённо уставился на меня. Не как на воскресшего, а как на обнаглевшего.

— Аниран переродился? Я слышал, ему пришлось туго и он чуть не умер. Я вижу того же самого анирана?

— Боюсь, что нет, — я вздохнул и действительно продемонстрировал наглость: уселся на стул напротив Эоанита и заложил ногу за ногу.

Эоанит хмыкнул. Его лицо начало наливаться кровью. На секунду мне показалось, что он сейчас взорвётся.

— Ну-ка убралась отсюда все... Живо, я сказал!

Вопль был будь здоров. Такой мог распугать целый детский садик.

Храмовники начали вылезать из всех щелей, как тараканы. Они не только скрывались

на втором этаже, но и стояли где-то за стенами, демонстрируя, что к моему прибытию Эоанит подготовился.

— Ты заставил меня ждать, аниран. Я не люблю ждать. Очень.

— Не знаю, как сказать тебе, Эоанит, но плохо спать из-за этого по ночам я не стану.

Молчание опять длилось недолго — пару тройку секунд, может быть. Но молчание это было красноречивым.

— Хаббард, я же приказал всем выйти, — сквозь зубы прорычал Эоанит. — Все за дверь. И стражей анирана с собой заберите. Чтобы мы остались одни.

Легаш храмовников судорожно сглотнул. А затем принялся отдавать приказания. И даже о чём-то зашептался с Бертрамом. Наверное, они обсуждали условия хрупкого перемирия.

— Мы сразу за дверь, аниран, — сказал мне Бертрам напоследок.

— А мы с малышом будем у самой двери, — пообещал Сималион под утвердительный кивок Иберика.

— Вон из моего дома! — Его Святейшество не выдержал.

— Его Святейшество чем-то обеспокоен? — как можно невиннее поинтересовался я, когда цирк закончился. — Нервы?

Эоанит не ответил. Он долго смотрел на меня, а затем собственноручно налил вина в два бокала — себе и мне.

— Угощайся, аниран.

— Воздержусь, — я решительно отверг предложение. — Хоть яды этого анирана не берут, рисковать я не хочу.

— Какие яды? — Эоанит нахмурился. — А-а-а, ты про ту сцену в трапезном зале? Что ж, мне красочно описали произошедшее. Я был полон негодования, когда узнал, что аниран бился на полу, словно припадочный.

— Да ну? — я чуть не засмеялся.

— Конечно, — Эоанит посмотрел на меня, как на неверующего. — Травить анирана — спасителя нашего — прямо за столом у короля — это глупость.

— Его стоило отравить в каком-либо другом месте? — улыбку я уже не сдержал. — Здесь, например?

Вывел первосвященника из себя я довольно-таки быстро. Он шлёпнул ладонью по столу в своём стиле и разлил один из серебряных бокалов.

— Ты на что намекаешь!? — воскликнул он. — Ты обвиняешь меня?

— Конечно, — я не стал юлить. — А кого ещё мне обвинять?

— Аниран, ты забыл с кем говоришь? — Эоанит закипал на глазах. Видимо, он думал, что я буду с ним себя вести, как на первой встрече. Но я уже точно знал, что из себя представляет этот мудака. И едва сдерживался, чтобы не сказать, что он висит на волоске. Что одно неосторожное слово, и я прикончу его прямо здесь.

— Нет, не забыл. Я уже прекрасно знаю, с кем говорю.

Эоанит опять замолчал. Он что-то обдумывал и, видимо, выстраивал новую тактику поведения. Он не был дураком. Он точно понимал, что хамить и обвинять в его же покоях никто не посмеет просто так. Он опасался, что за моим поведением стояло что-то более опасное. Он очень быстро догадался, что едва не переступил черту.

— Ладно, давай возьмём себя в руки, — примирительно произнёс Эоанит. — По крайней мере одному из нас это не помешает, — он не стал поднимать упавший бокал, но до

дна осушил соседний. И выдохнул по-нашенски. — Ты зря думаешь на меня, аниран. Я бы никогда не посмел вредить ни посланнику небес, ни королю. А смерть анирана, как не крути, невыгодна им обоим.

— Анирану точно невыгодна, — согласился я. — Но разве Его Святейшество интересуется чья-либо выгода, кроме его собственной?

— Выгода Астризии меня тоже интересует, — ответил он. — Если аниран нужен стране, нужен простому народу, он выгоден и мне.

— Да ладно???

— Ты — как луч веры, появившийся внезапно. Внезапно, но очень вовремя, — заговорил Эоанит. — Твоё прибытие порадовало короля. Он очень доволен. И хоть твои дела не радуют меня, ибо я считаю, что ты способен сделать больше, способен принести больше пользы Астризии, я не вмешивался. Я внимательно наблюдал за тобой и делал выводы. Я не мешал тебе. Я даже помогал...

— Да ладно??? — уже второй раз удивлению моему не было предела. Помогал мне? Чем???

— Не веришь? Я приказал отыскать святого отца Элестина по твоей просьбе. Ты же сам просил об этом.

— И его нашли? — я так и замер на месте. Не может быть! Неужели его действительно отыскали? Но почему так долго тянули, чтобы мне сообщить?

— Нет, не нашли, — Эоанит впервые улыбнулся, видимо заметив, что я разочарованно скривился. — Мои воины обыскали каждый квартал, облазили каждый подвал. Бывшего третьего претендента на церковную тиару нет в Обертоне. Уже давно нет. Тебя, видимо, обманули.

— А насколько влиятелен был Элестин? Может, он затаился? Может, у него в столице много друзей?

— У меня всё равно больше. И влияния, и друзей. Он бы не скрылся от меня. Тебя просто ввели в заблуждение. Уверен, если этот недалёковидный болтун ещё жив, он находится далеко отсюда.

Теперь уже замолчал я. Я действительно был разочарован. В дороге из Равенфира я строил планы, как разберусь со злобным стариком. Как выбью ему зубы, если отыщу. Но, видимо, не судьба. Или Эоанит врёт, или Элестин и не собирался возвращаться в столицу. Тогда вопрос: почему на краю гибели мне об этом сообщил Имхад? Зачем было врать?

— Меня не интересует перевернутая страница Элестин, — из дебрей размышлений меня вырвал окрепший голос Эоанита. — Меня интересует, что аниран собирается делать дальше. Влиятельные люди считают его мёртвым. Но слух, что он выжил и выглядит ничуть не хуже, чем раньше, быстро облетит все поместья, дома и подвалы. Чудесное воскрешение анирана — чудо не меньшее, чем его появление. Чем аниран планирует заняться дальше? Каковы его планы?

— Его Святейшество очень умело прыгает с темы на тему. И умеет переключить внимание, — я не собирался плясать под его дудку — Но что он скажет на счёт покушения?

...

— Я не причастен к отравлению! — Эоанит вновь зарядил рукой по столу. — Прости, аниран. Но ты действительно огульно меня обвиняешь. Я даю тебе слово, что никоим образом не пытался тебя отравить. Никогда бы не посмел.

— Хорошо, — его эмоции немного меня озадачили. Я даже подумал, что реально

ошибался в своих предположениях. И что Эоанит меня не травил. — Но нападение на площади... "Иванов день", как занесли в хроники... Его Святейшество тоже отрицают своё участие?

— Естественно! — Эоанит натурально выпучил глаза. Прямо как великий актёр. — Ты ищешь врага там, где его нет. Смотришь не в ту сторону.

— На меня напали совсем непростые убийцы...

— Правильно, — поспешил согласиться он. — Конечно, не простые. Я же тоже проверил своими путями... У анирана масса врагов. Но аниран ошибается — я не в их числе. Умелых наёмников оплатить могли многие. Они могли прибыть из Декедды. Из Эзари или Кондука. У них есть золото. Его хватит, что оплатить целую армию и погнать её на Обертон. Не только жалкий десяток убийц...

— Четыре десятка.

— Неважно. Смысл, я надеюсь, ты уловил... К тому же не стоит забывать про выскочку Хатемажа — пусть никогда Фласэз не примет его в свои ряды. Ты поступил с ним не совсем справедливо...

— Что??? — уже в третий раз крайне удивился я.

— Ты просто убил его. Ты не старался договориться, а просто обезглавил. Ты считаешь это справедливым? Тогда осмелюсь сказать: его сторонники злы на тебя... Не смотри на меня так. Ты уничтожил далеко не всех, как я знаю. Да, обезглавил не только его, но и банду. Но всё же остались те, кто затаил злобу. Думаю, это были они. Или это бывшие гессеры — верные Хатемажу люди — решили с тобой поквитаться. Или нашли тех, кто согласился поквитаться вместо них. Но поквитаться за деньги.

— Откуда Его Святейшество может это знать? — скептически скривился я. — Или он просто предполагает?

— Я знаю многое, — усмехнулся Эоанит, вновь почувствовав уверенность. — Знаю даже имена тех дев, которых королева подкладывала в твою в кровать. Если бы я хотел тебя убить, почему не договорился с ними? Я бы смог одну из них попросить о небольшом одолжении. Думаешь, кто-либо из них отказал бы мне?

А этот раз покраснел, как рак, именно я. И именно я был готов взорваться, понимая, как длинны щупальца этого мерзкого спрута. Он действительно многое знает, на многое оказывает влияние и держит под контролем. Боюсь, если бы он реально хотел меня убить, то уже давно убил бы.

А может, мне стоит его опередить и прикончить первым?

Вопрос, который я задал самому себе оказался совсем не праздным. Зачем ждать, если можно просто решить его здесь и сейчас? Пусть это будет неправильно, но я хотя бы перестану оглядываться. Да и не придётся отдавать суп на пробу профессору Гуляеву.

— Ещё раз скажу, — Эоанит прекрасно отслеживал мою мимику. — Я не враг тебе. Конкурент, возможно. Соперник слегка. Но не враг. Я бы никогда не задумал такую подлость, как умерщвление анирана.

— А как же мощи во все концы страны?

— Ой, прошу тебя! Оставь! Для красного словца просто. Чтобы продемонстрировать своё влияние. Я не думал, что ты это запомнишь, — Эоанит растянул тонкие губы в улыбке. — Признаюсь, ты неплохо справился. Ты навёл порядок в Обертоне. Я недавно ездил и видел на скольких полях колосится овёс. Тебе удалось заставить Его Величество открыть склады под посевную, а не беречь. Если засуха обойдёт нас стороной, этой зимой,

уверен, голодать никому не придётся... А строительство? Трущоб больше нет, но у леса отвоёвывается пространство. Идёт строительство невиданного масштаба! Скоро близ Обертонна вырастет настоящий город-сосед, а не обычная деревня, обнесённая частоколом. И это всё благодаря тебе.

Я окончательно растерялся. Я не ожидал, что Эоанит так умело отобьётся от обвинений. Что переведёт стрелки на Хатемажа, а затем будет петь дифирамбы моим начинаниям. Я ожидал, что он будет надменный и снисходительный. Такой, каким он меня встретил. Но он быстро сориентировался, перестроился и сбил мой негатив. А затем ещё сладкого мёда в уши подлил. Я чувствовал себя абсолютно растерянным.

— Ну а теперь давай поговорим серьёзно, — Эоанит опять быстро разобрался в обстановке. — Я вижу, что ты совсем непрост. Как аниран, ты совсем не похож на то ничтожество из Кондука. Он, как и любой другой аниран, думаю, не смог бы пережить того, что уже пережил ты. Каким-то непостижимым образом тебе удаётся справляться со всеми невзгодами. Ты умеешь цепляться за жизнь. Но, ещё раз говорю, твои устремления опасны. Подумай о том, что ты творишь. Загляни дальше. Второе пришествие Фласэза неизбежно. Ладно, пусть многие из нас до этого не доживут. Но один единственный аниран доживёт обязательно. В этом священный смысл вашего пребывания здесь. Подумай о том, достойна ли чернь участи быть спасённой? Подумай: возможно есть избранные, которым аниран позволит стать рядом с собой? С кем разделит силы и даст надежду увидеть Троединого Бога своими глазами. Задумайся: а нужно ли столько ртов умирающему миру? Запасов с каждой зимой будет становиться всё меньше и меньше. Возделывать поля очень быстро станет некому. Не проще ли анирану создать собственный круг? Круг, куда он позволит войти только самым достойным. Тем, кто обладает властью, знаниями и влиянием. Кто умеет договариваться с врагами и сотворить из них союзников. Почему бы этому анирану, который более всех достоин остаться тем самым единственным, не избрать своей базой Обертон и здесь создать свой круг избранных? Избранные помогут анирану справиться. Не дадут сойти с пути и стать на путь драксадара. Только те, кто знают больше, понимают, насколько анирану будет непросто на этом пути. Они — такие, как я, — понимают, с чем столкнётся аниран, когда придётся совершить финальный выбор. И если самый достойный аниран ошибётся, пришествия Фласэза мы не увидим. Мы увидим пламя с небес, которое испепелит цветущий мир. Ладно, пусть мы оказались недостойны. Но анирану по силам всё исправить. Он лишь должен следовать советам достойных. Не только отбросить попытки спасти чернь, но и прислушиваться к тем, кого он изберёт в свой круг. Только в этом случае у анирана есть шанс выполнить свою миссию. Получив такой тыл, он займётся своими непосредственными обязанностями — отыщет остальных аниранов. Отыщет и уничтожит их!

Во время этой речи я открывал рот всё шире и шире. А складки на лбу сложились в болезненную гармошку. Но чем дольше я слушал, тем больше убеждался в своей первостепенной оценке Эоанита: он настоящий мерзавец. Он не только был мне противен, я, кажется, ненавидел его. Не потому, что его дочь оказалась права в оценке его характера, а потому, что я сам в этом убедился. Этому подонку реально плевать на всех кроме себя. В гробу он видел и свою покойную дочь, и короля, и всех жителей Астризии. Он хочет стать избранным. Тем, кто станет рядом с анираном, когда придёт то самое божество и начнёт раздавать звездюлей. Он желает, чтобы я каким-то хреном разделил с ним свою силу — не понимаю, что сие значит. Метки я, вроде бы, не могу перекинуть другому. Из меня своей меткой их может вытащить другой аниран. Но этот козёл хочет затянуть меня в свою

паутину, повелевать и командовать. Как белый свет в моём жутком сне, он хочет дёргать за верёвочки. Хочет, чтобы я стал его куклой. Он желает создать общество друзьяшек, где аниран будет играть роль пугала, а остальные — пожинать плоды.

Признаться, сдержать кипение не удалось. Я закипал, как настоящий чайник. И вода в этом чайнике очень быстро добралась до ста градусов.

— Ну ты и мразь, — прошипел я сквозь зубы. — Избранные? Зачем нам чернь? Круи влиятельных и достойных? Уж не себя ли ты считаешь самым достойным? А может ещё кого подобного тебе? Эвенета, например? Ну уж нет. Такие, как ты, не только недостойны стоять рядом с анираном. Они недостойны стоять вообще. Они должны лежать в земле. А сверху их должен давить двухметровый пласт, чтобы не выбрались... Хорошо, ты рассказал мне всю правду. Открыл карты, можно так сказать. Теперь позволь открыть их и мне... всю твою поганую религию я разрушу. Собой я уничтожу смирение, которое ты создал. Я обойду Астризию с края на край. С севера на юг, с запада на восток. Я всем покажу, что у людей есть надежда. Всем объясню, что смиряться им не с чем. Что они не обречены. Что они ни с чем не провинились и не должны каяться. Они должны верить, что аниран их спасёт. Верить в спасение и верить в анирана. Я сделаю так, что люди вновь поверят в будущее. Они перестанут быть безропотным стадом, считающим, что оно заслужило быть обречённым на погибель. Всё будет совсем наоборот. Ведь я не стану просто разбрасываться обещаниями, я делами докажу, что спасение возможно... А вас... Всех вас, поганых вредителей. Святых отцов, старейшин, первосвященников и эстархов я передавлю своими руками. Всех тех, кто посмеет оказывать сопротивление. Кто будет мне мешать и ставить палки в колёса. А затем я разрушу все ваши храмы. Всё ваше смирение и покорность я превращу в руины... Ты побледнел, Эоанит? Тогда запомни последнее, что ты от меня когда-либо услышишь: раньше чем падёт двенадцатый аниран, он растопчет всех, кто мечтает стать достойным. Раздавит всех, кто считает себя избранным.

Эоанит действительно побледнел. Выражение "белее мела" идеально подходило к цвету его лица. Он не мигая смотрел на меня, хлопал ртом и не мог издать ни звука. Он был настолько перепуган, что выронил второй бокал. И теперь на полу рядом с первым бокалом на красном пятне лежал и второй.

Я встал и пошёл к выходу. Больше говорить было не о чем. Да и сказать-то уже нечего. Эоанит сказал всё, что хотел сказать. Я — тем более. Осталось лишь разойтись, пока не поубивали друг друга, и запомнить, что здесь сегодня произошло. Ведь, я уверен, теперь каждый понимает, что подружиться нам не удастся никогда.

Часть 4. Глава 29. Предложение Гвелерга

После лёгкой, к-хм, размолвки, Эоанит исчез из моего поля зрения. Я увёл своих друзей и гессеров от его дома под гробовое молчание храмовников. Бросил им небрежно: "Задумайтесь над тем, чьи приказы вы выполняете", и был таков. Затем вернулся во дворец и занялся рутинными делами — стал готовиться к очередной демонстрации анирана народу. Попросил профессора сварганить очередную пафосную речь, а короля — увеличить количество охраны. Не только мне, но и самому себе. А затем честно объяснил по какой причине.

Но Его Испугавшееся Святейшество не стали мстить за поруганную честь. Как я говорил, они исчезли с моих радаров на какое-то время. Но появились другие потенциальные пакостники — послы стран, которые своими глазами видели, как я корчился. А затем корчились сами, когда увидели меня живым и невредимым.

Особенно достал Гвелерг. Он сам чуть в обморок не рухнул, когда меня увидел. И в течение нескольких дней хвостиком бегал, славя мои аниранские способности. Он просил разговора наедине, но я отмахивался, раз за разом говоря, что мне не до него. Решил неожиданную проблему Его Величество. Через несколько дней он поймал меня за руку и доверительно прошептал, что самфунн пообещал списать некоторую сумму по займам, если их тираму я уделяю время в конфиденциальном разговоре. Он сильно настаивает на этом. Да и предложение слишком заманчиво, чтобы от него отказаться. И я вынужден был с Его Величеством согласиться. Сам того не желая, я немного обострил отношения с башами. Уверен, Гвелерг докладывал им каждое моё слово. Но если баши предложили королю скидку всего лишь за разговор, глупо было от него отказываться.

Гвелерга доставили в тронный зал, где в сей час находился лишь я и около пятидесяти гессеров. Посла обыскали с самой тщательной тщательностью, а затем усадили на стул.

— Спасибо, Бертрам, — поблагодарил я начальника своей охраны. — Оставайтесь рядом, но за дверью. Думаю, наш добрый друг не станет проказничать.

— Разве я давал повод анирану считать себя глупцом? — Гвелерг улыбнулся в своём снисходительном стиле. — Я так долго добивался этой встречи... Даю слово чести, что не посмею причинить вред анирану. Поверь, аниран, если житель гор даёт слово, он его держит.

— Гор?

— Я родом из северной оконечности острова, аниран. Мы — люди суровые. Но мы знаем, что такое честь. И никогда не нарушаем данное слово.

— Мне сложно в это поверить, Гвелерг, — признался я. — Ты мне всегда казался образцом хитрости и коварства. Впрочем, для посла, наверное, это весьма важные качества.

— Прости, аниран, но ты ошибся в оценке моего характера. Я презираю подлость не меньше тебя. Я всегда получал то, что нужно самфунну, не благодаря обману и извилистым путям, а благодаря аргументам.

— Соглашусь. С позиции силы всегда говорить проще. Даже с самим королём огромной страны, которому ничтожный остров ссужает деньги. Было бы всё наоборот, аргументы твои, Гвелерг, не стоили бы ломаного гроша.

Гвелерг неловко поёрзал на стуле. Мои слова ему не понравились. Это было очевидно. Особенно часть про "ничтожный остров".

— Аниран не рождён в этом мире. Он не может знать того, что знаю я. Он относится к моей родине, как чему-то недостойному. Но, уверяю, аниран ошибается. Мы — прагматичные люди. А самфунн никогда не принимает решений, не взвесив всё сотню раз... Да, сейчас времена такие, что нельзя не обращать внимание на изменения. Надо чутко прислушиваться и быстро реагировать. И самфунн прислушался. Он услышал от меня невероятную историю, долго думал и ответил...

— Гвелерг, мне абсолютно безразлично, какие тебе раздают указания. Я не питаю никакого уважения ни к твоей маленькой родине, ни к твоим хозяевам. Давай по существу.

— Хорошо, аниран, — Гвелерг кивнул головой. — Но сначала тебе придётся кое-что выслушать. Это очень важно.

— У тебя есть полезная для анирана информация?

— Не совсем. Я всего лишь уста. Уста самфунна. Я обязан говорить то, что самфунн приказывает мне говорить.

— Весьма честное признание. Я слушаю тебя, тирам.

Гвелерг, что было для него неестественно, некоторое время пытался подобрать слова. Он покачивал головой и пытался понять, с чего лучше начать. И всё же решился.

— Я видел тебя, аниран. Видел, как ты упал. Видел на твоём лице печать агонии. Видел, как корчи едва не сломали твой хребет... Но затем я увидел что-то куда более невероятное... Что это? Это непонятное нечто вонзилось в твою ногу... А затем... А затем ты всё ещё дышал. Тебя отнесли, а всех нас держали в неведении... Но ты остался жив. Я знаю, что анираны отличаются от нас. Что они — посланники небес. Но ничего подобного я никогда не видел. И не мог предположить, что такое возможно. Мне кажется, что ты не просто самый необычный из аниранов. Ты — бессмертен!

Я захохотал. Гвелерг выглядел смешно, когда говорил торжественно. Подобострастно даже. Или он реально восхищался мной, или просто льстил. И я, в принципе, мог его понять. Другой вопрос — я-то знаю, что ни хрена не бессмертный. Уже второй раз спасся лишь чудом.

— Вот уж не ожидал подобных слов от циничного тирама.

— Чудесное исцеление анирана из циника превратило меня в верующего.

— Мне сложно поверить, что такой прожжённый интриган, как ты, Гвелерг, может быть столь впечатлительным. Анираны все уникальны. Я лишь чуть более уникален, чем остальные.

— Я к этому и веду, — продолжил Гвелерг. — Я же видел это своими глазами. И теперь не сомневаюсь в уникальности этого анирана... И я всё пересказал башам. Всё, что увидели мои глаза. Самфунн доверяет мне и в словах моих не сомневается. Самфунн подумал и позволил мне, с позволения уникального анирана, озвучить своё предложение.

— Не понял? — я удивлённо вскинул бровь. — Предложение самфунна лично мне? О чём?

Гвелерг разволновался. Видимо, он предполагал, как я отнесусь к ещё неозвученному предложению. Он гладил окладистую бороду, а глаза метались, словно искали новую точку, на которой могли бы сосредоточиться. Лишь бы не на моих глазах.

— Аниран, — проникновенно начал он. Кинулся, резко опустился на колени и сжал мои руки. Всё проделал столь быстро, что я успел лишь испугаться, а не среагировать. Но, к счастью, нападение в его планы не входило. — Баша куда могущественнее Анфудана Третьего. Куда влиятельнее. В их руках сосредоточено всё золото многострадального мира.

Позволь им принять на себя заботы о тебе... Да, всё верно. От себя лично и от лица всемогущего самфунна я предлагаю уникальному анирану перебраться в Кондук.

— Что??? — я закашлялся.

— Покровительство башей защитит тебя от нападения лучше, чем любая стена из крепкого металла. Их умелые воины непобедимы. Они выделяют тебе всё, лишь ты только попросишь. Всё, что тебе будет необходимо для дел твоих, они дадут.

— Ничего не понимаю. Откуда вдруг такой интерес именно ко мне? Ты же недавно хвастался своим анираном. Тем, который припеваючи живёт на вашем острове. Он могучий воин, он непобедим и бла-бла-бла... В твоих глазах я выглядел настоящим задохликом, по сравнению с ним. Что изменилось? Неужели моё невероятное воскрешение так подействовало на тебя? На тебя и на башей.

— Не только оно, — честно признался Гвелерг. — Все шокированы способностью этого анирана побеждать смерть. Но дела его, его способности тоже вызывают уважение. Башни были крайне взволнованы твоим появлением. Они приказали мне внимательно следить за тобой и протоколировать. И они в смятении. Отчасти потому, что тебе многое удалось. Что в нынешней Астризии уже нельзя признать ту, коей она была зиму назад. Ты уже изменил её... А отчасти потому они в смятении, что аниран острова Темиспар — аниран Гудмур — ни на что подобное не способен. Со времени своего появления он ни разу не проявил заботу о острове. Он не считает его родным и пользуется своим положением лишь для удовлетворения своих потребностей. Он ходит в набеги и развлекается, участвуя в грабежах. Но когда возвращается, лишь доля с добычи его интересует. Он настолько отрешённый, что самфунн оставил идею пригласить его присоединиться. Башни видят далеко. Они понимают, что аниран Гудмур — всего лишь опасное оружие. Оружие, которым можно грозить... Но, прознав о способностях анирана Ивана, башни решили, что он лучше подойдёт для исполнения великих целей самфунна. Они приказали мне озвучить такое предложение: аниран Иван перебирается в Кондук. Получает всё, что пожелает. Он знакомится с анираном Гудмуром и пытается найти с ним общий язык. Вместе с ним Иван пытается найти пути исцеления мира. Станет рука об руку и громогласно заявит об этом... Если же это не удастся, если два анирана не смогут ужиться, аниран Иван волен убить анирана Гудмура. Самфунн будет готов помочь в достижении этой цели.

Я закашлялся вторично. Ни хрена себе расклады. Что это за самфунн такой? Что за башни, которые вертят людьми, как хотят? Считают их пешками.

— Вы даже собственного анирана готовы принести в жертву? Вы холили его и лелеяли, а теперь готовы слить, так как узрели кого-то более перспективного?

— Ещё раз скажу: времена такие, что нельзя проявлять слабость. Нужно оставаться прагматичным. Выживет не сильнейший, а тот, кто прагматичен. Кто смотрит далеко, мыслит глубоко и не мучается угрызениями совести. Время, как и сама жизнь, утекает.

— Поверить не могу! Просто беспринципные мерзавцы!

— Ты согласишься, аниран? — тирам меня как будто не слышал. — Я могу передать, что моя миссия успешна? Поверь, тебя обеспечат всем необходимым. Тайно, если придётся, доставят на север. А у руин Халтберна будет ждать корабль. В восхитительном комфорте ты прибудешь в Кондук. А там... А там всё, что ты захочешь, будет твоим. Хочешь женщину? Будет! Хочешь мужчину? Будет! Хочешь мальчика или девочку...

— Так, стоп, Гвелерг! — я вскочил. — Не смей при мне говорить о детях! Ваш мерзкий остров сгребает детей со всего света. Вы официально их покупаєте. Вы — главная проблема

этого мира. Вы порождаете работоторговлю — бесчеловечную торговлю, с моей точки зрения — и делаете это занятие прибыльным. Я бы хотел сжечь ваш гнилой остров вместе с теми, кто принял такое решение!

— А знаешь, почему самфунн решил так поступать? — спокойно поинтересовался Гвелерг. — Знаешь, зачем мы забираем самых молодых и здоровых детишек?... Магистр Анумор часто допытывался у меня. Но права разглашать такие секреты я не имею. Тебе же, если пожелаешь, расскажу.

Я опять удивлённо захлопал глазами.

— Тебе дал дозволение самфунн? Они готовы на всё, чтобы переманить меня?

— Нет, это моё решение, — Гвелерг не отвёл взгляда. — Уверен, баши бы дали добро.

Но только если бы эта информация навсегда осталась с тобой. То есть только тогда, когда ты ногами бы стоял на берегу острова.

— Неужели всё настолько серьёзно?

— Более чем. Важнее этого ничего нет.

— Вы что-то с детьми там делаете? Так ведь? На острове на своём.

— Мы всего лишь даём им возможность жить дальше. Даём пищу, знания и медицину...

Великая идея самфунна состоит в том, чтобы спасти последнее поколение, — возвышенно произнёс Гвелерг, словно эта идея была его религией. — Мы собираем со всех земель последний приплод. Тех, кто проживёт дольше остальных и сможет позаботиться о башах, — Гвелерг тяжело вздохнул, рассматривая моё, офигевшее в очередной раз, лицо. — У нас есть всё, что необходимо для выживания. Есть пища, много золота, мудрость поколений, ресурсы. Мы дадим детям гораздо больше, чем могли им дать их родители и их родные земли. Наша вера в аниранов не абсолютна. Мы прагматики, если ты не забыл. Спасёт ли аниран мир, или не спасёт — никто не знает. Никто не сможет сказать с уверенностью. Но то, что мы можем воспитать и спасти последнее поколение — это несомненно. Когда наш мир подойдёт к обрыву, на острове останутся те, кто сможет увидеть падение мира с этого обрыва. Эти дети станут взрослыми. Они переживут сложные времена и увидят, чем завершится путь аниранов. Они или станут рядом с ними и встретят спустившегося с небес Фласэза. Или узрят крах. Так или иначе, последнее поколение сможет наблюдать за концом с острова Темиспар, а не оттуда, где задолго до этого не останется никакой жизни.

Я услышал тирама. Услышал и понял, о чём он говорит. Но фундаментальные планы башей казались мне абсурдом. Логики, конечно, они не были лишены. Но всё равно выглядело странным. Я могу поверить, что в удачную миссию аниранов веры нет. Ведь действительно непонятно, чем всё завершится. И появится ли вообще достойный. Но воровство детей, чтобы дать им возможность увидеть конец света, выглядит крайне странно. Возможно, тут есть что-то ещё? Например, воспитание рабов, которые будут способны обслуживать дряхлеющие тела власть предержащих, когда тела их начнут увядать. Ведь чем старше человек становится, тем больше нуждается в уходе. А те люди, которые имеют всё, обычно живут долго. Пересаживают себе почки, печень, сердце. Сколько я подобного наслушался в своём мире. Даже шутки слышал, что футболисты, как самые здоровые представители хомо сапиенс, идеально подходят для трансплантации органов. Ладно, пусть в этом мире вряд ли медицина когда-либо достигнет таких высот, но в обслугу для старческих задов я поверю легче, чем в возвышенные идеи воровства детей, чтобы дать им возможность прожить достаточно долго.

— Зачем это башам? — развёл я руками. — Ведь в этом нет смысла. Смерть всё равно

всех настигнет.

— Кого-то раньше, а кого-то позже, — немного поправил меня Гвелерг. — А кто-то, как решили баши, уйдёт последним. Самфунн верит в это. Сохранить последнее поколение — это главная идея самфунна. Все решения и поступки направлены лишь на то, чтобы обеспечить этому поколению выживание.

— Следовательно, нападения и грабежи продолжатся? Работорговля будет процветать, а несчастные родители, которым не повезло иметь детей, будут страдать? — сквозь зубы процедил я.

— Несомненно, — Гверег даже бровью не повёл. — Нет важнее цели для самфунна. Нет важнее жизней. Все остальные жизни не имеют значения... Ты... Ты, как аниран, должен это понимать. Когда есть великая цель, разве может кто-то стоять на пути к её достижению? Но если кто-то стоит, его надо убрать со своего пути. Иначе цели ты не достигнешь.

— Изящно выражаешься, Гвелерг. Оказывается, ты совсем не сухарь. Ты тоже во что-то веришь и к чему-то стремишься. Я думал, ты всего лишь балагур. Пьяница и бабник. Ты прекрасно устроился, отправляя послания на остров, и ни о чём не беспокоишься. Но я ошибался. Что уж тут? Надо признать.

— Прости, аниран, — поклонился тирам. — Но твоя оценка моих способностей тоже не важна. Мне нужно знать твой ответ. Пожалуйста, прежде чем принять окончательное решение, задумайся. Взвесь всё. Осознай прагматизм в идеях самфунна. И примкни к нему. Если ты так поступишь, у тебя будет всё время, тебе доступное. Всё время мира.

— К сожалению, не будет, — уверенно ответил я. — Ваш Белый Великан, ваш аниран Гудмур попытается убить меня, едва моя нога ступит на берег острова. Тут уже тебе придётся поверить мне на слово, Гвелерг. Я точно знаю, о чём говорю... Но даже если мне удастся справиться с ним, я всё равно не совершу столь мерзостный поступок — я ни за что не примкну к башам. И они, и их идеи омерзительны. Да, ты разогнал туман. Объяснил мне мотивы. Но от этого они не стали менее омерзительными... У вас всё золото мира, ты говорил? Вы бы могли найти лучшее применение этому золоту, чем накапливать его или гнобить остальных процентами. Вы бы могли разделить его со всем миром. Помочь выжить остальным, а не беспокоится лишь о себе. Запираться на острове, окружить себя коконом из воды и создать достойные условия для последних оставшихся в живых — не может быть моей целью. Моя цель — спасти всех. Не только избранных, а всех, до кого сможет дотянуться моя рука.

Гвелерг был похож на большую бородатую тучу. Он смотрел на меня исподлобья и просто молчал.

— Я хочу, чтобы ты передал своим хозяевам, тирам, — продолжил я. — Не может быть взаимодействия с вашим анираном. Не только потому, что он подонок. А потому, что останется только один... Так и передай. Слово в слово. Он точно поймёт... А во вторых: меня тошнит от того, чем промышляют баши. Разрушать семьи, наносить тяжёлые травмы детским душам — неприемлемо. Я никогда не стану по одну сторону с мерзавцами, промышляющими работорговлей. Ни с исполнителями, ни, тем более, с заказчиками... Но и это не всё. Я прошу, чтобы ты передал, что я задушу своими руками — лишь только руки дотянутся до шеи — каждого, кто поощряет работорговлю. Плач каждого ребёнка, каждой матери отдаётся во мне ненавистью. Я уже успел посмотреть, как это выглядит. И я накажу всех, кто несёт за этот ответственность. Рано или поздно, я приду за башами. Я обещаю.

Гвелерг, казалось, уменьшился в размерах. Его огромная туша уже не казалась мне

такой огромной. Он стал похож на сморщенный стручок. Не знаю, испугали ли его угрозы, или он опасался звездюлей, которых получит, передав мой отказ. Я мог лишь строить предположения. Но то, что мои слова глубоко отозвались в нём, было очевидно.

— Так ошибаться в человеке — пусть даже это не человек, а аниран — мне никогда не приходилось, — прошептал тирам. Он смотрел на меня по-особому. Как Яннах когда-то — как тот, кто увидел нечто новое. То, чего не замечал ранее. — Я уже жалею, что на твоём месте не аниран Гудмур, а ты не на его месте — строишь что-то новое на моём острове. Мне почему-то кажется, от этого остров только бы выиграл.

— От тебя весьма лестно слышать такие слова, — я осторожно поклонился ему, не забывая не опускать глаз. Всё же этот товарищ мне совсем не товарищ. — Но моё решение окончательно. Так и передай башам... И не забудь добавить, что этого анирана невозможно убить. Пусть даже не пытаются.

— Они уже это знают, — Гвелерг поднялся, прислонил руку к груди и поклонился в ответ. — Я всё передам, аниран. Слово в слово. Но, будь уверен, самфунну это не понравится. И они не оставят тебя в покое, — он направился к двери, но на полпути остановился. Обернулся, долго смотрел на меня и произнёс. — Может, ты и есть Фласэз? Кто ещё может быть так похож на бессмертное божество?

Удалялся он под моё очередное охренивание. Что это ещё за предположение? Почему он сравнил меня с Фласэзом? Я-то ведь не бессмертен. Это всего лишь игра. Почему он посчитал меня тем, чьё пришествие они ожидают? Он умом тронулся?

Вопросы эти, правда, так и остались без ответа. Ведь вместо того, чтобы побежать следом и узнать, я опустил зад на стул и задумался: возможно, предположения Гвелерга не лишены смысла. Есть в них что-то глубокое...

Часть 4. Глава 30. Войсковой смотр

Спустя несколько дней после интересного разговора, я уже полностью забыл его содержание. Каждый день в столицу приходили или приезжали крепкие и не очень мужчины. Приходили семьями, приводились за руку суровыми отцами, шли по одиночке, имея в ценностях лишь котомку за спиной. Таких мужчин встречали у врат, внимательно опрашивали, давали серебрушку из закромов Хатемажа и расселяли в наспех построенных бараках за городскими стенами. Там мы селили не только беженцев, но и тех, кто затем переедет в казармы.

Я никогда не участвовал ни в каких смотрах. Тем более в военных. Поэтому мне всё было интересно. Я впитывал происходящее, как губка. Запоминал, прислушивался к советам Гуляева и учился.

В день середины лета открылось ристалище. Тот самый амфитеатр с земляной ареной. Именно там мы, руководствуясь советами Гуляева и опытом профессионалов, устроили смотрины. На трибунах, вмещавших тысячи три-четыре народу, как объяснил мне Его Величество, мы рассаживали мужчин. Затем выстраивали очереди и прогоняли мимо тех, кто умел оценивать: мимо лекарей, мимо мастеров владения оружием, типа Сималиона, и мимо командеров. Мужчин шупали, допрашивали и проверяли физические возможности. С утра до самого вечера шёл смотр и формирование новых сотен. Несмотря на отсутствие боевого опыта у большинства новобранцев, мы набирали практически всех. Косых, хромых и кривых не брали, конечно. Но требования по здоровью всё равно были минимальны. А когда удавалось обнаружить старых вояк, ранее вышедших в отставку, но, прослышав про клич короля и анирана, решивших вновь стать в строй, им сразу раздавали должности от десятника до сотника.

В общем, дела складывались неплохо. Рекруты были мотивированы. А с учётом того, что я сам практически целый день бродил меж их рядов, благословлял и показывал, кто я есть, в отказ не пошёл никто. Наоборот, были расстроены тем, что им отказали.

— Как успехи, Фелимид? — задал я вопрос рыжему бедолаге, который весь день крутился, как белка в колесе. Он проверял людей и отбирал самых толковых и выносливых.

— Бывшие храмовники ко мне просят через своих новых десятников, — выдохнул Фелимид. — Их тоже немало. Но у меня уже почти сотня людей. Если набрать больше, возникнут проблемы с оплатой.

— Запасы есть ещё?

— Сундук Хатемажа не бездонный, — хмыкнул он. — А драгоценные камни я уже сменял по-тихому, чтобы Его Величество не прознал. Довольствие, казармы... Пока хватает, но не знаю, надолго ли.

— Понял, — я неловко покряхтел, раздумывая, кого ещё можно ограбить. Хоть реально иди к королеве, забирай её гардероб и устраивай распродажу на площади. — Придумаем что-нибудь...

— Отобрали уже три тысячи, — к нам подошёл улыбающийся профессор Гуляев. Войсковой смотр, как я понял, пришёлся ему по душе. — Надо закругляться, наверное. Затем выдать немного денег тем, кто не подошёл, и отправлять их по домам.

— Выяснили, кто из них хороший наездник?

— Пару сотен всего отобрали. Желающих было больше, но, боюсь, на всех не хватит

лошадей. Сейчас в Обертоне больше тяговых, чем ездовых. А как начнём собирать урожай, станет ещё сложнее.

— Значит, конной армии у нас не выйдет?

— Не переживай, Будённый, — засмеялся Гуляев. — Армии не выйдет, но пара сотен, которые мы отправим в Сторожевой Лагерь на обучение, найдётся. Больше всё равно не прокормить. Там фуража надо столько...

— Ладно, хватит, Великий Магистр, — отмахнулся я. — Всё будет хорошо, как овёс поспеет. А что с пехотой?

— Каталам сказал, что сам отберёт тысячу. Отберёт и расселит в казармах Обертон. Как ты и просил.

— Замечательно. А тех, кого король отозвал из деревень ранее, надо отправлять обратно. Посадить на лошадей, раздать приказы и отправлять... А как Яннах себя ведёт? — я кивнул головой в сторону толпы вояк, центром которой являлся руководящий мастер-коммандер. — Не бузит?

— Что ты! Он участвует во всём. Редкий рекрут проскочит мимо его внимательного взгляда. Пока есть возможность содержать армию и ему не придётся это делать из собственного кармана, он двумя руками за её увеличение. Ранее он командовал куда большим количеством солдат. Он хочет это вспомнить. И, уверен, вспомнит.

По зелёной лужайке, в которую превратилась арена из-за того, что ею не пользовались с начала лета, передвигалась целая процессия. Его Величество шёл с видом знатока в окружении важных людей. По случаю, он надел свои старые королевские доспехи. Но выглядел в них не впечатляюще, а смешно: кольчуга, даже перешитая, лежала на пузе и вольно болталась у паха. Но окружающие его послы, Муадан и прочие очень близкие к телу подхалимы, внимательно слушали королевские речи. Его Величество размахивал рукой, указывал на практически опустевшие трибуны и сбитые полки новобранцев, где уже во всю хозяйничали сотники. Там раздавались крики, призывавшие деревенщин держать строй, а не падать ниц, покуда им не прикажут.

Король был всем доволен, как я понял. Он действительно ужаснулся и выделил Яннаху довольно серьёзную сумму. Плюс, я ещё подкинул отобранное у Хатемажа. То есть и прокормить, и оплатить услуги новоявленных солдат мы сможем. По крайней мере, какое-то время.

— Аниран, зрелище весьма впечатляющее, — улыбаясь, король подошёл сам и подтянул за собой всю шоблу. — Я и не думал, что в Астризии ещё остались крепкие, не испытывающие страха мужи. Думал, все попрятались давно. А вон как...

— Голод, несомненно, повлиял на многих, — посол Эзарии, всё тот же постоянно раздражавший меня Рауф Бумедьен, опять влез ни к селу ни к городу. Он брезгливо кривился и смотрел по сторонам. — Вижу тощие шеи, слабые спины. Чтобы превратить их в воинов, хотя бы наполовину похожих на воинов непобедимого Шазана-аль-Эзара, придётся постараться. Иначе они будут годны лишь для того, чтобы идти следом за плугом.

— Метко подмечено, — присоединился к коллеге Амран Хабиб — посол Декедды. Его, наверное, сие действие пугало ещё больше, чем Рауфа Бумедьена. Ведь, в отличие от Эзарии, чтобы вторгнуться в Декедду, не было необходимости переплывать океан. — Одним хлебом их не накормить. На хлебе даже меча в руках не удержать. Нужны зимы подготовки, прежде чем они станут полезны. Только, мне кажется, не выдержит казна Астризии дополнительного груза. Все эти полки распустят к зиме.

— Я смотрю, послы полны желчи, — я всегда был готов нарваться на драку. Да Его Величество не дал.

— Не иронизируй, Амран. И ты, Рауф, — недовольно пробурчал он, а затем бесхитростно продолжил. — Я же вижу, что вы чувствуете угрозу. Но, поверьте моему слову, вам наши солдаты угрозы не несут. Новая армия нужна, чтобы продемонстрировать черни укрепление королевской власти. Моей власти. Доказать и Эоаниту, и Эвенету, что я хозяин Астризии. Я, а не они.

— Боюсь, Ваше Величество, я вынужден с вами не согласиться. Чем больше армия, тем больше дезертиров. Особенно это касается Астризии, которая славится командованием, создающим из неумелых солдат опасных бунтовщиков. Бандитов или работорговцев, уж извините. Ваши леса кишат ими. Они даже осмеливаются приближаться к благословенным землям Амрана — к независимой Декедде. Его Величество точно уверен, что у него хватит сил держать в повиновении весь этот сброд?

— Попрошу посла выбирать выражения! — в нашей компании не было настоящих вояк. Все они сейчас были заняты выше крыши. Но мастер Сималион, тот, кто сам из служивых, кто имел возможность обучать других, зло сжал зубы. — Декедда — неотъемлемая часть Астризии. Всегда была и всегда будет!

— Народ Декедды — вольный народ! — вскричал Амран Хабиб. Его глаза с подкрашенными веками светились негодованием. — Под гнётом Астризии мы провели слишком много времени. Но сейчас, когда мы уже столько зим свободны, мы не позволим кому-либо нам угрожать! Не будем молча смотреть, как зарождается новая угроза.

— Вы — ничтожная, но раздражающая заноза в теле Астризии, — к моему удивлению, профессор Гуляев тоже не выдержал. — К сожалению, технологии этого мира не позволяют выдернуть эту занозу безболезненно. Но, была бы моя воля...

Я вовремя дёрнул профессора за рукав. Его злой взгляд встретился с моим предупреждающим взглядом и быстро затух. Он, видимо, понял, что едва не наговорил лишнего и не рассекретил себя.

— Возмутительно! Как смеет магистр Анумор угрожать нам!?

— Вам никто не угрожает, дорогой Амран, — Его Величество опять решил выступить в качестве парламентёра.

Но, увы, лавину уже нельзя было остановить.

— Его Величество слепец? Он не видит, что его окружают некомпетентные в военном ремесле люди? Неужели он позволяет себе прислушиваться к ним? Тогда я, как бывший тысячник, просвещу вас...

— В Декедде есть тысяча воинов? — усмехнулся Сималион. — Откуда? Вас там едва сотня наберётся. Сотня неумёх, скрывающихся в скалах.

— Я просвещу вас! — повторился посол, недобро смотря на Сималиона. — Вы не можете диктовать нам свою волю. Не можете озвучивать свои желания. Знаете почему? Потому, что вы не одержали над нами военной победы. Сколько раз пытались, и всё никак не получалось. Уверен, не получится никогда... Но если желаете — добро пожаловать в Расщелину, добро пожаловать в Тихий залив. Попробуйте. А мы посмотрим, что у вас получится.

— Амран Хабиб, вероятно, слишком разогрелся под палящим солнцем, — впервые подключился тирам Гвелерг и попытался сравнить пар. — Я не могу поддержать его слова, хоть они не лишены смысла. Но всё же замечу, что дела Астризии дел Декедды не касаются.

И наоборот. В это страшное время им не стоит грозить друг другу, а стоит вести переговоры и помогать.

— Разве тирама не беспокоит затея анирана? — Амран Хабиб действительно разогрелся. — Ведь он не станет отрицать, что это идея именно анирана, а не Его Величества — увеличить количество боеспособных войск. Или тирам знает, что его земли слишком далеки от Астризии и им ничего не угрожает?

— Нет, не беспокоит, — ответил Гвелерг. — Да и с чего бы? Остров под надёжной защитой великого анирана Гудмура. Глупцом должен быть тот, кто захочет проверить на себе его гнев... Но не менее глупой будет попытка высадить вражеские войска на остров. Бурные воды и опасные мели не позволят это совершить без значительных потерь. Но если потери будут столь велики, останутся ли силы сражаться с яростными горцами, когда нога захватчика ступит на берег?

— Как вы все всполошились, — я не сдержал себя и засмеялся. Видеть, как беснуются и трясутся от ужаса послы было просто прекрасно. — Но вы, наверное, уже забыли, что сказал тирам мгновение назад — дела Астризии касаются только Астризии. Ваше бурчание и недовольство не более чем озабоченное нытьё.

— Аниран!

— Нытьё! — повторил я. — Пусть Его Величество меня простят, но с меня хватит. Я вдоволь наслушался этих паразитов. Если они продолжат в том же духе, я дам обещание воплотить все их страхи в жизнь.

— Что аниран имеет в виду? — визгливо пропищал Амран Хабиб. — Опять угрозы?

— Экспансия, — уверенно заявил я. А по их лицам понял, что значение этого слова им знакомо. — Я изучил карту вашего мира, сокрытую на страницах священной книги, и у меня появились планы. Планы всеобщего единения. И единения я достигну не только подняв с колен экономику Астризии, не только укрепив королевскую власть, но и взяв под контроль всю страну без исключения. Что я имею в виду? Во-первых, тотальное истребление всех тварей, из зимы в зиму вторгающихся на земли Астризии с желанием грабить и убивать. Убивать и грабить. Ни одного из тех, кто ведёт за руку ребёнка на далёкий остров я не оставлю в живых. Во-вторых, вашей прекрасной Декеддой, жемчужиной на берегу океана, как вы считаете, я тоже займусь. Вы или признаете над собой власть анирана и встретите его хлебом-солью. Или встретите копьём. Но во втором случае пощады вам не видать... Я ещё не закончил посол! Хотите не увидеть пощады прямо сейчас? То-то... В-третьих, я сожму в кулак Восток. Церковь и святые отцы слишком вольготно себя там чувствуют. Словно они не есть часть Астризии. Словно они живут в другом государстве. Что ж, я непременно объясню им, как они ошибаются. Насильственно, если придётся. Те шахты, что остаются в руках святых отцов, перейдут в руки Его Величества — законного правителя и хозяина всех земель Астризии... А в-четвёртых, мой дорогой Гвелерг, — я посмотрел на него и поклонился. Но на лице тирама не мелькнуло даже подобие улыбки. Он внимательно меня слушал. — Я вернусь в Халтберн. Да, это так. Хоть я там никогда не был и лишь слышал о былом величии, я туда вернусь. Я не только отстрою город, я имею планы основать могучую крепость, чтобы раз и навсегда прекратить набеги пиратов с вашего острова. Кошмарить север вы прекратите раз и навсегда, когда аниран придёт в Халтберн. Беспрепятственно высаживаться, грабить и убивать, а затем спокойно возвращаться домой, я не позволю. И это, дорогие послы, лишь начальные планы анирана. Астризия перестанет быть дойной коровой для вас. И если вы это не уясните, тогда я перейду к следующему пункту — к экспансии.

— Следует понимать, — Рауф Бумедьен ожил первым после моей речи. — Что аниран, в каком-то неопределённом будущем, собирается осуществить вторжение в Эзарию?

— Если аниран решит вторгнуться на западный материк, — моментально ответил я. Словно ракеткой мячик для пинг-понга отбил. — Он сделает это с целью исцелить вас, а не поработить. Исцелить от лицемерия, алчности и опасных идей, которые губительны для вашего общества.

— Планы анирана во истину грандиозны, — молчавший до этого Исай Онай решил напомнить о себе. — Но Флазирия, как я понял, анирана не интересуется? Флазирия может спать спокойно?

— Не интересуется, — вполне честно ответил я. — Вы очень скоро погубите себя сами, — я хорошо помнил слова профессора, считавшего, что Флазирия с её безумной теократией скончается как государство раньше других. — Вас не спасти даже анирану. Впрочем, у вас есть свой аниран. Пусть он попробует вас спасти. Хотя, мне почему-то кажется, он не станет этого делать. Ведь ему нет никакого дела до чужих жизней, верно? Они ему так же не интересны, как жизни жителей острова Темиспар анирану Гудмуру. Я всё верно говорю, дорогой тирам?

Гвелерг не стал отвечать на этот вопрос. Он хмурился. Ни капельки веселья не было на его широком бородатом лице. Вместо ответа он резко развернулся и направился в сторону выхода с ристалища. А за ним, как стая собачек, устремились остальные обиженки.

Лишь Амран Хабиб задержался. Он тужился и напрягался, видимо, подбирая слова для колкого ответа. Но, в итоге, лишь брякнул: "Ну что ж, посмотрим". Затем развернулся и принялся догонять удаляющихся послов.

Очередной вечер, благодаря моим словам, перестал быть томным. Это демонстрировали лица толпившихся рядом людей. Короля и его прихлебателей. Профессора Гуляева и всех остальных. И лишь Сималион уважительно смотрел на меня и улыбался.

— Слова анирана прекрасны, — высказался он первым. — Но не стоит забывать, что со всеми этими пронырами надо быть осторожнее. Они трусы и приспособленцы, но не глупцы.

— Поверь, Сималион, — медленно произнёс я, наблюдая за удаляющимися спинами. Даже заметил, как обернулся высоченный Гвелерг, приобнял Рауфа Бумедьена и что-то ему прошептал. — Я уже точно знаю, что они из себя представляют. И ни к кому из них я никогда не повернусь спиной... Ладно, Фласэз с ними. Ваше Величество, давайте посмотрим на наших новобранцев?

Часть 4. Глава 31. Эвенет передаёт привет

Долгий день перешёл в долгий вечер. Ни я, ни король, ни командиры не покинули его, пока не был занесён в реестр последний солдат, пока общая масса не была разбита на полки и сотни. Мы отобрали ровно три тысячи человек, способных держать меч. Нашли и десятников, и сотников.

Как планировалось нами с Каталамом изначально, он возглавит первую тысячу. Её мы обзовём 1-й армией и расселим в казармах Обертоне, где Каталам займётся подготовкой. Тысяча более опытных солдат регулярной армии будет разбита на десятки и отправлена в ближайšie к столице деревни. Они станут там на постой до самой весны, где потом их сменят те, кого подготовит Каталам. Одна сотня отправится по королевскому тракту и закрепится в Восточном Форпосте. Скооперируется с воинами Равенфира, которых в подкрепление пришлёт принц Тревин, и вместе они начнут облавы на в край обнаглевшее бандитьё. К зиме, как приказал Его Величество своему сыну, королевский тракт должен вновь стать безопасным, а леса вычищены от грязи.

Вторая и третья тысячи, набранные нами, отправятся обучаться в Сторожевой Лагерь и станут там на зимовку. В лагере командование над ними примет командер Хегарат — второй по старшинству после Яннаха командующий в Астризии и комендант Сторожевого Лагеря — и подготовит к следующему этапу — марш-броску на север, к руинам Халтберна.

Так же отправиться с войском в Сторожевой Лагерь выразил желание Вилибальд. Профессор Гуляев без хлопот нашёл ему место в Университете и даже говорил, что парень весьма толковый. Схватывает на лету. Но на пьянке Вилибальд сказал, что всё же хочет попробовать выстроить военную карьеру. Он утверждал, что позиция сотника уже слишком мала для него, и он хочет выбиться в тысячники. А для этого нужно пройти обучение не в Университете, а в Сторожевом Лагере.

И никто, в принципе, ничего не имел против. Каталам даже был рад, что его сын решил вернуться на рельсы военной карьеры. Для потомственных военных в Астризии это было не только важно, но и почётно. Каталам даже мне предлагал отправиться к западным берегам и вместе со старшим сыном изучать военное дело. А заодно вправить мозги третьему сыну короля — Трифину, который, как говорил сам Его Величество, совершенно отбилсь от рук. Несмотря на все приказы и угрозы, он не слушается Хегарата и ведёт себя как мальчишка, а не как взрослый мужчина. Он тяжело обучаем и никто не может найти на него управу. Каталам и присоединившийся к нему король всерьёз обсуждали возможность использования анирана в качестве рычага давления. И если бы аниран сам проявил желание, возможно, не стали бы его отговаривать от поездки в Сторожевой Лагерь. Особенно с учётом того, что у анирана вообще нет боевого опыта. Что он может не только приструнить Трифина, но и обучиться полководческому мастерству.

Но я желание не проявил. Я сам считал, что было бы неплохо заполнить мою полупустую чашу. Но ехать к чёрту на кулички и пропасть там на всю зиму, мне не хотелось. Меня больше волновало происходящее в Обертоне и Дейдра. И если бы я куда и направился, то следующим населённым пунктом, который посетит аниран, стал бы Валензон, а не Сторожевой Лагерь.

Несколько дней прошли в хлопотах. Всё оказалось не так радужно с новой армией, как я думал. Муштра солдатам давалась тяжело, а некоторые даже передумали становиться на

военную тропу. Это создавало определённые проблемы Каталаму и Яннаху. Я, правда, не вмешивался до поры до времени. Но всё же пришлось однажды применить отрезвляющее средство в виде недовольного анирана. Когда аниран посетил казармы и хорошенько пропесочил всех, кто был недоволен, угроза бунта миновала. Хотя мне удалось избежать показательных казней, всё же я приходил к выводу, что в следующий раз не буду столь милосердным. Если надо быть жёстким — надо им быть. Если надо жестоким — сцеди зубы и сделай это. Ведь если проявишь слабость, в следующий раз тебе сядут на голову. А то и нагадят на неё, если увидят, что за дерзость нет никаких последствий.

Я обсудил этот вопрос с профессором наедине, когда всё обдумал. И он, в принципе, меня поддержал. Хотя сам он считал себя пацифистом, прекрасно разбирался в исторических процессах. Он объяснил мне, каким должен быть настоящий руководитель, желающий добиваться результатов. Из его уст такое понятие как "железная рука" звучало более зловеще, чем я предполагал. Профессор настаивал, что сейчас не время церемониться. Кому-то что-то прощать и договариваться. Этот мир уверенно падал в бездну. И если я, как аниран, как знамя всеобщего спасения, как двигатель перемен, буду сомневаться в тех или иных поступках, мои попытки всё наладить останутся лишь идеалистическими идеями. Идеями, которые не удастся реализовать из-за отсутствия достаточной смелости и жёсткости. Он призывал меня не мучиться угрызениями совести, а быть решительным и уверенно идти вперёд. И если кого-то по пути придётся растоптать — сделать это, отринув моральные дилеммы. Ведь, в итоге, важно только одно — всеобщее спасение.

Очередной прекрасный летний день вновь начался с Совета. Мы обсуждали Эоанита, затихарившегося в своём храме и не подававшего признаков жизни. А так же подготовку к уборке урожая, сразу после которой планировали вновь засеять. По словам Гуляева, надо было уже сейчас заготовливать навоз и уголь, которыми мы станем удобрять уставшую почву.

В дверь осторожно постучали. Всегда стоявший на страже Бертрам отворил её и впустил тихоню Муадана, коим он стал после военного смотра. Почему-то он резко растерял свой наглый запал.

— Ваше Величество, — он поклонился. — Вести пришли. К заводчику прибыл сирей: караван с востока на подходе.

— Караван с востока? — король не сразу ухватил суть.

— Да, Ваше Величество. Налоговые выплаты, которые обещался доставить святой отец Эвенет. Караван приближается к стенам столицы и просит встретить.

— Бертрам! — тут уже король не растерялся. На его лице появилась улыбка. — Немедленно выслать навстречу полсотни гессеров. Встретить караван и сопроводить к сокровищнице. Мы будем ждать там.

— Выполню, Ваше Величество, — Бертрам поклонился и исчез за дверями вместе с Муаданом.

— Хе-хе-хе, — король удовлетворённо потирал руки. — Не думал, что всё будет так просто. Видно, нерадивых святош можно пугать именем анирана. Эвенет даже не упоминал в своём письме, что я давненько не отправлял ему то, в чём он больше всего нуждается... Прости, аниран, — хоть король извинялся, его лицо не покидала улыбка. — Я знаю, как ты относишься к торговле живой плотью. Но издавна все занимались столь прибыльным делом. Таковы уж мы... Хотя я рад, что больше не придётся выискивать юных дев для непонятных потребств Эвенета... Надеюсь, не придётся, — всё же добавил он с надеждой.

— А что он там с ними делает? — напрямую спросил я, ведь так и не выяснил.

— Не имею понятия, аниран, — король равнодушно пожал плечами. — Мне всё равно... Пойдём к кладовой. Будем встречать караван. Но сначала перекусим немного.

Крепкие деревянные ворота, примыкающие к каменному забору, отворились. На небольшую, полностью ограждённую территорию въезжала тяжело гружённая карета, запряжённая четвёркой лошадей. На "козлах" сидели два человека, одетые в белые рясы. Шесть конников, одетые точно так же, сопровождали её. А несколько десятков гессеров спешили за воротами. Лишь некоторым из них дали разрешение на въезд. В глубоком погребе в шаге от меня скрывались закрома Его Величества Анфудана Третьего.

— Что-то я не пойму, — разочарованно развёл я руками, когда за единственной каретой закрылись ворота. — И это всё? Это называется караван? Или по пути они растеряли половину? А то и большую часть...

Король непонимающе уставился на меня.

— Это и есть караван, — ответил он. — Такой же, как и предыдущий. Эвенет всегда присылает мне золотой песок и немного самородков.

— Полную повозку?

— Полный сундук, — поправил меня король. — А ты чего ожидал?

— После слов о караване, ожидал караван, — я почесал макушку.

Признаться, я не думал, что Эвенет хоть что-то пришлёт, несмотря на доброжелательное письмо. Я думал, он просто издевается над доверчивым королём. Но услышав про "караван", мысли мои начали переплетаться, подсказывая пути, как извлечь из этого выгоду. Как отмутить немножко золотишка, часть перенаправить Фелимиду и что-то отложить на армию.

Но увиденное меня не радовало. Небольшая закупоренная карета с измученными долгой дорогой людьми. И, оказывается, золотом забита не карета, а лишь сундук. Интересно: а там реально сундук? Или, может, сундучок?

— Какое облегчение, — мои мысли нарушил королевский казначей, топтавшийся рядом и трясущий связкой ключей. — Не правда ли, Ваше Величество?

— Верно-верно, — торопливо отмахнулся тот. — Муадан! Легата храмовников и его людей накормить и напоить. Дать вина и позволить отдохнуть. Уверен, путь их был долог и труден. Займись.

Обер-камергер закивал головой и полез шептаться с одним из храмовников.

— Вскрывают, — скомандовал король. — Да побыстрее.

Храмовники сняли замок с тяжёлой двери и выпустили на белый свет ещё двух бедолаг, которые были вынуждены скрываться внутри вместе со своими арбалетами. Я немного удивился, что столь ценный груз сопровождало всего десять человек. Но резонного вопроса не успел задать. Теоретический блеск золота заворожил и меня. Вместе со всеми я наблюдал, как с действительно солидного сундука сдёрнули покрывало. Обитый железом, с огромным амбарным замком он выглядел впечатляюще. Его Величество опять не сдержал эмоции и потёр руки. Наверное, он уже представлял, как устраивает пир, заливается вином и вдыхает дым в честь прибывшего золота.

Противоположную дверь кареты, тем временем, тоже отворили. Длинные шести вставили в ключины, четыре человека с огромным трудом извлекли сундук и поставили на землю. Казначей, всё ещё потрясая ключами, метнулся к замку, получив кивок от короля. Он

выбрал длинный ключ с весьма вычурной бородкой, вставил в замок и несколько раз крутанул.

Крышка, как мне показалось, отворилась сама собой. Спружинила. Но вместе с ней из сундука выпорхнуло облачко белой пыли. Едва заметной пыли, похожей на мел, который стирают с ученической доски.

Не ожидавший подобного казначей чихнул. Посмотрел на короля, извиняюще пожал плечами, и снова чихнул. А затем зашёлся в кашле. А когда чихнули, а затем закашляли трое гессеров, извлекавших сундук из кареты и стоявших ближе всего к казначею, я всё понял.

— В стороны! — не своим голосом заорал я. — В стороны, вашу мать! Никому не подходить! Бегите! Бегите!

Мой вопль услышали все. И все перепугались до ужаса. Я схватил за шкуру Гуляева и натурально швырнул в сторону. Он покатился по травке, быстро сообразил, что что-то не так и на карачках пополз к стене.

Но с королём такая штука не прошла: его я не смог сдвинуть с места. Не потому, что он замер и не отрываясь смотрел, как казначей задыхается, вцепившись руками в горло. А потому, что просто не смог сдвинуть с места эту тушу. Пришлось хватать подмышки и, выполняя работу гессеров, оттаскивать в сторону.

— Не дышать! — вновь проорал я, заметив, как Муадан ползёт к забору. — Не дышать! — затем плотно сжал губы и, обливаясь потом от страха и напряжения, поволок коронованного обладателя огромного пуза.

В принципе, я быстро понял, что произошло. Жуткие волдыри на лице казначея не оставляли сомнений в правильности моих выводов. Но ужас я испытывал не от ужасного зрелища, а от осознания, что спастись мне будет нечем, если я сделаю хотя бы вдох и подобные волдыри начнут выскакивать на моём лице. Спасительная игла ведь всё ещё набирала силу.

Я оттащил короля до самого каменного забора. Прислонил и жестом подозвал испуганного Бертрама, который среагировал очень вовремя. Вместе с ним мы смотрели, как корчатся в агонии трое бедных гессеров. Как дёргается, затихая, королевский казначей. А лошади, вместо того, чтобы бесноваться, бить копытами и пытаться освободиться от хомутов, просто стояли на месте, кося глазами на умирающих людей. Неизвестный яд их вообще не тронул.

— Не двигаться никому! — зло выкрикнул я и показал кулак Иберику, который изначально бросился в противоположную сторону, а теперь пытался подобраться ко мне. — Подальше! Подальше от облачка! Сималион, Умтар — мордой в траву и не дышать!

— Что это, аниран? — голос короля дрожал. — Что это? Я никогда ничего подобного не видел.

— Похоже, запугать Эвенета анираном не удалось, — озадаченно хмыкнул я. Мне, как человеку Земли 21-го века, приходилось видеть нечто подобное. В фильмах, правда. Но это не отменяло факта, что выводы я сделал правильные. — Не шевелитесь! Затаили дыхание!

Я вновь заорал потому, что увидел, как белое облако, зависшее над распростёртыми телами, не рассеивается. И что самое странное, не оседает. Будто пыль эта весила меньше, чем сам воздух. Затем порыв ветра подтолкнул его. А мы все смотрели и молились, чтобы ветер сдул облачко в сторону озера и развеял там, а не в сторону, где к каменным стенам прижимались мы.

К счастью, нам всем повезло: порыв ветра оказался сильным и резко сдул облако в

противоположную сторону. Мелкие белые кристаллики охватывали всё больше пространства, рассеивались и вскоре их уже нельзя было различить в небе.

Но я не спешил считать, что всё завершилось. Я принялся рвать на себе рубаху. И, оторвав приличный кусок, обмотал его вокруг рта и носа.

— Сделайте так же, — строго приказал я глухим голосом. И гессеры, и храмовники, и король были перепуганы до чёртиков и не шевелились. — Дышите осторожно. Не вдыхайте глубоко.

— Иван, ты собираешься идти туда!? — Гуляев, сидя на коленях, вцепился в меня. — Не надо!

Я выдернул руку.

— Бертрам, срочно нужна вода. Много воды. И не мешало бы нечто такое, что может её распыскивать. Лейка или что-то похожее.

— Зачем?

— Мы всё здесь зальём водой. Всё отмоем. И себя в том числе... Отдай приказ. И да постарайся дышать поменьше.

Борясь с собственным страхом, я медленно направился к карете. Тело казначея и тела гессеров лежали вокруг сундука. Лица их искажали гримасы ужаса, а мягкие ткани сплошь покрывали язвы.

— Натуральная химическая атака, — прошептал я сам себе. — Неужели Эвенет действительно решился на такое?

Раздумывая над поступками незнакомого мне человека, я подошёл к сундуку. Я всё ещё опасался сделать вдох и просто задержал дыхание. Втянул руку в рукав, чтобы обезопаситься, и рукавом откинул кусок ткани, скрывавший содержимое сундука. А затем отскочил. Но очередное белое облачко не вылетело. Вместо него сверкнула желтизна знакомого металла: сундук на три четверти был забит самородками и плотно замотанными у горла мешочками. Отмахнувшись от предостерегающего крика профессора, я вынул из ножен кинжал, подцепил один из мешочков и сбросил на землю. Он оказался довольно-таки тяжёлым.

— Не подходите пока, — попросил я остальных, с интересом наблюдавших за моими действиями. Затем принял такую позу, чтобы дать дёру в случае чего, и вонзил в мешочек кончик кинжала.

Вместо пыли, опять же, на землю посыпался жёлтый песок. Я поелозил кинжалом внутри, но никаких подлянок больше не оказалось.

— А ты непрост, Эвенет, — очень тихо сказал я сам себе. — Прислать настоящее золото, одновременно намереваясь всех прикончить, — на такое способен совсем уж большой разум.

— Что там, аниран? — король оклемался быстрее, чем я ожидал.

— Налоги, Ваше Величество, налоги.

Бертрам справился со своей задачей быстрее, чем я мог предположить. Он, не мудрствуя лукаво, пригнал к сокровищнице очередное детище профессора Гуляева. Да не одно, а сразу три. Вместе с возницами он пригнал пожарные повозки.

От профессора я не слышал ранее, что он задумывался о пожарной безопасности города и усовершенствовал её. А потому слегка удивился, когда деревянными вёдрами стали вычерпывать воду из огромных бочек на колёсах. Местных пожарников внутрь не пустили,

но гессеры работали за десятерых. Они облили водой всё, что только могли: лошадей, карету, сундук, землю возле него и мёртвые тела. Даже стены я приказал облить на всякий случай.

А затем все счастливики, кому подарок Эвенета не достался, разделись догола и тщательно вымылись. Даже обладатель огромного пуза не стал стесняться, раздевался вместе со всеми и собственноручно мылся. Наверное, впервые за долгие годы он делал это самостоятельно.

Но никаких шуток по этому поводу никто, конечно же, не стал отпускать. Страх пережитого всё ещё ощущался к каждому. Даже словно сделанный из стали Сималион не сдержал эмоции и облегчённо выдохнул, когда опасность окончательно миновала. А об остальных и говорить нечего — мокрые и голые они стояли под жарким солнцем и тряслись.

— Бертрам, — я боялся меньше других, а потому быстро взял ситуацию под контроль. — Всех испуганных храмовников, которые, вон, голышом топчутся у стены, взять под стражу. Я не слепой и вижу, что им страшно не меньше других, но верить, что они не причём пока рано. Сначала каждого из них пусть допросит Фелимид. Допросит отдельно от других.

— Выполню, — резво отрапортовал Бертрам.

— Аниран, как же так-то? — Его Величество наконец-то прикрыл срам нехитрой одежкой, которую сняли с ближайшего пожарника, и потихоньку приходил в себя. — Это же как?

Но меня моя нагота совершенно не смущала. Пока другие прикрывались, я думал и размышлял.

— Ваше Величество, это был яд, — уверенно произнёс я. — Понятия не имею, что за яд, но то, что Вас хотели отравить, несомненно.

— А может не короля, а тебя, — профессор Гуляев тоже уже отходил.

— Или сразу обоих, — согласился я.

— А меня-то за что??? — король принялся испуганно озираться.

— Вы мне скажите. Я вашего Эвенета знать не знаю. Мразь он ещё та, как я понимаю, хоть понятия не имею, кто он такой. Но вы же знаете. Разве он впервые вам шлёт дары? Ладно, пусть такие дары впервые, но карета-то не в первый раз пришла?

— Я ничего плохого ему не сделал, — король, казалось, был слишком сильно напуган. — За что он хотел меня отравить? За последнее письмо, что ли?

— Это какое-то изощрённое издевательство, — профессор Гуляев смотрел на мокрые мешки с золотым песком и сверкающие на солнце самородки. — А золото он зачем тогда отправил, раз планировал убить сразу всех?

— Пусть Его Величество скажет. Я не знаю, — развёл руками я. — Но, как мне кажется Эвенет вышел на тропу войны.

— Что-что?

— Он передал привет анирану, Ваше Величество. Передал привет вам. Хотя мы спаслись лишь чудом, всё же такой вариант Эвенет не мог не рассмотреть. Даже если мы бы выжили, очевидность намёка нельзя отрицать — он показал, что он враг. А я враг ему. Как и Эоанит, он совсем не рад анирану. И не оставит попыток с анираном разобраться.

— И что же мы будем делать? — короля даже блеск самородков не радовал. Казалось, он совсем "поплыл".

Но я был настроен чрезвычайно решительно.

— Заберём золото и пустим его на доброе дело: продолжим укреплять Астризию, продолжим укреплять вашу власть. А как станем достаточно сильны — врежем Эвенету по зубам!

— Да?

— Да. Мы проведём армию через всю страну и вторгнемся на восток! Огнём и мечом мы докажем Эвенету, что эти земли принадлежат не ему, а Астризии. Мы отберём у него всё, что можно отобрать, и покажем, как сильно он ошибался, когда решил убить нас с вами.

— Как покажем?

— Мы убьём его сами.

Часть 4. Глава 32. Столица в огне

Короля приводили в себя с помощью деликатесов и вина почти сутки. Он жрал и бухал, и никого не желал слушать. Лишь когда отоспался и вспомнил, что золото удалось сохранить, его настроение пошло вверх. Он сжимал кулаки и грозил Эвенету всеми мыслимыми и немыслимыми карами. Хоть я отговаривал от подобного поступка, король порывался отправить письмо и добавлял, что сам будет пытать калёным железом прибывших с востока храмовников. Но я ему сказал, что с этой задачей лучше справляется Фелимид. И хоть никого пытать не пришлось, он быстро выяснил, что этих десятерых бедолаг Эвенет использовал как жертвенных бычков. Отправил на заклание, ни слова не сказав, что их ждёт.

Но ещё одна, на мой взгляд куда более удивительная новость догнала нас ближе к вечеру следующего дня. Когда король уже немного оклемался, похмелялся и выбирал нового казначея из армии придворных жополизов, с докладом прибыл эстарх Эриамон — второй по старшинству святой отец церкви смирения в Обертоне. Он отвесил королю низкий поклон и вручил наставление, оставленное первосвященником. Оказывается, с прошлым рассветом Его Святейшество отбыли с важной миссией в Мармасс — один из городов-близнецов на юго-западном побережье Астризии. Что за миссия такая в письме не указывалось, но для её успешного выполнения почему-то Эоаниту потребовалось не только собрать огромный обоз, но и забрать священную книгу — "Книгу Памяти Смертных". Эстарх Эриамон так же сказал что, хоть Его Святейшество не сообщили ему причину изъятия ветхой книги из-под защитного саркофага и столь спешного отъезда, он предполагает, что для этого была веская причина. Например, демонстрация её в городах-близнецах для укрепления веры жителей Астризии. С прибытием анирана вера лишь окрепла, а Его Святейшество, наверное, решил помочь анирану в делах его.

Слушать подобное было одновременно смешно и странно. Я-то ведь знал, что Эоанит меня на дух не переносит и все его действия направлены лишь во вред. Но Эриамон — этот неторопливый, даже медлительный, старичок, который никогда не повышал голоса и говорил спокойно, как дипломированный психолог, — почему-то верил на слово своему непосредственному начальнику. Он считал его не только своим духовным учителем, хотя был заметно старше Эоанита, но и всецело доверял. Мы с Гуляевым и королём Анфуданом Третьим были крайне озадачены торопливым исчезновением первосвященника. Но эстарх Эриамон успокаивал нас и утверждал, что Эоанит озабочен лишь делами анирана, процветанием Астризии и укреплением веры. И что, пока тот отсутствует в Обертоне, он взвалит на себя тяжёлую ношу беспокойства о судьбах паствы.

Но всё, как мне тогда казалось, стало на свои места через несколько дней. Столицу накрыли пожары, о которых когда-то меня предупреждал Хатемаж.

Никто не мог сказать, где появился очаг возгорания. Когда мне сообщили, что город пылает, я отказывался в это верить, ведь своими руками устранил того, кто грозился этот город поджечь. Быстрее всех я взбежал на самую высокую башню во дворце и, отворив варежку на полную, наблюдал за оранжевым заревом. Где-то у внешних стен в северной части города полыхали дома.

Но, на самом деле, горели не только дома. Горело всё. И дома, и лавки, и Дворец Правосудия, и рыночная площадь на восточной окраине. Не говоря о ремесленных мастерских, которые, в большинстве своём, располагались именно в северной части. Город

пылал так, что чёрный дым и запах гари, казалось, затмевали собой солнце и замещали воздух.

Адский труд, который выпал на нашу долю в те дни, я не забуду никогда. Хотя я нёсся впереди всех к горящим зданиям, даже я не догадывался с чем придётся столкнуться. Как берсерк, я бросался в жар, хватал людей, оттаскивал как можно дальше и вновь бежал спасать тех, кого ещё можно было спасти. Я заметно подкоптился и получил массу ожогов. Пусть незначительных, но весьма болезненных.

В первые дни мы лишь пытались спасти людей, сдерживали огонь и не позволяли ему распространиться. Фелимид кричал мне прямо в ухо, утверждая, что мы имеем дело со спланированным поджогом, ведь очаги возгорания, оказывается, появились сразу в нескольких местах. Но тогда я его плохо слышал. Возможно, даже не слушал. Злоба, ненависть и ярость разрывали меня на части, когда я задавался вопросами о том, кто посмел совершить столь мерзостный поступок. Я находил ответы, конечно. Бил копытом, желая всё бросить и отправиться следом за тем, кого считал главным подозреваемым. Но необходимость оставаться в пылающем Обертоне, необходимость помогать людям побеждала ненависть и ярость. Это было немного удивительно для меня, но желание спасти и помогать побеждали жажду мести. Когда я видел на брусчатке выложенные в ряд обгоревшие тела несчастных жителей, я мечтал о мести. Но когда видел, как несётся тушить пожар пожарная карета, я первым прыгал на её подножку, помогал качать помпу или направлял ненадёжный шланг. Я всецело был занят спасением и не думал о разрушении.

Не знаю, почему так получилось, но я забыл обо всём на свете. Я забыл о том, кто я есть. Забыл о своей миссии. Я даже забыл, что существует такая штука, как инстинкт самосохранения. Бушующее пламя, дымящие остовы сгоревших домов и океан людского горя отодвинули на второй план все мои задумки. Я сосредоточился на более важных делах и спасал жизни. Такая абстракция, как излечение всего мира, больше не занимала мои мысли. Не говоря уже о попытках обнаружить необнаруженных аниранов. Я был сосредоточен на том, что происходит здесь и сейчас, а не на том, что должно произойти в отдалённом будущем. Я даже забыл про Дейдру. Редкий день проходил, чтобы я не вспоминал о ней. Я всегда помнил, куда я должен отправиться и ради чего. Но пожары в Обертоне изгнали из моей головы Дейдру. Она оставалась в моём сердце, но я не думал о ней. Я старался решать проблемы по мере их поступления и не мог разорваться на части. Поэтому помогал тем, кому действительно мог помочь — помогал тем, до кого мог дотянуться рукой.

Рядом со мной всегда были те, кого я мог смело назвать друзьями. Никто не боялся, никто не убегал. Пусть Его Величество мы укрыли на время, чтобы он не мешал, остальные, включая тех, кто занимался подготовкой армии, подключились. Из жителей и солдат выстраивались длиннющие цепи, по которым шли ведра с водой от самого озера или из прудов в центральной части королевского квартала. В течение нескольких дней эти цепи трудились, делая лишь небольшие перерывы. Никто не хотел отступать, никто не хотел сдаваться. И, в итоге, мы все победили.

Когда всё закончилось, город был не похож на себя. Особенно северная и восточная части. Я стоял на вершине Башни Бдения и обзирал с высоты результаты чудовищного пожара. Смотрел на почерневшие остовы ремесленных мастерских и жилых домов. Смотрел на обуглившийся угол Университета и выгоревший дотла Дворец Правосудия. Я знал, что там много погибших и раненных. Знал, что где-то там внизу, полно озлобленных и лишившихся крова людей. Но я не хотел к ним спускаться. Не хотел, потому что не мог

подобрать слов ободрения. Я чувствовал, что подвёл их. Я чувствовал свою вину, ведь считал, что именно я виноват в том, что дал уйти тому, кто за эти пожары ответственен. Хоть, как и все предыдущие разы, доказательств у меня не было никаких, в этот раз сомнений я не испытывал. И если бы передо мной именно сейчас поставили Эоанита, если бы дали сойтись лицом к лицу, уверен, я бы не сомневался. Я бы срезал его лицо ударом энергетического щита. Пусть это уже не имело никакого значения, я хотя бы удовлетворил бы свою жажду мести и воздал за грехи самому главному грешнику.

Затем начался долгий процесс восстановления. Нам — всем жителям Обертоне, я имею в виду, — одновременно пришлось заниматься сразу несколькими делами — собирать урожай и устранять последствия пожаров. Леса, коими славилась Астризия, безжалостно вырубались. Меня не беспокоили "зелёные" проблемы, когда я наблюдал за длиннющими рядами пеньков. Для меня лес был лишь средством достижения цели, а не целью. Благодаря тысячам поваленных деревьев, строились новые дома. Как в черте города, так и за чертой. В спешке закладывались каменные фундаменты. Ремонтировались слегка повреждённые здания и сносились те, которые ремонту не подлежали.

Подключилась к процессу и армия. Вместо муштры и маршей по утрам, вместо занятий с копьями и мечами, бывшие новобранцы вместе со своими командирами помогали восстанавливать столицу. Одну из недавно отстроенных казарм, по просьбе тех, кого отбирал Каталам, отдали под пользование тем, кто временно лишился крова. И правильность такого поступка никто не ставил под сомнение.

Но была и ложка дёгтя в мёде всеобщего усилия — проклятые мародёры. Недавно молодой, но совсем неглупый Хатемаж говорил мне, что с пожарами он активизирует свой агрессивный электорат. Тех, кого жизнь человеческая не интересует и кто ради жажды наживы поспешит воспользоваться возможностью. Такие действительно нашлись в столь суровые времена. По ночам они шастали по улицам Обертоне, выгребали из домов, что можно выгрести, и не стеснялись нападать даже на патрули. Вместо того, чтобы спасти обездоленных, они помогали хаосу распространяться. Поэтому с этими тварями пришлось разобраться, и разобраться жестоко.

Ремонтные работы шли во всю, а на площади уже устанавливали виселицы. Всех, чья вина была доказана, вздёрнули в один день. Вспотевший Фелимид наконец-то продемонстрировал свои таланты и очень быстро обнаружил гнойник — семью одного весьма достойного примо. Вместе со своим вельможным папашей, зрелые и наглые детишки воспользовались возможностью. В кратчайшие сроки они организовали банду и попытались урвать жирный кусок. Прикрываясь именем папочки, они тащили в райское поместье во фруктовом саду всё, что плохо лежало. Всё, что удавалось с кого-нибудь сорвать или извлечь из руин чужого дома.

Но гнойник всё же вскрыли. А затем всех этих подонков — папашу, мамашу, четверых крепких сыновей, несколько друзюшек и близких слуг я приказал повесить. Да, приказал именно я, а не король. Когда он узнал, кто наживается на горе жителей столицы, он сначала не поверил, ведь это был человек, который сидел с ним за одним столом. Он много зим шептал в уши Его Величеству лестные слова. Много зим участвовал в собраниях и советах. И король просто не смог поставить печать на собственном указе.

Я же, мягко говоря, не испытывал тягу к всепрощению. Я сжал нерешительную руку короля и придавил её к листку собственной рукой. А на площади, когда этим мерзавцам накинули на шею петли, а они рыдали и умоляли, утверждая, что бес попутал, я сам отдал

приказ выбивать из-под ног опору. Смотрел, как они корчатся, и не отворачивался. Я был уверен, что они не только это заслужили, но и что в следующий раз, который неизбежен, поступлю точно так же. Всё зло я выкорчую. Пусть для этого мне самому придётся примерить личину зла.

Но всё же не мародёры ощутили на себе всю величину моего гнева. Мочалкой, его впитавшей, стал святой отец Эриамон.

Наверное этот с виду простоватый дедушка тоже имел голову на плечах и быстро сообразил, что нет дыма без огня. В каком-то смысле — совсем не образно говоря в этом случае. Эриамон понял, что быстрое отбытие непосредственного начальника очень скверно пахнет. Он тоже видел как горит город. Однажды даже стоял со мной плечом к плечу, наблюдая за рядами выложенных на дороге трупов. Его лицо было мрачным, а перст безостановочно чертил в воздухе знак в виде восьмёрки.

Но меня его поведение не убедило. Я хотел выместить на нём свою злость — и выместил. Он слушал меня с поникшей головой и, казалось, даже был готов принять наказание, когда я размахивал энергетическим щитом, а вокруг бегали мои друзья, пытаясь отговорить совершать греховный поступок. Я понимал, конечно, что Эриамон ни в чём не виноват. Но был так зол на неожиданный пожар, разрушивший все мои планы, что едва не зарубил бедолагу. Я скакал и прыгал, а эстарх Обертон лишь смиренно склонял голову.

Это потом, когда я успокоился и остыл немного, всё же понял, что пожар планы не разрушил, а отдалил. Город мы спасли. Даже взялись за восстановление. Моральное состояние войск было на высоте, люди побеждали отчаяние и слушали мотивационные речи анирана. Даже Его Величество продемонстрировал милосердие к черни, как он о народе говорил. Из сундука, прибывшего с востока, он выделил значительную сумму на строительство. Он кормил нуждающихся из этого сундука. Вместе с супругой важно ходил по местам, где получили временное пристанище погорельцы, и одаривал монеткой. Приободрял, обещал всё восстановить и без опаски подставлял руки для поцелуев.

Но самый удивительный поступок совершил святой отец Эриамон. Хотя я больше не трясся от ненависти при виде белой рясы, видеть его, когда он выпросил встречи со мной и королём, не желал. Лишь Его Величество смог унять мой гнев и удержать от неумных поступков. И когда мы выслушали Эриамона, свою попытку слить я сам назвал неумным поступком. И поблагодарил короля, что не позволил его совершить.

Эстарх Эриамон на время отсутствия первосвященника получал всю полноту церковной власти в столице. Он и принимал решения, и исполнял. Своим решением он предложил Егс Величеству часть доходов, получаемых от продажи тщательно охраняемых листьев наркотического дерева, перенаправить на нужды города. Эриамон несомненно удивил нас с королём подобным предложением. Но сам он не заикался и не извинялся: он утверждал, что церковь — тоже часть Астризии. И обязана заботиться не только о заблудших душах, но и о сгоревших домах этих душ. Он достал из-за пазухи рулон бумаги и протянул кролю на подпись. А пока они обменивались благодарностями, я задумался о неожиданно возникшей возможности. Эта возможность выглядела крайне заманчивой. Я обмозговал её сам с собой, взвесил все "за" и "против". Но всё же у меня оставались сомнения, что задумку удастся провернуть. Я решил, что такой идеей не мешает поделиться с профессором Гуляевым. Обсудить и выслушать его советы.

В общем, после поступка эстарха я немного остыл к нему. Я был уверен, что Эоанит ни за что не совершил бы нечто подобное. Я стал присматриваться к Эриамону и приходил к

выводу, что на мир он смотрит иначе, чем первосвященник. Я не понимал, чем он руководствуется — искренней верой или вопросами выгоды, но его поступки противоречили тем поступкам, которые я ожидал от представителей церкви. Я планировал эту церковь уничтожить и не ожидал от неё ничего, кроме противления. Но эстарх Эриамон не вызывал у меня рвотного рефлекса. Не только потому, что сам предложил делиться доходами. Не только потому, что был спокойным, тихим и уравновешенным. А потому, что я своими глазами видел, как он кормил нищих доходяг возле ступеней храма.

В отличие от соседа напротив, Храм не прогорел. Как мне казалось, потому, что Эоанит изначально не планировал подставлять под огонь свой собственный дом. И теперь возле храма дневали и ночевали те, кому некуда было деваться. Теперь со ступеней их не прогоняли. Теперь служители храма кормили их дважды в день — утром и вечером. А эстарх Эриамон делал это собственноручно каждое утро. А поскольку я видел это своими глазами, а не только слышал рассказы других, моё отношение к нему кардинально поменялось. Я был готов поверить, что к страданиям обездоленных людей он не безразличен.

Часть 4. Глава 33. Идти по следу перстня

Последствия пожаров удалось ликвидировать нескоро. Ощущение времени я утратил, но, думаю, прошло не менее трёх декад, когда, наконец-то, все мы вздохнули с облегчением. Нам удалось собрать урожай и забить склады зерном. Удалось наладить рыбную промышленность и возвести большую деревню недалеко от Обертонна с общими домами, где мы расселяли целые семьи. Нам удалось восстановить часть зданий в городе, хоть Дворец Правосудия всё ещё чернел остовами каменных колонн. Тратить средства на его восстановление Его Величество так и не решился. Средства таяли слишком быстро и он решил сделать паузу.

Что, в принципе, было неплохо. Ибо очередным утром, когда Совет совещался и подводил итоги, в зал вновь влетел запыхавшийся Муадан. Он похудел и осунулся слегка после пережитого у сокровищницы, но оставался таким же расторопным.

— Ваше Величество! — он опять оттолкнул Бертрама, размахивая небольшим рулоном толщиной в два пальца. — Письмо! Заводчик принёс письмо из Валензона. Ваш сын пишет.

— Давай сюда, — без особого интереса махнул рукой король, в данный момент сосредоточенно слушающий доклад Яннаха. Тот сообщал, что 2-я и 3-я армии добрались до Сторожевого Лагеря в полном составе и перешли под командование Хегарата. — Анумор, прочти сам. Я занят.

Я тоже был сосредоточен и не сразу понял, что за письмо и от кого пришло. Даже название города — Валензон — не сразу переключило моё внимание. Но с первых же слов, когда профессор осторожно развернул рулон и приступил к чтению, я забыл обо всём на свете.

Писал принц Тангвин. И писал о том, что, хоть на след Дейдры он так и не вышел, смог обнаружить след, который оставил мой перстень. Затаив дыхание я слушал, как зажиточный и известный ювелир из Валензона сам пришёл к принцу с докладом. Он рассказал, как однажды к нему в мастерскую зашёл заросший нелюдимый юноша, не расстававшийся с луком и затравленно озирающийся. Как он скрытно вёл себя и попросил ювелира запереть двери. А затем показал ему странный перстень. Довольно крупный, из немного мутного золота, но удивительной работы. Юноша был не искущён в торговле и ювелир купил у него перстень всего за 50 драмов. Сумма более чем скромная, если учитывать уникальность гравировки перстня. Но юноша остался доволен, долго благодарил ювелира и исчез в вечернем сумраке. Ювелир же не стал скрывать, какая добыча оказалась в его сетях и растрезвонил об этом всем, кто имел дела с золотом или же мог себе позволить подобное украшение. Он долго отказывался продавать перстень, так как считал, что предложения от заинтересовавшихся сторон слишком скромные. Но однажды к нему зашёл закутанный в рясу священника невысокий старик. И, оказалось, старик этот пришёл конкретно за перстнем. Он представился и сказал, что он — триарх храма Смирения в далёком Винлимаре. Что служит самому святому отцу Эвенету — первосвященнику Чуда Астризии. Прослышав про диковинку, он получил указание немедленно отправиться в Валензон. Он сел на корабль, пересёк озеро Холетер, а затем долго добирался до города. Старик извлёк из складок рясы великолепный самородок и сказал, что добыт он в далёких шахтах на востоке. Именно этот самородок старик предложил обменять на перстень. И ювелир не смог отказать. Предложение было слишком выгодным — сам перстень, несмотря на уникальную

работу, не имел веса и десятой части самородка. И ювелир совершил обмен.

Дальше профессор Гуляев читал идеи принца Тангвина о том, как он выстроит поисковый процесс. Но я не слушал его. Я целиком погрузился в мысли и улыбался сам себе.

Всё же Дейдра добралась до Валензона. Там ли она сейчас — неизвестно. Но то, что она там была — несомненно. Феилин — а это мог быть только он — сменял перстень на деньги, а значит, дал шанс своим спутницам затаиться. Он вывел их из чащи и был готов заботиться в средневековом мегаполисе. Другой вопрос: знает ли он, как это делается? Смог ли действительно позаботиться? Или в Валензоне власть в свои руки взяла Мелея? Она, вроде, утверждала, что там живёт её родня. Или кто-то ещё... Но всё это, в принципе, не важно. Важно, что след они оставили. Их не смогли отыскать, но смогли отыскать их след. А значит, пора мне отправляться в Валензон и пройти по этому следу шаг в шаг.

И похрен, на данный момент, на любопытную историю ювелира. Пусть она весьма любопытна с точки зрения интереса к моему перстню представителя той мрази, которая скрывается по имени Эвенет, сейчас меня это волновать не должно. Я обязан отправиться в Валензон и отыскать Дейдру. Да и убью нескольких зайцев по дороге: покажу себя народу южнее Обертонна и познакомлюсь с принцем Тангвином. Хотя Дейдра для меня — приоритет, не стоит забывать о других. В этом мире, где враги весьма коварны, не помешает попытаться обзавестись союзниками.

— Ваше Величество! — громко произнёс я, пока король и остальные обсуждали послание принца. — Я отправляюсь в Валензон! Не один, и не сию секунду, но, несомненно, в ближайшем будущем. И я прошу вас — не перечьте.

— И не думал даже, — король удивил меня своими словами. — Если ты хочешь отыскать полюбившуюся тебе деву, ту, которая... которая... которая твоя навеки, я не могу запретить, — он слегка замешкался, ведь не все в Совете знали, чем Дейдра так ценна не только для меня, но и для целого мира. — Теперь ты знаешь, что она была в Валензоне и твой долг её найти.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Мне потребуется время на сборы, но, как только я буду готов, сразу отправлюсь. Предупредите сына, что вскоре к нему пожалует аниран.

— Он будет рад тебя видеть, — король по-доброму улыбнулся, а затем засмеялся. — Прочистишь ему мозги.

Дальше совет плавно перешёл в обсуждение, кто отправится со мной в дорогу. Всех лишних, не имеющих близких связей с анираном, выгнали, и остались лишь те, кому аниран мог доверять.

Иберик и Сималион выразили желание в тот же момент. От их услуг я не планировал отказываться и с радостью согласился. Бертрам со своими людьми тоже отправлялся вместе со мной. Его Величество лишь добавил, что путь не близкий и количество штыков надо увеличить: он пообещал дать время Бертраму отобрать ещё людей и довести охранную армию анирана до сотни.

— Обоз будет немалым, — говорил король, ведь сам не раз совершал путешествие из города в город по тракту. Он точно знал, о чём говорил. — Тебе понадобятся не только гессеры, но и обслуга. Нужны следопыты, заводчики сиреев, лекари, сборщики податей и чиновники... Это моё требование, ты уж не противься, аниран. Сын-то мой тоже не балует корону налогами. А так — я пошлю с тобой помощников. Пока он будет перед тобой кланяться, они успеют разобраться в его делах. Хе-хе.

— До Валензона путь неблизкий, — вступил в разговор Яннах. В крайнее время он всё

больше становился похож на настоящего вояку. Обретал уверенность в себе и решительно брался за дело. Мне даже казалось, что планы мои, о которых я рассказал приватно, пришлись ему по душе. Он чувствовал ветер перемен и силу надвигающихся событий. — Минимум четыре декады будет двигаться обоз. А то и больше, если учитывать непредвиденные обстоятельства. Но если ты выйдешь как можно быстрее, прибудешь в Валензон до начала зимы.

— Да даже до начала холодов, — поправил король.

— Я бы тоже хотел отправиться с анираном, — неожиданно голос подал эстарх Эриамон, которого именно сегодня, по какому-то сумасшедшему стечению обстоятельств, мы пригласили на совет. С утра он отчитался о проделанной работе на ниве благотворительности и получил похвалу от короля. Но то, что он выразит желание идти в Валензон, никто не ожидал.

— Признаться... — хоть я начал, договорить не смог. От неожиданности я не знал, что сказать.

— Боюсь, эстарх, ты не осилишь дорогу, — Его Величество развёл руками. — Возраст не тот. Слишком стар.

— Не стоит меня списывать заранее, Ваше Величество, — вежливо поклонился Эриамон. — Появление анирана в столице придало мне сил и уверенности в том, что миссия его завершится успешно. А дела его... Дела его пока шли на благо Астризии. Я не могу и не хочу оставлять анирана. Я хочу идти следом, видеть дела его и словом своим доносить до паствы необходимость доверять ему.

— А кто будет управлять церковью? Эоанит в Мармассе. Кто останется здесь?

— Ваше Величество, триарх Элохим с удовольствием возложит на себя мои текущие обязанности, — моментально ответил Эриамон. — Вы будете управлять государством, а он будет выполнять ваши указания... Поверьте, будет.

— Аниран? Что скажешь ты?

— По правде говоря, я не знаю, что сказать, — я всё ещё чувствовал себя неуверенно после такой неожиданной неожиданности. Хоть я соглашался сам с собой в оценке характера Эриамон, всё же он являлся представителем той церкви, которую я мечтал увидеть в руинах. — Если эстарх не станет ставить палки в колёса... ну, не будет мне мешать в пути, не будет оспаривать мои решения и всячески помогать, я согласен взять его в Валензон.

— Эстарх даёт слово, — Эриамон поклонился мне. — Что он отправляется лишь как наблюдатель. Он будет смотреть. Запоминать и заносить в хроники. Но он не станет давать советов анирану, если аниран сам не попросит. И, конечно, не станет мешать анирану излечить мир. Ведь именно с этой целью аниран отправляется в Валензон? Ведь именно в этом смысл его пребывания в нашем мире?

— Да, — коротко ответил я, хотя в Валензон я отправлялся лишь с целью отыскать девушку. Если её там нет, если она ушла, я отправлюсь за ней дальше, не испытывая никаких сомнений. Главное, выйти на след. — Каталам, а ты что скажешь? — я коротко кивнул бывшему сотнику.

Но тот отрицательно покачал головой.

— Прости, аниран. Здесь я нужнее. Слишком много дел в Обертоне. Этот путь тебе придётся пройти без меня.

— Понял тебя. Спасибо за честность, — я слегка шмыгнул носиком, растрогавшись. Но и с таким ответом я смирился, ведь Каталам был прав. — Фелимид, что скажешь ты? Я

понимаю, конечно...

— Нет, Иван, — ответ Фелимида меня слегка удивил. Он даже не дослушал до конца. — Я говорил, что буду следовать за тобой, чтобы видеть дела твои. Я увидел их. Я понял, что не ошибался в тебе. И то, что ты начал, я помогу довести до конца. Но не с тобой вместе, пока ты путешествуешь, а здесь, в столице. Обстановка такова, что я не могу оставить Его Величество, — Фелимид смотрел на меня не отрывая взгляда, и я понял, на что он намекает. — Возможно, опасность ещё есть. Я продолжу работу и создам агентурную сеть. Разошлю во все города своих людей и постараюсь выяснить, почему Эоанит так вовремя отбыл в Мармасс и что задумал Эвенет. Мне кажется, Иван, от меня здесь будет больше пользы, чем в трясущейся карете рядом с тобой.

Слова Фелимида меня тоже расстроили. Но, блин, и его слова не были лишены смысла. Всё, что он говорил, он говорил правильно. Человек с его талантами и опытом будет куда нужнее под боком жирного короля, чем рядом со мной. Это верно.

— Про... магистр Анумор, вы же отправитесь со мною, верно? Если мы найдём Дейдру я познакомлю с ней. Это кристальной души...

— Пока не могу дать тебе ответ, Иван, — профессор тоже не выслушал до конца. Он был мрачнее тучи и крайне задумчив. — Мне надо поразмыслить.

— Тоже опасаясь, что не осилишь дорогу, Анумор? — снисходительно усмехнулся король. — Ты — старый, я понимаю. Я, вот, если бы мог пойти, конечно, обязательно бы отправился с анираном. И дорога на самом деле не столь сложна, как вы думаете.

Но королевский бред я не стал слушать. Уверен, профессор совсем не думал о сложности пути. Его что-то другое беспокоило.

Я подошёл к нему очень близко, взял за плечи и прошептал:

— Вы чего, проф? Я же не справлюсь без вас. Пойдёмте. Вы из кареты не выйдете обещаю. Я позабочусь о том, чтобы в пути вас ждал лишь комфорт. Как же я без вас? Кто мне речи писать будет? Кто объяснит, как устроен мир? А Дейдра... Проф, если она там, мы найдём её. Вы увидите, какой это чудесный человек.

— Прости, Иван, — тихо прошептал Гуляев. — Но мне действительно надо кое-что обсудить с самим собой. Я уже давно думаю над этим и мне надо принять решение. До твоего отъезда я дам ответ, обещаю... Но ты должен дать мне время его обдумать.

— Проф, вы не больны, случаем? Что вас беспокоит?

— Мы не бодем, — усмехнулся он. Затем отстранился, с улыбкой похлопал меня по плечу и, не спрашивая разрешения, покинул зал советов.

Я окончательно растерялся. Но поделаться всё равно ничего не мог. Я бы хотел, конечно, взять своего местного наставника с собой. Но не хотел уговаривать и заставлять. Я хотел, чтобы он принял решение сам. А потому дал время подумать.

Затем я попросил покинуть зал всех, кроме короля, Фелимида, Каталама и Яннаха. Идеями, которые кружили в моей голове, я мог поделиться лишь с ними.

— Ваше Величество, мастер-коммандер, — официально обратился я сразу к обоим. — Послушайте, пожалуйста, что я вам скажу. Всё только начинается. То, что нам удалось сотворить чудо и не дать Обертону развалиться на части, это лишь начало. Наши враги не будут лежать на печи и наблюдать, как мы расправляем плечи. Они обязательно продолжат устраивать подлости. Те мерзавцы, которых вы пригрели, Ваше Величество, мерзавцы, именуемые послами, не дадут спокойно развиваться. Для них мы несём угрозу. Изменения несут угрозу. И они будут всячески стараться отбросить нас назад — они захотят вернуть

страну во времена голода и нестабильности. А если к тем мерзавцам подключаться два мерзавца в белых рясах — Эоанит и Эвенет — проблемы не заставят себя ждать. Поэтому, Ваше Величество, берегите себя. Берегите свою жизнь и помогайте мастер-командеру во всём. А он, Фелимид и Каталам, — я прикоснулся к плечу каждого по очереди. — Помогут вам. Поверьте мне... И не забудьте, что ваш главный союзник, ваш единственный союзник — это армия. Возращивайте её, кормите и заботьтесь о ней. Уверен, солдаты этого не забудут. Слух о аниране дал людям надежду, наполнил верой сердца. А сильная армия укрепит вашу власть, Ваше Величество. Поэтому, пока меня не будет, не растеряйте то, что удалось укрепить. Правьте жёстко. Но правьте справедливо. Правьте смело. Но не позволяйте себя обмануть. Но самое главное — не сомневайтесь в моих мотивах. Всё, что я говорил, правда. Я сделаю всё, чтобы спасти ваш мир. Сколько бы времени для этого не потребовалось и сколько хороших или плохих дел придётся совершить. Не подведите меня, а я не подведу вас.

Король внимательно выслушал меня, улыбнулся и соскользнул с трона. Похлопал по плечам, как любил делать, и сказал:

— По правде говоря, ты действительно на меня повлиял, аниран. С твоим появлением я словно очнулся ото сна. Даже аппетит пропал. Ужас какой... Но ты можешь не переживать — я не сомневаюсь в тебе и твоих целях. Я всё о тебе знаю. Даже Исида говорит, что ты её впечатлил. А это, позволь сказать, нелегко. Эту рыжую бестию невозможно обмануть, — король засмеялся, бросив весёлый взгляд на Фелимида. — И если она готова поставить на тебя, я сделаю это ещё быстрее... Я обещаю, что если ты вернёшься... ой!... когда ты вернёшься, всё будет под контролем. Под моим контролем.

— Спасибо. Я надеюсь на Его Величество.

— А Его Величество надеется на тебя, — король опять похлопал меня по плечу и вернулся на трон.

— Аниран, позволь и мне сказать, — Яннах — это было очевидно — чувствовал себя неуверенно. Он наблюдал за сценой, где я общался с королём, и одёргивал руки, чтобы не подойти, стать рядом и тоже возложить их на мои плечи. Но когда король закончил говорить, он всё же решился подойти ближе. — Хотя мы не сразу нашли общий язык, — осторожно начал он. — Всё же мы смогли сгладить углы и обо всём договорились. Я бы... Я бы хотел поблагодарить тебя. Поблагодарить, что спас моё имя от позора. Спас мою семью от позора. Ты поступил по совести, а не по кратковременному желанию. Спасибо тебе за это. И я, в свою очередь, обещаю, что отвечу тебе за это добром. Армия окрепнет, аниран! Не сомневайся в этом. Она закалится в тренировках и, если будет нужно, закалится в боях. Никто не посмеет поднять руку на Его Величество. А если посмеет, я сожгу каждого, кто будет в этом замешан. Я спалю их родовые гнёзда, детей и даже любимых животных при доме. Я приструню послов, я обещаю. И, если они окончательно обнаглеют, дам совет Его Величеству выпороть их. Я вычищу леса от бандитя. Вместе с Тревином мы организуем облавы и повесим каждого дезертира, каждого бунтовщика. Придёт время, тракт станет безопасен, а по нему, не опасаясь темноты ночи, вновь начнут путешествовать простые люди и торговцы. А когда ты будешь готов, тогда мы...

Я воздел руку, останавливая Яннаха. Я улыбался на его слова, но говорить "гоп" пора пока не пришла.

— Ещё рано смотреть так далеко, мастер-командер. Всё, что мы с тобой обсуждали, всё в силе. Но давай пока не загадывать вперёд. Время ещё будет.

— Хорошо, аниран, — кивнул Яннах. — Я верю тебе. Мирного пути тебе.

— Благодарю, — я обернулся, посмотрел на Каталама и Фелимида, которые тоже по-дурацки улыбались, и протянул к ним руки. — А теперь, друзья мои, подойдите ближе. Я хочу со всеми вами поделиться идеей, которая посетила меня недавно, — я собрал небольшой заговорщицкий кружок. — Отсутствие Эоанита в Обертоне и потенциальное путешествие в Валензон в компании с эстархом Эриамоном открывает для нас интересные возможности.

— Какие?

— Ваше Величество, я считаю, что пришла пора переподчинить торговлю дымом забытья.

— Чего-чего?

— Сады храма охраняются, но, я уверен, нам по силам взять их под свой контроль. За главного останется какой-то там триарх...

— Это третий по старшинству, — объяснил Фелимид, но я лишь отмахнулся.

— Не важно. Главное, силы храма растаяли. Кого-то Эоанит увёл с собой, кого-то мы перетянули в истинную армию. Хоть кто-то, конечно, остался, уверен, теперь нам они не страшны. Я предлагаю вам придумать план — относительно мирный или по-настоящему захватнический, — который лишит церковь денежных потоков, получаемых от продажи одурманивающего дыма. Лишит церковь, но позволит осуществлять это нам. Улавливаете мысль? Пока меня не будет, вы возьмёте под контроль храм и сады с деревьями Юма!

— Уф, — выдохнул король. Я даже успел заметить, что его ладошки немного вспотели.

— Уверен, сейчас листья востребованы, как никогда. Тяжёлые времена восстановления после пожаров помогут сбыту. И, соответственно, будут помогать наполнять казну. Уверен, от Эвенета мы ничего не получим до тех пор, пока не столкнём его с купола Чуда Астризии. Про север и юг говорить нечего. Там наши враги, как я уже говорил Его Величеству. Осталось только заботиться о себе самим. Но не просто ломая голову, где раздобыть золото. А за чужой счёт — за счёт церкви.

— Очень, очень, очень опасны такие идеи, — Яннах поёжился. — Если армия храмовников пойдёт с востока...

— Или раньше мы пойдём с запада, — я рубанул рукой по воздуху. — Мы должны отобрать у них все рычаги управления! Перенаправить все потоки! И, в конце-концов, построить свою церковь, основой для которой послужит вера в анирана, а не вера в какого-то...

— Стой, аниран! погоди! Не произноси вслух! — король по-настоящему испугался. — Греховны мысли такие. Поднимать руку на НЕГО... Грозить уничтожить веру в НЕГО...

— Хорошо, Ваше Величество, — спохватился я. Очень быстро я понял, что пока рано обсуждать нечто столь масштабное. Но, несомненно, к таким идеям я планировал вернуться позже. — Простите меня. Но всё же задумайтесь над моими словами. Мы начали великое дело. Мы обязаны довести его до конца. Мы должны укрепить власть короля, накопить достаточно сил и вернуть то, что у Астризии отобрали — жемчужину на юге. Это — план минимум. И лишь потом мы подумаем над тем, в какую сторону двигаться дальше. На восток, на север или даже решим переплыть океан на западе.

— Я понял тебя, аниран, — первым меня поддержал Каталам. Я знал, как сильно он не любил храмовников и всех остальных паразитов. — Всё от меня зависящее, я сделаю.

— И я, — кивнул головой Фелимид.

— Армия будет в полном твоём распоряжении, аниран, когда ты отдашь приказ! —

Яннах удивил меня своей безоговорочной решительностью.

Лишь король задержался с ответом. И я не стал его торопить. Я просто вытянул руку перед собой и перевернул ладонью вверх. Чёрные метки были отлично видны в свете, который пробивался сквозь витражи.

Первой мою ладонь сжала рука Каталама. Затем Фелимида. Затем Яннаха. Егс Величество, несомненно, хотел поучаствовать в чём-то великом. И он так же понимал, каким облегчением для казны сулит стать моя идея с перенаправлением наркотических потоков, которую я подслушал у профессора Гуляева. Мялся он недолго. После секундных размышлений, сверху легла его пухлая рука.

— Ну что ж, — сказал он своим решительным голосом. — Обратного пути всё равно нет. Есть только путь вперёд.

Часть 4. Глава 34. Поступок профессора Гуляева

Сутки я не видел профессора. Где он скрывался, я не имел ни малейшего понятия. Я катался на лифте и пытался стучать в его покои, но мне никто не открывал. И лишь через день я смог его обнаружить. Вернее он обнаружил меня.

Королевские склады опустошались, подготавливая анирана к походу. Выбирались лучшие лошади и сбруя, запасался фураж и пища для двуногих животных. Вместе с Сималионом и Ибериком — двумя моими тенями — я подбирал походную одежду в своих покоях. Мне надлежало выглядеть не только достойным звания аниран, но побеспокоиться об удобстве. Именно в этот момент нас удостоил своим вниманием профессор Гуляев.

— Наводите марафет? — поюморил он, когда в комнату его пропустил Бертрам. — Шучу, шучу... Сималион, Иберик, не оставите меня с анираном наедине? Нам надо серьёзно поговорить.

— Конечно, Великий Магистр, — Иберик и Сималион одновременно поклонились, а затем покинули комнату.

— Что с вами, проф? — я бросил на кровать рубаху, которую собирался примерять. — Где вы целые сутки пропадали? Я стучался к вам...

— Просидел на балконе, — честно признался профессор. — Я не хотел никого видеть и много думал.

— А что тут такого-то? Просто едемте со мной. Не может быть, чтобы вас беспокоила тяжесть предстоящего пути.

— Тяжесть пути меня не беспокоит, ты прав, — Гуляев опустил зад на мягкое кресло. Судя по его виду, он был чем-то озадачен. — Скажи мне, Иван, чувствуешь ли ты обречённость?

— Чего-чего?

— Ощущение такое мерзкое есть в твоей груди? — Гуляев постучал по груди собственной. — Что, как бы мы не пыжились, как бы не старались, ничего у нас не выйдет. Ничего не выйдет у этого мира. Что он обречён.

— Мне некогда думать об обречённости, проф, — отмахнулся я. — И нет времени хандрить, если вы об этом. Я готов идти до конца.

— Действительно?

— Да, — уверенно заявил я. — Книга подсказала, что надо делать. И я знаю, что путь будет непрост. Но я его пройду. Чего бы мне не стоило, я отыщу Дейдру и обеспечу ей защиту. Или смирюсь, если её нет в живых... Но, так или иначе, профессор, свой крест я пронесу. Не откажусь от попыток этот мир излечить, пройду сколько смогу и постараюсь дойти до конца. Дойду, встречу это бессердечное инопланетное божество и узнаю, как спасти мир.

— Хотел бы я сказать, что подобные мысли посещали и меня... Но нет. Ни о чём подобном я не задумывался. И задумываться уже не буду.

— Я не понимаю вас, профессор. Что с вами?

— С тех пор, как ты объяснил мне то, чего я не знал, я много думал. И решил кое-что для себя. Кое-что важное, — он сделал глубокий вдох, встал и подошёл ко мне. — Прости, Иван, но я не пойду с тобой.

— Но почему? Вы же не только мой наставник, вы — мой друг. Я хотел бы, что бы и вы

меня таковым считали.

— Я считаю тебя больше, чем другом, — Гуляев улыбнулся. — Потому и говорю — дальнейший путь ты пройдёшь без меня... Я принял важное решение, Иван. Как бы страшно мне не было, к каким бы выводам меня не приводили размышления, верное решение лишь одно — помочь стать сильнее тому, кто уже силён. Не просто, как человек, а как аниран. Я принял решение передать тебе свой дар.

Я захлопал глазами, не до конца понимая смысла того, что профессор сейчас сказал. Я услышал его, конечно. Но не до конца понял. Ведь с моей колокольни добровольное расставание с божественным даром выглядело безумием.

— Из рук менее достойного, в руки более достойного, — добавил профессор.

— Проф...

— Я принял это решение добровольно, Иван. Благодаря собственной воле. Свободной воле. Никто не влиял на мой выбор. Я так захотел сам... Ты на многое открыл мне глаза. Ты объяснил мне, что должно произойти с аниранами. И я не хуже тебя понимаю, что останется только один. И это точно не я.

— Нет, проф, погодите! — испуганно воскликнул я. — Зачем вы так? У нас полно времени, полно возможностей. Зачем спешить?

— Это не спешка. Это — необходимость.

— Но что с вами будет? Мы же ничего не знаем о последствиях. Джон Казинс был отравлен и зачах моментально. Дар помогал теплиться жизни в его больном теле, но без него он не протянул и минуты. А что будет с вами?

— Это совершенно неважно, — Гуляев опять тепло улыбнулся. — Мы с тобой знаем, что лишь один аниран способен спасти мир. И это точно не седой, бессильный старик. Спасителем станет тот, в ком сильна решимость дойти до конца. Тот, кто готов совершать поступки и, несмотря на сложности, преодолевать любые преграды.

Я молчал. Стоял, смотрел профессору в глаза и чувствовал, как начинает щипать в носу. Как появляется влага на глазах, а у меня нет сил поднять руку, чтобы эту влагу утереть. Не так я представлял разговор с тем, кто мне стал по-настоящему близок.

— Не переживай, — профессор заметил, что я расклеился. — Пойми. Рано или поздно за мной придёт другой аниран. Это неизбежно, ты же знаешь... Но я знаю тебя. Я всё же успел узнать тебя. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы решиться на такой поступок. Выживу я или нет в процессе — совершенно неважно. Важно, чтобы ты прошёл свой путь. Чтобы попытался помочь этим людям, — профессор крепко сжал мои плечи, заметив мою нерешительность. Его брови сурово сошлись. — Именно ты достоин этого!

Я не сдержался. Не знаю почему меня проняло. Я считал себя не особо эмоциональным парнем. Сухарём в каком-то смысле. Но сейчас предательские слёзы потекли по моим щекам. И я даже не стал их утирать.

— Не надо, проф. Многие анираны ещё не найдены. Дайте мне время, я отыщу их. Тогда и подумаем, что делать дальше. Тогда вы и примите решение...

Профессор Гуляев обнял меня, прислонил голову к своей груди, погладил по затылку и прошептал:

— Не бойся, сынок. Всё хорошо... Я ни о чём не жалею. Я рад, что судьба свела меня с тобой. Благодаря тебе моя жизнь засияла новыми красками. Наполнилась новым смыслом. Ты дал мне шанс прожить полноценную жизнь, — он тихо гладил меня по спине. — Но обещаю тебе... Пообещай, что не свернёшь с верного пути. Что пройдёшь его до конца, как

бы сложно тебе не пришлось. Если ты действительно решил их спасти, если действительно этого хочешь — сделай это! Не сомневайся в своих поступках, не пугайся преград и дойди до конца!

Кто-то в моей голове кричал, что логика профессора безупречна. Что надо к ней прислушаться. Но я не хотел слушать этого крикуна. Я не хотел рисковать другом. Я не хотел рисковать жизнью того, с кем мог откровенно поговорить и кто мог поддержать дельным советом. Риск был крайне велик, что если я всё же попробую забрать его дар, он не переживёт этого. Случай с Джоном как бы намекал, что предположения мои не лишены смысла.

Но была и другая преграда, более важная. Гуляев стал мне близок. Как друг, как наставник... Даже как отец в некотором смысле. Я надеялся, что он всегда будет рядом. Что пройдёт со мной весь путь. Поможет и подскажет, если будет в том нужда. А я защищу его от других аниранов и защищу от Голоса. Не позволю ему столкнуть нас. Эмоции, которые меня захлестнули, лучше всего демонстрировали, насколько глубоко в моё сердце забрался этот избалованный старик.

— Пора, — профессор отстранил меня. — Чем дальше мы тянем, тем меньше у меня решимости. Мы должны... Нет! Мы обязаны это сделать.

— Простите, Игорь Александрович, я не хотел, чтобы всё так...

— Не хорони меня раньше времени, — он через силу засмеялся. — Мы же не знаем, что, в итоге, произойдёт. Вот как узнаем, так и посмотрим. Посмотри на меня... Посмотри на меня! — он крепко сжал своими костлявыми пальцами мои плечи. — Иного пути нет! Останется только один. Не забывай об этом.

— Хорошо, — я утёр нос и глаза рукавом. Затем с силой сжал зубы и кулаки. — Я сделаю это, профессор. И пообещаю вам, что мы победим.

Гуляев кивнул седой головой и отстранился. Оттянул рукав и выставил перед собой ладонь. А я, собрав всю решительность, которая у меня ещё оставалась, распростёр над его ладонью свою руку.

Наши руки схлопнулись, как створки лифта. Примагнитились и двигались одновременно, стоило одному из нас пошевелиться. А затем я пошёл в наступление. Я точно знал, что надо делать и приступил к извлечению. Я отбросил все посторонние мысли, взял под контроль эмоции и потянул руку на себя.

Оранжевый свет начал пробиваться между ладонями, освещая до боли стиснутые губы профессора. Не знаю, испытывал ли он боль, но останавливаться я не имел права. Я продолжил тянуть и вскоре свет стал столь ярок, что начал резать глаза. Он стал ярче самого яркого солнца. А затем раздался знакомый хлопок — нечто вроде взрыва, когда преодолевается звуковой барьер.

Стулья и столы опрокинулись. Ваза, бокалы и графин полетели на пол. А крошечный оранжевый шарик просто плыл в воздухе на уровне глаз.

— Выбирай, — поганый Голос поставил меня перед выбором.

Я хотел послать его к такой-то матери, но вместо этого услышал звук падения: тело профессора гулко упало на пол. А я, вместо того, чтобы броситься ему на помощь, всё же выбрал — я приказал шарикуну вонзиться в мою левую ладонь. А затем, не справившись с болью, тоже рухнул на пол.

При рождении меня нарекли Игорем. А родители любовно называли Игорюшей. Я рос в

тепличных условиях в городе Екатеринбург. Я ходил там в школу и посещал кружки. Я много читал и увлекался шашками. Хоть я был слаб здоровьем и старался не нарываться на неприятности, родители записали меня в спортивную секцию по боксу. В ней я пробыл ровно один день — хилого новичка отметили на первой же тренировке. И тогда я понял, что моё призвание в другом — развивать мозг, а не тело.

Так и получилось. До конца школы я был лучшим по успеваемости. Получил массу грамот и одобрение от учителей. В институте своей стезёй я выбрал изучение истории. История человеческих конфликтов всегда меня интересовала. Меня волновал вопрос: почему человечество склонно к самоуничтожению? Я задавался этим вопросом с сознательных лет. И попытался получить ответ, погрузившись в мысли великих людей, которыми они делились со мной с книжных страниц.

Я уверенно шёл в гору, хоть ответа на фундаментальный вопрос так и не нашёл. Шли годы, а я всё продолжал искать ответ. Я переехал в Москву, женился и произвёл на свет двух дочерей. Я устраивал с коллегами баталии на кафедрах, я брал слово и доказывал свою точку зрения. Я обучал ленивых и безразличных подростков. Я продолжал получать грамоты и премии. Даже когда впереди замаячила пенсия, я не стал менее дотошным. Я был полон решимости познать историю человечества и докопаться до смысла его существования.

Но ничего я так и не узнал. Я был всего лишь тщедушным старым очкариком, потратившим большую часть жизни на то, что, на самом деле, никому не нужно. Я был абсолютно неприспособленным. Я даже не умел приготовить себе пищу. И когда дочь, готовившаяся к свадьбе, попросила меня последить за плитой, я не смог выполнить столь простое указание. Я ошибся. Ошибся, как ошибался всегда. Я сломал вентиль в газовом баллоне, не заметив, что в духовке что-то горит. А следующее, что я увидел — яркое оранжевое пламя.

Я очнулся на полу. Очнулся и уставился с седовласый затылок. Мгновенно вспомнил, что произошло и вскочил. Но, оказалось, в комнате я был не один — Иберик и Сималион, держа в руках мечи, смотрели на меня широко открытыми глазами. А из-за приоткрытой двери выглядывало испуганное лицо Бертрама.

— Что вы стоите? — я смог лишь прошептать. В горле першило, а рот пересох. — Помогите ему.

На карачках я пополз к профессору. Я был суеверным футболистом, но отнюдь не религиозным. Но сейчас я по-настоящему молился. Молился, чтобы он был жив. Я надеялся, что у него достаточно жизненных сил, которые позволят пережить контакт.

— Что с ним? — испуганный Иберик опустился на колени рядом.

Втроём мы перевернули профессора на спину, а я прислонил ухо к его груди.

— Жив! — воскликнул я, услышав сердцебиение. — Жив старик! Ну-ка помогите мне. Поднимите его и осторожно положите на кровать!

Я подскочил к кровати и сбросил заготовленные шмотки. Иберик и Сималион аккуратно уложили профессора. Он еле дышал, лицо было белое-белое, а из ушей текла кровь.

— Проф, проф, — я чуть-чуть потряс его за подборок, совершенно забыв, что он не профессор, а великий магистр Анумор. — Вы в порядке? Ну же, проф! Придите в себя. Ответьте мне.

Старикан пошевелился. Открыл глаза и принялся смотреть по сторонам пустым взглядом. Он будто не понимал где находится и что с ним произошло. Затем сосредоточил взгляд на мне, с трудом улыбнулся и прошептал:

— Удалось?

Я пока ещё не знал, удалось или нет. Улыбнулся в ответ и посмотрел на левую ладонь. Правее от метки, отвечавшей за активацию иглы, чернела ещё одна шестиконечная метка. Чернела там, где мне проще простого было дотянуться до неё мизинцем.

Я прикоснулся к ней и мимолетно вокруг моего левого запястья закружилась энергия. Закружилась, а затем брызнула и растеклась по пальцам. Растеклась не как латексная, а как энергетическая перчатка.

Я сжал руку в кулаке, не ощущая дискомфорта, но испытывая непонятное удовлетворение. Даже радость, я бы сказал. Всё так, как и должно было быть! Она — моя! Она всегда должна была быть со мной. Ведь она — часть меня.

Я посмотрел на профессора, увидел старческие морщины у глаз и на лбу, коих до сегодняшнего дня не наблюдал, и уверенно произнёс:

— Получилось, проф. Мы сделали это.

Спустя два дня я сидел в седле на спине крепкой гнедой лошадки. Обоз уже выехал за восточные ворота и двинулся по королевскому тракту. Чуть дальше он повернёт на юг, чтобы обогнуть озеро, и отправится напрямик в Валензон. А с ним и я.

Я сидел в седле и смотрел на возвышающуюся вдали башню королевского дворца. Быстро слабеющий профессор наотрез отказался оставаться в моих пенатах и попросил доставить к себе. Там его осмотрели самые лучшие королевские лекари, которых я приволок за шиворот. Осмотрел и насмерть перепуганный король. И всем им я наказал следить за стариком днём и ночью. Давать настойки, исполнять любые прихоти, заботиться о его здоровье и, во что бы то ни стало, помочь восстановиться после того, как он, по сути, лишился части самого себя. Лишился не только части своей сущности, но и передал мне свою память. И хоть, как я теперь знал, профессор обманывал меня, утверждая, что справляться с Голосом ему помогает сильная воля, а не наркотический дым, я попросил лекарей давать ему вдыхать столько, сколько он потребует. Он давно пристрастился к дыму, и иногда даже не мог заснуть, как подсказывала мне новообретённая память. Но ругать профессора я не стал. Этот небольшой обман теперь ничего не значил. С моей точки зрения, он совершил поступок с большой буквы "П". В жертву перспективе, ради шанса спасти этот мир, он принёс своё здоровье и безвозмездно отдал то, что насыщало его тело энергией. И я не мог не оценить такого поступка. Сила воли того, кто постоянно о ней говорил, впечатлила меня. И хоть с Голосом он так и не справился, справился с самим собой. Тот рыдающий слабак на берегу реки, который смотрел на гончих и пускал соплю, исчез. Он превратился в того, кто обрёл смелость и принял решение, которое вряд ли бы смог принять я. И это был его выбор. Выбор его свободной воли. Я его к такому выбору не подталкивал и никогда не думал о чём-то подобном. И мне лишь оставалось смириться с этим поступком. Принять его, поблагодарить профессора и двигаться дальше. Ведь у меня, в отличие от него, выбора нет. Свою ношу я не могу передать никому. Я должен пронести её до конца. И хоть я не знаю, что меня ждёт, я не позволю жертве профессора стать напрасной.

— Вперёд, Бертрам, — приказал я, дёрнув поводья. — Нас ждёт долгий путь.

КОНЕЦ 4-ой ЧАСТИ

